

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1/2026

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук **Н.П. Андриюшкова**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, д-р филол. наук **Э.С. Ветрова**, канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **А.С. Ососкова**, канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology. **N.P. Andryushkova**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.S. Vetrova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **A.S. Ososkova**, Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, Тел: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: <https://dongu-vestnik05.ru>.

Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Протокол № 2 от 27.02.2026.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН в 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 1/2026

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Сидорова М. Ю.</i> Идеологически маркированный научно-популярный текст: лингвистические, стилистические и коммуникативные параметры	5
<i>Соснина Л. В.</i> Дезтимологизация сложных имён прилагательных	20
<i>Притомская А. Р., Федуленкова Т. Н.</i> Грамматические функции ФЕ-термина <i>hot money</i> в современном американском английском языке	30
<i>Абдуллабекова У. Б.</i> Семантическая актуализация терминов родства и свойства в кумыкском языке	40
<i>Кизилова Т. Ю.</i> Символика весов в пьесе В. Шекспира «Мера за меру»	49
<i>Напреенко Г. В.</i> Озвучивание как интерпретация письменного текста в аспекте тождества и различия (на материале Elevator Speech)	59
<i>Нуртудинова А. Р.</i> Соматическая репрезентация через периферийные концепты <i>нос, уши</i> в русской, английской и японской лингвокультурах (сравнительно-сопоставительный анализ)	71
<i>Маркина П. В.</i> В.М. Шукшин и Ю.К. Олеша: особенности поэтики и автопоэтики	84
<i>Онал И. О.</i> Прескриптивы в туристических интернет-отзывах: структурно-семантический и аксиологический аспекты	95
<i>Bessonov N. Yu., Gordienko E. V.</i> Polyparadigmatic Approach to Comparative Study of Causative Constructions with Link-Verbs	108
<i>Рохлина Е. К., Голубева С. Л.</i> Метафора как средство создания манипулятивных эффектов (на примере «зеленой энергетики»)	117
<i>Емельянова К. Ю.</i> Понятие аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы (на примере группы «евро»)	132

<i>Кияшко В. А.</i> Взаимодействие автора и читателя посредством реализации принципа золотого сечения через призму психопэтики	145
<i>Макарова М. В.</i> Экзистенциальная тревога в творчестве Даниила Хармса: абсурд как онтологическое условие	154
<i>Хужакулов С. А.</i> Концептуальный и культурологический анализ юридической терминологии в контрастивном лингвокультурном подходе (на материалах английского и русского языков)	164
<i>Хусаинова А. А.</i> Атрибут <i>живой</i> как полифункциональный коллокат в дискурсе И.А. Ильина	176

Слово молодому учёному

<i>Чичикина Д. О.</i> «Повествовательные лабиринты» в текстах «потока сознания»: определение, характеристика и языковая репрезентация	188
---	-----

Психология

<i>Вильдгрубе С. А.</i> Представление о своей жизненной перспективе жителей ДНР	200
<i>Красова Е. Ю.</i> Межличностные конфликты в студенческой среде: социально-психологический ракурс	214
<i>Кушко О. Ю., Разуваева Т. Н.</i> Когнитивные особенности эмоциональной зависимости у женщин	226
<i>Султанова И. В., Якубовская К. Г., Гиренко А. И.</i> Психологическое благополучие участников образовательного процесса в условиях социальной напряженности (на примере студентов СевГУ и КГУ)	235

Рецензии

<i>Федуленкова Т. Н.</i> Взаимодействие языка, культуры и текста (рецензия на книгу: О.Г. Чупрыны: Язык. Культура. Текст. — М.: ФЛИНТА, 2021. — 104 с.)	246
---	-----

Правила для авторов

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

*Series D: Philology and
Psychology*

No 1/2026

CONTENTS

Philology

<i>Sidorova M. Yu.</i> Ideologically marked popular science text: linguistic, stylistic, and communicative parameters	5
<i>Sosnina L. V.</i> Complex adjectives de-etimologisation	20
<i>Pritomskaya A. R., Fedulenkova T. N.</i> Grammatical functions of term <i>hot money</i> in modern American English	30
<i>Abdullabekova U. B.</i> Semantic actualization of kinship and property terms in the Kумыk language	40
<i>Kizilova T. Y.</i> Scales symbolism in “Measure for Measure” by W. Shakespeare	49
<i>Napreenko G. V.</i> Voicing as written text interpretation in terms of identity and difference (based on Elevator Speech material)	59
<i>Nurutdinova A. R.</i> Somatic representation through peripheral concepts <i>nose, ears</i> in Russian, English, and Japanese linguocultures (a contrastive-comparative analysis)	71
<i>Markina P. V.</i> V. M. Shukshin and Y. K. Olesha: features of poetics and autopoetics	84
<i>Onal I. O.</i> Prescriptives in online tourist reviews from structural, semantic and axiological perspectives	95
<i>Bessonov N. Yu., Gordienko E. V.</i> Polyparadigmatic Approach to Comparative Study of Causative Constructions with Link-Verbs	108
<i>Rokhlina E. K., Golubeva S. L.</i> Manipulative potential of metaphor (on example of “green energy”)	117
<i>Emelyanova K. Yu.</i> Concept of abbreviated-quasi-abbreviated group (on example of group “euro”)	132

<i>Kiyashko V.A.</i> Interaction of author and reader through implementation of golden ratio principle through prism of psychopoetics	145
<i>Makarova M.V.</i> Existential anxiety in works by Daniil Kharms: absurdity as ontological foundation	154
<i>Khujakulov S.A.</i> Contrastive linguistic and cultural approach to conceptual and cultural analysis of legal terminology in English and Russian	164
<i>Khusainova A.A.</i> Attribute "living" as polyfunctional collocate in I.A. Ilyin's discourse	176

Commencing scholars, have your say!

<i>Chichikina D.O.</i> «Narrative labyrinths» in stream-of-consciousness texts: definition, characteristics, and linguistic representation	188
--	-----

Psychology

<i>Vildgrube S.A.</i> DPR residents' idea of their life prospects	200
<i>Krasova E.Yu.</i> Interpersonal conflicts in student environment: social and psychological perspective	214
<i>Kushko O.Yu., Razuvaeva T.N.</i> Cognitive features of women's emotional dependence	226
<i>Sultanova I.V., Yakubovskaya K.G., Girenko A.I.</i> Psychological well-being of participants in educational process in conditions of social tension (on example of SevSU and KSU students)	235

Reviews

<i>Fedulenkova T.N.</i> Interaction of language, culture, and text (review of the book by O.G. Chupryna: Language. Culture. Text. — Moscow: FLINTA, 2021. — 104 p.)	246
---	-----

Guidelines for authors

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.18822748

ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

© 2026 *М.Ю. Сидорова*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID 0000-0002-0071-3073*

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье определяются языковые, стилистические и коммуникативные признаки идеологически маркированного научно-популярного текста. В сопоставлении с функционально-коммуникативными параметрами научного стиля и научно-популярного подстиля выявляется противоречие «идеологически маркированного научпопа» научному типу мышления, которому должны соответствовать языковые средства и тактические приемы построения научно-популярных текстов, и функциональному предназначению этих текстов. Анализируются примеры типичных идеологических маркеров в идеологически маркированных текстах исторической тематики, мимикрирующих под научно-популярные. Раскрывается механизм замещения фактов действительности авторским «письмом» (в понимании Р. Барта) в таких текстах и деформации роли автора-медиатора из проводника научного знания в носителя ценностно-смысловых фильтров, которые с помощью системы языковых средств и текстовых тактических приемов устанавливаются им между познающим сознанием читателя и реальным миром.

Ключевые слова: научно-популярный текст, наука, идеология, идеологическая маркированность, функциональный стиль, коммуникативная цель, содержательная доминанта, авторизация, адресация, модус, диктум.

Для цитирования: Сидорова М.Ю. Идеологически маркированный научно-популярный текст: лингвистические, стилистические и коммуникативные параметры / М.Ю. Сидорова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 5–19. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822748>.

Введение. В диссертационном исследовании [13] было предложено понятие «идеологически маркированного журналистского текста» и выявлены характеристики такого текста. Под идеологией в указанной работе понимается «такая система взглядов и идей, которая действует на основе избирательности фактов и отклонения от объективной действительности, отражая отношение того или иного субъекта к социально-политической реальности с позиций его интересов, ценностей, идеалов и целей, а также предписывает определенные способы решения общественных проблем» [13, с. 3]. Под идеологической маркированностью предлагается понимать «особенность журналистского текста, позволяющую говорить о наличии в нем элементов идеологии, которые могут быть идентифицированы с помощью специальных процедур», «совокупность идеологических схем и принципов реализации этих схем в конкретном политическом журналистском тексте» [13, с. 5]. Идеологические

маркеры могут выявляться «как на лексическом уровне текста, так и на уровне композиционных и контекстуальных конструкций» [Там же], идеологическая маркированность может варьироваться по уровню эксплицитности, идеологические маркеры в конкретном тексте могут оцениваться с точки зрения удобства и уместности.

Нам представляется, что понятие «идеологически маркированного текста» является весьма продуктивным и может быть эффективно применено для лингвистического анализа текстов в других функциональных сферах коммуникации, в том числе в тех, для которых идеологическая маркированность является не имманентно присущей, как для журналистского текста (в понимании [13]), а напротив — ее присутствие проблематично или нежелательно. Это относится, в частности, к научным текстам — во всем разнообразии их жанров и коммуникативных ситуаций, в которых они порождаются и функционируют. «Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. <...> В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т.е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впадать в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием» [8, с. 9–10]. Напротив, «всякая идеология хочет, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое (ибо единственно верное) его изображение, то есть как нечто «естественное», «само собой разумеющееся»» [14, с. 18].

В задачи нашей статьи входит 1) установление того, насколько идеологическая маркированность научно-популярного текста соответствует коммуникативно-функциональному предназначению данного типа текстов; 2) выявление ряда языковых средств и тактических приемов построения научно-популярного текста, которые могут рассматриваться как идеологические маркеры; 3) предложение новой классификационной «этикетки» для популярных текстов на специальные темы, идеологическая маркированность которых не позволяет считать их научными.

Материал и метод исследования. Материалом исследования являются тексты исторической тематики, поскольку для них идеологическая маркированность более характерна, чем для текстов, популяризирующих естественнонаучные знания. Метод исследования — коммуникативно-функциональный.

Основная часть. Прежде чем обратиться к рассмотрению конкретного языкового материала, следует кратко очертить проблему науки и идеологии, которой посвящен значительный объем отечественной и зарубежной исследовательской литературы и которая, безусловно, не может быть полностью освещена в рамках данной статьи. Нами этот вопрос рассматривается в общем контексте функционирования языка и соотношения целей коммуникативной деятельности с целями человеческой деятельности как таковой.

Как известно, «деятельность рождается из потребности» и составляет единство трех сторон — мотивационной, целевой и исполнительной. Единичный акт деятельности «начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной

вначале цели; в середине же лежит динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение» [18, с. 26]. Речевая деятельность никогда не существует сама по себе: она представляет собой «систему речевых действий, входящих в какую-то деятельность—целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую. С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности» [18, с. 27].

Решая задачу моделирования «системы речевых действий», лингвистика пришла к понятиям *сферы функционирования языка* и *функционального стиля (типа) речи*. Основными характеристиками функционального стиля и его подстилей служат содержательная доминанта и функциональная обусловленность устройства [4] (все остальные характеристики, выделяемые различными авторами, производны от двух указанных). Функциональный стиль является способом существования определенного типа мышления и решения определенных коммуникативных задач в сфере деятельности, направленной на (выделившейся для) осуществления одной из значимых потребностей человека (под человеком в данном случае имеется в виду человек в обществе). На единство такого, функционально обусловленного, подхода к определению стиля в отечественной науке указывал еще В.В. Виноградов в своей программной статье в «Вопросах языкознания» в 1955 г., прежде чем дать собственное, ставшее классическим определение, в котором ключевыми словами также служат *функция* и *цель*: «Стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции к речевой общественной практике данного народа» [5, с. 73].

Научный стиль обслуживает в соответствии со спецификой обеспечиваемой им сферы общественной деятельности архетипическое стремление человека к познанию истины, язык СМИ — стремление к власти, язык лирической поэзии — стремление к соединению с Абсолютом, движение к трансцендентному и т. п. «Научный стиль есть речевая система, специально приспособленная для оптимального общения людей в научной сфере деятельности» [4, с. 5], то есть для решения коммуникативных задач, связанных с эффективным добыванием нового знания о мире, с накоплением и систематизацией этого знания, обменом научными знаниями в обществе, их передачей и восприятием [Там же].

Исходя из сказанного ясно, что наличие или отсутствие, уместность или нецелесообразность в научном стиле (языке) в целом и его подтипах идеологических маркеров должны оцениваться в зависимости от того, насколько совместимы или противопоставлены идеология и наука с точки зрения их целей (функций) в деятельности социума. По этому вопросу существуют разные точки зрения, располагающиеся в континууме от констатации полной противоположности, несовместимости науки и идеологии до их сотрудничества (симбиоза) — обзоры см. в [3; 21]. В последней работе выделены три группы «подходов при решении проблемы соотношения науки и идеологии:

- 1) идеология и наука не пересекаются, другими словами, идеология не может быть научной, а наука выступать в роли идеологии;
- 2) возможна научная идеология, если она выражает интересы передового класса (социальной группы);

3) идеология может представлять синтез научных (рефлексивных) и оценочных (в данном случае вненаучных) суждений» [21, с. 139].

В любом случае при лингвистическом моделировании «системы речевых действий», входящих в научную деятельность, следует разграничивать речевые действия на **этапе добывания, накопления и систематизации нового знания о мире отдельным ученым** и на **этапе обмена** этими знаниями, доведения их до сведения других субъектов, которые могут включать:

- коллег и сотрудников ученого, вместе с ним добывающих это новое знание;
- других представителей научного сообщества, специалистов, конкурирующих с ученым в «гонке» за новым научным знанием;
- «вненаучных» субъектов, ожидающих сообщения о новом полученном знании (государство, спонсоры, журналисты, люди, интересующиеся наукой — одним словом, общество).

На первом из двух указанных этапов речевые действия и словесное мышление в принципе не являются обязательными [1], второй — без них невозможен: «Знаки — необходимая поддержка для мысли. Для мысли, обращенной к обществу (стадия сообщения), и для мысли, находящейся в процессе подготовки к этому (стадия формулировки), наиболее обычной системой знаков является собственно речь; но внутренняя мысль, особенно когда это мысль творческая, охотно использует другие системы знаков, более гибкие и менее стандартизованные, чем речь, и которые оставляют больше свободы, подвижности творческой мысли...» (Р.О. Якобсон — цит. по [1, с. 76]).

Этап «обращения мысли к обществу», обмена научным знанием полностью состоит из речевых действий — как в гуманитарных, так и в естественных науках. Главная цель работы научного подразделения или учреждения — «производство бумаг» («production of papers», «chain of writing operations», «literary production») [24, с. 71], начинающееся с записи результата эксперимента на клочке бумаге, включающее доклады со слайдами, написание статей и кончающееся внесением публикаций в отчет. Изучая это «производство бумаг», авторы антрополого-социологического исследования «Laboratory life: the construction of scientific facts» Б. Латур и С. Вулгар обнаружили удивительное свойство научной коммуникации, определяющее ценность и значение той или иной научной работы: цель автора научного текста — убедить читателей (других ученых), но читатели убеждаются в правоте автора только тогда, когда убеждение само по себе как бы исчезает, когда то, о чем написано в статье, выглядит как реальный факт, то есть нечто, принадлежащее действительности, а не возникающее в силу аргументации, предложенной автором: «A text or statement can thus be read as "containing" or "being about a fact" when readers are sufficiently convinced that there is no debate about it and the processes of literary inscription are forgotten» [24, с. 76]. При этом очевидно, что некоторые утверждения в научных текстах «больше похожи на факты», чем другие. Латур и Вулгар выстроили иерархию из 5 уровней:

- (5) «общее знание» (не вербализуемые среди специалистов импликации);
- (4) ассертивные высказывания без эксплицированной модусной рамки (*Х является / содержит / вызывает У*);
- (3) ассертивные высказывания с эксплицированной модусной рамкой (*Неизвестно, почему / Обычно считается, что Х является / содержит / вызывает У*);
- (2) неассертивные высказывания с эксплицированной модусной рамкой (*Было бы интересно проверить, является / содержит / вызывает ли Х У*);
- (1) предположения, предложения, умозрительные рассуждения (*Это может означать, что не все еще известно об отношениях Х к У*).

Эти типы высказываний различаются не только по тому, насколько они претендуют на отражение факта, но и по встречаемости в разных типах научных текстов (от учебника до устной коммуникации) и в разных композиционных частях этих текстов. При этом тип высказывания

а) выбирается автором текста не только в зависимости от реального положения дел (состояния знаний о предмете), но и от готовности брать на себя больший или меньший «иллокутивный риск», делать утверждение более сильное или более осторожное [22; 23; 25];

б) может изменяться в результате научной деятельности автора и его коллег (более слабые утверждения превращаются в более сильные после получения дополнительных подтверждений).

Конечная «цель игры» — создать как можно больше высказываний типа 4 [24, с. 81], то есть высказываний, свободных от эксплицированной модальности.

Путь к цели может быть не прямым, а рекурсивным. Но главное то, что все эти операции с утверждениями, модальностями, языковой формой высказываний и композицией их, подчинены одной цели — построить текст, который будет «убеждать, не убеждая», то есть восприниматься как **сообщение о фактах**. Его читатель-ученый должен ощущать себя не как субъект, на которого оказывается воздействие, а как субъект, который получает истинные утверждения, отражающие реальность, и вместе с тем указания на степень достоверности этих утверждений, необходимость их проверки, их противоречия или соответствия с другими утверждениями, что позволяет ему включиться в процесс их обсуждения, корректировки, модификации, оспаривания. При таком подходе идеологии в научных текстах нет места, поскольку идеология направлена не на познание реальности, а на воздействие на сознание людей в желаемом направлении — размещение между индивидом и миром «ценностно-смысловой сетки», «опосредующей его отношение к этому миру» [15, с. 9], в то время как читатель научного текста должен ощущать отсутствие опосредующей преграды между собой и фактами действительности.

Важнейшим принципом научного мышления является децентрация — «способность акторов не ставить себя в центр вселенной, понимать, что мир крутится не вокруг них, что они не являются его создателями, что они могут исследовать «это» относительно беспристрастным образом» [2, с. 170]. Благодаря децентрации, объективность познания становится средством «овладения миром». Идеология в этом отношении прямо противостоит науке, идеологически маркированный текст «настаивает» на том, что на мир нужно смотреть не беспристрастно, а через «ценностно-смысловую сетку», в нем заключенную; на том, что интерпретация, предлагаемая автором текста, интереснее, важнее и ценнее, чем объективность. Идеологически маркированный текст «понуждает думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» [14, с. 15].

Можно ли экстраполировать то, что было сказано о научных текстах, функционирующих в коммуникации между специалистами, на тексты с той же содержательной доминантой, но другим функциональным предназначением — те, с помощью которых доступ к научному знанию получают неспециалисты (nonscientists)? (Подчеркнем, что формулировка «научное знание» может быть применена только к жанровому «идеалу» этих текстов.)

Традиционно такие тексты принято называть научно-популярными. Их жанровые и стилистические признаки освещены в значительном количестве лингвистических

исследований, как посвященных специально этим текстам, так и трактующим вопросы функциональной стилистики в целом — см., например, [11; 12; 16; 17; 19; 20]. Н.В. Кириченко, выделяя научно-популярный подстиль как один из подстилей научного стиля, пишет, что он «сохраняет основные специфические особенности, характерные для научного стиля: в научно-популярной литературе излагаются знания, добытые в сфере научной деятельности; содержание научно-популярной литературы (в основном, в главном) то же, что и в собственно научной литературе. Основные стилеобразующие экстралингвистические факторы, которые определяют закономерности функционирования в речи языковых средств научно-популярного подстиля, те же, что и в собственно научном стиле. Отличие научно-популярного подстиля от собственно научного стиля — в... «дополнительных», частных задачах коммуникации: для научно-популярной литературы это задача донесения до неспециалиста в доступной форме достоверных научных знаний» [12, с. 237]. Действительно, общественное предназначение научно-популярной литературы в распространении не предрассудков, мифов, легенд и заблуждений, а научно проверенного знания (включая обсуждение серьезных научных гипотез), но говорить о единстве «стилеобразующих экстралингвистических факторов» собственно научного и научно-популярного стиля вряд ли возможно.

Другие исследователи видят в целях коммуникации, реализуемых научно-популярными и научными текстами, принципиальное различие: «научно-популярный стиль в противоположность научному стилю реализует не одну языковую функцию сообщения (коммуникативно-информативную), а две языковые функции: функцию сообщения и функцию воздействия, что определяется особой сферой общения, деятельности, в которой этот стиль используется, — сферой научной популяризации, а в связи с этим и особой по сравнению с научным стилем экстралингвистической основой» [19, с. 11]. Однако, интерпретируя языковые средства и тактические приемы построения научно-популярного текста, лингвисты иногда «подводят под один знаменатель» параметры простоты изложения, авторизации и адресации, рассматривая их исключительно в позитивном ключе: априорно предполагается, что все, что делается автором научно-популярного текста для воздействия на читателя, направлено на то, чтобы читателя «увлечь», «заинтересовать», следовательно, это хорошо, то есть отвечает функциональному предназначению данных текстов.

Так, в [7], обнаружив в тексте анализируемой научно-популярной статьи риторические вопросы, автор пишет: «Отмеченные языковые средства делают статью доступной широкому кругу читателей, что способствует популяризации ее научного содержания. Для научно-популярного текста характерно многообразие выразительных средств языка с целью привлечения внимания к проблеме, выражение собственного мнения автора. В данных текстах проявляется индивидуальный авторский стиль, возникает стремление воздействовать на позицию, мнение читателя. Использование научно-популярных текстов не только адаптирует содержание научной речи, но и делает его понятным и интересным читателю». Оставляя логику и стилистику данной цитаты «за скобками», отметим, что ссылается автор при этом на солидные источники — [16; 17], в которых (и во многих других), действительно, говорится о том, что в научно-популярной литературе «оживает эмоциональность», «экспрессивно-эмоциональные элементы пронизывают лексический и синтаксический строй популярного изложения» [17, с. 318]; что «сближаясь с такими стилями научной речи, как стиль научной монографии, научной статьи, диссертации, научно-популярные

стили речи в то же время и отличаются от них, в частности, меньшей степенью абстрактности изложения и наличием эмоционально-экспрессивных средств; сближаясь с газетно-публицистическими стилями речи своей понятностью, доступностью, наличием экспрессии, они в то же время и отличаются от них научной тематикой и коммуникативно-прагматическими целями» [16, с. 255]. На последнее уточнение, сделанное О.А. Крыловой, стоит обратить внимание: коммуникативно-прагматические цели научно-популярных текстов принципиально не совпадают с целями газетно-публицистических, или, говоря современным языком, журналистско-блогерских, текстов. Поэтому рассмотрение средств воздействия и субъективизации, авторизации и адресации в научно-популярном тексте как априорно целесообразных вызывает большие сомнения.

Медиация (посредничество между научным знанием и массовым читателем) не предполагает, что фигура посредника заслоняет от читателя факты действительности. Установка на привлечение и удержание интереса читателя к теме сообщения не подразумевает интереса читателя к **непосредственному автору** сообщения — его личности, картине мира, оценочной позиции и т. п. Человек, который увлекательно рассказывает про письменность майя или гибель динозавров, должен делать это для популяризации достижений науки, а не своих взглядов, и его речевая деятельность должна быть нацелена на максимально эффективное выполнение этой задачи, а не экспликацию и внедрение в сознание читателя ценностно-смысловой парадигмы автора. Интерес к автору, как ни парадоксально, играет большую роль в собственно научном тексте: ученые хотят знать, как продвинулся в исследованиях их основной конкурент, больше доверяют результатам, полученным авторитетными исследователями, и стремятся ознакомиться именно с их точкой зрения. Если автор научно-популярного текста сам не является действующим профессионалом — исследователем в данной области, то между интересом к теме текста и интересом к личности автора, который может быть умелым медийщиком, может возникнуть противоречие: эффектность интерпретаций и беглость пера могут подменять научную достоверность, а авторское видение — объективность изложения.

Мы полагаем, что:

а) среди языковых средств и тактических приемов построения текста, которые исследователи научно-популярных текстов характеризуют как «экспрессивно-эмоциональные элементы», «выразительные средства языка», особенности «индивидуального авторского стиля» и т. п., следует разграничивать целесообразные (направленные на повышение интереса читателя, управление его вниманием, объяснение сложных научных концепций и фактов) и нецелесообразные, применение которых выходит за рамки функционального предназначения научно-популярного стиля (средства примитивизации научных знаний и общения с читателем, а также идеологические маркеры);

б) среди текстов, традиционно относимых к научно-популярным, следует особо выделить особый тип, который можно назвать «идеологический научпоп» (полагаем возможным использовать такое «сниженное» терминологическое обозначение, в силу несоответствия этого типа текстов архетипическому стремлению человека к поиску истины, для которого возникла наука как специализированная сфера человеческой деятельности и для реализации которого сложился научный стиль речи во всех его разновидностях);

в) при определении научно-популярного подстиля в учебниках стилистики и исследовательских статьях следует четко отграничивать «идеал», канон этого

подстиля, свободный от идеологической маркированности, содержательной и коммуникативной примитивизации¹, и его искажения, деформации, указывая, что сами по себе признаки простоты, эмоциональности (экспрессивности), воздействия на читателя, стремления сделать текст интересным не являются позитивными характеристиками научно-популярного стиля и могут выходить за пределы его функциональной предназначенности.

Изложенные выше теоретические соображения позволяют теперь показать на примерах, что мы понимаем под «идеологически маркированным научпопом» и какие языковые признаки такого текста можно выделить. С нашей точки зрения, яркими образцами «идеологически маркированного научпопа» могут служить книги Л. Данилкина «Юрий Гагарин» из серии ЖЗЛ [27] и А. Васькина «Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям» [26]². Хотя ни один автор, ни другой профессиональными историками не являются и не владеют профессионально методологией ни исторического исследования, ни исторической научной коммуникации, тем не менее обе книги представляют жанры, предназначенные для общения ученых-историков с массовым адресатом [6]. Это собственно научно-популярная литература и персональная история (два других типа текстов, с помощью которых историк может доносить историческое знание до неспециалистов, — историческая публицистика и историсофия — не имеют отношения к рассматриваемым текстам). Названные тексты содержат следующие признаки идеологической маркированности: подавление функцией воздействия функции сообщения; использование приемов персонализации изложения (авторизации и адресации), экспрессивно-оценочных средств и специальных тактик построения текста не для того, чтобы сделать текст понятным и интересным для читателя, а для того, чтобы навязать ему «ценностно-смысловую сетку» автора; создание между познающим разумом читателя и объективным миром преграды в виде авторского «письма» (т.е. идеологии, в бартовском смысле слова).

Рамки статьи позволяют перечислить только некоторые, лежащие на поверхности идеологические маркеры в указанных текстах. Подчеркнем, что под идеологическими маркерами мы понимаем индикаторы, обнаруживаемые исследователем, а не специально расставляемые автором текста опознавательные знаки. Мы не можем со стопроцентной уверенностью отделить сознательно включенные в текст идеологические маркеры от тех, которые появляются в нем без активного участия сознания автора, просто в силу его неспособности смотреть на мир не через сетку своей идеологии или в силу специфического, не соответствующего научному мышлению понимания автором жанровых конвенций научно-популярного текста.

1) Гипотетические «сценарии», выраженные в вопросительных предложениях (подробнее см. [10]), ассертивных предложениях с показателями неуверенности типа «возможно», условных конструкциях с *бы*:

Гагарина в 1960-е можно представить послушной шестеренкой режима, воплощением конформизма. Это понятная, имеющая под собой основания точка зрения. Конечно, хорошо бы, чтобы он, как Че Гевара, плюнул в какой-то момент на все свои представительские функции, плеснул Брежневу в лицо порцию пинаколады и уехал воевать куда-нибудь во Вьетнам с американцами — как Че Гевара в Боливию. Конечно,

¹ Содержательная и коммуникативная примитивизация научно-популярных текстов находятся за рамками данной статьи.

² Цитаты приводятся по этим изданиям. В цитатах из книги Васькина нами исправлены пунктуационные ошибки (проставлены необходимые запяты).

здорово было бы, если бы вместо того, чтобы по бумажке зачитывать идиотские отчеты о высоких обязательствах и хороших урожаях, он орал комсомольцам: «Вы все жалкое стадо рабов!», переругивался с публикой — так, как это делал ровно в те же годы какой-нибудь Джим Моррисон (Л. Данилкин).

Почему такой гипотетический сценарий — это «идеологический маркер»? Идеологическая маркированность — это, в первую очередь, избирательность, управляемая собственной ценностно-смысловой схемой субъекта. Автора не устраивает реальная цепочка событий в прошлом, он подменяет ее ирреальной, при этом ирреальную — интерпретирует и оценивает, а в данном примере — оценивает дважды в каждом случае. Помимо оценочных предикативов *хорошо* и *здорово*, используется усилитель иллюкативной силы высказывания *конечно*. Все оценки вводятся без указания на субъект, как обобщенно-личные. Вымышленная цепочка событий, никогда и нигде не существовавшая, не имеющая никакого отношения к Гагарину как герою «персональной истории», приписывается ему как субъекту и получает «само собой разумеющуюся» модусную оценку, как будто эта цепочка представляет собой реальный диктумный план. Два развернутых предложения в тексте «потрачены» (на самом деле, не потрачены, а целенаправленно использованы) не для того, чтобы сообщить объективные факты о Гагарине, а чтобы предьявить читателю фрагмент сознания автора текста.

2. Оценочные суждения, касающиеся образа читателя (его оценок, интересов, мотиваций, знаний и т. п.), и операции с субъектной перспективой, направленные на построение общего *мы* автора и читателя путем экстраполяции на читателя субъективной картины мира автора: *...Пора не только отчистить памятник, но и показать, что уистукана был оригинал — который, как мы увидим, весьма существенно отличался от монументального образа <...> Правда ли, что нам нужно иметь представление о биографии человека, который, формально, ничего такого не сделал, а всего лишь дал согласие — осознанно оценив риски, зная об ожидающем его вознаграждении, взвесив все «за» и «против», без какого-либо принуждения, — проверить на себе созданную кем-то еще технологию?* (Л. Данилкин). См. об этой тактике в [9].

3. Создание обобщенно- или неопределенно-личного образа «модусного врага» или «модусного невежды» («неправильного» биографа, недобросовестного историка, заблуждающегося предшественника-исследователя, ошибающегося или корыстного интерпретатора, обывателя — носителя ложных представлений или коммуникативных интенций): *Гагарин — влажная, что называется, фантазия любого биографа. <...> Гагарин позиционировался как идеальный гражданин СССР — поэтому неудивительно, что советская власть всячески стимулировала сослуживцев, учителей, друзей и родственников Гагарина писать и публиковать мемуары. В результате в одной только гагаринской семье оказалось четверо писателей: сам Юрий Алексеевич, издавший автобиографию — и международный бестселлер — «Дорога в космос», его жена, мать и брат. Слово всего этого недостаточно, на протяжении пятидесяти лет центральная и местная пресса СССР и затем России рыскала в поисках любого мало-мальски неизвестного эпизода из жизни первого космонавта* (Л. Данилкин). Любой другой, посягающий на тему текста, «безраздельно принадлежащую» автору, дискредитируется, тогда как читатель, желающий присоединиться к авторскому «мы», похлопывается по плечу. Все другие *биографы* и *писатели*, кроме самого автора, *рыщут*, пишут и публикуют под влиянием внешних обстоятельств, меркантильных соображений и т. п., тогда как он добровольно и искренне ищет истину.

4. Использование оценочных прилагательных и наречий в атрибутивной функции (*идиотские отчеты* в п. 1 выше). В случае если оценочное прилагательное выступает

не в предикативной функции, в которой ощутимо «приписывание» признака субъекту в сознательном речемыслительном акте автора, оно воспринимается как имманентная, неоспариваемая характеристика, субъективность оценки маскируется, необходимость ее обосновать как бы снимается.

5. Идеологически обусловленный выбор из ряда синонимических слов или выражений.

5.1. Выбор номинации с негативной коннотацией: *В 1934 г. в Москве была создана Академия архитектуры СССР (в подражание императорской России, где основные импульсы развития искусства исходили от Академии художеств в Петербурге); В президиуме представительного собрания уселась вся советская верхушка* (А. Васькин).

5.2. Выбор номинации, активизирующей стереотип: *газета рапортовала вместо сообщала* (А. Васькин о советской прессе).

6. Подмена культурного кода. Референты (люди, предметы, отношения, события и т. п.) описываются и интерпретируются языком, не принадлежащим времени и/или пространству, к которому они относятся: *Гжатск был для Гагарина комфортной средой, которая могла удовлетворить самые разные его запросы* (Л. Данилкин). Автор использует для интерпретации мотивов Ю.А. Гагарина представления, характерные для современного человека, но не для советского человека эпохи Гагарина. Поиск *комфортной среды, удовлетворяющей* запросам — это, скорее, модель поведения зумеров. Она им ближе и понятнее, чем истинные мотивации советского человека, и если интерпретировать этот пример, ставя во главу угла примитивно понимаемые признаки простоты и понятности изложения в научно-популярном тексте, то можно было бы оценить его как соответствующий требованиям стиля. Однако он прямо противоречит основной цели научно-популярного текста — донести научное знание, таким образом, является не признаком стилистического канона, а его искажением — идеологическим маркером.

7. Значительное количество деталей и признаков, не имеющих отношения к предмету сообщения и хронотопу, в котором ведется повествование, но демонстрирующих картину мира автора: *После 1991 года малопрестижные профтехучилища часто выдавливали на окраины городов, однако Люберцы — исключение: лицей, приятное глазу здание казенной архитектуры, стоит посреди здешней хай-стрит, Октябрьского проспекта, — на случай если вы соберетесь туда — справа от большого, напоминающего мексиканскую гасиенду, Макдоналдса* (Л. Данилкин). В одном предложении сразу два таких маркера.

8. Экспликация theory of mind (представления о состоянии сознания) других субъектов, в том числе с использованием показателей категоричности, достоверности: *И до и после полета Гагарин несомненно осознавал — как абстракцию — свой класс (рабоче-крестьянский пролетариат) и свою касту (офицер-воин) и вел себя так, как требовали соответствующие кодексы поведения* (Л. Данилкин, «Юрий Гагарин»). Подобные средства усиления иллюкативной силы высказывания выводят текст за рамки речевых действий, отвечающих функциям науки как сферы деятельности, и переводят в категорию идеологически маркированного научпопа или даже журналистского текста, тогда как собственно научный стиль идет сейчас, напротив, по пути активизации хеджинга (использования средств ослабления силы высказывания) [22; 23; 25].

9. Приписывание цитируемым субъектам (конкретным или обобщенным) вымышленных коммуникативных намерений и оценка этих намерений.

А. Васькин комментирует статью о неоклассицизме в Большой советской энциклопедии: *В конце статьи об этом [неоклассицизме в советской архитектуре — М.С.] говорится весьма скромно, да и то полунамеками: «нашли известное*

отражение в советской архитектуре». Ну ни капли гордости за советских зодчих не чувствуется в этих словах. А написано будто с чувством стыда, неловкости. А может, и нет повода для неловкости, потому что сталинские высотки (а именно они, похоже, «известно отражены») никогда и не были образцом неоклассицизма? <...> Просто советские искусствоведы, в очередной раз желая любым способом подвести теорию под практику (а не наоборот, что было бы логичным), назвали белое черным, а черное белым (А. Васькин).

10. Абсурдные высказывания, несоответствие которых реальности очевидно и подтверждается самим же текстом. Начало рассматриваемой книги А. Васькина, в которой многократно упоминаются архитектурные сооружения предшествующих эпох, разрушенные при реконструкции Москвы в сталинский период, и гостиница «Россия», демонтированная в наше время: *У архитектуры как вида искусства есть одно замечательное качество, отличающее ее от живописи, литературы, музыки. Подобно зеркалу, отражает она свою эпоху и передает ее содержание через много лет после ее окончания. Оставшиеся от этой эпохи сооружения не сожжешь, как запретные книги, не спрячешь в запасники, как картины, а лица на них не замажешь (А. Васькин).*

Возникает вопрос: зачем нужен такой противоречащий действительности и содержанию книги пассаж в самом ее начале? Ответ — это не сообщение, это идеологический маркер, возможно, поставленный бессознательно, под влиянием того представления о жанре создаваемого текста, которое имеет автор. Вспомним бахтинское определение жанра как призмы, через которую автор смотрит на действительность. Если автор научно-популярного текста понимает его как способ донести до массового читателя в понятной и увлекательной форме научную картину мира, призма одна. Тогда для него главное — сообщение фактов, диктумный план текста. Если автор понимает научно-популярный текст как инструмент «обращения читателя в свою веру», демонстрации своего видения реальности — призма другая. Тогда главным становится модусный план. Господствующий модус в книге А. Васькина — негативный (Сталин — ужасно, советское — плохо), и он (возможно, и помимо сознания автора) просачивается всюду: с первых строчек читатель погружается в мир, где запретные книги жгут, картины прячут в запасники и замазывают на них лица и только архитектура чудом избегает этой жестокой судьбы. Здесь главное не логика изложения и фактическая достоверность, главное — чтобы «осадок остался». Такой прием в начале текста должен работать как указание типа «Медленно и печально» в музыке.

11. Щедрое «разбрасывание» по тексту знаков «ненастоящести», ложности, мифичности, недействительности всего, что не соответствует идеологии автора, отказ в искренности любой ценностно-смысловой парадигме, не совпадающей с авторской (такая парадигма не просто плоха, ложна, она не искренняя, не настоящая): *Полые шпили, венчающие высотки, это тоже символ показного имперского величия, показухи, как и все эти каменные мускулистые сталебары и полногрудые крестьянки, украшающие крыши высоток. <...> А если убрать, очистить фасады зданий от этой помпезной шелухи? (А. Васькин).*

12. Идеологически обусловленное конструирование основания для сопоставлений и логических выводов: *Проявившаяся в работе над дворцовым фризом двойственность положения Павла Корина выразилась в том, что свойственные его творческой манере патетическая тональность, гигантомания оказались востребованы официальной идеологией (А. Васькин, «Сталинские небоскребы»). Гигантомания —*

«стремление к строительству, организации и т. п. чего-л. в неоправданно крупных размерах, масштабах» [21, с. 308]. Творческая манера выдающегося русского живописца П. Корина получает эту характеристику не по объективным параметрам (факты многократного создания Кориним *неоправданно крупных* фресок и картин не подтверждаются), а потому что должна уложиться в идеологическую схему Васькина: гигантоман Корин работает на гигантомана Сталина.

Заключение. Ключевым словом, которое объединяет все перечисленные идеологические маркеры, является **замещение**. Замещение сферы сознания внутритекстовых субъектов, в том числе главного героя персональной истории, сферой сознания автора, замещение реальных событий гипотетическими сценариями, замещение нейтральных номинаций оценочными, замещение картины мира, действовавшей в описываемое время в описываемом пространстве, на картину мира, привлеченную из другого пространства-времени, замещение установленной в общественной практике жанровой призмы на субъективное (идеологизированное) понимание этой призмы автором текста и т. п. В целом, это замещение научного мышления мышлением ненаучным, установки на познание истины — установкой на восприятие мира через «ценностно-смысловую сетку», навязываемую автором, замещение фактов действительности авторским «письмом».

Можно предложить следующее определение: идеологическая маркированность научно-популярного текста — это реализованное через конкретные языковые средства и тактические приемы построения текста замещение функции передачи научного знания функцией трансляции идеологии автора. Идеологическая маркированность не соответствует стилистическому идеалу и жанровым конвенциям научно-популярного текста, ее наличие переводит текст в категорию идеологически маркированного научпопа. В основе этой жанрово-стилистической деформации лежит деформация такого важнейшего компонента коммуникативного акта, как образ автора. Научное мышление подразумевает устранение преград между познающим разумом и познаваемым миром, в то время как автор идеологически маркированного научпопа воздвигает между читателем и фактами действительности свою идеологию, замещает научное познание мира своим «письмом». Учитывая значительный интерес современных читателей к научно-популярной и популярной литературе (включая идеологически маркированный научпоп), перспективным представляется дальнейшее изучение коммуникативных и языковых параметров идеологически-маркированных текстов и разработка методики обнаружения идеологических маркеров и защиты от их воздействия для занятий по формированию функциональной грамотности в общем образовании и университетских курсов русского языка и культуры речи, риторики и под.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар. — М.: МЦНМО, 2001. — 128 с.
2. Александер Дж. Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума / Дж. Александер // Социология. 4М. — 2004. — Вып. 18. — С. 176–200.
3. Бухараев В.М. Идеология и научное познание: от конфликта до компромисса / В.М. Бухараев, Г.Н. Степаненко // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2006. — № 148 (1). — С. 59–67.
4. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи / А.Н. Васильева. — М.: Русский язык, 1976. — 192 с.

5. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1955. — № 1. — С. 60–87.
6. Володихин Д.М. Тяжелое дело — писать легко. Адресат высказываний современного историка / Д.М. Володихин // Диалог с историей. — 2012. — Т. 38. — С. 70–76.
7. Воронова А.В. Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа / А.В. Воронова // Русистика. — 2016. — №. 2.– С. 7–12.
8. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев. — М.: Центрполиграф, — 2020. — 638 с.
9. Зубова С.В. Коммуникативно-грамматический анализ биографического документального фильма с целью выявления стратегии автора / С.В. Зубова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 4 (112). — С. 56–62.
10. Зубова С.В. Тактика риторического вопроса в документальной биографии / С.В. Зубова // Преподаватель XXI век. — 2025. — № 4 (2). — С. 419–429.
11. Ким И.Е. Научно-популярная сфера общения: на границе двух картин мира / И.Е. Ким, Д.В. Ильина // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4 (1). — С. 58–69.
12. Кириченко Н.В. Научно-популярный подстиль / Н.В. Кириченко // Стилистический энциклопедический словарь русского языка — М.: Флинта: Наука, 2011. — С. 236–242.
13. Коноплев Д.Э. Идеологическая маркированность журналистского текста: на материале современной российской прессы: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.01.10. — Екатеринбург. — 2010. — 24 с.
14. Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед / Г.К. Косиков // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. — М.: Прогресс, 1989. — С. 6–48.
15. Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст / Г.К. Косиков // S/Z / Б. Ролан. — М.: Академический проект, 2009. — С. 5–45.
16. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн. 1. Теория: учеб. пособие / О.А. Крылова. — М.: Высшая школа, 2006. — 319 с.
17. Лазаревич Э.А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал / Э.А. Лазаревич. — М.: Книга, 1984. — 384 с.
18. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. — М.: Просвещение, 1969. — 214 с.
19. Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дисс. канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 1979. — 21 с.
20. Ребковец О.А. К вопросу о функционально-стилевой специфике современного научно-популярного текста / О.А. Ребковец // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 4 (107). — С. 432–434.
21. Яблокова Н.И. Возможна ли научная идеология? / Н.И. Яблокова // Социально-политические науки. — 2016. — № 3. — С. 138–140.
22. Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles / K. Hyland // Applied Linguistics. — 1996. — 17 (4). — P. 433–454.
23. Hyland K. 'It might be suggested that...': academic hedging and student writing / K. Hyland // Australian Review of Applied Linguistics. Special Issue on discourse analysis and language teaching. — 2000. — P. 83-97.
24. Latour B. Laboratory life: the construction of scientific facts / B. Latour, S. Woolgar. — Princeton : Princeton University Press, 1986. — 294 p.
25. Myers G. Writing Biology: Texts in the Social Construction of Scientific Knowledge / G. Myers. — The WAC Clearinghouse, 2022. — 304 p.

ИСТОЧНИКИ

26. Васькин А.А. Сталинские небоскребы: от Дворца Советов к высотным зданиям / А.А. Васькин. — М.: Спутник+, 2009. — 236 с.
27. Данилкин Л.А. Юрий Гагарин / Л.А. Данилкин. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 509 с.
28. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1. А–Й. — 702 с.

REFERENCES

1. Hadamard J. (2001). Issledovanie psikhologii protsessa izobreteniya v oblasti matematiki [Research on the psychology of invention in mathematics]. Moscow: MCNMO. (In Russian)
2. Alexander J. (2004). Obshchaya teoriya v sostoyanii postpozitivizma: «epistemologicheskaya dilemma» i poisk prisutstvuyushchego razuma [General theory in the post-positivist condition: The «epistemological dilemma» and the search for present reason]. Sotsiologiya. 4M, 18, pp. 176–200. (In Russian)

3. Bukharaev V.M., & Stepanenko G.N. (2006). Ideologiya i nauchnoe poznanie: ot konflikta do kompromissa [Ideology and scientific cognition: From conflict to compromise]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki, 148(1), pp. 59–67. (In Russian)
4. Vasilyeva A.N. (1976). Kurs lektsiy po stilistike russkogo yazyka. Nauchnyy stil' rechi [Course of lectures on the stylistics of the Russian language. Scientific style of speech]. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)
5. Vinogradov V.V. (1955). Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki [Results of the discussion on stylistics]. Voprosy yazykoznanija, 1, pp. 60–87. (In Russian)
6. Volodikhin D.M. (2012). Tyazheloe delo pisat' legko. Adresat vyskazyvaniy sovremennogo istorika [The hard task is to write easily: The addressee of a contemporary historian's statements]. Dialog s istoriej [Dialogue with History], 38, 70–76. (In Russian)
7. Voronova A.V. (2016). Nauchno-populyarnye teksty kak ob'ekt funkcional'no-stilisticheskogo analiza [Popular science texts as an object of functional-stylistic analysis]. Rusistika, 2, pp. 7–12. (In Russian)
8. Zinoviev A.A. (2020). Na puti k sverkhobshchestvu [On the way to a super-society]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian)
9. Zubova S.V. (2025). Kommunikativno-grammaticheskij analiz biograficheskogo dokumental'nogo fil'ma s tsel'yu vyyavleniya strategii avtora [Communicative-grammatical analysis of a biographical documentary film to identify the author's strategy]. Politicheskaya lingvistika, 4(112), pp. 56–62. (In Russian)
10. Zubova S.V. (2025). Taktika ritoricheskogo voprosa v dokumental'noy biografii [The tactic of rhetorical question in documentary biography]. Prepodavatel' XXI vek, 4(2), pp. 419–429. (In Russian)
11. Kim I.E., & Ilyina D.V. (2019). Nauchno-populyarnaya sfera obschcheniya: na granitse dvukh kartin mira [Popular science sphere of communication: At the border of two worldviews]. Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika, 4(1), pp. 58–69. (In Russian)
12. Kirichenko N.V. (2011). Nauchno-populyarnyy podstil' [Popular science substyle]. In Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] (pp. 236–242). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)
13. Konoplev D.E. (2010). Ideologicheskaya markirovannost' zhurnalistskogo teksta: na materiale sovremennoy rossiyskoy pressy [Ideological marking of journalistic text: On the material of the modern Russian press] (Doctoral dissertation summary). Yekaterinburg. (In Russian)
14. Kosikov G.K. (1989). Rolan Bart — semiolog, literaturoved [Roland Barthes — semiologist, literary scholar]. R. Bart, Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics] (pp. 6–48). Moscow: Progress. (In Russian)
15. Kosikov G.K. (2009). Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst [Ideology. Connotation. Text]. R. Bart, S/Z (pp. 5–45). Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian)
16. Krylova O.A. (2006). Lingvisticheskaya stilistika. Kn. 1. Teoriya [Linguistic stylistics. Vol. 1. Theory]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)
17. Lazarevich E.A. (1984). S vekom naryadu. Populyarizatsiya nauki v Rossii. Kniga. Gazeta. Zhurnal [Astride the century. Popularization of science in Russia. Book. Newspaper. Journal]. Moscow: Kniga. (In Russian)
18. Leontyev A.A. (1969). Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Language, speech, speech activity]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)
19. Maevskiy N.N. (1979). Osobennosti nauchno-populyarnogo stilya [Features of the popular science style] (Doctoral dissertation summary). Rostov-on-Don. (In Russian)
20. Rebkovets O.A. (2024). K voprosu o funkcional'no-stilevoy spetsifike sovremennogo nauchno-populyarnogo teksta [On the functional-stylistic specificity of the modern popular science text]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 4(107), pp. 432–434. (In Russian)
21. Yablokova N.I. (2016). Vozmozhna li nauchnaya ideologiya? [Is a scientific ideology possible?]. Sotsial'no-politicheskie nauki, 3, pp. 138–140. (In Russian)
22. Hyland K. (1996). Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. Applied Linguistics, 17(4), 433–454. (In English)
23. Hyland K. (2000). 'It might be suggested that...': Academic hedging and student writing. Australian Review of Applied Linguistics. Special Issue on Discourse Analysis and Language Teaching, 83–97. (In English)
24. Latour B., Woolgar S. (1986). Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton University Press. (In English)
25. Myers G. (2022). Writing biology: Texts in the social construction of scientific knowledge. The WAC Clearinghouse. (In English)

Поступила в редакцию 23.01.2026 г.

IDEOLOGICALLY MARKED POPULAR SCIENCE TEXT: LINGUISTIC, STYLISTIC, AND
COMMUNICATIVE PARAMETERS

M.Yu. Sidorova

The article identifies linguistic, stylistic, and communicative features of an ideologically marked popular science text. By comparing it with the functional and communicative parameters of the scientific style and the popular science substyle, the article brings into the open the contradiction between the "ideologically marked popular science" and the scientific type of thinking, which should be reflected in the language, as well as tactics used to construct popular science texts, and the functional purpose of these texts. The article analyzes examples of typical ideological markers in ideologically marked historical texts that mimic popular science texts. The article reveals the mechanism of replacing the facts of reality with the author's "writing" (in the sense of R. Barthes) in such texts and the deformation of the author-mediator's role from a conduit of scientific knowledge to a bearer of value-semantic filters, which are established between the reader's cognitive consciousness and the real world through a system of linguistic means and textual tactics.

Keywords: popular science text, science, ideology, ideological marking, functional style, communicative goal, content dominant, authorization, addressing, modus, dictum.

Сидорова Марина Юрьевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Российская Федерация,
г. Москва.

Профессор кафедры русского языка
филологического факультета.
ORCID 0000-0002-0071-3073.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru.

Sidorova Marina Yurievna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation, Moscow.

Professor at Department of Russian Language,
Faculty of Philology.
ORCID 0000-0002-0071-3073.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.18822803

ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ СЛОЖНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

© 2026 Л.В. Соснина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет»

ORCID 0000-0002-9823-5152

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье анализируется проблема деэтимологизации сложных прилагательных. Актуальность исследования определяется отсутствием единого подхода к изучению композитов с явными признаками опрощения. Научная новизна работы заключается в том, что впервые деэтимологизация сложных имен прилагательных рассматривается на примерах, отобранных способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов. Сравнительно-исторический метод позволяет изучить сложные адъективы как в историческом ракурсе, так и с точки зрения современного состояния русского языка. Метод контекстуального анализа используется для объяснения эволюции композитов, необходимой для понимания семантических процессов. Оценка фактической базы требует применения корпусных методов, описания и формализации. Метод квантитативного анализа полезен для определения частотности употребления заявленных языковых единиц в современном русском языке и тем самым для подтверждения результатов исследования. При помощи метода сопоставительного анализа изучены особенности существующих научных концепций и определена теоретическая значимость работы. Выявлены два основных типа опрощения — полное и частичное, которое приводит к изменению обоих структурных компонентов сложений. Корневые морфемы теряют семантические связи, что приводит к деэтимологизации сложных прилагательных. В структуре адъектива наблюдается семантический сдвиг, а его морфологическая структура четко не определяется. Универбализационные композиты, квазикомпозиты, сложения, образованные на базе первичных композитов — структура всех указанных сложных адъективов претерпевает изменения.

Ключевые слова: композит, деэтимологизация, морфема, мотивация, словообразование, квазикомпозит, структурная модель.

Для цитирования: Соснина Л.В. Деэтимологизация сложных прилагательных / Л.В. Соснина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 20–29. — <https://doi.org/10.5281/zenodo/18822803>.

Введение. Проблема изучения прилагательных-композитов находится в фокусе внимания лингвистов, представляющих многочисленные концепции изучения адъективов как в семантическом, так и в структурном аспекте. Существует устойчивое мнение, что словообразование является одним из средств языковой концептуализации картины мира, но «не как отдельного, удобного для анализа фрагмента лексики, а как всеобъемлющей синергетической картины, как целостного изображения языком всего того, что существует в нас и вокруг нас» [6, с. 145]. Словообразовательный потенциал имен прилагательных всегда привлекал лингвистов сложностью обоснования номинативного статуса заявленного класса языковых единиц. **Целью** данной статьи является выявление причин и изучение особенностей деэтимологизации сложных имен прилагательных. Предлагаем рассмотреть все виды композитов, в т.ч. универбализационные композиты, квазикомпозиты и единицы, образованные на базе

первичных композитов. **Актуальность** исследования определяется существованием множественных научных подходов к изучению деэтимологизации номинативных единиц и отсутствием единой классификации имен прилагательных с явными признаками опрощения. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые анализируется языковой материал, отобранный способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов.

Ученые-лингвисты чаще всего трактуют деэтимологизацию или опрощение с точки зрения производности/непроизводности. Так, Л.А. Булаховский описывает деэтимологизацию как процесс, при котором «одно слово перестает напоминать другое слово или слова, с которыми так или иначе раньше было связано, лишается способности осмысливаться вместе с ними в составе одного гнезда, становится в лексической системе языка этимологически более изолированным» [1, с. 345]. Деэтимологизация создает предпосылки для образования новой микросистемы, в которой «деэтимологизированное слово становится непроизводной основой для новых производных слов, что еще более ослабляет их семантические связи внутри гнезда [4, с. 62].

М.У. Сулейбанова пишет, что в понятие опрощения основы слова вкладывается «такое толкование его морфологического строения, где основа, ранее членившаяся на морфемы, становится нечленимой, непроизводной» [10, с. 220]. Автор отмечает подобные процессы и в таких словарных единицах, как *пасмурный, спасти, кануть, рубаха, басня, ласточка, застенчивый, красный, нужный, бородавка, живот, затхлый, лицемер, работа, позор, тучный*, настаивая на том, что «указанные концепты на современном этапе развития языка считаются словарными единицами с непроизводной основой; такими по морфологической структуре они стали в силу различных процессов» [10, с. 220].

Наиболее общим выглядит такое определение опрощения, когда оно трактуется как процесс, при котором «слова со сложной основой уже не ощущаются в своём морфологическом составе. Поэтому слова, в сознании людей прежнего времени разлагавшиеся на морфологические части, в сознании людей последующих временных периодов уже не разлагаются, становясь простыми» [8, с. 9].

Явление опрощения в структуре прилагательных-композитов можно отнести к разряду малоизученных. Лингвисты полагают, что деэтимологизация или опрощение демонстрирует изменение в морфологическом строении слова, это значит, что производная основа, которая ранее распадалась на отдельные значимые части, становится непроизводной или нечленимой, само слово теряет способность делиться на морфемы. Разделяем точку зрения многих ученых, которые видят в опрощении основы слова потерю основой слова способности делиться на морфемы. Обязательной характеристикой сложного слова является наличие двух или более корневых морфем. Композиты обладают способностью к образованию новых единиц, если не нарушены «коррелятивные связи между составными элементами, их семантикой и значением сложения в целом» [5, с. 372]. Некоторые ученые так трактуют опрощение (деэтимологизацию) — слово теряет прежние этимологические связи с производящей основой, в результате наблюдается переход слова из мотивированного названия предмета окружающей нас реальности в абсолютно немотивированное название. Причины деэтимологизации скрыты в звуковых изменениях, разрушающих родственные связи слов, а также в явной непродуктивности отдельных старых аффиксов, условном характере наименований предметов.

В наших предыдущих работах мы предлагали выделять три типа деэтимологизации:

- 1) деэтимологизация, обусловленная словообразовательными факторами (*близорукий, курносый*);
- 2) деэтимологизация, связанная с фонетическими преобразованиями (*кургузый, сухопарый, перочинный*);
- 3) деэтимологизация, связанная с архаизацией значений или структурных элементов сложных слов (*долговязый, белобрысый, белокурый*) [9, с. 332].

В данной статье под термином «деэтимологизация» (опрощение) подразумеваются слова, измененные в морфологической (словообразовательной) структуре, когда для сознания носителей языка оказывается потерянной этимологическая связь этого слова с той или иной непроизводной основой. Деэтимологизация может быть вызвана либо тем, что «слова с исходной непроизводной основой перестают существовать в языке (рассмотрим *важный* — древнерусское слово *вага*), либо тем, что данное слово слишком далеко ушло в своём семантическом развитии от слова с соответствующей непроизводной основой (сравним следующие слова *крупный* и *крупна*)» [12, с. 50].

Заслуживают внимания работы современных ученых, посвященные расширению деривационного потенциала и деэтимологизации иноязычной лексики русского языка, следствием которой является оформление иноязычных единиц исконными словоизменительными аффиксами, что способствует ускоренному включению единицы в парадигмы рода / числа / склонения для именных частей речи и спряжения для глагольных. Опрощение, как отмечалось выше, довольно характерный для русского языка процесс, неоднократно описанный на материале иноязычной лексики [напр., 12], при этом особое распространение по сравнению с предыдущими периодами в актуальную эпоху получает оформление иноязычных существительных исконными аффиксами числа: *чипс-ы, момс-ы, джеггинс-ы, сторис-ы, шортс-ы*. Фактическая редупликация аффиксов не воспринимается носителями языка избыточной и, более того, «для некоторых единиц окказионально фиксируется полная парадигма числа, где в роли единственного числа выступает иноязычная форма множественного: чипс — чипсы, сторис — сторисы, шортс — шортсы» [3, с. 234]. В то же время ученые рассматривают переразложение как «более глубокий морфологический процесс, требующий длительного времени для развития, поэтому он намного реже представлен в рамках иноязычной лексики и характерен лишь для суб- и нестандарта, где мы регистрируем единичные случаи перераспределения финальной гласной основы в пользу флексии: *подними жалюзи — не играй жалюзьями, принт пейсли — платье в пейслях* [3, с. 234].

Материалы и методы исследования. Решение задач представленного исследования предполагает обращение к сопоставительному методу, который позволяет изучить сложные прилагательные как в историческом ракурсе, так и с точки зрения современного состояния русского языка. Метод контекстуального анализа заявленных единиц использовался для объяснения их эволюции, необходимой для понимания семантических процессов. Оценка фактической базы потребовала применения корпусных методов, описания структурных моделей адъективов и формализации. Корпус единиц исследования составили сложные имена прилагательные с явными признаками опрощения, извлеченные способом сплошной выборки из популярных телеграм-каналов с числом подписчиков не менее 20 тысяч человек.

Основная часть. В современном русском языкознании существуют различные и весьма противоречивые взгляды на природу деривационных процессов, что усложняет выделение типов структурных моделей прилагательных-композиций, являющихся наименее изученным пластом лексики. Опрощение композиций вызвано утратой семантических

связей между корневыми морфемами, структура сложных прилагательных претерпевает семантический сдвиг, в результате чего морфологическая структура не может быть четко определена, она часто является немотивированной, необъяснимой с точки зрения современного состояния языка, но в то же время весьма закономерной с точки зрения его исторического развития. Интересное мнение высказывает Л.В. Валеева, подчеркивая, что «история слов отражает историю человечества, а также является важнейшим свидетельством формирования языкового сознания конкретной национально-этнической общности» [2, с. 124]. Ученый настаивает на том, что диахронический аспект изучения любого языка представляет особую значимость для лингвистики, так как, «во-первых, фиксирует языковую основу, являющуюся платформой для трансформационных и модификационных процессов на всех уровнях языка, во-вторых, позволяет выявить стимулы и векторы развития всех языковых форм [2, с. 124].

Напомним, что наше исследование осуществляется с учетом основных принципов композитостроения. Ономазиологический подход предполагает разделение всех сложных прилагательных на три группы — универбализационные композиты, единицы деривационного производства и квазикомпозиты.

По результатам анализа языкового материала мы выделили два типа опрощения: полное или частичное. Полное опрощение трактуется нами как завершённый процесс видоизменения основы при полной утрате соотнесенности основ-компонентов с четкими понятиями и определенными фактами действительности. Прилагательное **ясновельможный** реализует структурную модель **Прил1ед + Сущ1ед — оснПрил1ед + инт + оснСущ1ед + суф + парПрил**, вторая именная основа данного сложения пережила полное опрощение: *вельможа* / *вель* ‘большой’, *можа* ‘богач, силач’, например: *Его Светлость Ясновельможный Пан Гетман Всея Украины — так полностью именовался его титул* [23]; *Однако, про какие ценности говорил «ясновельможный пан» посол — про возвращение «восточных кресов», а может и вовсе про Польшу от «можа до можа»* [22].

Ко второму типу мы уверенно относим слова (полуопрощенные), которые утратили этимологическую мотивированность, но в них все еще видны следы прежней сложной структуры. Результатом архаизации одного из компонентов сложения является полная демотивация и опрощение, которое приводит к отсутствию способности образовывать новые номинативные единицы. Сюда относим прилагательные **белокурый, лопухий, корноухий, белобрысый**. Е.А. Сухова считает, что «главная проблема, связанная с изучением морфемной структуры слов с корнем-радикалидом, — выявление тех универсальных принципов, которые позволят либо вычленив древний корень из состава слова, либо считать, что в слове произошло опрощение» [11, с. 109]. По мнению ученого, решение данной проблемы связано с «выявлением семантических связей между теми или иными исторически родственными словами в синхронии, а также с установлением продуктивности аффиксов, участвующих в образовании слова» [11, с. 109]. Согласно существующей современной классификации слов со связанными корнями, отдельную группу образуют так называемые унирадикалиды *лопухий, курносый, долговязый, колченогий* (в нашей концепции квазикомпозиты — Л.С.). Такие слова пережили деэтимологизацию, поэтому обладают скрытой внутренней формой [11, с. 110].

Полагаем, что слово *лопухий* можно разложить на две части: *лоп* ‘лист’ (или *лопа* ‘лапа, ладонь’) и *ухо*, в значении ‘с большими ушами, величиной с ладонь’, опрощенная основа в составе слова *лопухий* не оставляет никаких шансов к образованию дериватов: *Его лопухое, рыжее от веснушек лицо выражает смертельный испуг* [24]; *Наркоманские сказки для лопухих американских журналистов* [16]; *А западные*

дегенераты до сих пор рассказывают своей *лопоухой* аудитории про победу демократии в этой стране [16].

Компонент *бры* ‘бровь’ в составе сложного адъектива *белобрысый* (белобровый) также архаичен для русского языка, *белобрысый* с опрощенной основой *бры-* служит не только для обозначения человека со светлыми бровями, но также со светлыми волосами и ресницами, например: *Вплоть до того, что какая-нибудь безумная страна (типа выродившейся за столетия Британии, ведомой белобрысыми фриками типа Джонсона) решит создать военную базу на Украине* [15]; ***Белобрысый***, безобидный, старый простак из Вашингтона, который болтался там всю жизнь! [16]. Отмечаем несколько случаев субстантивации прилагательного *белобрысый*, например: *Нам предлагают чернокожих, желторожих и белобрысых — Лукашенко* [20]; ***Белобрысу*** из Сочи, которая выложила ролик в соцсеть, оштрафовали на 30 тысяч российских рублей [14].

Существует довольно устойчивая точка зрения, что *белокурый* восходит своими корнями к польскому языку, *kurz* означает ‘пыль’, т.е. ‘покрытый белой пылью’, вместе с тем в древнерусском языке тоже существовало слово *курь*, *бѣла кура* ‘белая пыль’, на базе этого словосочетания и образовалось прилагательное *белокурый* ‘словно покрытый белой пылью’. Структурный аспект изучения данного композита позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело с гаплогогией (выпадением буквы), результатом чего и явилось образование прилагательного *белокурый* от прилагательного *белокудрый* ‘с белыми кудрями’ при утрате буквы *д*. Адъектив *белокудрый* трактуется нами как универбализационный композит, а *белокурый*, на первый взгляд, может считаться квазикомпозитом. Полагаем, что справедливее рассматривать его как вариантную форму *белокудрый* с отсылкой к опрощенной основе *кудр* (*кур*). Это становится возможным ввиду отсутствия семантического сдвига в значении имени прилагательного, к тому же наблюдается полное семантическое тождество обеих единиц. Применение количественного метода исследований композитов позволяет заметить, что частота употребления слова *белокурый* составляет около 2 млн. примеров, *белокудрый* же встречается всего 4 тыс. раз, например: *В отличие от маниловских мечтаний о том, как белокурые красавицы по утрам снег на московских улицах убирают* [18]; *К слову сказать, римские авторы о первых встреченных им славянах сообщали, что волосы их не совсем светлые, не белокурые, но и не совсем тёмные — русые* [23]; *Тут белокурые дети с громкими фамилиями путаются в слезах филиппинских горничных* [17]; ***Белокудрый*** мальчонок, надев колпачок из бумаги, взбирался на шею [19].

Интересным представляется образование слова *долговязый* путем сложения двух корневых морфем *долгий* ‘длинный’ и *вязы* ‘шея’. Наблюдается значительное расхождение между семантическим значением композита и значениями его формантов. Как мы уже заявляли, деэтимологизация значения квазикомпозита *долговязый* обусловлена семантическим сдвигом и архаизацией компонента *вяз*, в результате чего слово обладает более емкой семантикой для характеристики внешности человека — высокого, худого и неуклюжего, например: *В случае с Длинным я видел, как за полтора месяца нескладный долговязый по сути ребенок, превращался в бойца, обретал уверенность* [25]; *А пара молодых долговязых патрульных по-хозяйски шупали испуганного сына азиатской середины, от которого пахло хлопковым маслом и предчувствием беды* [17]. Данные нашей картотеки подтверждают наличие параллельных слову *долговязый* образований *долгошей*, *длинношей*, *долговыйный* и *длинновязый*, сохранившимися в отдельных случаях большую соотнесенность с исходными словосочетаниями и будучи семантически тождественными (*длинношей* ‘с длинной шей’): *Но правильно было бы нарисовать человека с длинной шей* [16]; *Слева от него сидела жена начальника отдела, Люда Шумаева, худая высокая*

блондинка с **длинной шеей** и озабоченными глазами [19]; Ученые классифицировали доисторическое животное, назвав его *plesionectes longicollum* ("ранний длинношей пловец") [21].

Фиксируется весьма невысокая степень употребительности в современном русском языке, которая обусловлена явной архаизацией одного из компонентов (долговязый — 114 прим., длинновязый — 531 прим., в то время как долговязый отмечен в 562 тыс. примеров): **Длинновязый** и коротконосый **Женька Столетов**, могучий и спокойный **Андрюшка Лузгин**, сосредоточенный, будто всегда что-то считающий **Борька Маслов**, высокомерный и холодный **Генка Попов** — они сейчас смотрели на веселящийся зал одинаковыми глазами [19]; **Тут розовые союзные женщины, пивные немецкие фрау, долговязые англичанки, угловатые скандинавки ходят между плотных рядов смуглых тайцев** [17]. Заметим, что в нашем исследовании эти языковые единицы относятся к квазикомпозитам.

О.Е. Ольшанский писал, что «опрощение композитов вызывалось процессами фонетического, семантического и лексического характера» [5, с. 373]. Среди фонетических процессов, которые вызывают или закрепляют опрощение, выделяют: а) гапологию, б) выпадение согласных и слогов, в) упрощение групп согласных, причем фонетический фактор тесно связан с семантическими преобразованиями. Явление гапологии, о котором мы писали в связи с преобразованием прилагательного *белокурый*, отмечается среди прилагательных *курносый / кърноносый, кургузый / корногузый (корный 'обрезанный', гуз 'задняя часть тела животных')*. О.Е. Ольшанский предлагает отнести слова *курносый, кургузый, корноухий, корнорукий* к одной лексической микросистеме, настаивая на том, что они неоднородны по своему морфемному строению, поскольку «во всех словах этой группы вычленяется вторая этимологическая основа, обозначающая части человеческого тела (или организм животного) — нос, палец, ухо, рука, однако первая основа в одних случаях является мотивирующей (корнорукий, корноухий, корнохвостый), в других — в результате серьезных фонетических деформаций она утратила этот признак (кургузый, курносый)» [5, с. 375].

Антонимичные прилагательные *стремоухий* (от глаг. *стремить* 'устремлять вверх, держать настороже') и *вислоухий* 'с отвислыми ушами' представляют собой весьма интересную пару в плане оценки их деривационных особенностей. В слове *стремоухий* выделяется опрощенная основа *стрем-* и прилагательное относится к квазикомпозитам, т.к. образовано по модели, уже имеющейся в языке. Прилагательное *вислоухий* рассматривается нами как универбализационный композит, который семантически тождественен сочетанию с *отвислыми ушами*. Оба композита содержат основу *ухо* и реализуются по схеме **предл + Прил5мн + Сущ5мн / ЧоснПрил5мн + инт + оснСущ5мн + парПрил**: *Только стремоухая собака будет ждать у стылого окна — не идёт ли кто из полумрака* [19]; *А еще у нее есть вот такие милые и прекрасные вислоухие кошки и котята* [13].

Особого внимания заслуживают примеры употребления экспрессивно-окрашенных композитов с явными признаками опрощения, которые заключают в себе отрицательную коннотацию. Так, прилагательное *вислоухий* используется в сочетании со словами *аудитория, население, избиратели*, например: *Главный украинский объясняльщик Подоляк объяснил вислоухой аудитории, что Курская операция свою задачу выполнила и можно ее сворачивать* [16]; *Депутаты Рады, наконец, объяснили вислоухому населению, почему Европа покупает у России нефть и газ* [16]; *Как-то неприятно читать кургузые надписи на латинице там, где можно было перевести*

на кириллицу [23]; «Толстовка и русская рубашка — бунт против кургузой, бессмысленной пиджачности» [24].

Фиксируем отдельные случаи субстантивации прилагательного *вислоухий*, например: *А разве **вислоухие** умеют строить атомные станции* [16]; *Но она не перестает разбивать фейки **вислоухих**, либералов и навалистов* [22]; *Их унижают все — от **вислоухих** до европейцев, но они упорно стремятся, опустившись до уровня их развития, стать среди них своими* [23]; *Короче, **вислоухих** пригласят, чтобы объявить о результатах* [16]. Напомним, что субстантивация определяется как «переход из признаковой области в предметную концептуальную область» [7, с. 150]. При субстантивации формирование производных концептов осуществляется на основе действия когнитивного механизма конкретизации, но сопровождается «сужением содержания исходных концептов, которое осуществляется посредством выделения их специфических характеристик» [7, с. 152]. В отмеченных выше примерах прилагательное *вислоухий* употребляется в значении простофиля, недалекий, глуповатый.

Прилагательное *колченогий* образовано путем сложения архаичного первого компонента *колча* ‘хромой’ (от *колтать* ‘хромать’) и *нога*, буквально — *хромоногий*, тот, у которого одна нога короче другой, в отношении человека или предмета мебели, например: *Я села на единственный **колченогий** стул и покачала головой* [19]; *Если вы пропустили эту новость, то сообщаем, что **колченогий** голопопый гидроцефал из США в этом году получил(а) титул «Мисс Вселенная»* [23].

Сложение *кляпоносый* ‘тот, у кого нос покляпый, крючковатый’ практически вышло из употребления, произошла полная утрата семантического значения первого компонента *кляп* / *клюю* / *крючковатый*: *Нос у маски всегда был **крючковатым**, похожим на клюв* [24]; *Невысокий, морщинистый мужчина в сером засаленном фартуке поправил очки на своем **крючковатом** носу* [21].

В составе прилагательного *косноязычный* (при параллельном употреблении синонимов *медленноязычный*, *кривоязычный*) выделяем основу *косно-* с устаревшим значением, что является «нарушением регулярных словообразовательных отношений, предполагающих параллелизм между словами свободного употребления и их основами в сложении» [9, с. 332]. Из прилагательных данного синонимичного ряда композит *косноязычный* отличается высокой частотой употребления, что позволяет ему сохранять за собой статус оптимальной единицы, несмотря на наличие явно устаревшего и малоупотребительного компонента: *Самый **косноязычный** мэр в мире вновь проявил свои недюжинные телепатические способности* [22]; ***Косноязычные** объяснения Качуры пока что вызывают больше подозрений, чем снимают их* [23]; *Конечно, следуя принятому у наших чиновников **косноязычному** новоязу, в котором взрыв дома называется «хлопком» газа, пожара не было, а было «задымление»* [22].

Прилагательное *хлопчатобумажный* представляет интерес для исследователей в двух аспектах — семантическом и фонетическом. Словосочетание *хлопчатая бумага* (устар. *вата*) является производящей основой для возникновения деривационного композита *хлопчатобумажный* в котором выделяется опрошенная основа *хлопчат-* и вторая основа *бумаж(г)-*, например: *В Закавказье — виноград, шелк, **хлопчатая бумага**, марена, кошениль, в древности здесь разводили сахарный тростник... Наверно, от греков.* [19]; *По-гречески **хлопчатая бумага** — «бамбаки». Где и когда впервые появилась такая бумага, какой пользуемся мы теперь?* [19]. В русском языке новейшего периода выражение *хлопчатая бумага* практически не употребляется (зафиксирован пример *хлопчатая ткань*), а композит *хлопчатобумажный* имеет значение ‘сделанный из хлопковой пряжи; относящийся к переработке хлопка’,

например: *Дизайн был индивидуальным: многочисленные нашивки, украшения из бисера и кожи, покраска джинсовой и хлопчатой ткани техникой тай-дай* [23]; *То же самое относится к хлопчатобумажной целлюлозе и другим хлопчатобумажным изделиям* [13]; *Тарлатан — одна из самых легких хлопчатобумажных или полушелковых тканей, имела сходство с кисеей или муслином* [23]; *Это некогда крупнейший в Европе хлопчатобумажный комбинат в Херсоне* [23].

Заключение. По результатам исследования мы предлагаем считать опрощением изменение в морфологическом строении слова, при котором производная основа (ранее состоявшая из отдельных значимых частей) трансформируется в непроедную, а слово считается утратившим способность делиться на морфемы. Опрощение может трактоваться и как деэтимологизация, когда фиксируется утрата смысловой связи с производящей основой. в результате чего слово из мотивированного названия предмета окружающей реальности становится немотивированным названием. Основными причинами деэтимологизации ученые-лингвисты называют звуковые изменения, нарушающие родственные связи слов, непродуктивность некоторых старых аффиксов, условный характер названий предметов. Корневые морфемы теряют семантические связи, что приводит к деэтимологизации сложных прилагательных. В структуре адъектива наблюдается семантический сдвиг, а его морфологическая структура четко не определяется. Выявлены два основных типа опрощения — полное и частичное, которое приводит к изменению обоих структурных компонентов сложений. Полное опрощение трактуется нами как завершённый процесс видоизменения основы при полной утрате соотносительности основ-компонентов с четкими понятиями и определенными фактами действительности, например, *ясновельможный*. Ко второму типу относим слова (полуопрощенные) без признаков этимологической мотивированности, но все еще сложные в структурном отношении. Полная демотивация вызвана архаизацией одного из компонентов сложения и, следовательно, приводит к неспособности реализовывать деривационный потенциал, как, например, в случае с прилагательными *белокурый, лопухий, корноухий, белобрысый*. Использование метода квантитативного анализа убедило нас в том, что чаще всего опрощение фиксируется у квазикомпозитов, демонстрирующих полную неспособность к образованию производных слов.

Перспективы исследования видятся нам в установлении причин деэтимологизации сложных прилагательных и изучении особенностей данного процесса как у квазикомпозитов, так и у единиц универбализационного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке / Л.А. Булаховский // Избранные труды: в 3-х т. — Киев: Наукова думка, 1978. — Т. 3. — С. 340–355.
2. Валеева Л.В. Мотивационное моделирование дериватов корня-основы хит- в истории русского языка / Л.В. Валеева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. — 2024. — Том 10 (76). — № 4. — С. 124–137. — DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-124-137.
3. Габдреева Н.В. Заимствование в русском языке новейшего периода: сопутствующие языковые процессы / Н.В. Габдреева, А.В. Агеева // Русистика. — 2025. — Т. 23. — № 2. — С. 225–240. — DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-225-240.
4. Галочкина Т.А. Анализ семантических связей деэтимологизированных слов этимологического гнезда индоевропейского корня *leip* / Т.А. Галочкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2017. — № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. — С. 62–65.
5. Ольшанский О.Е. Композиты с опрощенным составом в русском языке / О.Е. Ольшанский / ВУЛС, №8. — Донецк: Донеччина, 2008. — С. 371–382.
6. Пятаева Н.В. К проблеме выделения и квалификации генетической парадигмы как единицы системного динамического исследования лексики русского языка / Н.В. Пятаева // Филология и человек, 2010. — №4. — С. 137–147.

7. Резниченко Л.В. Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имен прилагательных / Л.В. Резниченко // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А.С. Пушкина. — 2012. — Вып. 2. — Т.1. — С. 146–154.
8. Самарин Д.А. Реализация принципа экономии речевых усилий в лингвистической концепции В.А. Богородицкого / Д.А. Самарин // Филологические науки. — 2016. — С. 96–99.
9. Соснина Л.В. Изменения в структуре сложных прилагательных / Л.В. Соснина // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — №6 (55). — С. 332–333.
10. Сулейбанова М.У. Словообразовательная и семантическая соотнесенность слов / М.У. Сулейбанова, Т.Б. Хабусиева // Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — №4. — С. 218–224. — DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-218-224.
11. Сухова Е.А. Особенности морфемной структуры слов со связанным корнем / Е.А. Сухова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2023. — № 3 (40). — С. 109–113. — DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-109-113.
12. Яхина Р.Р. Функционально-семантическое усвоение терминов английского происхождения: процесс деэтимологизации / Р.Р. Яхина // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — №3 (203). — С. 49–53.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Борис Рожин Colonelcassad [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/boris_rozhin (дата обращения 18.10.2025).
14. Белорусский силовик [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/belarusian_silovik (дата обращения 30.09.2025).
15. Дмитрий Медведев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/medvedev_telegram (дата обращения 30.10.2025).
16. Злой Пруф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/proofzzz> (дата обращения 12.10.2025).
17. Лавка Макса Верника [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/vernikmax> (дата обращения 30.01.2025).
18. МИГ России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/mig41> (дата обращения 30.10.2025).
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ruscorpora.ru
20. Раньше всех. Ну почти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/bbbreaking> (дата обращения 30.09.2025).
21. Райн Александр. Канал авторских историй [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/RaynAlexandr> (дата обращения 28.09.2025).
22. Ридовка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/readovkanews> (дата обращения 03.11.2025).
23. Украина.ру [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/ukraina_ru (дата обращения 16.09.2025).
24. Хронотоп жизни [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://t.me/hronotop_zhizni (дата обращения 27.10.2025).
25. Reverse side of the medal [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://t.me/rsotmdivision> (дата обращения 30.09.2025).

REFERENCES

1. Bulahovskij L.A. (1978) Deetimologizaciya v russkom yazyke [De-etymologization in Russian]. Selected works. Kiev: Naukova dumka, 3, pp. 340–355 (In Russian).
2. Valeeva L.V. (2024) Motivacionnoe modelirovanie derivatov kornya-osnovy khit v istorii russkogo yazyka [Motivational modeling of root-base derivatives is a hit in the history of the Russian language]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal, 10 (76), 4, pp. 124–137. DOI: 10.29039/2413-1679-2024-10-4-124-137 (In Russian).
3. Gabdreeva N.V., Ageeva A.V. (2025) Zaimstvovanie v russkom yazyke novejshego perioda: soputstvuyushchie yazykovye process [Borrowing in the Russian language of the modern period: accompanying linguistic processes]. Rusistika, 23 (2), pp. 225–240. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-225-240 (In Russian).
4. Galochkina T.A. (2017) Analiz semanticheskikh svyazey deetimologizirovannykh slov etimologicheskogo gnezda indoevropskogo kornya leip [Analysis of semantic connections and etymologization of words from the etymological nest of the Indo-European root leip]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 5(71), pp. 62–65 (In Russian).

5. Ol'shanskij O.E. (2008) Kompozity s oproshechnym sostavom v russkom yazyke [Simplified Composites in Russian]. VULS, 8. Doneck: Donechchina, pp. 371–382 (In Russian).
6. Pyataeva N.V. (2010) K probleme vydeleniya i kvalifikacii geneticheskoy paradigmy kak edinicy sistemnogo dinamicheskogo issledovaniya leksiki russkogo yazyka [On the problem of identifying and qualifying the genetic paradigm as a unit of systemic dynamic research of the vocabulary of the Russian language]. Filologiya i chelovek, 4, pp. 137–147 (In Russian).
7. Reznichenko L.V. (2012) Konceptual'naya derivaciya kak osnova formirovaniya znachenij substantivirovannykh imen prilagatel'nykh [Conceptual derivation as the basis for the formation of meanings of substantivized adjectives]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo un-ta im.A.S. Pushkina. Vyp. 2, t. 1, pp. 146–154 (In Russian).
8. Samarin D.A. (2016) Realizaciya principa ehkonomii rechevykh usilij v lingvisticheskoy koncepcii V.A. Bogorodickogo. [Implementation of the principle of economy of speech efforts in the linguistic concept of V.A. Bogoroditsky]. Filologicheskie nauki, pp. 96–99 (In Russian).
9. Sosnina L.V. (2015) Izmeneniya v strukture slozhnykh prilagatel'nykh [Changes in the structure of compound adjectives]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 6 (55), pp. 332–333 (In Russian).
10. Sulejbanova M.U., Khabusieva T.B. (2020) Slovoobrazovatel'naya i semanticheskaya sootnesennost' slov [Word-formation and semantic correlation of words]. Gumanitarnye i social'nye nauki, 4, pp. 218–224. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-218-224 (In Russian).
11. Sukhova E.A. (2023) Osobennosti morfemnoj struktury slov so svyazannym kornem [Features of the morphemic structure of words with a bound radix]. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya, 3 (40), pp. 109–113. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-109-113 (In Russian).
12. Yakhina R.R. (2017) Funkcional'no-semanticheskoe usvoenie terminov anglijskogo proiskhozhdeniya: process deetimologizacii [Functional-semantic acquisition of terms of English origin: the process of de-etymologization]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 3 (203), pp. 49–53 (In Russian).

Поступила в редакцию 30.11.2025 г.

COMPLEX ADJECTIVES DE-ETYMOLOGISATION

Sosnina L.V.

The article deals with the problem of complex adjectives de-etymologization. The study relevance is determined by the lack of a unified approach to the composites analysis with obvious simplification signs. The work scientific novelty lies in the fact that it is for the first time that the de-etymologization of compound adjectives is considered with examples from popular telegram channels. The comparative-historical method allows us to study complex adjectives both from a historical perspective and from the point of view of the Russian language current state. The method of contextual analysis is used to explain the complex adjectives evolution for better understanding of semantic processes. The corpus methods, description and formalization are used to estimate the factual base. The method of quantitative analysis helps to determine the frequency of the linguistic units under study usage in modern Russian and to confirm the study results. The comparative analysis is applied to analyse the existing scientific concepts and to determine the work theoretical significance. The results obtained enable to draw the conclusion about two main types of simplification — complete and partial. They equally modify both the first and second components of additions. The loss of semantic connections between root morphemes leads to the complex adjectives de-etymologization. A semantic shift is observed in the adjective structure, with its morphological structure being not clearly defined. Univerbalisation composites, quasi-composites, and compounds formed from primary composites — all these complex adjectives types have revealed structural changes.

Keywords: composite, de-etymologization, morpheme, motivation, word formation, quasi-composite, structural model.

Соснина Людмила Васильевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Донецкий национальный технический
университет, Российская Федерация, г. Донецк.
Заведующий кафедрой «Английский язык».
ORCID 0000-0002-9823-5152.
E-mail: ludmilasosnina@gmail.com.

Sosnina Lyudmila Vasilievna.

Doctor of Philology. Associate Professor.
Donetsk National Technical University, Russian
Federation, Donetsk.
Head of English Language Department.
ORCID 0000-0002-9823-5152.
E-mail: ludmilasosnina@gmail.com.

Научная статья

УДК 811.111:81'373.72

DOI: 10.5281/zenodo.18822870

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФЕ-ТЕРМИНА *HOT MONEY* В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ

© 2026 А.Р. Притомская¹, Т.Н. Федуленкова²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ORCID¹ 0009-0006-0948-770X

ORCID² 0000-0002-5039-5827

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Данная работа посвящена функциональному анализу двухкомпонентного термина *hot money*, который принадлежит к домену экономики и финансов в сфере делового общения. **Цель** работы — выявить грамматические функции избранного для анализа термина в предложении и определить их процентное соотношение в современном профессиональном дискурсе. **Объектом** настоящего исследования послужили две сотни случаев употребления рассматриваемого фразеологизма в американском варианте современного английского языка, выборка которых произведена на материале базы национального корпуса современного американского английского — СОСА (Corpus of Contemporary American English). Предметом исследования являются грамматические функции, которые способен выполнять изучаемый термин-фразеологизм в предложении. В работе применяется ряд **методов** как полипарадигмального, так и частнонаучного порядка, а именно: метод фразеологической идентификации А.В. Кунина, методики дефиниций И.С. Куликовой и технологии квантитативного анализа З.И. Комаровой. В результате исследования выявляем шесть видов грамматических функций рассматриваемого термина-фразеологизма, а именно: функция подлежащего, функция предложного дополнения, функция препозитивного определения, функция части составного именного сказуемого, функция прямого дополнения, функция аппозитива, и определяем их процентное соотношение.

Ключевые слова: американский вариант современного английского языка, деловая терминология, термин-фразеологизм, ФЕ-термин, компонент фразеологической единицы, функция термина в предложении.

Для цитирования: Притомская А.Р. Грамматические функции ФЕ-термина *hot money* в современном американском английском языке / А.Р. Притомская, Т.Н. Федуленкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 30–39. — <https://doi.org/10.5281/zenodo/18822870>.

Введение. Мощные тенденции в развитии современного общества — укрепление экономической системы, процесс глобализации рынка и бизнеса, экстенсивное развитие микро- и личных брендов — диктуют необходимость пристального и детального изучения деловой терминологии современного английского языка и, прежде всего, его американского варианта. Тотальная цифровая трансформация коммуникационных практик окончательно закрепила за последним роль мирового лингва франка.

Данная функция языка проявляет себя особенно ярко в таких интегрированных сферах, как международный бизнес, корпоративные финансы и трансграничное право. Сложность и высокая ответственность данных областей закономерно порождают исключительные требования к качеству профессионального диалога: ясности,

недвусмысленности, оперативной эффективности и концептуальной точности передаваемой информации.

Особенную сложность закономерно представляет деловая терминология фразеологического характера, то есть такие термины-словосочетания деловой сферы, или ФЕ-термины, которые порождены посредством одного из известных механизмов семантической трансформации компонентного состава исходного устойчивого словосочетания, в результате чего образовались термины-фразеологизмы с характерным для них полностью или частично переосмысленным значением компонентного состава [11, с. 42–43].

На наш взгляд, данный участок языка изучен недостаточно. Пик интереса к этой проблеме пришелся на конец XX — начало XXI века [12, с. 33; 9, с. 247], однако впоследствии он начал угасать [3; 13]. Лишь в последние годы внимание исследователей к деловой фразеологической терминологии английского языка вновь возрождается [6; 8, с. 70].

В фокусе современной прикладной лингвистики оказывается именно специальная деловая лексика, а в ее составе — устойчивые, идиоматичные словесные комплексы, или фразеологические единицы, обладающие признаками терминов (ФЕ-термины). Они функционируют не как простые комбинации слов, а как целостные, концептуально насыщенные знаки, кодирующие ключевые понятия экономического и управленческого дискурса.

В фокусе настоящего исследования находится распространенный в современном дискурсе экономики и финансов двухкомпонентный термин *hot money*, который обладает признаками полноценной фразеологической единицы, то есть устойчивого сочетания слов с частично переосмысленным (в данном случае) значением компонентов [10, с. 229].

Объектом настоящего исследования послужили случаи употребления рассматриваемого фразеологизма в современном английском языке на материале базы национального корпуса современного американского английского языка COCA (Corpus of Contemporary American English) [15].

Предметом исследования выступает выявление различных грамматических функций, выполняемых рассматриваемым термином-фразеологизмом в предложении с **целью** установления видов этих функций и их процентного соотношения в американском варианте современного английского языка.

Методология и методики настоящей статьи построены на основе трудов А.В. Кунина [7], В.Д. Аракина [1; 2], З.И. Комаровой [4; 5] и Т.Н. Федуленковой [9; 10; 11]. Метод фразеологической идентификации [7, с. 38–43] используется для отождествления ФЕ-терминов и определения их номенклатуры и при выборке контекстов из национального корпуса для иллюстративных целей и для анализа функций изучаемых языковых единиц. Методики компонентного и количественного анализа [4, с. 431; 5, с. 59–74] применяются для определения соотношения функций изучаемых языковых единиц. Методы дефиниций применяются для определения принадлежности ФЕ-термина к определенному прагматическому домену [6, с. 44–46].

Актуальность данного исследования обусловлена рядом взаимосвязанных причин. Во-первых, именно за счет ФЕ происходит развитие номинативной системы английского языка, что особенно заметно в характере ФЕ-терминов, пополняющих современный деловой язык [9]. Во-вторых, ФЕ-термины являются «зоной повышенного семиотического риска» в межкультурном профессиональном общении. Их мнимая прозрачность (особенно для носителей языков романо-германской группы) провоцирует грубые смысловые искажения, как следствие дословного перевода. Не менее важно и то,

как динамично развивающаяся бизнес-реальность отражается в данных единицах языка. Процесс их возникновения, трансформации и устаревания напрямую фиксирует развитие профессионального мышления (н-р, *cloud mining*, *scrum framework*, *stress test* и др). Кроме того, системный анализ деловых ФЕ-терминов имеет непосредственно практическое значение для оптимизации образовательных программ в области языка для специальных целей (LSP), составления специализированных словарей и разработки компьютерных систем, обеспечивающих точный машинный перевод финансово-экономических терминов.

Так, словарная дефиниция рассматриваемого термина-фразеологизма *hot money* гласит: *money that is moved quickly from place to place in order to be invested in the most profitable things in different places; money obtained from illegal activities that is invested in ways which hide its source* (LBED) [14, с. 340].

Данное определение термина убедительно подтверждает его принадлежность к категории фразеологических единств. Ключевым аргументом в пользу этого служит механизм его возникновения — очевидное семантическое смещение на основе образной аналогии с широко известным идиоматическим выражением *hot potato* — *a problem, situation, etc. that is difficult and unpleasant to deal with* (OALD) [16]. В этом процессе переосмысления центральную роль играет адьюнкт-прилагательное *hot*. Его исходная сема «имеющий высокую температуру» замещается вторичной, контекстуально обусловленной семой «срочный, критический, несущий потенциальную угрозу». Благодаря этому переносу оба устойчивых словосочетания объединяет общая архисема «опасность; необходимость быстрее избавиться от денотата» [7, с. 98]. Эта глубинная смысловая общность не только связывает их в единое словообразовательное гнездо, но и формирует запоминающуюся когнитивную модель, упрощающую усвоение и использование термина в профессиональном дискурсе.

Таким образом, рассматриваемая фразеологическая единица демонстрирует яркую внутреннюю образность (мотивированность), которая не стирается, а, напротив, служит мощным мнемоническим и экспрессивным ресурсом. Подобная образная составляющая является отличительным признаком многих ФЕ-терминов, позволяющим им не только точно обозначать сложное понятие, но и активировать в сознании носителя языка целый комплекс ассоциативных связей, что повышает эффективность и выразительность профессиональной коммуникации.

Основная часть. Результаты исследования и их обсуждение.

Проведенный количественный анализ синтаксического функционирования исследуемого термина-фразеологизма *hot money* выявил четкую иерархию его грамматических ролей. Распределение по частоте употребления в различных синтаксических позициях позволяет судить не только о формальной, но и о семантико-коммуникативной специфике данной единицы в дискурсе. Результаты анализа представлены в следующей градации:

- 1) подлежащее (32% случаев) — абсолютно доминирующая позиция;
- 2) предложное дополнение (31,4%) — вторая по частотности функция, формирующая вместе с первой основной паттерн употребления;
- 3) препозитивное определение (или атрибут) (19%) — значимая роль в номинативной квалификации других понятий;
- 4) именная часть составного сказуемого (10%) — функция предикативной характеристики;
- 5) прямое дополнение (6%);

б) аппозитив (1,4%) — маргинальная, пояснительная функция.

Полученное распределение свидетельствует о выраженной номинативно-субъектной ориентации данного ФЕ-термина. Тот факт, что в совокупности функции подлежащего и предложного дополнения охватывают более 63% всех случаев употребления, указывает на его ключевую роль в актуализации субъекта действия или состояния (подлежащее) либо центрального объекта, детализируемого в рамках предложной конструкции (дополнение). Низкая частотность роли прямого дополнения (6%) косвенно подтверждает, что данный ФЕ-термин редко выступает в качестве объекта прямого, целенаправленного действия, что согласуется с его семантикой неуправляемых, спекулятивных капиталов.

Рассмотрим данные случаи подробнее.

На основании исследования репрезентативной выборки из корпуса современного американского английского языка СОСА можно сделать вывод, что чаще всего, а именно в 32% случаев, термин-фразеологизм *hot money* выступает в качестве **подлежащего**. Эта позиция актуализирует ключевую семантическую черту ФЕ — его агентность и активную роль как самостоятельного актора экономических процессов. Например:

<...> *Nelson Peltz wants State Street to spin off its investment management business. Notably Mr. Peltz had previously focused on retail ventures like Wendy's and Tiffany's. His turn to financial institutions without apparent prior experience shows how that **hot money** is pouring into the latest Wall Street strategy. # Morgan Stanley's stock price is trading at about \$17, up from a low a few weeks ago of \$12.47, but still down about 40 percent from the beginning of the year. # Morgan Stanley's stock now trades at about 0.55 of book value, down from three times book value before the financial crisis. This number is on par with the book value of Bank of America and Barclays...* (СОСА: Banks May Be Target of Their Own Tactic — DealBook — The New York Times, 2012). — <...> Нельсон Пельц требует, чтобы State Street выделила в отдельную компанию свой инвестиционный менеджмент. Примечательно, что г-н Пелтц ранее специализировался на розничных предприятиях, таких как Wendy's и Tiffany's. Его обращение к финансовым учреждениям без очевидного предшествующего опыта показывает, как эти **горячие деньги** вливаются в новейшую стратегию Уолл-стрит. Цена акций Моргана Стэнли торгуется на уровне около 17 долларов, что выше минимума на 12,47 доллара, достигнутого несколько недель назад, но все еще ниже примерно на 40 процентов по сравнению с началом года. Акции Моргана Стэнли сейчас торгуются примерно на уровне 0,55 от балансовой стоимости, что в три раза ниже балансовой стоимости до финансового кризиса. Эта цифра сопоставима с балансовой стоимостью Bank of America и Barclays...

Доминирование в роли подлежащего не является случайным. Оно отражает когнитивную модель, в рамках которой «горячие деньги» концептуализируются не как пассивный ресурс, а как автономный, волатильный и мощный агент, оказывающий воздействие на финансовые системы, что и предопределяет его синтаксическое верховенство в высказывании.

Не менее показательной и статистически значимой (31,4% случаев) является функция **предложного дополнения**. Эта синтаксическая роль принципиально важна для раскрытия его контекстуальной семантики, так как помещает понятие *hot money* в структуру отношений с другими элементами высказывания, чаще всего выявляя его как источник, инструмент, причину или сопутствующее обстоятельство экономических процессов. Например:

(a) <...> *In Chinese we say they live two-dimensional lives: in real life, and on the internet -- reading online comics, playing games, using social media, chatting constantly. Many of the young girls are crazy about what we call "young fresh meat" (an expression used to describe boy bands and pop idols). Are you concerned about China's recent box-office slowdown? # It just comes down to an influx of **hot money** into the Chinese film market over the past few years. It was too easy to raise money. So we had low-quality local films flying into the market and the audience rejected many of them. Now we are seeing the correction. China's quota limiting foreign films to 34 a year is set to expire this year <...>. (COCA: Berlin: China Film Exec Outlines the Rising Importance of Young ..., Hollywood Reporter. 2017). — <...> Мы по-китайски говорим, что они живут двумерной жизнью: в реальности и в интернете — читают веб-комиксы, играют в игры, сидят в соцсетях, постоянно общаются в чатах. Вы обеспокоены недавним снижением кассовых сборов в Китае? Это просто связано с притоком **горячих денег** на китайский кинорынок за последние несколько лет. Собрать деньги было слишком легко. Таким образом, на рынок хлынули низкокачественные местные фильмы, и зрители отвергли многие из них. Сейчас мы наблюдаем коррекцию. Китайская квота, ограничивающая показ иностранных фильмов 34 картинами в год, должна истечь в этом году <...>.*

(б) <...> *The Hong Kong Monetary Authority bought a combined \$4.2 billion of the U.S. currency this month, defending the upper limit of the peg for the first time in three years, as a third round of asset purchases by the Federal Reserve boosted the supply of the greenback. The peg "isn't the main reason" behind the pickup in capital inflows as other Asian countries are experiencing similar surges, Tsang said today. His comments echoed those of the city's monetary chief Norman Chan, who said Nov. 9 that talk of so-called **hot money** flowing into Hong Kong to speculate on the yuan is "unfounded." <...> # Hong Kong linked its exchange rate to the U.S. dollar in 1983 when negotiations between China and the U.K. over the city's return to Chinese rule spurred capital outflows <...>. (COCA: Hong Kong Financial Chief Rejects Calls for Review of Dollar Peg, Business Week, 2017). — <...> Валютное управление Гонконга приобрело в общей сложности 4,2 миллиарда долларов США в этом месяце, защищая верхний предел привязки к доллару впервые за три года, поскольку третий раунд выкупа активов Федеральной резервной системой увеличил предложение американской валюты. Цанг заявил сегодня, что привязка «не является основной причиной» увеличения притока капитала, поскольку другие азиатские страны переживают аналогичные скачки. Его комментарии перекликаются с комментариями главы финансового департамента города Нормана Чана, который 9 ноября заявил, что разговоры о притоке так называемых **горячих денег** в Гонконг для спекуляций на юанях «необоснованны». <...> # Гонконг привязал свой обменный курс к доллару США в 1983 году, когда переговоры между Китаем и Великобританией о возвращении города под управление Китая привели к оттоку капитала <...>.*

Статистика использования предлогов в этой функции особенно релевантна. Анализ демонстрирует абсолютное доминирование генетивной конструкции с *of* (12 случаев (57,1%)). Данная конструкция преимущественно выражает отношения принадлежности, состава, источника или характеристики (*a wave of hot money, the problem of hot money*).

На втором месте по частотности находится конструкция с предлогом *with* (3 случая (14,2%)), которая обычно вводит рассматриваемый ФЕ-термин как инструмент или сопутствующее условие. Например:

<...> *It's a tradeoff many banks have been willing to make. THAT WHOLE WAY OF DOING BUSINESS — fueling a far-flung, rapidly expanding portfolio of inherently risky real estate loans **with hot money** from brokered deposits — describes scores of small banks that*

popped up during the past several years, but none more accurately than Town Bank of Arizona. Co-founder Rick Meikle was building a home in Gold Canyon, Ariz. He had sold a bank that he had founded in Washington State and was looking for the next deal <...>. (COCA: A bank on the bubble, Fortune, Vol. 158, Iss. 3; pg. 82) — <...> Это компромисс, на который многие банки были готовы пойти. ВСЯ ЭТА МОДЕЛЬ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА — когда масштабный и стремительно растущий портфель изначально рискованных ипотечных кредитов подпитывается «горячими» деньгами с брокерских депозитов — описывает десятки небольших банков, возникших за последние несколько лет, но лучше всех ей соответствует Городской Банк Аризоны. Соучредитель Рик Микл как раз строил дом в Голд-Каньоне, Аризона. Он продал основанный им ранее банк в штате Вашингтон и искал новую возможность для сделки <...>.

Третьей по продуктивности в синтаксическом репертуаре термина-фразеологизма *hot money* является функция **препозитивного определения (атрибута)**, зафиксированная в 19% проанализированных случаев. Эта роль принципиально важна, так как раскрывает номинативно-классифицирующий потенциал фразеологизма: он выступает не самостоятельным актором, а определяющим признаком, модифицирующим и уточняющим характер связанного с ним существительного. Например:

*<...> A new round of quantitative easing poses a number of challenges the region's central bankers and monetary authorities. While the hope is that quantitative easing would boost growth in developed economies, there are some specific policy risks for emerging markets: **hot money** flows into the region may lead to asset bubbles and inflation. # Concerns over Emerging Markets # While the growth rate for the region has remained largely stable, the drivers of growth have shifted <...>. (COCA: State of the Region, 2012, pegg. org). — <...> Новый раунд количественного смягчения ставит ряд задач перед центральными банками и денежно-кредитными властями региона. Хотя есть надежда, что количественное смягчение ускорит экономический рост в развитых странах, для развивающихся рынков существуют некоторые специфические политические риски: приток *горячих денег* в регион может привести к образованию «пузырей» активов и инфляции. # Опасения по поводу развивающихся рынков. # В то время как темпы роста в регионе оставались в основном стабильными, движущие силы роста изменились <...>.*

В 10% случаев термин-фразеологизм *hot money* выступает как **часть составного именного сказуемого**. Эта синтаксическая роль имеет особое прагматическое значение, так как ее главная задача — присвоение объекту идентичности, придание ему определения и раскрытие его сущностных свойств. В такой позиции ФЁ выступает в роли логического сказуемого, завещающего связку (глаголы *become, be known as, be called*), что придает высказыванию характер констатации, классификации или терминологического пояснения. Например:

*<...> Its assets eclipsed \$500 million, a faster growth rate than 91 percent of more than 1,000 commercial banks nationwide To support that loan portfolio, it was gorging on high-yield brokered certificates of deposit, known as “**hot money**”, because investors can withdraw money and chase better CD returns elsewhere. Eventually, it came to rely on those shaky deposits at 10 times the national average. (COCA: A Special Report — Part one of two Bank pushed boundaries A Post investigation reveals potential fraud in maneuvers by New Frontier Bank as it headed to its April collapse, Denver Post, 2009). — <...> Его активы превысили 500 миллионов долларов, что является более быстрым темпом роста, чем у 91 процента из более чем 1000 коммерческих банков по всей стране. Для поддержки этого кредитного портфеля банк использовал высокодоходные депозитные сертификаты, известные как*

«горячие деньги», потому что инвесторы могут снимать деньги и искать более высокую доходность на компакт-дисках в других местах. В конце концов, компания стала полагаться на эти сомнительные депозиты, которые в 10 раз превышали средний показатель по стране.

На периферии синтаксического репертуара рассматриваемого термина-фразеологизма находятся **функции прямого дополнения и аппозитива**, демонстрирующего его специализированное и контекстно-обусловленное употребление.

Функция прямого дополнения (6% случаев) представляет особый интерес, так как ставит концепт *hot money* в позицию непосредственно объекта управляющего действия или воздействия. Например:

<...> *Of course, we owned most of their debt, so now they work for us. PAUL-SOLMAN: That's one view of the Chinese. But they say they're just being prudent, controlling their currency to keep hot money from overheating their economy. YASHENG-HUANG: Hot money, money that goes back and forth very, very quickly <...>. (COCA: PBS NewsHour For November 11, 2010). — <...> Конечно, нам принадлежала большая часть их долга, так что теперь они работают на нас. ПОЛ-СОЛМАН: Это одно из мнений о китайцах. Но они говорят, что просто проявляют благоразумие, контролируя свою валюту, чтобы горячие деньги не перегревали их экономику. ЯШЕНГ-ХУАН: Горячие деньги, деньги, которые ходят туда-сюда очень, очень быстро <...>.*

Наконец, **функция аппозитива** (1,4% случаев) является наиболее маргинальной, но при этом семантически насыщенной. Например:

<...> *Apparently, I am not the only one who believes that appreciation pressures are mounting. That terrible bugbear, which made China's too-little-too-late appreciation strategy from 2005 to 2008 so difficult for the PBoC, hot money inflows, seems to be rapidly becoming a problem again. Earlier this week a senior policy advisor sounded, and not for the first time, the warning. According to an article in Bloomberg: # China may see "huge" speculative inflows as overseas investors step up bets on yuan gains, making it difficult to manage liquidity, said Zhang Xiaoqiang, deputy head of the nation's top planning agency. (COCA: Everyone Wants to Talk about Currencie, EconoMonitor, 2012). — <...> Очевидно, я не единственный, кто считает, что давление на повышение курса растет. Та ужасная проблема, из-за которой китайская стратегия слишком незначительного и запоздалого повышения курса с 2005 по 2008 год была столь трудной для Народного банка Китая, — приток горячих денег, — похоже, снова быстро становится проблемой. Ранее на этой неделе старший политический советник озвучил, и уже не в первый раз, это предупреждение. Согласно статье в Bloomberg, Китай может столкнуться с «огромным» притоком спекулятивных средств, поскольку зарубежные инвесторы увеличивают ставки на рост курса юаня, что затрудняет управление ликвидностью, сказал Чжан Сяоцян, заместитель главы главного национального агентства планирования.*

Подводя итоги проведенному анализу, можно констатировать, что грамматическая репрезентация исследуемого субстантивного двухкомпонентного термина-фразеологизма в дискурсе демонстрирует четкую функциональную специфику. Статистически доминирующими и, следовательно, наиболее продуктивными являются его синтаксические функции в роли подлежащего (32% от всех зафиксированных случаев) и предложного дополнения (31,4%). Такое распределение не является случайным, но отражает ключевую семантическую природу данных единиц: будучи номинантами сложных понятий, они естественным образом занимают позицию субъекта высказывания или объекта, детализируемого через предложную конструкцию, что можно считать системной характеристикой для фразеологизмов данного структурного типа.

Перспективы дальнейшего исследования обусловлены полученными результатами и видятся в следующих направлениях.

1. Расширение эмпирической базы. Исследование аналогичных двухкомпонентных терминов-фразеологизмов (как субстантивных, так и глагольных, адъективных) для выявления общих закономерностей и специфических различий в их грамматическом поведении.
2. Систематизация и обобщение. Сопоставительный анализ собранных данных с целью создания унифицированной классификации, которая могла бы лечь в основу типологического паспорта фразеологии современного английского языка (идея и термин В.Д. Аракина [2, с. 33]).
3. Углубление лингвистического моделирования. Такой «паспорт» должен включать не только структурно-грамматические, но и семантические, прагматические и когнитивные параметры описания ФЕ-терминов, что позволит создать их комплексную многомерную модель.

Таким образом, настоящее исследование, выявив частные грамматические закономерности, открывает путь к масштабной системной работе по таксономии и описанию фразеологического фонда английского языка специальных сфер коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. — М. : Физматлит, 2005. — 232 с.
2. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков : (Единицы сопоставит.-типол. анализа яз.) : дисс. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. : 10.02.01 Русский язык / Аракин Владимир Дмитриевич ; МГПИ. — М., 1983. — 38 с.
3. Гаврилова Н.В. Деловая терминология международной экономики во французском, английском и русском языках в тезаурусном аспекте : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Гаврилова Наталья Викторовна; УрГПУ. — Екатеринбург, 2009. — 191 с.
4. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. — М. : ФЛИНТА, Наука, 2018. — 820 с.
5. Комарова З.И. Методология и методика квантитативного исследования / З.И. Комарова, С.В. Краев // Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики : квантитативно-квалитативное исследование : моногр. — Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2008. — С. 59–74.
6. Куликова И.С. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте : учебное пособие для вузов / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. — Санкт-Петербург : Лань, 2020. — 380 с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. — М. : Высшая школа ; Дубна : Феникс, 1996. — 381 с.
8. Федулénkova Т.Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка / Т.Н. Федулénkova // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2020. — Т.6, N4. — С. 70–83. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7.
9. Fedoulenkova T. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness / T. Fedoulenkova // Linguistics Insights: Studies in Language and Communication. — 2002. — Vol. 2: Domain-specific English / Giuseppina Cortese & Philip Riley (Eds.). — Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt-am-Mein, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. — P. 247–269.
10. Fedulenkova T.N. Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains / T.N. Fedoulenkova // The European Society of Phraseology (EUOPHRAS) 2015: Computerised and Corpusbased Approaches to Phraseology: Monolingual and Multilingual Perspectives / edited by G.C. Pastor, M.B. Castro, R. Gutierrez. — Malaga: University of Malaga, 2015. — P. 229–301.
11. Fedulenkova T.N. Terminology vs phraseology: meaning transfer in business terms, Research Result / T.N. Fedoulenkova // Theoretical and Applied Linguistics. — 2022. — Vol. 8(4). — P. 41–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-4.

12. Gläser R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes / R. Gläser // Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English / Rosemarie Gläser (Ed.). — Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH, 1995. — P. 33–57.
13. Khamkhien A. Constructing subject-specific lists of multiword combinations for EAP: A case study / A. Khamkhien, S. Wharton // Yearbook of Phraseology. — 2020. — Vol. 11. — P. 9–34.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Longman dictionary of business English : [электронный ресурс] / ed. by M. Murthy. — Harlow : Pearson Education ; Longman Ltd., 2007. — 598 p. — Режим доступа: <https://www.pearson.com> (дата обращения: 10.02.2026).
15. Corpus of Contemporary American English (COCA) : [электронный ресурс]. — 2008–2026. — Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca> (дата обращения: 10.02.2026).
16. Oxford advanced learner's dictionary : [электронный ресурс]. — Oxford : Oxford University Press, 2026. — Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 10.02.2026).

REFERENCES

1. Arakin V.D. (2005). Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of English and Russian Languages]. Moscow: Fizmatlit. (In Russian).
2. Arakin V.D. (1983). Strukturnaya tipologiya russkogo i nekotoryh germanskikh yazykov (edinyi sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza yazykov) : dis. ... d-ra filol. nauk v forme nauch. dokl. [Structural typology of Russian and some Germanic languages (units of comparative typological analysis of languages) : Abstract of Dr. Habilitation Dissertation. Moscow, Russia. (In Russian).
3. Gavrilova N.V. (2009). Delovaya terminologiya mezhdunarodnoj ekonomiki vo francuzskom, anglijskom i russkom yazykah v tezaurusnom aspekte: dis. ... kand. filol. nauk [Business Terminology of International Economics in French, English, and Russian in the Thesaurus Aspect: Dis. ... Cand. Philol. Sciences]. Yekaterinburg. (In Russian).
4. Komarova Z.I. (2018). Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnyh issledovaniy v lingvistike [Methodology, method and technology of scientific research in linguistics]. Moscow : FLINTA Press, Nauka Press. (In Russian).
5. Komarova Z.I., & Kraev S.V. (2008). Metodologiya i metodika kvantitativnogo issledovaniya [Methodology and methods of quantitative research]. In Z. I. Komarova (Ed.). Yadernye sluzhebnye slova v russkom pod''yazyke informatiki: kvantitativno-kvalitativnoe issledovanie [Nuclear function words in the Russian sublanguage of information technology: quantitative-qualitative research] (pp. 59–73); Ural Literary Agency. Ekaterinburg : ULA Press. (In Russian).
6. Kulikova I.S., Salmina D.V. (2020). Lingvisticheskaya terminologiya v professional'nom aspekte: uchebnoe posobie dlya vuzov [Linguistic Terminology in the Professional Aspect: A Textbook for Universities]. St. Petersburg: Lan. (In Russian).
7. Kunin A.V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka [A course of phraseology of modern English]. Moscow : Vysshaya Shkola. (In Russian).
8. Fedulenkova T.N. (2020). Odnomernye modeli frazeologii sovremennogo mezhdunarodnogo delovogo yazyka [One-dimensional phraseology models of modern international business language]. Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, V. 6 (4), 70–83, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7. (In Russian).
9. Fedoulenkova T. (2002). Idioms in Business English : Ways to Cross-cultural Awareness. In G. Cortese & P. Riley (Eds.), Linguistics Insights : Studies in Language and Communication. Vol. 2 : Domain-specific English / Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt-am-Mein, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. Pp. 247–269. (In English).
10. Fedulenkova T.N. (2015). Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains. Pastor G.C., Castro M.B., Gutierrez R. (Ed.) (2015). The European Society of Phraseology (EUOPHRAS) Computerised and Corpusbased Approaches to Phraseology : Monolingual and Multilingual Malaga: University of Malaga. Pp. 229–301. (In English).
11. Fedulenkova T.N. (2022). Terminology vs phraseology: meaning transfer in business terms. In: Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 8 (4), 41-56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-4. (In English).
12. Gläser R. (1995). Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes In R. Gläser (Ed.), Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English. Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH. Pp. 33–57. (In English).
13. Khamkhien A., Wharton S. (2020). Constructing subject-specific lists of multiword combinations for EAP: A case study, Yearbook of Phraseology, 11, 9–34. (In English).

Поступила в редакцию 15.01.2026 г.

GRAMMATICAL FUNCTIONS OF TERM *HOT MONEY* IN MODERN AMERICAN ENGLISH

A.R. Pritomskaya, T.N. Fedulenkova

The paper deals with the functional analysis of the two-component term *hot money*, which belongs to the domain of economics and finance in the field of business communication. The work objective is to identify the grammatical functions of the term chosen for analysis in a sentence and determine their percentage ratio in modern professional discourse. The empirical corpus is constituted by two hundred instances of the phraseological unit usage in American English. The examples were selected from the Corpus of Contemporary American English (COCA). The research focuses on the grammatical functions that the term-phraseologism under consideration can perform in a sentence. A number of methods have been applied in the research, namely: the method of phraseological identification by A.V. Kunin, the methods of definitions by I.S. Kulikova, and the method of quantitative analysis by Z.I. Komarova. As a result of the study, six types of grammatical functions of the term-phraseologism under consideration have been identified, namely: the subject, the prepositional object, the prepositional attribute, the part of a compound nominal predicate, the direct object, and that of the appositive, with their percentage ratio being determined.

Keywords: American variant of modern English, business terminology, term-phraseologism, PU-term, phraseological unit component, term function in sentence.

Притомская Алина Романовна.

Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская
Федерация, г. Владимир.

Соискатель кафедры иностранных языков
профессиональной коммуникации.

ORCID 0009-0006-0948-770X.

E-mail: gera.greenhill@gmail.com.

Pritomskaya Alina Romanovna.

Vladimir State University named after
A.G. and N.G. Stoletovs,
Russian Federation, Vladimir.

Applicant at Department of Foreign

Languages for Professional Communication.

ORCID 0009-0006-0948-770X.

E-mail: gera.greenhill@gmail.com.

Федуленкова Татьяна Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент.

Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская
Федерация, г. Владимир.

Профессор кафедры иностранных языков
профессиональной коммуникации.

ORCID 0000-0002-5039-5827.

E-mail: fedulenkova@list.ru.

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Vladimir State University named after A.G. and
N.G. Stoletovs, Russian Federation, Vladimir.

Professor at Department of Foreign Languages for
Professional Communication.

ORCID 0000-0002-5039-5827.

E-mail: fedulenkova@list.ru.

Научная статья

УДК 811.512.144+81'373.2

DOI: 10.5281/zenodo.18822914

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СВОЙСТВА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2026 У.Б. Абдуллабекова

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»

ORCID:0000-0002-1978-6918.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье проводится анализ актуализации терминов родства и свойства в разного типа словосочетаниях. Описание и анализ семантики терминов родства и свойства в кумыкском языке опирается на контекстуальный анализ употребления единиц. В работе применялись метод контекстологического анализа, описательно-аналитический метод, метод интроспекции и др. Эмпирическую базу работы составили значения анализируемых единиц, методом сплошной выборки извлеченных из произведений кумыкских писателей, фольклора и газетных материалов. Основные прямые значения у терминов родства и свойства в кумыкском языке актуализируются в свободных сочетаниях слов с переменными членами синтагмы. Вторичные значения могут реализовываться в свободных сочетаниях слов с переменными членами синтагмы, но являются контекстуально обусловленными, а также могут встречаться в синтаксически обусловленных сочетаниях с аффиксом принадлежности и в качестве апеллиатива. Выявляются термины родства и основные, и вторичные значения которых актуализируются в свободных сочетаниях слов с переменными членами синтагмы, но могут быть и синтаксически обусловлены, выступать в качестве апеллиатива. Также вторичные значения некоторых терминов родства и свойства манифестируются во фразеологически связанных словосочетаниях.

Ключевые слова: тюркские языки, термины родства, термины свойства, актуализация, кумыкский язык, словосочетание, семантика термина, значение термина, свободное словосочетание, актуализация значений.

Для цитирования: Абдуллабекова У.Б. Семантическая актуализация терминов родства и свойства в кумыкском языке / У.Б. Абдуллабекова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 40–48. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822914>

Введение. Вопрос о терминах родства и свойства в кумыкском языке освещен в ряде статей дагестанских лексикологов [1; 4; 6; 9], а также в монографии Т.Г. Таймасхановой, У.Б. Абдуллабековой «Отраслевая лексика кумыкского языка» [10]. В них характеризуются различные стороны этих терминов.

Словосочетания в кумыкском языке проанализированы в диссертационных исследованиях [2; 7; 5], а также в монографии «Современный кумыкский язык» [8] описан раздел «Словосочетание».

В данной статье проводится анализ актуализации терминов родства и свойства в разного типа словосочетаниях. Семантический результат относительной актуализации двух или более слов в каждом языке разнообразен, своеобразен и идиоматичен.

Актуальность исследования определяется тем фактом, что проблемы, решаемые в статье, непосредственно связаны с разработкой типологии значений

и метаязыка их описания у терминов родства и свойства в кумыкском языке, который необходим в лексикографической практике для унификации толкования значений слов.

Материалы и методы исследования. Решение поставленных задач в статье осуществляется применением описательно-аналитического метода, метода контекстологического анализа, метода интроспекции (самонаблюдение), метода компонентного анализа значений слов.

Методологическую основу составляет комплексный подход к описанию и анализу семантики лексических единиц, а именно семантики терминов родства и свойства в кумыкском языке. Комплексный подход подразумевает опору и на анализ значений как единиц системы языка, и на их семантическую актуализацию в словосочетаниях и текстах.

Основная часть. Общеизвестный факт, что в лексических единицах, представляющих собой различного рода синтагмы, входящие в них синтагмы актуализируют (конкретизируют) свою семантику частично, т.е. только относительно друг друга.

Сопряжённая актуализация двух или более слов, как убедительно доказала А.А. Уфимцева, обладает не только более мощным когнитивным потенциалом, но и в высшей степени служит национально-специфическим средством выражения этнокультурного мировосприятия [3, с. 109]. По отношению к отдельному слову семантическая актуализация (относительная расчленённость) лексического содержания слова есть его лексико-семантический уровень, который представлен многочисленными лексическими неэлементарными единицами разного языкового статуса, выделяемые А.А. Уфимцевой: 1) свободные сочетания слов с переменными членами лексической синтагмы, основная форма реализации прямых номинативных значений; 2) лексические синтагмы с постоянными членами, образующие в своей совокупности так называемые расчленённые наименования; 3) лексические синтагмы, в которых оба члена переосмыслены; 4) идентичные по способу, но различные по результату образования фразеологические выражения, начиная от аналитических, фразеологически связанных сочетаний до идиом [11, с. 68].

Все эти лексически свободные и фразеологически связанные единицы с точки зрения степени расчленённости составляющих их слов принадлежат к одному и тому же лексико-семантическому уровню слова на пути его семантической актуализации от виртуального к абсолютно актуализированному в конкретном акте речи.

Разграничение семантики слова проводится путём парадигматической противопоставленности (по сходству или различию) его содержания другим словесным знакам или путём синтагматического контраста в линейном ряду, при их сочетаемости.

Разберём термины родства и свойства с точки зрения их семантической актуализации в лексических неэлементарных единицах.

1) **Ата₁** ‘отец’: *атасындан къалгъан* ‘оставшийся от отца’. Приведём примеры: *Басир: Атам, билемисен, олар магъа афсер чин берсе де ярай.* ‘Басир: Отец, знаешь, они мне могут дать звание офицера’;

ата₂ ‘предок’: *ата юрт* ‘родина, отечество’, *аталар сёзлер* ‘поговорок’;

атаз: *атасыны юрту йыламакъ* ‘попасть в беду, оказаться в бедственном положении», *атасыны багъасына сатмакъ* «продавать дорого». Приведём примеры: *Онг ягъымда олтургъан эки къарт къалгъый, артымда олтургъан къатынлар буса озлер базаргъа алып барагъан алманы атасыны багъасына сатмакъны гъайында* ‘Сидящие с правой стороны два старика дремали, а позади сидящие женщины думали, как бы задорого продать яблоки’;

ата₄ ‘самец’: *ата къаз* ‘гусак’ и др.

Ата₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, **ата₂** и **ата₄** манифестируется в качестве первого члена изафетного сочетания 1 типа, **ата₃** — несвободное фразеологически связанное значение, которое реализуется во фразеологических единицах.

2) **Ана₁** ‘мама, мать’: *самайларына акъ гирген анасына* ‘волосы на висках матери побелели’;

ана₂ ‘что-то родимое’ реализуется в словосочетании *ана ватан* ‘родина-мать’. *Ватангъа «ана Ватан» деп гъабас айтмагъан* ‘Отчизну не зря называют «Родина-мать»’;

аназ ‘самка’: *ана къаз* ‘гусыня’, *ана къой* ‘овцематка’ и др.

Ана₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, **ата₂** и **ата₃** манифестируется в качестве первого члена изафетного сочетания 1 типа, поэтому значение синтаксически обусловлено.

3) **Ата-ана₁** (собр.) ‘отец-мать’: *Мурат: Къайырмас, къайырмас, иним. Дагъы сизин агълюгюз къайда? Атагъыз-анагъыз?* ‘Мурат: Ничего, ничего, братишка. Где ваша супруга? Отец-мать?’.

Ата-ана₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

4) **Улан₁** ‘мальчик, юноша’: *яш улан* ‘молодой парень’, *бойдакъ улан* ‘неженатый парень’, *ихтиярсыз улан* ‘бесправный, бессильный парень’, *бек бажарывлу улан* ‘очень способный мальчик’;

улан₂ ‘сын’: *Баташны Арсланбек оз уланын йимик исси къаршылады* ‘Арсланбек встретил Баташа тепло, как своего собственного сына’, *сиригюн уланына къоюн* ‘стадо оставил для присмотра своему сыну’, *улары Гъамзаны йибери* ‘отправив своего сына Гамзу’.

Улан₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, **улан₂** манифестируется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но значение синтаксически обусловленное, т.к. реализуется с аффиксом принадлежности.

5) **Къыз₁** ‘девушка, девочка’ выявляется в сочетаниях: *асил къыз* ‘честная девушка’, *сигъручу къыз* ‘благородная девушка’, *къыз яш* ‘девочка’;

къыз₂ ‘дочь’ реализуется в сочетаниях и предложениях типа: *къызымны аты* ‘имя моей дочери’. Приведём примеры: *Алибек гиччи къызын гелеше эди...* ‘младшую дочь Алибека сватали...’, *...къызларын башлап педучилищеге салды...* ‘вначале дочерей устроил в педучилище’. Данное значение актуализируется только с аффиксом принадлежности;

къыз₃ ‘девушка’ выявляется в следующих сочетаниях и предложениях: *Къыз болмаса да юртадагъы бир къыздан да ону кем ери ёкъ* ‘Даже если не девушка, из всех девушек в селе у неё нет ни одного изъяна’.

Къыз₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, **къыз₂** в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но значение синтаксически обусловленное, т.к. реализуется с аффиксом принадлежности, **къыз₃** контекстуально обусловлено.

6) **Улан-къыз₁** (собр.) ‘сын-дочь’: *Адабиятны алсакъ, язвчуларыбызны алсакъ бугюнго, кимлердир о «мен-мен» деген уланларыбыз-къызларыбыз, сиз оилашагъан кюйде?* ‘Кто на сегодняшний день в области литературы, по вашему мнению, являются среди наших писателей именитыми сыновьями и дочерьми кумыкского народа?’.

Улан-кызы₁ манифестируется с аффиксом принадлежности, данное значение синтаксически обусловленное.

7) **Бала**₁ ‘дитя, ребёнок’: *Бир анасы — санавсуз баласы* ‘Мать одна — детей бесчисленное множество’;

бала₂ ‘птенец, детёныш животного’: *бёрю бала* ‘волчонок’, *аюв бала* ‘медвежонок’, *мишик бала* ‘котёнок’. Приведём примеры: *Къуш бала уясында нени гёрсе, учгъанда да шону этер* ‘Что птенец видит в [своем] гнезде, то и совершает в полете’;

бала₃ ‘молодой’: посл. *Авагъан бир уллу терек кён бала терекни йыгъар* ‘Одно падающее дерево погубит много молодых деревьев’.

Бала₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, **бала**₂ в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но метафорическое значение синтаксически обусловленное, т.к. реализуется в составе изафета первого типа, **бала**₃ актуализируются только в структуре словосочетания как первый компонент (или в структуре изафета 1 типа), является конверсивной единицей.

8) **Уллана**₁ ‘бабушка (мать отца или матери)’ реализуется в сочетаниях: *уллата-уллана* ‘бабушка с дедушкой’, *улланамны тарбиясы* ‘бабушкино воспитание’, *улананы насигъатлары* ‘бабушкины наставления’.

Уллана₁ выявляется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

9) **Уллата**₁ ‘дед, дедушка (отец отца или матери)’, например: *уллатасы да сав* ‘и дедушка жив’;

уллата₂ ‘предок’ реализуется в сочетаниях и предложениях типа: *Уллатабыз Али 300 йыл алда Къарачайгъа ислам динни ягъанда гелген ва шунда къалып да къалгъан* ‘300 лет тому назад наш предок Али приехал в Карачай во время распространения мусульманской религии и остался там’.

Уллата₁ и **уллата**₂ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

10) **Уллата-уллана**₁ (собир.) ‘дедушка-бабушка’ манифестируется в следующих сочетаниях, например: *яшланы каникулланы вакътисинде уллаталарыны-уланаларыны янына йибермек* ‘во время каникул своих детей отправляют в село к бабушке с дедушкой’, *уллатасы-уланасы сав* ‘дедушка с бабушкой живы’.

Уллата-уллана₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

11) **Ини**₁ ‘младший брат (именование мужским поколением)’ манифестируется в: *иним гирди* ‘вошёл мой брат’, *инисини къаны тегюлген ерни гёрмек* ‘увидеть место, где пролилась кровь младшего брата’;

ини₂ ‘братишка (по отношению к близким друзьям, знакомым; именование мужским поколением)’ выражается в словосочетаниях и предложениях типа: *Савболугъуз, инимлер!* ‘Будьте здоровы, братишки!’, *Нечакъы да чыдарман, иним, этигиз...* ‘Сколько нужно потерплю, братишка, сделайте...’. В данном примере старик обращается к хирургу. Данное значение актуализируется в качестве апеллятива и при помощи аффикса принадлежности -м.

Ини₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, **ини**₂ это синтаксически обусловленное значение, реализующееся в обращениях и с аффиксом принадлежности.

12) **Агъа (агъай)**₁ ‘старший брат (именование мужским поколением)’ выявляется в сочетаниях: *атасыны агъасы геле* ‘идёт отца старший брат’;

агъа (агъай)₂ ‘близкий родственник (именование мужским поколением)’ манифестируется в: *агъалары-эгечилери сав* ‘дяди-тёти живы’.

Агъа (агъай)₁ и *агъа (агъай)₂* выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, а также в обращениях.

13) *Агъа-ини₁* (собир.) ‘родные братья (старший и младший)’ реализуются в следующих сочетаниях и предложениях типа: *агъа-инилер Ирбайхан ва Ирази Уцумиевлер, булан тюртюшювлери кѐп бола болгъан* ‘С братьями Ирбайханом и Ирази Уцумиевыми много ссор бывало’.

Агъа-ини₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

14) *Амай (амал)₁* ‘старший брат (именование женским поколением)’: *Къыстаман: Амайыма янгы опуракъ тигемен* «Кистаман: Брату шью новую одежду»;

амай (амал)₂ ‘близкий родственник, старший родственник, старший мужчина (именование женским поколением)’. *Айшат: Амай, шу къуюну хабарыв айт дагъы!* ‘Айшат: Амай, легенду об этом колодце, расскажи да!’ (девушка говорит старцу по имени Жанхыват).

Амай (амал)₁ и *амай (амал)₂* выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, а также в обращениях, т.е. синтаксически обусловлены.

15) *Эркъардаш₁* ‘брат (по отношению к сестре)’ реализуется в сочетаниях и предложениях, таких как: *Макъсуман деген йылкъычы къызны къыркъ эркъардашы болгъан — нартлар* ‘У богатырши по имени Максуман было сорок братьев — нартов’.

Эркъардаш₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

16) *Уланкъардаш₁* ‘брат (по отношению к сестре)’: *Шо къызланы уланкъардашы Татам Муратов...* ‘Брат тех девушек Татам Мурадов...’.

Уланкъардаш₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

17) *Наслу₁* ‘поколение’ реализуется в сочетаниях: *гележек наслу* ‘будущее поколение’, *наслудан-наслугъа* ‘из поколения в поколение’, *жагъыл наслу, яш наслу* ‘молодое поколение’, *уьч наслусу тувуп-алышынып* ‘через три поколения’, *эсли наслу* ‘взрослое поколение’, *алдагъы наслу* ‘прошлое поколение’, *улуу наслу* ‘старшее поколение’, *гъалиги наслу* ‘настоящее поколение’;

наслу₂ ‘потомок’ манифестируется в: *ону наслулары* ‘его потомки’, *наслулагъа эсделикге* ‘на память потомкам’.

Наслу₁ и *наслу₂* выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но понять какое именно значение реализуется в предложении можно только по контексту.

18) *Ата-баба₁* (собир.) ‘предки’ выявляется в сочетаниях: *ата-бабалар айтгъан кюйде* ‘как говорили предки’, *ата-бабалардан къалгъан адат* ‘обычай, оставшийся от предков’, *ата-бабаланы заманы* ‘во времена предков’, *ата-бабалардан берли* ‘испокон веков’ (букв. с предков);

ата-баба₂ ‘внушающий страх, вселяющий страх’ манифестируется в: *ата-бабаларын гѣрсетмек* ‘давать втык, давать нагоняй’ (букв. показывать предков).

Ата-баба₁ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, *ата-баба₂* реализуется во фразеологически связанном словосочетании.

19) *Къардаш₁* ‘родственник’ реализуется в сочетании в: *къаны къошулгъан къардашлар* ‘кровные родственники’;

къардаш₂ ‘брат (младший и старший)’ выявляется в сочетаниях *эмчек къардаш* ‘молочный брат’, *ону къардашы* ‘его брат’ и др.

къардаш₃ ‘близкий’ манифестируется в *къардаш болув* ‘братание’.

Къардаш₁, къардаш₂, къардаш₃ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но значения каждого из них актуализируются в зависимости от контекста.

20) **Къайнулан₁** ‘деверь (брат мужа)’: *къайынуланы гирип гелип къалган* ‘вошёл брат мужа’;

къайнулан₂ ‘шурин (брат жены)’: *Шо кюйде яхсайлы Нугъай Батырмурзаев де, оьзюн къутгъарма 2 ат да алып гелген мычыгъышлы къайнуланына...* ‘Таким образом, житель Аксая Нухай Батырмурзаев говорит своему шуруну, который, взяв с собой двух коней, приехал его спасать...’.

Къайнулан₁ и къайнулан₂ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но значения каждого из них актуализируются в зависимости от контекста.

21) **Къайынкъыз₁** ‘золовка (сестра мужа)’ манифестируется в: *къайынкъызым гирди* ‘вошла золовка’;

къайынкъыз₂ ‘свояченица (сестра жены)’ актуализируется в словосочетаниях: *къайынкъызыма айтдым* ‘сказал свояченице’.

Къайынкъыз₁ и къайынкъыз₂ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но значения каждого из них актуализируются в зависимости от контекста.

22) **Эр₁** ‘муж, супруг’: *эрге гетмек (бармакъ)* ‘выходить замуж’. *Къатын отгъа этмек де салып, эрине айта...* ‘Женщина, положив хлеб на огонь, говорит мужу...’;

эр₂ ‘мужчина’: *Гъар къумукъну эр намусуна тийип...* ‘Если прикоснуться к мужской совести каждого кумыка...’;

эр₃ ‘воин, солдат’: *Минген атынг бош къалса, минмеге эр табулур* ‘Если конь останется неоседланным, ему найдётся воин’.

Эр₁, эр₂ и эр₃ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но контекстуально обусловлены.

23) **Эркек₁** ‘мужчина’: *Ай, гёлеги эки буса эркеклер барысы да шолай...* ‘Ах, если у мужчин две рубашки, все такие...’;

эркек₂ ‘муж, супруг’: *Эркеги гъар заман аш ташый ва агълюсюню гъайында бола* ‘Супруг постоянно добывает пропитание и заботится о семье’;

эркек₃ ‘мужественный человек, воин’: *У. Буйнакский эркек кюйде жан берген...* ‘У. Буйнакский, подобно воину, отдал душу...’.

Эркек₁, эркек₂ и эркек₃ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но контекстуально обусловлены.

24) **Къатын₁** ‘женщина’: *къарт къатын* ‘пожилая женщина’, *жагъыл къатын* ‘молодая женщина’. Например: *Онда эки къарт къатын астаракъ бара* ‘Туда две пожилые женщины осторожно идут’;

къатын₂ ‘жена, супруга’: *экинчи къатын* ‘вторая жена’. Приведём примеры: ‘*Неге къатын алмайсан?*’ — *деп сорайлар* ‘Почему не женишься?’ — спрашивают меня;

къатын₃ ‘почтительное обращение к пожилой женщине’ или ‘(в устах мужчины) к жене или в речи мужчины о своей жене — матери своих детей’.

Къатын₁ и къатын₂ выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но контекстуально обусловлены, **къатын₃** синтаксически обусловленное значение, реализующееся в обращениях.

25) *Агълю₁* ‘семья’: *бу агълюню уьч де къызы да муаллим касбуну сайлагъан* ‘все три дочери в этой семье выбрали профессию учителя’;

агълю₂ ‘вторая половинка; супруг, супруга’: *Агълюгюзден къачан болгъанча кагъыз гелип турду?* ‘От супруга до какого времени приходило письмо?’;

агълю₃ ‘группа, община’. Приведём примеры: *Керван агълю къайтып Багъдадгъа багъып юрюдюлер* ‘Караван вернулся в Багдад’; *Шо заман къыз юрт агълюге бир назму айтгъаны* ‘В это время девушка прочитала стихотворение сельской общине’.

Агълю₁ реализуется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, *агълю₂* это синтаксически обусловленное значение, реализующееся с аффиксом принадлежности, *агълю₃* — синтаксически обусловленное значение, актуализирующееся в качестве второго члена изафетного сочетания I типа.

26) *Гиев₁* ‘зять’: *Къызын чайнагъан гиевюн ютар* посл. букв. ‘Тот, кто дочь бранил, зятя проглотит’. *Къызардашы оьзюнден эсе эрин кеп сые деп, бирев даим гиевю булан эрише тура болгъан* ‘Какой-то человек постоянно ссорился со своим зятем из-за того, что считал, что любовь его сестры к мужу безмерна’;

гиев₂ ‘жених’: *гиев тюшген уьй* ‘дом, где остановился жених (на время свадьбы)’, *гиев чакъырмакъ* ‘приглашать жениха в дом невесты (после свадьбы)’, *гиев абзар* ‘дом жениха’, *гиев уьюне къонакъгъа бармакъ* ‘идти в дом жениха в качестве гостей по приглашению’;

гиев₃: *уьй гиев* ‘примак’: *уьй гиевден къолайман* ‘я лучше, чем примак’. Фразеологически связанное значение приобретается в составе устойчивого сочетания.

Гиев₁ и *гиев₂* выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но контекстуально обусловлены. *Гиев₃* — фразеологически связанное значение приобретается в составе устойчивого сочетания.

27) *Гелин₁* ‘невеста (как свадебный чин)’ (и для родственников невесты, и для родственников жениха): *сыралы* (уст.) *гелин* ‘счастливая невеста’, *гелин арба* уст. ‘подвода, на которой везли невесту’, *гелин уьй* ‘комната, предназначенная для невесты’;

гелин₂ ‘девушка, намеченная в невесты’: *Темир: (Алгъасап кисесине къарай, сонг терезени къагъа, гелин башын чыгъара.) Терезе тюнде къутугъум къалгъан бугъай, шогъар къара!* (*Гелин иржайгъан юз булан къарай, къутукъну бере.*) ‘Темир: (Торопливо шарит по карманам, стучится в окно, выглядывает невеста.) Кажется, я забыл кисет с табаком, поищи-ка. (Невеста исчезает, затем появляется и протягивает кисет лукаво улыбаясь)’;

гелин₃ ‘невестка, сноха’ (только по отношению к родственникам мужа): *Арсен агъавну буса эки уланы давда, оьзю булан да бирдагъы уланы да, гелини де болгъан* ‘А у дяди Арсена двое сыновей на войне, с ним вместе жили третий сын и сноха’. *Гелин языкъ, не этсе де бу къартгъа ярап болмай* ‘Бедная невестка, не может угодить старухе’.

Гелин₁, *гелин₂* и *гелин₃* выявляются в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы, но контекстуально обусловлены.

28) *Гелин-гиев₁* ‘жених и невеста’: *Гелин-гиев тойгъа гирди* ‘Жених с невестой вошли в свадебный зал’.

Гелин-гиев₁ выявляется в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексической синтагмы.

Заключение. Комплексный анализ актуализации терминов родства и свойства в кумыкском языке показал следующие результаты.

1) Основные прямые значения у терминов родства и свойства в кумыкском языке актуализируются в свободных сочетаниях слов с переменными членами синтагмы.

2) Значения *ата₂* «предок», *ата₄* «самец», *ана₂* «что-то родимое», *ана₃* «самка» манифестируются в качестве первого члена изафетного сочетания I типа, в расчленённых наименованиях с синтаксически обусловленным значением.

3) Вторичные значения у терминов родства *улан*₂ «сын», *къызы*₂ «дочь», значение у собирательного термина *улан-къызы*₁ «сын-дочь» могут выявляться в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексических синтагм, но вторичные значения синтаксически обусловлены, так как реализуются с аффиксом принадлежности.

4) Вторичные значения у терминов родства *къызы*₃ «девушка», *уллата*₂ «предок» могут выявляться в свободных сочетаниях слов с переменными членами лексических синтагм, но вторичные значения контекстуально обусловлены.

5) Выявляются термины родства и основные, и вторичные значения которых актуализируются в свободных сочетаниях слов с переменными членами синтагмы, но могут быть и синтаксически обусловлены, выступать в качестве апеллятива — *агъа* (*агъай*)₁ «старший брат», *агъа* (*агъай*)₂ «близкий родственник», *амай* (*амал*)₁ «старший брат», *амай* (*амал*)₂ «близкий родственник, старший родственник, старший мужчина».

6) Вторичные значения у *ата-баба*₂, *ата*₄ реализуются во фразеологически связанных словосочетаниях.

В качестве исследовательской перспективы представляется необходимым анализ типов значений по характеру связи с объективной действительностью, по степени семантической мотивированности, по характеру выполняемых ими назывных функций, а также типов полисемий у терминов родства и свойства в кумыкском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакарова М.М. Термины родства в диалектах кумыкского языка / М.М. Абакарова, Н.Э. Гаджихмедов // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. — Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1985. — С. 143–153.
2. Абдуллаева Н.М. Глагольные словосочетания в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов РФ» / Н.М. Абдуллаева. — Махачкала, 2004. — 25 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова / Н.Ф. Алефиренко // Вестник СамГУ. — 2006. — №5/1 (45). — С. 102–110.
4. Гаджихмедов Н.Э. Морфологические признаки терминов родства в кумыкском языке / Н.Э. Гаджихмедов // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. — Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1985. — С. 135–142.
5. Гусейнова М.Б. Изафетные словосочетания в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов РФ» / М.Б. Гусейнова — Махачкала, 2006. — 23 с.
6. Кадыраджиев К.С. Палеотюркские термины родства и свойства в кумыкском языке / К.С. Кадыраджиев // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. — Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1985. — С. 104–126.
7. Махмудова Н.А. Именное словосочетание в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02 «Языки народов РФ» / Н.А. Махмудова. — Махачкала, 2005. — 23 с.
8. Современный кумыкский язык / А.З. Абдуллаева, Н.Э. Гаджихмедов, К.С. Кадыраджиев [и др.]. — Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2014. — 548 с.
9. Таймасханова Т.Г. Кумыкские личные имена от терминов родства / Т.Г. Таймасханова // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. — Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1985. — С. 104–126.
10. Таймасханова Т.Г. Отраслевая лексика кумыкского языка / Т.Г. Таймасханова, У.Б. Абдуллабекова. — Махачкала: АЛЕФ; ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2020. — 332 с.
11. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. — М.: Наука, 1986. — 240 с.

REFERENCES

1. Abakarova M.M., Gadzhiahmedov N.E. (1985) Terminy rodstva v dialektah kumykskogo jazyka [Kinship terms in dialects of the Kumyk language]. Problemy otraslevoj leksiki dagestanskih jazykov: terminy rodstva i svojstva [Problems of industry vocabulary of Dagestan languages: terms of kinship and properties] (pp. 143–153). Makhachkala: Dagestanskij filial AN SSSR. (In Russian).
2. Abdullaeva N.M. (2004) Glagol'nye slovosochetaniya v kumykskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Verb phrases in the Kumyk language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Makhachkala. (In Russian).

3. Alefirenko N.F. (2006) Kognitivno-semiologicheskaja teorija slova [Cognitive-semiological theory of the word]. Vestnik SamGU, 5/1 (45), 102–110. (In Russian).
4. Gadzhiahmedov N.E. (1985) Morfologicheskie priznaki terminov rodstva v kumyjskom jazyke [Morphological features of kinship terms in the Kumyk language]. In Problemy otraslevoj leksiki dagestanskih jazykov: terminy rodstva i svojstva [Problems of industry vocabulary of Dagestan languages: terms of kinship and properties] (pp. 135–142). Makhachkala: Dagestanskij filial AN SSSR. (In Russian).
5. Gusejnova M.B. (2006) Izafetnye slovosochetaniya v kumyjskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Izafet phrases in the Kumyk language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Makhachkala. (In Russian).
6. Kadyradzhiev K.S. (1985) Paleotjurkskie terminy rodstva i svojstva v kumyjskom jazyke [Paleo-Turkic terms of kinship and affinity in the Kumyk language]. In Problemy otraslevoj leksiki dagestanskih jazykov: terminy rodstva i svojstva [Problems of industry vocabulary of Dagestan languages: terms of kinship and properties] (pp. 104–126). Makhachkala: Dagestanskij filial AN SSSR. (In Russian).
7. Mahmudova N.A. (2005) Imennoe slovosochetanie v kumyjskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Nominal phrase in the Kumyk language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Makhachkala. (In Russian).
8. Abdullaeva A.Z., Gadzhiahmedov N.E., Kadyradzhiev K.S. (2014) Sovremennij kumyjskij jazyk [Modern Kumyk language]. Makhachkala: Institut jazyka, literatury i iskusstva im. G. Cadasy Dagestanskogo nauchnogo centra. (In Russian).
9. Tajmaskhanova T.G. (1985) Kumyjskie lichnye imena ot terminov rodstva. In Problemy otraslevoj leksiki dagestanskih jazykov: terminy rodstva i svojstva [Problems of industry vocabulary of Dagestan languages: terms of kinship and properties] (pp. 160–165.). Makhachkala: Dagestanskij filial AN SSSR. (In Russian).
10. Tajmaskhanova T.G., Abdullabekova U.B. (2020) Otraslevaya leksika kumyjskogo yazyka [Branch vocabulary of the Kumyk language]. Makhachkala: ALEF; IYaLI DFITs RAN. (In Russian).
11. Ufimceva A.A. (1986) Leksicheskoe znachenie: Principy semiologicheskogo opisaniya leksiki [Lexical meaning: Principles of semiological description of vocabulary]. M.: Nauka. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.11.2025 г.

SEMANTIC ACTUALIZATION OF KINSHIP AND PROPERTY TERMS IN THE KUMYK LANGUAGE

U.B. Abdullabekova

The article deals with the analysis of the usage of kinship and property terms in word combinations of various types. The semantics of kinship and property terms in the Kumyk language is studied by means of the contextual analysis of their usage. Besides, descriptive-analytical methods, introspection, and some other methods have been applied. The empirical basis is constituted by the meanings of the units under study, extracted from the works by Kumyk writers, as well as from folklore, and newspaper materials. The primary direct meanings of kinship and property terms in the Kumyk language are actualized in free word combinations with variable syntagmatic members. Secondary meanings can be realized in free word combinations with variable syntagmatic members. In this case they are contextually conditioned. They can also be found in syntactically conditioned combinations with an affix of possession and can function as an appellative. There have been found kinship terms with primary and secondary meanings being actualized in free word combinations with variable syntagma members. These terms of kinship can also be syntactically conditioned, and function as appellatives. The secondary meanings of some kinship and property terms also manifest themselves in phraseological units.

Key words: Turkic languages, kinship terms, property terms, actualization, Kumyk language, word combination, semantics of the term, meaning of the term, free word combination, actualization of meanings.

Абдуллабекова Умсалимат Багаутдиновна.

Кандидат филологических наук.

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Российская Федерация, г. Махачкала.

Научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

ORCID:0000-0002-1978-6918.

E-mail: irma-uma@mail.ru.

Abdullabekova Umsalimat Bagautdinovna.

Candidate of Philology.

Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Makhachkala.

Researcher, Department of Lexicology and Lexicography, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa.

ORCID:0000-0002-1978-6918.

E-mail: irma-uma@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.5281/zenodo.18822964

СИМВОЛИКА ВЕСОВ В ПЬЕСЕ В. ШЕКСПИРА «МЕРА ЗА МЕРУ»

© 2026 Кизилова Т.Ю.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

ORCID 0009-0003-0598-6235.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается функционирование символического образа весов в пьесе Шекспира «Мера за меру». Актуальность обращения к творчеству Шекспира обусловлена необходимостью описания культурных кодов, повлиявших на формирование картины современного человека. Лингвопоэтический метод, применяемый к анализу литературно-художественного произведения, позволяет выявить авторскую интенцию наиболее полно. Лексический ряд “measure — weigh — hang — test — testimony — assay — balance — scale — rate — reason”, поддерживающий заглавие, говорит как об оценке государства и человека, так и о мере художественности. Синтаксические приёмы антитезы, хиазма и анадиплосиса, ритмически имитируя колебательные движения чаш весов, передают идею измерения и соразмерности, необходимости тщательного взвешивания аргумента и контраргумента. Анализ показал, что под пером Шекспира античный символ справедливости становится не только инструментом нравственного измерения человека, но и художественным камертоном автора, чутко улавливающего музыку Истории.

Ключевые слова: образ автора, символ весов, семантический ряд, аллюзии, словесная полифония, бинарное мышление, антитеза, хиазм.

Для цитирования: Кизилова Т.Ю. Символика весов в пьесе В. Шекспира «Мера за меру» / Т.Ю. Кизилова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 49–58. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822964>.

Введение. Диалектика художественного творчества такова, что создатель произведения не только воспроизводит действительность в предметно-чувственных образах, но и отражается в своём искусстве. Воображать, с точки зрения В.В. Федорова, значит творить себя в образе, входить в него, частично становясь им: «акт воображения мы должны понимать как акт *деятельности*; воображение мы должны будем воспринимать как акт бытия, то есть как акт *творения*» [12, с. 76]. Из этого следует, что художественный замысел произведения невозможно понять в полном объёме, игнорируя его образность.

Важной составляющей образной системы произведения являются символические образы. Символ (от греческого *δύμβολον* со-, ‘соединение’ и ‘части’) есть «нерасторжимая связь абстрактного и конкретного, формы и содержания: как априорная форма, проявляемая в чувственном и приобретающая метафизический смысл» [1, с. 155]. Символ является культурным освоением мира, его своеобразным очеловечиванием. По словам Ю.М. Лотмана, «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее» [8, с. 191–192]. Сохраняя свою знаковую самостоятельность, символ может входить в новое текстовое окружение,

«превращаясь в своеобразный конденсатор памяти, а затем разворачиваться в некоторое сюжетное множество» [8, с. 199]. Более того, интенция автора может быть понята только с учетом вертикального контекста произведения [2].

Материалы и методы исследования. Целью настоящей работы является попытка реконструкции образа автора в пьесе Шекспира «Мера за меру» через использование драматургом символического образа весов. Вслед за М.М. Бахтиным, мы понимаем под образом автора «носителя напряженно-активного единства завершеного целого, целого героя и целого произведения, трансгredientного каждому отдельному моменту его» [4, с. 39]. Лингвопоэтический подход, основанный на «изучении роли языковых средств в воплощении идейно-художественного замысла» [7, с. 85], позволяет не только разграничивать план автора и план персонажа, но и указывает на разницу между сюжетным (линейным, семантическим) и метахудожественным (эстетическим, метаметасемиотическим) уровнями анализа литературно-художественного произведения [3].

Учитывая степень влияния шекспировских текстов на развитие мировой культуры, непреходящее значение его творчества не подлежит сомнению: без изучения масштаба гениальности его шедевров невозможно понять современность. Актуальность обращения к Шекспиру также обусловлена необходимостью комплексного исследования символических образов как кодов культуры, определивших формирование картины мира современного человека. Культурно-маркированный пласт лексики его произведений продолжает играть значимую роль в процессе самоидентификации европейцев, воплощая вечные истины, стереотипы, способствуя «межпоколенной трансляции» [11, с. 271] духовной культуры народа. В свою очередь, анализ механизмов разворачивания символического образа весов, в первую очередь связанных с лингвопоэтическим функционированием представляющих его единиц лексического и синтаксического уровней, способен открыть поле новых интерпретаций классического произведения, неизменно входящего в театральный репертуар. Таким образом, выявление текстообразующих и смыслопорождающих потенциалов образного основания способствует более глубокому пониманию пьесы, трактуемой некоторыми исследователями исключительно как «размышление о тиранических свойствах правителя», поднимающее «проблему взаимодействия власти с народом» [9, с. 173].

Основная часть. Весы как символ Страшного суда, справедливости и гармонии были известны в древнейших цивилизациях. Озирис, бог мира мёртвых в Древнем Египте, уравновешивал пёрышко Правды богини правды Маат и сердце человека, хранящего тайны человека. В древнегреческой мифологии богиня порядка Фемида изображалась с весами, символом меры и справедливости, взвешивая добро и зло. Сходным образом, три арамейских слова, имевшие отношение к процессу измерения, взвешивания и разделения в процессе взвешивания (мене, текел, упарсин), упоминаются в Пирах Вальтасара книги пророка Даниила, главы V. Рассмотрим, что нового вносит в трактовку этого образа Шекспир в пьесе «Мера за меру», в какое «сюжетное множество» разворачивается выбранный им символ.

Совмещение двух планов — сюжетно-бытового и эстетического — способствует созданию аллегорического образа весов на протяжении всей пьесы. На сюжетном уровне баланс и равновесие сил, как принцип работы весов, представлены симметрией линий: Анджело собирается казнить Клавдио за внебрачные связи с Джульеттой, хотя сам намеревается совратить его сестру. Гармония и снятие напряжения создаются появлением справедливого судьи — Герцога Винченцио. Погружение в интригу, несомненно, важное для сценического произведения [9; 13], часто придаёт подчинённое положение древнему символу, значимость которого вынесена в название пьесы. Мы

попробуем сменить сюжетную оптику, с тем чтобы оценить «Меру за меру» как слово драматурга о театре.

Сразу оговоримся, что это слово многогранно и контрапунктно, в нём часто звучит несколько мотивов одновременно. Эту способность слова реализовывать несколько значений и переливаться разными оттенками смыслов мы будем называть, пользуясь наработками М.М. Бахтина [5] и В.Я. Задорновой [6], словесной полифонией.

Так, идея измерения и оценки задаётся заглавной библейской аллюзией: «Ибо какой мерой мерите, такой и вам будет отмерено» [Мф. 7: 2], (with what measure ye mete, it shall be measured to you again). Уместно также вспомнить знаменитый тезис Протагора: «Of all things the measure is Man (Ῥβnton chremβton mйtron estnn бnthropos)», обычно толкуемый в аспекте релятивизма познания, но могущий быть понятым как антропоцентрический принцип о человеке как носителе божественного разума, соизмеряющего мир по своему образу и подобию.

Поначалу лексема *measure* опрокинута в сюжет как юридический термин в значении ‘a proposed legislative act’, мера пресечения: «He professes to have received no sinister **measure** from his judge». Однако уже к V акту в рифме афоризма, выделяющей псевдокорень *-sure-* (состояние уверенности как идеальное и равновесное), значение слова *measure* переводится в сферу поэтического творчества, становясь стихотворным размером, «poetic rhythm measured by temporal quantity or accent; meter»:

Haste still pays haste, and leisure answers leisure

Like doth quit like, and MEASURE still FOR MEASURE [14, с. 111].

Испытание на прочность главных персонажей — Изабеллы («he hath made *an assay* of her virtue»; «*Assay* the power you have») и Анджело («bid herself *assay* him») — обозначено с помощью глагола *assay* ‘determine the content or quality of (a metal or ore)’, ‘испытывать, анализировать’. Лицемер Анджело одновременно разоблачён, с него снята чешуя, и взвешен, оценен («By this is <...> the corrupt Deputy *scaled*»). Значение измерения усиливает заглавный повтор и поддерживается фразами «*testimonied* in his own bringings-forth» (*testimony* ‘test’), «*test* made of my metal» (*test* ‘critical evaluation’). При этом игра омофонами *metal* / *mettle* (‘vigour’, пыл) и многозначность *power* намекает на испытание творческих способностей самого поэта, «if you take it not patiently, why, your *mettle* is the more». Многократно повторяемая лексема *censure*, выражающая необходимость суда над Клаудио: «When I, that *censure* him», одновременно реализует несколько значений ‘to pass the sentence’ и ‘to form an opinion’. При этом *censure* откликается эхом со своим дериватом *ensor* ‘an official who examines books’ и фонетическим сходством со словом *censer*, богослужебным сосудом, символизирующим восхождение к Богу.

С измерением так или иначе связаны имена некоторых персонажей: оним *Angelo* ассоциируется с геометрическим понятием, предполагающим измерение градусной величины, *angle*. Имя драматурга Эсхила фактически дано в фонетической транскрипции и написание латинскими буквами включает в себя градуирование, *Escalus* (от *scale*). Интересно, что одно из ключевых слов *reason* этимологически восходит к латинскому *ration* / *ratio* ‘reckoning, calculation, logical judgment’. В контексте пьесы оно, ожидаемо, переплетается с искусством владения речью. Так, Клаудио описывает таланты своей сестры при помощи выражений «speechless dialect», «prosperous Art», «play with reason», «persuade», «she hath prosperous Art / When she will play with reason, and discourse, // And well she can persuade».

Предвосхищая эпоху рационализма, Шекспир наполняет древний символ новым смыслом — весы как **модель разума**; поэт выступает в ипостаси учёного. Heading and

hanging — не просто элементы сюжета пьесы и способы исполнения приговора (*execution* ‘putting to death by *hanging* and *beheading*’), от которых зависит судьба, но ментальные операции связывания, взвешивания аргументов и выделения главного: «There are pretty orders beginning, I can tell you: it is but heading and hanging». Благодаря присутствию слова *beginning* ‘the first part of something that continues’, ‘heading and hanging’ актуализируют значения средств связности в тексте. О связи и сцеплениях (*hanging*) в художественном творчестве говорят контексты, упоминающие *painting* (picture) и *mystery* (handicraft, trade, art): «you have a *hanging* look, — do you call, sir, your occupation a mystery? <...> Painting, sir, I have heard say, is a mystery». Здесь прилагательное *hanging* одновременно несёт смыслы ‘gloomy’ и контекстуальные ‘estimating’, ‘weighing’, ‘producing something with artistry’.

Слова *to weigh* (взвешивать) и *weight* (вес) часто употребляются как синонимы *measure*, *assess the value* (измерять) перед вынесением приговора (‘passing the sentence’): «so your accusation outweigh», «We cannot weigh our brother with ourself: my false o’erweighs your true»; «you weigh equally; a feather will *turn the scale*»; «have weigh’d thy brother by himself».

Баланс омонимов *weigh* и *way*, восходящих к протоевропейскому *wegh- ‘to go, to move’, проводит мысль о том, что жизненный путь постоянно связан с взвешиванием возможностей. Не случайно негативная оценка человека даётся через прилагательное *unweighing fellow* ‘thoughtless’, производное при помощи негативного префикса от глагола *weigh*. Положительное отношение также опредмечено прилагательным, дериватом от глагола *balance* ‘уравновешивать и соизмерять’: «By cold gradation and *well-balanced form*, / We shall proceed with Angelo». Значение *well-balanced* предполагает ‘1 nicely arranged, containing a mixture of ideas, with each one being represented equally or fairly’ и ‘2 (of a person) emotionally stable’. Примечательно, что в последнем контексте предметом оценки становятся не человеческие качества, а форма, то есть средства и приёмы обращения с персонажем, что заставляет воспринимать эту строку как метахудожественный комментарий о поиске верного способа обрисовки действующих лиц и стремлении добиться эстетически безупречного художественного результата.

Итак, «заглавное интеграционное ядро» (Б. Пастернак) поддерживается синонимическим рядом *measure — weigh — hang — test — testimony — assay — censure — balance — scale — rate — reason*, говорящим как об оценке государства и человека, так и о мере творческого акта, нравственно-художественной мере. В этом ракурсе лексемы *even*, *equal*, *equally*, *equality* становятся синонимами *just*, обосновывая правильность выбора и одновременно обозначая **правду жизни в искусстве**.

Отдельного внимания заслуживают единицы измерения веса *grain*, *scruple*, *jot*, счета *score*, денег *pound*, *mark*, *dollar*, *crown*, *ducat*, *sheckels* / *sickles*, вовлекаемые в сферу социальной и эстетической оценки.

Так, в монологе Герцога о жизни (14; III, 1): «Thou art not thyself; / thou exist’st on many a thousand *grains* / That issue out of *dust*», в *grain* звучит мотив взвешивания и оценивания на весах сердца неосязаемых моральных человеческих качеств, из которых складывается личность (‘a person’s natural tendency’). Одновременно автором предпринята попытка понять тайну творчества, превращающего пустяк (*grain* ‘a minute portion or particle’) в ранг художественности. Цитируемый контекст вливается в тему искусства благодаря совмещению в слове *art* глагольной формы ‘archaic form of the present person singular of the verb *to be*’ и существительного ‘the creation of works of beauty’. Как /a unit of weight based on the weight of a grain of wheat’ единица *grain* интересна и тем, что разворачивает метафоры кухни и Сада, входя составным компонентом в притчу о Сеятеле.

В самом начале пьесы употребление *scruple* заявляет о том, что какие-то свойства человеческого характера часто отмеряется природой, (или, выражаясь современными терминами, обусловлены наследственностью): «Nature never lends / The smallest *scruple* of her excellence, // But, like a thrifty goddess, she determines / Herself the glory of a creditor, // Both thanks and use». При этом *scruple* расходится веером значений, в которых аптекарская точность, заданная как ‘a unit of capacity equal to №₂₄ Apothecaries' ounce’, переливается в ‘an ethical consideration or principle that inhibits action’, благодаря сакральной заданности сравнения *like a thrifty Goddess* и метафоры *glory of a creditor, glory* ‘worshipful praise’. *Scruple* становится умственной деятельностью (‘mental reservation’) во фразе «Nor need you, on mine honour, have to do / With any *scruple*».

Состояние человека, как и следовало ожидать в эпоху зарождения капитализма, оценивается в денежных единицах *pounds, marks, dollars, crowns, sheckels*. Употребление денежных единиц измерения в оценке качеств людей способствуют восприятию **метафоры социальных весов**, поднимающих на одной чаше одних и опускающих одновременно других. В оценке драматурга, достоинство и суть человека измеряются (*to score* ‘to measure’) не деньгами, а благородными поступками.

Так, полифония слова *mark* ‘1 a tract of land; 2 sum of money, Deutschmark; 3 symbol; 4 a standard of performance’ передаёт не только иронию к описываемому персонажу, но и авторскую оценку эпохи первоначального накопления капитала, когда оборотистые дельцы быстро превращали деньги в земельные участки (как драматург жизненный опыт — в спектакли): «young Master Rash; he’s in for a commodity of brown paper and old ginger, nine-score and seventeen pounds; of which he made five marks». На эту же мысль наводит говорящее имя *Rash* ‘quickly effective’, а совпадение денежной единицы и единицы измерения веса в английском *pound* (от латинского *pendere* ‘to hang / to weigh’) усиливает юмористический эффект. Отметим попутно, что *score* как ‘musical composition’ возникает с учетом всего контекста пьесы о шуме истории, где каждый персонаж исполняет свою музыкальную и философскую партитуру в словах.

Орфография входящего в оборот голландского слова *dollar*, берущего начало от немецкого *Thaler*, обыгрывается в *dolour* и вызывает ассоциации со словом французского происхождения *douleur* ‘pain, suffering, distress’: новорожденный капитал источал не только ‘кровь и грязь’, но и болезни и страдания (чтобы воплотиться в строки поэта):

Lucio. Behold, behold, where Madam Mitigation comes! I have purchased as many diseases under her roof as come to—

Sec. Gent. To what, I pray?

Lucio. Judge.

Sec. Gent. To three thousand dolours a year.

First Gent. Ay, and more.

Lucio. A French crown more.

Говорящее имя мадам *Mitigation* ‘act of reducing the seriousness of something; law something that causes you to make a punishment less severe’, отсылает воспринимающего одновременно к области юриспруденции в виде смягчающих обстоятельств, к утешениям в нежности и к речевым стратегиям вежливости и уклончивости, что немаловажно в этой многоуровневой пьесе.

Игра слов из области нумизматики подхватывается амбивалентной коллокацией *French crown*, где встречаются друг с другом ‘a French coin’, ‘top of the head’ и ‘with reference to boldness — the French disease’. Геополитический отблеск значения этого словосочетания — как ‘French monarchy’ (французский король Генрих IV

столкнулся с трудностями войны с Испанией и дворцовыми заговорами) — соотносится с упоминаемым в той же сцене названием ткани *French velvet* («I had as lief be a list of an English kersey, as be piled, as thou art piled, for a *French velvet*»). Как известно, бархат использовался для церемониальных нарядов королевских особ, аристократии и духовенства, а потому служил символом богатства и средством обогащения торговцев тканями. Несмотря на то, что бархат пришел в Европу с Востока, слова *velvet* и *velour* имеют французское происхождения, в этом качестве они противопоставлены пришедшему из голландского *pile* (ворс) ‘the soft surface made by the ends of many short threads on a carpet or on cloth such as velvet’, наводя на мысль о роли и балансе (!) французских заимствований в английском языке: «I had as lief be a list of an English kersey, as be piled, as thou art piled, for a French velvet». Кроме того, бархат вызывает ассоциации со шлифовкой слова, которую проделывает писатель, что усилено ремаркой «Do I speak feelingly now?» Сам же драматург как «a three-pile mercer», «three-piece piler» комбинирует (собирает из кусочков) греческие, романские и германские фрагменты.

Кроме того, все перечисленные платёжные средства (*pound, mark, dollar, crown, ducat, shekels / sickles*) в той или иной степени осмысляются не только как расчётные единицы Истории, но и как слагаемые творчества, монеты языка, доставшиеся от других писателей.

Так, секире (или шекелям) золота противопоставлено воздействие молитвы, то есть силы слова: «I'll bribe you <...> Not with fond sickles (shekels) of the tested gold, // Or stones whose rates are either rich or poor// As fancy values them; but with true prayers <...>».

Сами молитвы сродни творчеству, они измеряются количественно (*a dozen times*), качественно — с точки зрения долготы в поэтическом тексте (*in metre* ‘rhythm characterized by regular recurrence of a systematic arrangement of basic patterns in larger figures; a measure or unit of metrical verse’), соразмерности (*in proportion*), языка и вероисповедания (*in any language or in any religion*). Таким образом, *grace* как ‘virtue coming from God’ объёмлет ‘beauty of movement and form’, красоту Поэзии.

Lucio. I believe thee; for I think thou never wast where grace was said.

Sec. Gent. No? a dozen times at least.

First Gent. What, in metre?

Lucio. In any proportion or in any language.

First Gent. I think, or in any religion.

Единицами «взвешивания» становятся слова *sentence* («pronounce a sentence», «he is sentenced»), *letter* («he this very day receives letters of strange tenors»), *syllable* («shall find / by every syllable a faithful verity»), *word* («words against me»), *sound, thought* («let it not sound a thought upon your tongue / against my brother's life»), *phrase, proverb, judgment, speech and discourse*. Для этих лексем характерно колебание между двумя полюсами: с одной стороны, сюжетно они связаны с судопроизводством, с другой — с **ментальными** операциями и **искусством словесно-художественного творчества и музыкой** (через семантический ряд *score — scale — tenor — key — note*).

Говоря о символическом образе весов в пьесе Шекспира, трудно обойти изобразительную роль синтаксиса. В основе ритмической организации произведения, в заглавии которого заложена идея измерения и соразмерности, также лежит модель весов, тщательного взвешивания аргумента и контраргумента, поэтому излюбленными синтаксическими приемами становятся антитеза, хиазм и анадиплосис. Однако не стоит забывать, что за фигурами речи стоит гораздо больше, чем стремление к экспрессивности: они обозначают **необходимость нравственного**

выбора, которым человек утверждает своё бытие в Истории. Контраст «I am at war twixt will and will not», по сути, оформляет программный запрос на образ будущего человека, на оценку волевых качеств, которыми он должен обладать, на выбор между Благодатью и Апокалипсисом. Концепция Истории как спасения направляет творческий потенциал человека в созидательное русло.

Контраст между внешностью и сущностью, истиной и ложью, добром и злом, грехом и добродетелью отмечен при помощи столкновения имени и его этимона, антонимов *within* и *outward*, задающих нравственно-этическую оценку оппозиций *true / false, right / wrong, sin / virtue*: «Twice treble shame on *Angelo*, <...> O, what may man within him hide, // Though *angel* on the outward side!»; «my *false* o'erweighs your *true*», «what he doth know / Is true and false»; «Hooking both *right and wrong*», «the temptation ... *To sin* in loving *virtue*».

Гносеологически эта бинарность мышления отражает колебание мысли, борьбу противоположностей в поисках истины как основы нравственного развития человека и одновременно — вопрос жизни и смерти («*either death or life / Shall thereby be the sweeter*»; «*I've hope to live, and am prepar'd to die*»). В искусстве подобная диалогичность — выражение художественной правды.

Часто основанная на параллелизме и антитезе мысль кристаллизуется в афоризмах об истории и творчестве — «*some rise by sin, others by virtue fall*»; «*it is excellent // To have a giant's strength; but it is tyrannous // To use it like a giant*». «*Twould be my tyranny to strike and gall them // For what I bid them do*». Последние два изречения связывают *tyranny* с силой (*strength* ‘mental or physical power, vigour of expression’) воздействия (*to strike* ‘to make an impression’; *to gall* ‘to irritate’) слова и властью искусства. Встречаемая в сонетах поэта итерация начального слога («*Thou bloody tyrant, Time*») позволяет воспринимать *tyrant* как *tie-rant*, связывание речевого потока (всех мельчайших единиц) в единый дискурс, единую ткань искусно сплетённых нитей повествования.

Также частотен и хиазм, в котором «части выражения уравниваются путем изменения синтаксической структуры, а вторая часть выражения построена в порядке, обратном первой части» [7, с. 13]. Экспрессивная синтаксическая форма несёт с собой важные слагаемые человеческого бытия: «*Love talks with better knowledge, / and knowledge with dearer love*» предполагает взаимосвязь и взаимообусловленность любви и знания, полноту любви как Божьего начала, дарующей знание, и полноту научного знания, не мыслимого вне христианской системы координат. Одновременно эта сентенция подразумевает путь к истине в слове (*talk* ‘communicate by words’).

Повторимся, что за синтактико-стилистическим приёмом у Шекспира скрывается философия жизни, колебания чаши весов перед их равновесным состоянием подобны методу познания действительности по модели тезис — антитезис — синтез. Не случайно хиазм как проявление контрарности мышления (тезис — антитезис) венчается афоризмом о божественности художника (синтез):

Duke. The hand that hath made you fair hath made you good: the goodness that is cheap in beauty makes beauty brief in goodness; but grace, being the soul of your complexion, shall keep the body of it ever fair.

Разлагая (по сути, разрезая надвое) идиому религиозного характера *to keep body and soul together*, т.е. ‘to survive’, автор устами Герцога, делающего комплимент Изабелле, утверждает необходимость изящества формы (и одновременно молитвы!) как залог долгой жизни собственного произведения. Двойное наполнение слова *complexion* ‘1 skin colour; 2 habit of the mind’ — делает каламбур особо запоминающимся.

В триаде «Бог, человек и природа» человек выступает орудием Божественного разума и сам становится разумом вселенной (Флоренский). Разум человека становится

инструментом, позволяющим распознать фальшь: «*Isa. nor do not banish reason // For inequality; but let your reason serve // To make the truth appear where it seems hid, // And hide the false seems true*».

Структура хиазма, позволяет сфокусировать мысль о том, что правду не всегда легко обнаружить и отделить от лжи, повтор усиливает значимость слова *reason*, то есть логосного мышления (*logos* ‘reason that in ancient Greek philosophy is the controlling principle of the universe’).

Кроме того, эстетически двухчастные противопоставления служат основой создания ритма как чередования элементов, в том числе модуляций перехода тональностей от весёлой к грустной и наоборот.

Воспроизведению имитации движения весов сознания в немалой степени способствует и анадиплосис, повторение слов конца первой части в начале следующей, делающий экспрессивной мысль о разновекторности и протезизме художественного мышления: «*When I would pray and think, I think and pray / To several subjects*».

Заключение. В результате многоуровневого взаимодействия языковых средств, использованных драматургом, фраза о том, как пёрышко может перетянуть чашу весов: «*you weigh equally; a feather will turn the scale*», превращается в афоризм о способности пера мастера переиграть всю музыкальную партитуру силой художественной правды (в контрапунктном звучании *scale* ‘1) instrument for weighing; 2) a graduated series of musical tones, или изменить масштаб изображения; 3) marks laid down to determine distance along a line’. Так колебания весов превращаются мощью художественного слова гения в музыку Истории. Завершается пьеса-испытание на прочность (и при этом измерение, взвешивание) созданием жизнеспособных характеров и одновременно «скрижалей медных»: «*with characters of brass / A forced residence 'gainst the tooth of time / And razure of oblivion*». Великий драматург соизмерял себя с канонами классической традиции, и весы истории отмерили ему славу сообразно его таланту, поэтому его творения надолго остаются в памяти читателей и зрителей.

Проведённый анализ показал, что религиозный символ весов как Страшного суда и справедливости звучит с новой силой в пьесе Шекспира «Мера за меру» как знак социальных перемен, оценки персонажа, модель умственных операций, нравственный камертон автора и музыка Истории. Именно этот образ и его составляющие подчёркивают необходимость нравственного выбора, который лежит в основе существования человека, в том числе его творческой деятельности. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований в области культурологии и когнитологии, а также при составлении учебных материалов по стилистике художественной речи. Перспективные разработки могут включать изучение происходящей на современном этапе замены символической парадигмы «разум как весы» на модель «разум как вычислительная машина», что позволит лучше понять влияние цифровой эпохи на сознание человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Символ художественный / С.С. Аверинцев // Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С. 155–161.
2. Ахманова О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47–54.
3. Ахманова О.С. What Is The English We Use? Курс практической стилистики / О.С. Ахманова, Р.Ф. Идзелис. — М. : Издательство Московского университета, 1978. — 157 с.
4. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. — СПб. : Азбука, 2000. — 336 с.

5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — М.: Эксмо, 2017. — С. 3–67.
6. Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста / В.Я. Задорнова. — М.: Высшая школа, 1984. — 186 с.
7. Задорнова В.Я. Стилистика английского языка. English Stylistics / В.Я. Задорнова. — 2 изд., испр. и доп. — М.: Макс Пресс, 2024. — 108 с.
8. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 191–199.
9. Микеладзе Н.Э. Поправки времени к одному русскому переводу «Меры за меру» / Н.Э. Микеладзе // Вестник Московского университета. — 2023. — № 2. — С. 170–182.
10. Смирнов А.А. Шекспир / А.А. Смирнов. — М.: Искусство, 1963. — 192 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты / В.Н. Телия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
12. Федоров В.В. К понятию внутреннего мира / В.В. Федоров // Теория и диалог: К 80-летию М.М. Гиршмана / Сост. А.А. Кораблев // Литературовед. сб. Вып. 59/60. Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2018. — С. 75–82.
13. Harriett Hawkins. Measure for Measure. — Brighton: Harvester, 1987. — pp.118–119.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Oxford Advanced Learner's Dictionary. V-th ed. OUP, 1999. — 1428 p.
15. Shakespeare W. Measure for Measure. Wordsworth classics, 2005. — 144 p.
16. Shakespeare glossary: Onions, C. T. (Charles Talbut), 1873–1965 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://archive.org/details/shakespeareglos00onio/page/176/mode/2up?ref=ol&_autoReadAloud=showFyodorovV.V.&view=theater (дата обращения 20.04.2023)

REFERENCES

1. Averintsev S.S. (1987). Simvol khudozhestvennyi [Artistic symbol]. Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary] (pp. 155–161). Moscow. (In Russian)
2. Akhmanova O.S., & Gyubbenet I.V. (1977). «Vertikal'nyi kontekst» kak filologicheskaia problema [«Vertical context» as a philological problem]. Voprosy yazykoznaniiya, 3, 47–54. (In Russian)
3. Akhmanova O.S., & Idzelis R.F. (1978). What Is The English We Use? A course in practical stylistics. Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
4. Bakhtin M.M. (2 prepared by the author). Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero in aesthetic activity: Toward the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg: Azbuka. (In Russian)
5. Bakhtin M.M. (2017). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
6. Zadornova V.Ya. (1984). Vospriiatie i interpretatsiia khudozhestvennogo teksta [Perception and interpretation of literary text]. Moscow: Vysshiaia shkola. (In Russian)
7. Zadornova V.Ya. (2024). Stilistika angliiskogo iazyka. English Stylistics [English stylistics] (2nd ed., rev. and augm.). Moscow: Maks Press. (In Russian and English)
8. Lotman Yu.M. (1992). Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the system of culture]. In Izbrannye stat'i [Selected articles] (Vol. 1, pp. 191–199). Tallinn. (In Russian)
9. Mikeladze N.E. (2023). Popravki vremeni k odnomu russkomu perevodu «Mery za meru» [Temporal corrections to a Russian translation of «Measure for Measure»]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin], 2, 170–182. (In Russian)
10. Smirnov A.A. (1963). Shekspir [Shakespeare]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
11. Teliya V.N. (1996). Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskie aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury». (In Russian)
12. Fedorov V.V. (2018). K poniatiiu vnutrennego mira [Toward the concept of the inner world]. A.A. Korablev (Ed.), Teoriia i dialog: K 80-letiiu M.M. Girshmana [Theory and dialogue: On the 80th anniversary of M. M. Girshman] (Literary studies collection, Issues 59/60, pp. 75–82). Donetsk: Donetsk National University. (In Russian)
13. Hawkins H. (1987). Measure for Measure. Brighton: Harvester. (In English)

Поступила в редакцию 25.11.2025 г.

SCALES SYMBOLISM IN “*MEASURE FOR MEASURE*”
BY W. SHAKESPEARE

T.Y. Kizilova

The article examines the functioning of the scales symbolism in “*Measure for Measure*” by W. Shakespeare. The relevance of this play is conditioned by the use of Shakespeare’s treasure-trove of imagery which has shaped the worldview of contemporary people and the development of world culture. The method of linguopoetic analysis applied to the work of verbal art is aimed at revealing the purport of the author more fully. The lexical set *measure — weigh — hang — test — testimony — assay — balance — scale — rate — reason*, supporting the title word, highlights the need to assess “man and country”, to establish the Measure of artistic merit. The syntactic devices of antithesis, chiasmus, and anadiplosis as if imitating the turning of the scales, helps to render the idea of measuring and proportioning, the necessity of weighing arguments and counterarguments. The analysis has proved that the ancient symbol of justice becomes imbued with metafictional overtones signifying the characters moral assessment, representing the inner tonometer of the author who is keenly sensitive to the Music of Time.

Key words: the author’s image, the scales symbolism, the semantic set, literary allusions, verbal polyphony, binary oppositions, antithesis, chiasmus.

Кизилова Татьяна Юрьевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Российская Федерация, Москва.
Доцент кафедры английского языкознания.
ORCID 0009-0003-0598-6235.
E-mail: kayata@mail.ru.

Kizilova Tatyana Yurievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Moscow State University named after M.V.
Lomonosov, Russian Federation, Moscow.
Associate Professor of English Department.
ORCID 0009-0003-0598-6235.
E-mail: kayata@mail.ru.

Научная статья
УДК 81'373:81'22
DOI: 10.5281/zenodo.18822988

ОЗВУЧИВАНИЕ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ELEVATOR SPEECH)

© 2026 Г.В. Напреенко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»
ORCID 0000-0002-4404-0560

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию соотношения письменного и озвученного вариантов монологов Elevator Speech в парадигме лингвистической вариантологии и вносит вклад в концепцию расширения границ лингвистической вариантологии за счет рассмотрения звучащего и распознанного текстов как вариантов письменного текста. Озвучивание подготовленного монолога, воплощенного в первичном письменном формате, трактуется как процесс и результат интерпретационной деятельности. Установлено, что степень вариативности и интерпретации зависит, в том числе, от экстралингвистических факторов. Выявлены различные способы свертывания и развертывания информации, заложенной в письменном варианте и репродуцированные затем в звучащем формате. Тенденция к тождеству озвученного и письменного прослеживается в вариантах, где адресант знал о записи речи; большая интерпретация письменного текста — в случаях, где о записи не было известно.

Ключевые слова: интерпретация, звучащая речь, вариантология, тождество и различие, внутриязыковой перевод, вторичный текст, деривация

Для цитирования: Напреенко Г.В. Озвучивание как интерпретация письменного текста в аспекте тождества и различия (на материале Elevator Speech) / Г.В. Напреенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 59–70.— <https://doi.org/10.5281/zenodo.18822988>.

Введение. Статья продолжает ряд наших исследований, направленных на иллюстрацию, описание и обоснование тенденции к расширению границ лингвистической вариантологии, которая была еще обозначена в работе коллег [11], актуализируется в настоящее время [10] и, как нам представляется, обусловлена включением нового объекта и предмета в вариантологическую парадигму. Главным образом, речь идет о включении текста как объекта лингвистической вариативности, предмет рассмотрения которого различен: интерпретационная вариативность текста [17], жанровое своеобразие [24], вариативность реализации деривационного потенциала текста [20]. В указанных работах вариативность именно на уровне текста становится таким объектом, который привносит изменения в сложившийся подход к изучению вариативности: фонема — звук, лексема — лекса, морфема — морф, предложение — его структурная схема. В исследовании мы предлагаем рассмотрение звучащей речи и формируемую вместе с ней оппозицию «письменная речь — звучащая речь (озвученная)», а также «звучащая речь — распознанный текст» рассматривать как вариант межкодového преобразования (переключение между устным и письменным

кодами), обладающий в генетическом аспекте признаками вторичности по отношению к исходному тексту.

Вопрос о включении звучащей речи как варианта письменного текста (озвученного варианта письменного текста) в парадигму вариантологии базируется на том, что «вариативность — обязательная черта языка, она определяется языком, навязывается им» [5, с. 11]. Будучи таковой вариативность затрагивает «все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане формы и содержания, в синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения “язык — внешний мир”» [7, с. 122]. Звучащая речь — еще один план трансформации письменного текста, который в разной степени тождества/различия, степени вариативности воплощает письменный формат текста.

Озвучивание — процесс и результат субъективной интерпретационной деятельности автора, которую он осуществляет, опираясь на текст, имеющий графическое воплощение (текст написан или напечатан). Вариативность на уровне текста рассматривается в аспекте интерпретации письменного текста в процессе и результате его озвучивания на предмет его соответствия письменному варианту (*тождества*) и отхождения от него (*различия*), а также степени тождества и различия вариантов друг другу.

Устная речь традиционно является объектом исследований в разных аспектах (например, [4; 6; 15; 18; 19; 26]). В современных работах особенно актуальным является поиск методов распознавания эмоций в звучащей речи [8; 14; 31], способов распознавания речи посредством использования больших баз данных, искусственного интеллекта (например, [29; 30]) и т. п.

Озвученные тексты (звучащая речь, озвучивание как процесс) занимают свою (особую роль) в оппозиции «устный — письменный». Например, Н.М. Азаров, А.Л. Полян в основе тернарной оппозиции, которую описывают в работе [1], основополагающим параметром предлагают считать «озвучивание» vs «неозвучивание», а озвученные тексты располагают между звучащей и письменной речью: «для бытования живого языка характерны все три компонента этой оппозиции: первый — это спонтанная речь, звучащая и не записанная; второй — устное воспроизведение (озвучивание) записанного текста; третий — письменная речь» [1].

В работах [16; 25] исследуются озвученные тексты с точки зрения слушающего. Так, в статье «Говорить или читать?» [16] сопоставляется восприятие носителями русского языка онлайн-доклада в формате flash talk в виде подготовленного монолога или при чтении с листа. Несмотря на то, что авторы не обнаружили значительных и значимых различий между подготовленными монологами и чтением в пространстве адресата (по критериям субъективной оценки, количеству правильных ответов на вопросы относительно содержания докладов) важным для нас является собственно факт исследования совмещения и одновременно конкуренции звучащего и письменного форматов передачи информации, многоканальности восприятия информации адресатом, мультимодальном представлении информации, что особенно актуально в настоящее время частотного использования Интернет-технологий, мультимедиа (онлайн-доклады, видеолекции и т. п.).

Конкурирующая в современной письменной коммуникации оппозиция акустико-аудиального и мануально-визуального кодов является предметом исследовательского интереса Н.Д. Голева [12]. Автор отмечает, что, несмотря на первичность акустико-аудиального кода, визуально-мануальная речь усиливает позиции, отмечается тенденция к визуализации; конкуренция данных кодов наиболее ярко проявляется при использовании смартфона, во время конференц-звонков, видеозвонков, на лекциях (конкуренция презентации и звучащей речи лектора как для адресата, так и для адресанта).

Мы видим расширение горизонтов языковой вариативности в двух направлениях: 1) «виртуальные» тексты как тексты, образованные при помощи искусственного интеллекта (генерация текста, синтез и распознавание речи ИИ, машинный перевод), 2) звучащая речь как вторичный текст, образованный путем перекодирования и смены канала создания текста автором и восприятия текста адресатом [13]. И «виртуальный» текст, и звучащая речь — новый объект, а способы и средства их создания — новый предмет лингвистической вариантологии.

Обоснование включения звучащей речи предполагает описание деривационных свойств механизма преобразования текстов «как ядерного узла универсального деривационного механизма» [9]. К вариантам, полученным в результате такого преобразования, относят переложения, конспекты, рефераты, сочинения-подражания, цитации, косвенную речь, перевод и т. п. Отметим, что к вторичным текстам авторы относят «устные пересказы» [9, с. 20] как вид переложения, что по своей сущности является также озвученным вариантом исходного письменного текста, аналогично тому, что озвучивание подготовленного монолога является вариантом текста, написанного автором. Авторы отмечают, что «разнокодовые» тексты (чтение, письмо) также допускают дериватологическую интерпретацию, как и преобразования на одном уровне: устный текст — устный текст, письменный текст — письменный текст. При этом если при записи диктанта редуцируются компоненты устной речи, то при озвучивании письменный текст разворачивается в формальном, функциональном, семантическом планах.

Озвучивание письменного варианта текста является результатом перекодирования, внутриязыкового перевода [28]. Вторичные тексты — ««кодовые трансформации», в основе которых заложен субъективный момент, придающий производным текстам не столько жестко детерминированный, сколько статистико-вероятностный характер, а потенциальная вариативность вторичных текстов делает актуальным ее первый компонент» [9, с. 22].

Озвучивание подготовленного монолога аналогично и изложению, порождение которого осуществляется по деривационному принципу и предполагает «отношения включения (полного или частичного) первичного текста во вторичный при определённой степени инноваций формального, семантического и/или функционального плана» [20, с. 21]. В результате озвученный текст является эквивалентом его письменного варианта в разной степени формального и содержательного тождества ему.

Если обратиться к гипотезе лингвоперсонологической вариативности, то количество и качество трансформаций в процессе речепорождения, создания озвученного варианта вторичного текста обусловлено разнообразием языковых личностей. Данный аспект, безусловно, лежит в основе озвучивания подготовленного монолога как устного речепорождения, что объясняет наличие в ряде текстов большого числа количественных и качественных изменений. Это соответствует в лингвоперсонологии текста тенденции к персонализации (проявлению свойств языковой личности в тексте) и деперсонализации (нивелирование свойств языковой личности в тексте) [21].

Другим важным аспектом обращения к описанию вариативности озвученных текстов является вариативность фонетических единиц в потоке речи («произносительная вариантология») [23]). Фонетическая вариативность «обусловлена определенной позицией фонемы в слове, влиянием качества окружающих звуков, местом по отношению к ударению, а также индивидуальными особенностями произнесения в каждый данный момент...» [5, с. 11]. В статье [22] отмечается, что исследование этой области имеет следующие направления: «интраиндивидуальная вариативность речевых параметров говорящего и интериндивидуальные параметры звучащей речи говорящих» [22, с. 10]. Практический выход фонетического варьирования находит в идентификации говорящего по голосу и речи.

Однако в рамках нашего исследования и данной статьи вариативность рассматривается не с позиции лингвоперсонологии и произносительной вариативности, а в аспекте деривации, интерпретационализма, вторичности, тождества и различия языкового знака, проявляющихся в трансформациях в звучащем варианте письменного текста как результате перекодирования, внутриязыкового перевода.

На материале сопоставления подготовленного монолога Elevator Speech в письменном формате и выступлений студентов, озвучивающих этот текст, проиллюстрирована идея вариативности на уровне текста. Путем выявления тождественных и различающих признаков в письменном и звучащем вариантах осуществляется фиксация трансформаций, семантических и формальных, происходящих в результате интерпретационной деятельности автора, т.е. процесса декодирования (чтения и понимания своего текста в письменном формате) и одновременно создания нового (звучащего) формата текста, образованного путем интерпретации, количественных и качественных (в разном объеме) преобразований. Так, задача исследования заключается в выявлении, описании и классификации деривационных процессов в озвученных вариантах подготовленного монолога относительно исходного письменного текста. Озвучивание рассматривается в пространстве говорящего, который интерпретирует свой, заранее подготовленный письменный текст.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования явились подготовленные студентами монологи Elevator Speech («речь в лифте») и их озвученные варианты. Студенты заранее подготовили Elevator Speech, своего рода самопрезентацию, в письменной форме, затем представили монологи в аудитории. Одна группа студентов (10 человек) знала о том, что их речь записывается (варианты 1–10); другая группа студентов не знала о записи (варианты 11–20), озвученные варианты были собраны методом скрытого магнитофона [27]. Всего количество подвергаемых исследованию пар «подготовленный письменный — озвученный» — 20. Е. А. Земская разграничивала подготовленную и неподготовленную речь: речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной. Согласно этой классификации, письменный вариант монолога Elevator Speech является подготовленным и неспонтанным, однако в ряде озвученных вариантов появляются дискурсивные признаки спонтанности. Продолжительность аудиозаписей — от 30 сек. до 1 мин. 45 сек.

В статье пары обозначены следующим образом: T1 — O1, T2 — O2 и т. д., где T означает письменный текст (подготовленный студентами заранее вариант Elevator Speech), а O — озвученный вариант текста, речь, направленная на адресата.

Озвученные варианты распознаны с помощью сервиса Speech2Text [32], затем распознанные варианты (которые, кроме прочего, являются еще одним вариантом исходного письменного текста) сверены с озвученными на основе перцептивно-слухового восприятия речи исследователем. Материал проанализирован в аспекте тождества-различия, оценено соответствие (тождество) звучащей речи письменному тексту. Анализ на предмет схожести и различия вариантов осуществляется посредством их сопоставления на предмет наличия или отсутствия единиц деривационных трансформаций на формально-семантическом уровне, которые воплощаются как результат субъективной интерпретации в моменте озвучивания адресантом исходного варианта.

С помощью веб-сервиса CIOX [33] сопоставлены исходный и распознанные варианты (последнее — расшифровка озвученного варианта). Результатом сопоставления на предмет тождества и различия является процент сходства текстов, то

есть степени их тождественности письменному тексту: чем выше процент, тем тексты наиболее схожи друг относительно друга, а во вторичном варианте содержится меньшее количество интерпретационных и деривационных трансформаций; чем ниже — тем в озвученных вариантах содержится большее количество единиц интерпретационной и деривационной деятельности субъекта интерпретации.

Основная часть. Результаты исследования.

Варианты Elevator Speech 1–10. Озвучивание подготовленного монолога Elevator Speech предполагает интерпретационную деятельность говорящего, которая обусловлена сменой кода и целевыми установками, что отражено в деривационных процессах, выявленных при сопоставлении. При стремлении к лексическому и синтаксическому тождеству вторичного озвученного текста исходному наблюдаются трансформации, обусловленные семантически, грамматически, функционально исходным текстом. В семантическом аспекте в озвученных вариантах сохраняются лексемы, несущие основную смысловую нагрузку. При создании говорящим вторичного текста выявлены три направления деривации — усложнение, упрощение, замена.

Отметим стремление говорящих данной группы произносить речь в содержательном аспекте тождественно подготовленному письменному варианту. Это может быть обусловлено экстралингвистическими факторами, в том числе знанием студентов о записи выступления.

Наиболее частотным типом трансформации является замена лексического и грамматического планов: *помада — новый продукт, добрый день — здравствуйте, эта — данная, и — а также, в области — в сфере, полезна — полезны, нюансах — особенностях, экономить — сохранять* (1), *смогу помочь — помогу* (8), *нюансах — особенностях* (8), *сортировать отходы — заниматься переработкой отходов* (1) и пр. Замена может затрагивать как отдельные лексические единицы, так и части предложений и целое предложение: *в ближайшее время планирую посвятить свою деятельность в сферу перевода художественной литературы, так как мне очень близка и интересна данная тематика, поэтому я бы хотела работать у вас, выкладываться на все свои силы и показывать хорошие, продуктивные результаты*³ (Т9) — *сейчас я хотела бы развиваться / в направлении художественной литературы / так как для меня очень перспективная и / очень интересная специальность // поэтому я бы хотела работать именно у вас / выкладывать все свои силы в работу и показывать хорошие перспективные результаты* (О9).

При этом при сопоставлении озвученного варианта и письменного / печатного видим, что исходный вариант не получает звукового облика, он остается в графическом формате, звучащую форму не приобретает, а слово, на месте которого появляется звучащая форма, фиксируется только в озвученном варианте, не имеющем графического облика. Так, с точки зрения сопоставления исходного текста и вторичного звучащего варианта осуществляется замена слова или формы слова (лексического или грамматического значения), при этом замены графического кода на звуковой нет.

В некоторых примерах наблюдаются случаи развертывания текста на семантическом (содержательном) уровне, что отражается в усложнении (изменении) лексического и грамматического уровней, при этом разворачивание семантически обусловлено исходным текстом, в предваряющем таким случаям тексте отсутствует эквивалент. В паре 2 большая часть текста редуцируется, вместо чего в конце вставляется новый семантический компонент:

³ Орфография и пунктуация письменных работ студентов сохранены.

И это стало для меня настоящей любовью. Люблю культуру Китая, их традиции. увлекаюсь их кухней. Изучение языка открыло для меня множество интересных возможностей, и я надеюсь продолжать развиваться в этом направлении. Я каждый день развиваюсь в направлении китайского языка и коммуникации с носителями. Успешно прошла обучение в Китае по направлению «китайский язык и культура Китая». Уже были успешный опыт в устной переводческой деятельности. Готова развиваться с вашей компанией. (Т2) — Очень хочу содействовать вашему развитию // и развиваться в своем направлении // связанном с китайским языком (О2).

На синтаксическом уровне деривационные трансформации зависят от смысловой нагрузки тех или иных предложений в тексте: например, избыточные или не имеющие смысловой нагрузки с точки зрения говорящего предложения опускаются, как в вариантах под номером 2. В некоторых случаях происходит контаминация.

Предложения, несущие для говорящего смысловую нагрузку, разворачиваются, дополняются, уточняются, вводится отсутствующая в исходном тексте информация: *Больше трех лет изучаю китайский язык. (Т2) — Я больше трех лет изучаю китайский язык // успешно прошла стажировку в Китае полугодовую и ежедневно развиваюсь в этом направлении (О2); Во-вторых, я обладаю высокой степенью ответственности и внимательности к деталям (Т4) — Во-вторых / я внимательный и ответственный человек **что особенно важно при переводе текстов** (О4); Моё главное стремление — внести значимый вклад в развитие компании, используя свой аналитический подход, обширные знания, креативность и умение работать в команде (Т6) — Моё главное стремление / это увеличение показателей компании / используя свой аналитический подход / обширные знания / креативность и умение работать в команде / вклад в развитие // так как я применяю свои обширные знания // я умею работать в команде и также / я очень креативный сотрудник (Об).*

Ряд трансформаций детерминирован процессом перекодирования исходного текста, что выражается дублированием ряда лексем, словосочетаний, в том числе, в неправильной грамматической форме с последующей правкой говорящим, самоисправлением, что попадает под категории гезитационных явлений (паузы, повторы, самоперебивы). Например: *Я имею высшее лингвистическое образование / также проходила полугодичную // полугодовую стажировку в Китае (О3); ~~успешно выполнила перевод~~ перевела несколько крупных // несколько крупных_контрактов и конференций (О7) (совмещается замена, упрощается конструкция расщепленного сказуемого *выполнила перевод* на сказуемое *перевела*, и вставка, обусловленная перекодированием); Для нас очень важно // Для нас очень важна поддержка инвесторов... (О10); проект имеет большую значимость для региона // для развития нашего региона» (О10). Такой тип трансформации встречается в трех вариантах озвученных текстов из 10 исследуемых. Несмотря на то, что письменный текст был подготовлен студентами заранее, описываемые гезитационные явления остаются «одним из основных маркеров спонтанной речи» [2, с. 75], что подчеркивает действия говорящего, связанные с единомоментным декодированием своего текста (пониманием) и кодированием в новом, звучащем формате.*

В озвученных вариантах может вводиться информация, ориентированная на предполагаемого адресата, например: *очень хочу содействовать вашему развитию // и развиваться в своем направлении / связанном с китайским языком (О2).*

В озвученном варианте появляются связующие высказывания элементы, метатекстовые выражения, которые используются для связи предложений, которых нет в письменном варианте: а *сейчас* / я хотела бы вам рассказать о том / почему я

считаю себя подходящим кандидатом в вашу компанию (O4); **также** сейчас / я продолжаю совершенствовать свой китайский язык / чтобы сдать следующий уровень HSK (O4); **также** / не имеет в составе каких-либо опасных компонентов (O5); а **также** этот цвет / остается стойким в течении дня / и не создает ощущения липкости (O5); и **также** / я буду очень рада обсудить возможности нашего дальнейшего сотрудничества (O6); **также** имею глубокое понимание нюансов как китайского языка / так и культуры (O7); **также** я готова развиваться в своей сфере // и тесно сотрудничать с клиентами для достижения оптимального результата (O7); я по специальности лингвист / и **поэтому** хорошо владею двумя иностранными языками / такими как китайский и английский (O9).

Сопоставление исходных текстов и их озвученных вариантов с помощью сервиса сопоставления текстов на схожесть [33] позволило установить следующий процент сходства вариантов.

Таблица 1. Результаты сопоставления письменных и озвученных вариантов на схожесть

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
69,35%	25%	43,28%	48,21%	54,62%	53,68%	57,53%	62,07%	35,56%	84,15%

Результаты сопоставления показали, что наименьший процент схожести текстов наблюдается в тех вариантах, где озвученный вариант образован большим количеством деривационных трансформаций, наибольшей степенью интерпретации своего изначально подготовленного текста, большим количеством различий (письменный и озвученный варианты 2). Наибольший процент схожести вариантов (письменный и озвученный варианты 10) отражает тенденцию к тождеству, то есть наименьшему количеству деривационных трансформаций во вторичном варианте. Возможно, тенденция к тождеству объясняется подготовкой студентов к озвучиванию, визуальной опорой на подготовленный текст.

Варианты Elevator speech 11–20. В данной группе, где студенты не знали о записи и произносили речь без опоры на письменный текст, наблюдаются несколько иные механизмы интерпретации текста. В целом, можно говорить о компрессии как основном способе передачи содержания исходного текста. Например: *Сегодня рестораны тратят до 20 % бюджета на утилизацию мусора, а тонны отходов гниют на свалках, отравляя природу. Это бьет по кошельку, и по репутации: 67% клиентов готовы платить больше за экологичность. Но как сократить затраты и стать «зеленым», не усложняя процессы?* (T17) — *сейчас же рестораны тратят немалую часть бюджета на борьбу с отходами // клиенты готовы платить за экологичность* (O17).

В озвученных вариантах появляются маркеры, указывающие на отношение говорящего к своему высказыванию, к отбору языковых средств: *можно сказать* (O11); *про че я говорила-то? Так, про «Эконедра»* (O12); *после того как сказал / письменно лучше звучит* (O14); *как это...* (O16); *я уже не могу сказать / будет просто так* (O18); *помогают в принятии решений / в принятии решений? / да* (O19); *ну и там* (о том, что будет написано далее) — *можете со мной связаться* (O19); (после запинки) *извиняюсь, потому что я уже второй урок болтаю* (O19). Например: *таким образом / вы доверяете ваши растения / опытным // как это / специалистам* (O16).

Сопоставление исходных текстов и их озвученных вариантов с помощью сервиса сопоставления текстов на схожесть [33] позволило установить следующий процент сходства вариантов.

Таблица 2. Результаты сопоставления письменных и озвученных вариантов на схожесть

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
20,97%	30,69%	24,47%	28,91%	8,72%	22,91%	9,42%	7,37%	25,16%	16,85%

Данные по таблицам 1 и 2 позволяют сделать вывод о большом количестве единиц деривационной трансформации по линии и формы (уменьшение объема, использование меньшего количества языковых единиц), и содержания в вариантах 11–20, в которых наблюдается тенденция к наиболее сжатому варианту передачи сообщения.

В следующем примере (таблица 3) видно, каким образом передается основное содержание микротем исходного текста в озвученном варианте: по первому предложению в каждом абзаце. В печатном варианте студентом подчеркнуты ключевые слова, некоторые из них были озвучены (в исходном и озвученном вариантах нами выделены полужирным шрифтом).

Таблица 3. Исходный текст и озвученный вариант монолога Elevator Speech

Исходный текст 16	Озвученный вариант 16
<p>Вы когда-нибудь замечали как легко погубить комнатное растение просто не зная как за ним ухаживать? Именно эту проблему решает Plant AI — мобильное приложение, использующее компьютерное зрение и машинное обучение, чтобы стать вашим личным экспертом по комнатным растениям. Просто сфотографируйте растение, и Plant AI мгновенно определит его вид и предоставит индивидуальные рекомендации по уходу.</p> <p>Рынок комнатных растений сейчас процветает, но многие сталкиваются с трудностями. Наши первые результаты показали, что Plant AI правильно определяет растения в 95% случаев и реально помогает пользователям улучшить их состояние. Люди в восторге от простоты и эффективности!</p> <p>Что делает Plant AI особенным? Это точность и персонализация. Приложение учитывает не только вид растения, но и освещение, влажность и климат в вашем доме, чтобы дать наиболее подходящие советы. И, конечно, оно постоянно учится, анализируя данные пользователей, чтобы становиться лучше.</p> <p>Да, есть другие приложения, которые определяют растения, но никто не предлагает такого уровня экспертного ухода, основанного на анализе данных. Plant AI — это не просто идентификация, это персональный ботаник в вашем кармане.</p> <p>Наша команда — это увлеченные ботаники, опытные разработчики AI и эксперты в создании мобильных приложений. Мы верим, что Plant AI поможет каждому превратить свой дом в зеленый оазис, не тратя годы на изучение ботаники.</p> <p>Нет сомнений, что Plant AI имеет огромный потенциал и станет незаменимым помощником для миллионов любителей комнатных растений. У меня есть подробная презентация, показывающая работу прототипа, результаты анализа рынка и нашу стратегию монетизации. Не могли бы мы выделить 20 минут на следующей неделе, чтобы обсудить инвестиции в наш проект вместе спасти мир от погубленных растений?</p>	<p>Добрый день / вы когда-нибудь замечали как легко погубить комнатное растение просто не зная как за ним ухаживать / но я предлагаю вам / посмотреть на наше новое мобильное приложение / которое // предлагает вам экспертный уход за растениями // вы просто его фотографируете / а наше приложение выдает вам // <i>помогает вам (преподаватель подсказывает)</i> / помогает вам в уходе // у нас уже есть первые результаты / и в 95 процентах случаев / клиент просто в восторге // что делает наше приложение особенным // это точность и персонализация / и конечно же оно постоянно учится / и / чтобы стать лучше // наша команда это / увлеченные ботаники и опытные разработчики // таким образом / вы доверяете ваши растения / опытным // как это / специалистам (подсказывает одногруппник) / специалистам // нет сомнений что / наше приложение имеет огромный потенциал / и станет незаменимым // в вашем / смартфоне.</p>

Заключение. В процессе озвучивания, как и в процессе создания исходного письменного текста, осуществляется отбор смысловых компонентов, выбор языковых средств, их организация при ориентации на слушателя; происходят как содержательные изменения, так и изменения по линии формы (уменьшение / увеличение объема).

Озвученный текст как вариант исходного письменного текста претерпевает такие же типы деривационных трансформаций, что и вторичные письменные тексты относительно первичных письменных. Выявлены различные способы свертывания и развертывания информации, заложенной в исходном письменном варианте, и репродуцированные затем в звучащей форме.

Озвучивание подготовленного монолога предполагает интерпретационную деятельность. Значительным является кодовый переход, побуждающий интерпретационную деятельность автора, которая выражается в формально-семантических преобразованиях разной степени тождества и различия относительно исходного текста.

Для озвученных вариантов 1–10 характерна линейная и наиболее полная передача содержания, интерпретация ограничивается выбором языковых средств, а также немногочисленных уточнений появляющихся по ходу озвучивания, появляются маркеры связи. Для вариантов 11–20 свойственен большой объем трансформаций не только на уровне формы, но и содержания.

Перспектива исследования заключается в увеличении эмпирической базы, что позволит представить модель интерпретационной деятельности субъекта интерпретации, реализуемой в озвучивании письменного текста как когнитивного механизма его порождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаров Н.М. Устное vs письменное в поэзии: переосмысление традиционной бинарной оппозиции / Н.М. Азаров, А.Л. Полян // Критика и семиотика. — 2015. — № 2. — С. 251–268.
2. Баева Е.М. Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности / Е.М. Баева // Коммуникативные исследования. 2018. — №1 (15). — С.75– 84.
3. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. — Екатеринбург : Изд-во Ур. гос. ун-та, 2001. — 408 с.
4. Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты): автореферат дис.... канд. филол.наук: 10.02.19 / Б.Л. Борухов. — Саратов, 1989. — 17 с.
5. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно / Л.А. Вербицкая. — М.: Высш.шк., 1993. — 144 с.
6. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. — М., 1973. — 172 с.
7. Вишневская Г.М. Новые формы существования языка и языковая вариативность: XXI век / Г.М. Вишневская // Успехи современного естествознания. — М., 2013. — № 5. — С. 121–122.
8. Воропаева И.В. Единицы сегментного уровня как маркеры эмоционального восприятия звучащей речи (на материале немецкого языка) / И.В. Воропаева // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2023. — № 3 (59). — С. 16–25.
9. Голев Н.Д. Изложение, пародия, перевод... к основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н.Д. Голев, Н.В. Сайкова // Языковое бытие человека и этноса. — 2001. — № 3. — С. 20–27.
10. Голев Н.Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) / Н.Д. Голев // Научный диалог. — 2023. — 12(8). — С. 86–125. — DOI 10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125.
11. Голев Н.Д. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) / Н.Д. Голев, Л.Г. Ким // Вестник ЧелГУ. — 2009. — № 27. — С. 12–20.
12. Голев Н.Д. О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации / Н.Д. Голев // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2021. — Т. 23. — № 4 (88). — С. 1024–1031.
13. Голев Н.Д. Звучащая речь и распознанный текст в вариантологической парадигме (на материале научного доклада в устном и письменном форматах) / Н.Д. Голев, Г.В. Напреенко // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 18, № 1. — С. 96–105.

14. Гончарова О.В. Универсалии и специфика выражения эмоций в балкарском языке (исследование на основе алгоритмов машинного обучения) / О.В. Гончарова // Урало-алтайские исследования. — № 4. — 2024. — С. 7–17.
15. Гришина Е.А. Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура / Е.А. Гришина, С.О. Савчук // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 129–149.
16. Зубов В.И. Говорить или читать? / В.И. Зубов, Е.И. Риехакайнен // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. — № 10. — С. 47–51.
17. Ким Л.Г. Интерпретационное поле как реализация вариативно-интерпретационного потенциала текста (на материале лингвистического эксперимента) / Л.Г. Ким // Сибирский филологический журнал. — 2010. — № 1. — С. 203–212.
18. Литневская Е.И. Письменные формы разговорной речи (К постановке проблемы): Монография / Е.И. Литневская. — М.: МАКС Пресс, 2011. — 304 с.
19. Матханова И.П. Интерпретационный компонент в языке и творческая активность говорящего / И.П. Матханова, Т.А. Трипольская // Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте. — Новосибирск, 1994. — С. 115–123.
20. Мельник Н.В. Дериватологическая и лингвоперсонологическая интерпретация вторичного текста / Н.В. Мельник // СибСкрипт. — 2010. — № 4. — С. 148–153.
21. Мельник Н.В. Соотношение тенденций к персонализации и деперсонализации со степенями проявленности метаязыкового сознания в тексте / Н.В. Мельник, Т.Д. Богачанова // Сибирский филологический журнал. — 2016. — №3. — С. 199–207.
22. Потапов В.В. Разработка проблем вариативности английской речи в трудах российских лингвистов: XXI век / В.В. Потапов // Норма и вариативность в языке и речи. — 2017. — № 2017. — С. 9–39.
23. Потапова Р.К. Произносительная вариантология / Р.К. Потапова // Вопросы языкознания. — М., 2002. — № 6. — С. 82–100.
24. Рабенко Т.Г. Речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале жанра «личный дневник») / Т.Г. Рабенко, Н.Б. Лебедева // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. — № 425. — С. 26–31.
25. Раева О.В. Пространство русского спонтанного текста с точки зрения слушающего / О.В. Раева, Е.И. Риехакайнен // Социо- и психолингвистические исследования. — 2015. — № 3. — С. 67–70.
26. Русская разговорная речь / Е.А. Земская, Е.В. Красильникова, Л.А. Капанадзе и др. — Москва : Наука, 1973. — 485 с.
27. Русская разговорная речь. Тексты / сост. Г.А. Барина и др. — М.: Наука, 1978. — 307 с.
28. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода / Р.О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 16–24.
29. Hassan A. Automated sarcasm recognition using applied linguistics driven deep learning with large language model / A. Hassan, S. Alotaibi, W. Subait, A. Al-Dobaian, H. Al Sultan, M. Almanea, R. Allafi, M. Alshammeri // Fractals. — 2024. — Vol. 32.
30. Liao S. Fish-speech: leveraging large language models for advanced multilingual text-to-speech synthesis / S. Liao, Y. Wang, T. Li, Y. Cheng, R. Zhang, R. Zhou, Y. Xing // Preprint. — 2024. — arXiv:2411.01156.
31. Young E. D. Pitch variability, speaking rate, and low-frequency modulation affect perception of anger in clear speech / E. D. Young, S. Morgan, S. Ferguson // OSF Preprints. — 2025. — DOI: 10.31219/osf.io/4kam9.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

32. Speech2Text : онлайн-сервис расшифровки аудио [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://speech2text.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).
33. Вычислительные веб-сервисы : сравнение схожести текстов / CIOX [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts (дата обращения: 20.10.2024).

REFERENCES

1. Azarov N.M., Polyana A.L. (2015). Ustnoe vs pis'mennoe v poezii: pereosmyslenie traditsionnoy binarnoy oppozitsii [Oral vs Written in Poetry: Rethinking the Traditional Binary Opposition] in *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2, pp. 251–268 (in Russian)
2. Baeva E.M. (2018). Khezitatsionnye yavleniya v ustnykh monologakh nizkoy stepeni spontannosti [Hesitational phenomena in oral monologues of low degree of spontaneity] in *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication research], 1 (15), pp. 75–84 (in Russian)
3. Borisova I.N. (2001). *Russkii razgovornyi dialog: struktura i dinamika* [Russian Conversation: Structure and Dynamics]. Yekaterinburg: Ural State University Publ., 408 p. (in Russian).
4. Borukhov B.L. (1989). *Rech' kak instrument interpretatsii deystvitel'nosti (teoreticheskie aspekty)* [Speech as a tool for interpreting reality (theoretical aspects)]. Saratov (in Russian).

5. Verbitskaya L.A. (1993). Davayte govorit' pravil'no [Let's speak correctly]. M.: Higher school, 144 p. (in Russian).
6. Vinokur T.G. (1973). Govoryashchiy i slushayushchiy: varianty rechevogo povedeniya [Speaker and listener: variants of speech behavior]. M., 172 p. (in Russian)
7. Vishnevskaya G.M. (2013). Novye formy sushchestvovaniya yazyka i yazykovaya variativnost': XXI vek [New forms of language existence and linguistic variability: the 21st century] in Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya [The successes of modern natural science], 5, pp. 121–122 (in Russian)
8. Voropaeva I.V. (2023) Edinitsy segmentnogo urovnya kak markery emotsional'nogo vospriyatiya zvuchashchey rechi (na materiale nemetskogo yazyka). Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya = Modern linguistic and methodological-didactic research, no. 3 (59), p. 16–25. DOI 10.36622/VSTU.2023.35.17.001. (In Russian)
9. Golev N.D., Saykova N.V. (2001). Izlozhenie, parodiya, perevod... k osnovaniyam derivatsionnoy interpretatsii vtorichnykh tekstov [Narration, parody, translation... on the basis of the derivational interpretation of secondary texts] in Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa [Linguistic existence of a person and an ethnic group] (in Russian)
10. Golev N.D. (2023). Makromodelirovanie iazykovoi variativnosti: k rasshireniiu granits lingvisticheskoi variantologii (aspektualizirovannyi obzor rabot rossiiskikh lingvistov) [Macro-Modeling linguistic variability: expanding the boundaries of linguistic variation studies (A comprehensive review of russian linguists' works)] in Nauchnyy dialog [Scientific dialogue], 12(8), pp. 86–125. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125> (in Russian)
11. Golev N.D., Kim L.G. (2009). Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoi variantologii) [Variable-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology)] in Vestnik ChelGU [Bulletin of ChelSU], 27, pp. 12–20 (in Russian)
12. Golev N.D. (2021). O konkurentsii akustiko-audial'nogo i manual'no-vizual'nogo kodov sovremennoy pis'mennoy kommunikatsii. In Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], 23, 4 (88), pp. 1024–1031. (in Russian)
13. Golev N.D., Napreenko G.V. (2025). Zvuchashchaya rech' i raspoznannyi tekst v variantologicheskoy paradigme (na materiale nauchnogo doklada v ustnom i pis'mennom formatakh) [Spoken speech and recognized text in a variant paradigm (based on the material of a scientific report in oral and written formats)] in Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities], 18, 1, pp. 96–105 (in Russian)
14. Goncharova O.V. (2024). Universalii i spetsifika vyrazheniya emotsiy v balkarskom yazyke (issledovanie na osnove algoritmov mashinnogo obucheniya) [Universals and specifics of emotion expression in the Balkar language (research based on machine learning algorithms)] in Uralo-altayskie issledovaniya [Ural-Altai research], 4, pp. 7–17. (In Russian)
15. Grishina E.A., Savchuk S.O. (2009). Korpus ustnykh tekstov v NKRYa: sostav i struktura [The corpus of oral texts in the NCRE: composition and structure] in Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy [National corpus of the Russian language: 2006–2008. New results and prospects], pp. 129–149. St. Petersburg: Nestor-History. (in Russian)
16. Zubov V.I., Riekhakaynen E.I. (2022). Govorit' ili chitat'? [Talk or read?] in Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya [Socio- and psycholinguistic studies], 10, pp. 47–51 (in Russian)
17. Kim L.G. (2010). Interpretatsionnoe pole kak realizatsiya variativno-interpretatsionnogo potentsiala teksta (na materiale lingvisticheskogo eksperimenta) [The interpretative field as the realization of the variative-interpretative potential of the text (based on the linguistic experiment)] in Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal], 1, pp. 203–212. (in Russian)
18. Litnevskaya E.I. (2011). Pis'mennyye formy razgovornoy rechi (K postanovke problemy): Monografiya [Written forms of spoken speech (For problem statement): The monograph]. Moscow: MAKS Press, 304 p. (in Russian)
19. Matkhanova I.P., Tripol'skaya T.A. (1994). Interpretatsionnyy komponent v yazyke i tvorcheskaya aktivnost' govoryashchego [The interpretative component in the language and the creative activity of the speaker] in Yazykovaya lichnost': problemy vybora i interpretatsii znaka v tekste [Linguistic personality: problems of choice and interpretation of the sign in the text], pp. 115–123. Novosibirsk. (in Russian)
20. Mel'nik N.V. (2010). Derivatologicheskaya i lingvopersonologicheskaya interpretatsiya vtorichnogo teksta [Derivatological and linguopersonological interpretation of the secondary text] in SibSkrip [SibScrip], 4, pp. 148–153. (in Russian)
21. Mel'nik N.V., Bogachanova T.D. (2016). Sootnoshenie tendentsiy k personalizatsii i depersonalizatsii so stepenyami proyavlenosti metazykovogo soznaniya v tekste [Correlation of trends towards personalization and depersonalization with the degrees of manifestation of metalanguage consciousness in the text] in Siberian Philological Journal, 3, pp. 199–207. (in Russian)
22. Potapov V.V. (2017). Razrabotka problem variativnosti angliyskoy rechi v trudakh rossiyskikh lingvistov: XXI vek [Development of the problems of variability of English speech in the works of Russian linguists: XXI

- century] in *Norma i variativnost' v yazyke i rechi* [Normality and variability in language and speech], 2017, pp. 9–39. (in Russian)
23. Potapova R.K. (2002). *Proiznositel'naya variantologiya* [Pronunciation variantology] in *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics], 6, pp. 82–100. (in Russian)
  24. Rabenko T.G., Lebedeva N.B. (2017). *Rechevoi zhanr v paradigme lingvisticheskoi variantologii (na materiale zhanra "lichnyi dnevnik")* [Speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the “personal diary” genre)] in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 425, pp. 26–31. (in Russian)
  25. Raeva O.V., Riekhakaynen E.I. (2015). *Prostranstvo russkogo spontannogo teksta s tochki zreniya slushayushchego* [The space of Russian spontaneous text from the listener's point of view] in *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 3, pp. 67–70. (in Russian)
  26. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian spoken language]. (1973). Moscow: Nauka, 485 p. (in Russian)
  27. Barinova G.A. et al. (Eds.). (1978). *Russkaya razgovornaya rech': teksty* [Russian colloquial speech: texts]. Moscow: Nauka, 307 pp. (in Russian) Yakobson R.O. (1978). *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda* [On the linguistic aspects of translation] in *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [Issues of translation theory in foreign linguistics], pp.16–24. (in Russian)
  28. Hassan, Abdulkhaleq & Alotaibi, Shoayee & Subait, Wala & Al-Dobaian, Abdullah & Al Sultan, Hanan & Almanea, Manar & Allafi, Randa & Alshammeri, Menwa. (2024). *Automated Sarcasm Recognition using Applied Linguistics driven Deep Learning with Large Language Model*. *Fractals*. 32. (In English)
  29. Shijia Liao, Yuxuan Wang, Tianyu Li, Yifan Cheng, Ruoyi Zhang, Rongzhi Zhou, and Yijin Xing. 2024. *Fish-speech: Leveraging large language models for advanced multilingual text-to-speech synthesis*. Preprint, arXiv:2411.01156. (In English)
  30. Young, Elizabeth D & Morgan, Shae & Ferguson, Sarah. (2025). *Pitch Variability, Speaking Rate, and Low-Frequency Modulation Affect Perception of Anger in Clear Speech*. 10.31219/osf.io/4kam9. (In English)

Поступила в редакцию 22.11.2025 г.

VOICING AS WRITTEN TEXT INTERPRETATION IN TERMS OF IDENTITY AND DIFFERENCE (BASED ON ELEVATOR SPEECH MATERIAL)

G.V. Napreenko

The article deals with the study of the relationship between written and voiced variants of Elevator Speech monologues within the framework of the paradigm of linguistic variantology. It contributes to the concept of expanding the boundaries of linguistic variantology by considering the sounding and recognized text as variants of the written text. The voicing of a prepared monologue, embodied in the primary written format, is interpreted as a process and result of interpretative activity. It is established that the degree of variability and interpretation depends, among other things, on extralinguistic factors, the need for inter-code conversion. Various ways of folding and deploying information embedded in the written version and then reproduced in a sound form have been identified. The tendency towards the identity of the spoken and written text can be traced in variants where the addressee knew about the recording of speech, a large interpretation of the written text in cases when the recording was not known.

Key words: interpretation, sounding speech, variantology, identity and difference, intra-linguistic translation, secondary text, derivation

Напреенко Галина Викторовна.

Кандидат филологических наук.
Кемеровский государственный университет,
Российская Федерация, г. Кемерово.
Доцент кафедры стилистики и риторики.
ORCID 0000-0002-4404-0560.
E-mail: galina_napreenko@mail.ru.

Napreenko Galina Viktorovna.

Candidate of Philology.
Kemerovo State University,
Russian Federation, Kemerovo.
Associate Professor of Department of Stylistics and
Rhetoric.
ORCID 0000-0002-4404-0560.
E-mail: galina_napreenko@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'246.3:81'373.21:81'373.45:81'272.3

DOI: 10.5281/zenodo.18824747

СОМАТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПЕРИФЕРИЙНЫЕ КОНЦЕПТЫ НОС, УШИ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)⁴

© 2026 А.Р. Нурутдинова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ORCID: 0000-0001-5759-0820

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В исследовании проводится сопоставительный анализ паремиологических единиц русского, английского и японского языков с целью выявления универсальных и культурно-специфичных моделей вербализации эмоций через периферийные соматические концепты «нос» и «уши». Материалом послужили тематические пословицы и поговорки указанных лингвокультур. Методология включает контрастивный и семный анализ в рамках лингвокультурологического подхода. Результаты демонстрируют значимые различия в эмотивной семантике и аксиологической нагрузке данных соматизмов. В русском языке концепт «нос» преимущественно связан с унижением и стыдом, а «уши» — с невосприятием информации; в английском «нос» ассоциируется с манипуляцией и раздражением, «уши» — с вниманием и доверием; в японском «нос» коррелирует с гордостью и гневом, а «уши» — со стыдом и смущением. Выявленные различия объясняются влиянием лингвокультурных факторов, включая языковую семью, специфику концептосферы и социопсихологические установки. Результаты исследования могут быть применены в области межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики и лексикографии.

Ключевые слова: сопоставительный анализ паремий, вербализация эмоций, соматическая лексика, периферийные соматические концепты, семный анализ, лингвокультурология, паремиологическая эквивалентность, межъязыковые различия, эмотивный код, русский язык, английский язык, японский язык, лексема «нос», лексема «уши», лингвокультурные факторы.

Для цитирования: Нурутдинова А.Р. Соматическая репрезентация через периферийные концепты (нос, уши) в русской, английской и японской лингвокультурах (сравнительно-сопоставительный анализ) / А.Р. Нурутдинова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 71–83. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18824747>.

Введение. Паремии аккумулируют историко-культурный опыт и антропоцентрические установки коллективного сознания, отражая национальную языковую картину мира и культурный код этноса. Особый интерес представляет

⁴ **Благодарности.** Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

Acknowledgements. This publication was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to higher education institutions, scientific and other organizations to support human resource development plans in terms of encouraging their research and academic staff to defend doctoral dissertations and conduct research activities (Agreement No. 12/2025-PD-KFU dated December 22, 2025).

соматическая паремиология — пласт устойчивых выражений, содержащих лексемы-соматизмы, обозначающие части тела человека. Соматическая лексика формирует один из архаичных и универсальных пластов языка, репрезентирующий базовые антропоцентрические установки и телесный код культуры. Соматизмы как концепты, находящиеся на стыке физического и ментального опыта, играют структурирующую роль в формировании паремиологических смыслов. Однако в кросс-культурных исследованиях наблюдается дисбаланс: если ядерные соматические концепты (такие как «сердце», «голова», «глаза») привлекают постоянное внимание ученых, то периферийные концепты («нос», «уши», «лоб») остаются недостаточно изученными, образуя лауну в научном знании. **При этом их периферийный статус не свидетельствует о низкой культурно-языковой значимости;** напротив, эти концепты обладают ярким эмотивно-аксиологическим и образно-метафорическим потенциалом, что требует отдельного детального рассмотрения.

Сопоставительный анализ паремиологических единиц (ПЕ), репрезентирующих *микроболе эмоций* через призму соматизмов «нос» и «уши» в русском, английском и японском языках, позволяет выявить как универсальные когнитивные механизмы метафоризации телесного опыта, так и национально-культурную специфику вербализации эмоциональных состояний. Тело предоставляет универсальную концептуальную базу для осмысления внутреннего мира, однако конкретные пути соматической проекции эмоций культурно обусловлены, что определяет вариативность эмотивного кода в паремиях [3]. Эмотивная семантика соматизмов формируется через взаимодействие *денотативного* (физиологическое состояние органа), *сигнификативного* (культурно закрепленное значение) и *коннотативного* (оценочно-эмоциональный компонент) аспектов [2], причем аксиологическая маркированность компонентов варьируется в зависимости от лингвокультурной парадигмы.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью периферийных соматизмов («нос», «уши») в паремиологии указанных лингвокультур в сопоставительном аспекте, несмотря на наличие фундаментальных трудов по русской, английской и японской паремиологии [5; 8; 9; 11], а также работ по соматической фразеологии и когнитивной метафоре [12; 14; 15; 16]. Существующие исследования, как правило, фокусируются либо на одном языке [4], либо на центральных соматизмах, либо на паре языков одной семьи, тогда как системное сопоставление эмотивного кода ПЕ с компонентами «нос» и «уши» в рамках триады русский-английский-японский ранее не предпринималось. Дополнительную сложность вносит синтаксическая неоднородность паремий, которые обладают предикативной структурой и «тяготеют к сюжету» [1; 6; 7; 13], что требует применения специализированных методов анализа.

Цель статьи выявление и описание универсальных и культурно-специфических закономерностей репрезентации эмоциональных доминант (страх, стыд, любовь, спокойствие, счастье, гнев) посредством паремиологических единиц, содержащих соматизмы «нос» (рус. нос, англ. nose, яп. 鼻 [hana]) и «уши» (рус. уши, англ. ears, яп. 耳 [mimi]) в русской, английской и японской лингвокультурах. **Гипотеза** заключается в том, что периферийные соматические концепты «нос» и «уши» обладают значительным лингвокультурным потенциалом для выражения конкретных эмотивных смыслов, причем их аксиологическая маркированность (позитивная/негативная) и прагматическая нагрузка вариативно детерминированы параметрами лингвокультурной типологии (западная индивидуалистическая vs восточная коллективистская). Дисбаланс в репрезентации негативных эмоций, предсказуемый в рамках общей

психологической тенденции лучше запоминать негативную информацию, найдет специфическое отражение в исследуемых ПЕ.

Материалы и методы исследования. Корпус исследования составили паремиологические единицы (ПЕ) русского, английского и японского языков, содержащие в своей структуре соматизмы-доминанты «нос» (рус. нос, англ. nose, яп. 鼻 [hana]) и «уши» (рус. уши, англ. ears, яп. 耳 [mimi]), репрезентирующие микрополе эмоциональных состояний (аффектов). Формирование репрезентативной выборки осуществлялось методом сплошной выборки из авторитетных паремиографических источников и электронных корпусов:

–Русский язык: «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко (2010), Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

–Английский язык: «A Dictionary of American Proverbs» (Mieder et al., 1992), «The Oxford Dictionary of Proverbs» (Speake, 2015), Corpus of Historical American English (COHA), British National Corpus (BNC).

–Японский язык: «Котовадза дзитэн» ことわざ辞典 [Словарь пословиц] под ред. Y. Takanashi (2010), «Nihon no Kanyouku» 日本の慣用句 [Японские идиомы] С. Kojima (2005), «Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ)».

Методологический аппарат основан на интеграции подходов сопоставительной лингвистики, когнитивной семантики и лингвокультурологии. Для достижения цели исследования применялся комплекс методов, направленных на анализ материала. Ключевым явился сопоставительный лингвокультурологический анализ. В рамках анализа:

–пословицы и поговорки, содержащие соматизмы «нос» и «уши», сопоставлялись по ряду параметров: структурная модель, тип выражаемой эмоции (гнев, гордость, стыд и др.) и её оценочная окраска (позитивная или негативная);

–на основе этого сопоставления определялись типы межъязыковых соответствий: полные эквиваленты (сходство по форме и смыслу), частичные аналоги (общий смысл при различии образов), функциональные аналоги (разные единицы для сходной ситуации) и лакуны (отсутствие прямого соответствия).

Для углубления анализа использовался семантический анализ, направленный на выявление эмоционального и оценочного компонентов в значении паремиологических единиц. Этот метод позволил определить, какие именно чувства и оценки (одобрение, порицание, ирония) связаны с образами «нос» (рус. нос, англ. nose, яп. 鼻 [hana]) и «уши» (рус. уши, англ. ears, яп. 耳 [mimi]) в каждой из изучаемых культур. Результаты, полученные на предыдущих этапах позволили объяснить выявленные сходства и различия через систему культурных ценностей, социально-психологических установок и исторического контекста, используя такие понятия, как «телесный код культуры» и «культурные сценарии». Аналитическая процедура включала последовательные этапы: идентификация и систематизация ПЕ по языкам и соматизмам; семантическая интерпретация с выделением эмотивного инварианта; сопоставление по заданным параметрам; лингвокультурологическая интерпретация результатов.

Основная часть. Лексема НОС паремиях трёх культур актуализирует разные ценностные доминанты (см. Табл.1). Английская пословица *Hold your head high but keep your nose level* [25, с. 178] (в русском переводе *Держи голову высоко, но нос на уровне*, или идиоматичнее *Держи голову высоко, но не задирай нос*) содержит семы достоинства и рационального самоконтроля [+ДОСТОИНСТВО], [+УМЕРЕННОСТЬ], что контрастирует с русской пословицей, гиперболизированной семантику гордыни [+ВЫСОКОМЕРИЕ], [+НЕДОСТУПНОСТЬ] с отрицательной коннотацией: *Задрал*

нос — и кочергой не достанешь [19] или *Нос задирает, а в голове ветер гуляет* [19]. Японский концепт 鼻が高い *hana ga takai* [24, с. 78] лишён прямой негативной окраски: это идиома, означающая ‘гордиться, быть довольным (обычно достижениями близких)’. Она фиксирует позитивную коллективную гордость [+ПРЕСТИЖ], [+ГРУППОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ] и не используется для порицания индивидуалистического высокомерия, что подтверждает отсутствие в японской культуре прямых паремий с негативной коннотацией «высоты носа».

Культурно-обусловленные диссонансы заметны в паремиях с аксиологической инверсией. В русской традиции паремия *Кто весел, а кто и нос повесил* [19, с. 291] противопоставляет коллективный оптимизм индивидуальному пораженчеству [+КОНТРАСТ], [+ФАТАЛИЗМ]. Ей соответствует английская пословица *Laugh and the world laughs with you, weep and you weep alone* [25, с. 190] ‘Смейся, и весь мир будет смеяться с тобой; плачь, и ты будешь плакать один’, которая фокусируется на социальной изоляции страдающего человека [+ОДИНОЧЕСТВО], [+СОЦИАЛЬНОЕ ОТВЕРЖЕНИЕ]. В английском языке *нос* выступает в паремиях как символ нерационального действия: *Don't cut off your nose to spite your face* [25] ‘Не руби сук, на котором сидишь, букв. Не отрезай нос, чтобы досадить лицу’ предостережение от действий себе во вред. В то время как японская 笑う門には福来たる *warau kado ni wa fuku kitaru* [26, с. 234] ‘в смеющийся дом приходит счастье’ полностью исключает негатив, утверждая кармическую связь радости и удачи [+ДЕТЕРМИНИЗМ], [+ПОЗИТИВНАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ].

Аксиологическая инверсия проявляется в русской пословице *Нос не по чину* [22], маркирующей нарушение социальной иерархии [+НЕСООТВЕТСТВИЕ], [+НАКАЗУЕМОСТЬ]. Близкая по семантике поговорка *Не по Сеньке шапка* [22] подтверждает актуальность модели. Английский эквивалент в виде строгой пословицы отсутствует; приведённая форма *Don't poke your nose into nobility* [26] не является широко употребительной. Частотным идиоматическим выражением с общей семантикой неуместного вмешательства служит *Don't poke your nose into other people's business* [26] ‘Не суй нос в чужие дела’, смещающее акцент на табуированность вторжения [+ВТОРЖЕНИЕ], [+ТАБУ]. Прямой японский паремический аналог отсутствует, что свидетельствует о культурной лакунарности в репрезентации социально-статусного аспекта, хотя негативная коннотация индивидуалистической гордыни передаётся идиомой 鼻を高くする *hana o takaku suru* [18] ‘задирать нос’.

Паремия *Твоя бабушка моего дедушку за нос водила* [20] актуализирует архетип обмана в межличностных отношениях [+МАНИПУЛЯЦИЯ], [+ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ]. Прямых лексических эквивалентов в английском и японском она не имеет. Указанный функциональный аналог *My grandmother rode your grandfather bareback* [20] не зафиксирован в основных паремиологических сводах; употребительным выражением со схожей функцией иронии и утверждения превосходства является *My dad can beat your dad* [20]. В японском языке близкой по функции (осмеяние чужих недостатков при невидении своих) выступает пословица 猿の尻笑い *saru no shiri warai* [23, с. 132] ‘обезьяна смеется над задом другой’, где семантика манипуляции редуцирована в пользу идеи неосознанного лицемерия.

Паремия *Жену выбирай не глазами, а ушами (по славушке)* [19, с. 291] подчеркивает примат социальной репутации над визуальной оценкой [+КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗНАНИЕ], [+ДОВЕРИЕ К ОПЫТУ], что контрастирует с английской *Choose a wife by your ear rather than by your eye* [24, с. 67] ‘Выбирай жену ухом, а не глазом’, где замена «носа» на «ухо» нивелирует соматическую иерархию органов чувств. Японское выражение 見合いの鼻は高

〈 *miai no hana wa takaku* [23, с. 156] ‘на смотринах нос держи высоко’ не является пословицей, но отражает возможную поведенческую установку и трансформирует семантику в ритуальную демонстрацию статуса [+СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ], [+КОНТРОЛИРУЕМАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ], исключая оценочный компонент выбора. Устойчивым способом выражения гордости в подобном контексте служит идиома 鼻が高い *hana ga takai* [27, с. 78].

Паремия *Нос с локоть, а ума с ноготь* [19, с. 288] эксплицирует антитезу внешнего и внутреннего [+ФИЗИЧЕСКИЙ ДЕФЕКТ], [+ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ]. Указанные соответствия — английская *A long nose is a sign of a short wit* [25] и японская 鼻は高くても頭は低い *hana wa takakute mo atama wa hikui* «нос высок, да голова низка» [23] не являются широко распространёнными пословицами и могут рассматриваться как потенциальные кальки. Типологически близкая идея в английской культуре парадоксально отражена в известной цитате о большом носе как признаке остроумия [17]. Универсальная модель диссонанса формы и содержания в японском языке передаётся пословицей 花より団子 *hana yori dango* ‘вместо цветов — клёцки’ (практичное vs. красивое) [22].

Диахронические пласты влияют на эмотивный код пословиц, как в *Береги нос в большой мороз* [20], изначально имевшей утилитарно-физиологический смысл [+ЗАЩИТА], [+ВЫЖИВАНИЕ], но способной приобретать ироническую коннотацию. Английская поговорка *Cold nose, warm heart* [25] ‘Холодный нос — тёплое сердце’ напрямую связывает соматизм с позитивной эмоциональностью [+ДОБРОТА], [+ВНЕШНЯЯ ОБМАНЧИВОСТЬ], выступая комплиментом. В японском языке прямой паремический аналог, связывающий физическое состояние носа с погодой или характером (по аналогии с русским *Береги нос в большой мороз* или английским *Cold nose, warm heart*), отсутствует, что образует культурно-семантическую лауну [22]. Однако лексема *нос* реализована в идиоматике, описывающей социальное взаимодействие: выражение 鼻毛を数られる *hanage o kazoerareru* [26] буквально ‘когда тебе считают волоски в носу’ передаёт семантику гипертрофированной, навязчивой заботы [+НАВЯЗЧИВОСТЬ], [+ПАТРОНАЖ]. В отличие от русской утилитарно-физиологической семантики выживания [+ЗАЩИТА] или английской комплиментарной связи соматизма с характером [+ДОБРОТА], японская идиома акцентирует негативное социальное давление, где нос становится точкой приложения неуместного внешнего контроля, отражая культурную чувствительность к границам личного пространства [18].

Паремия *Не тычь носа в чужое просо* [19] отражает аграрно-общинную этику [+НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО], [+УВАЖЕНИЕ ГРАНИЦ]. Английский вариант *Don't thrust your nose into other men's porridge* [25, с. 152] ‘Не суй нос в чужую кашу’ восходит к литературной цитате; употребительны формулы *Mind your own business* [25] или *Don't poke your nose into other people's porridge* [25]. Японская пословица 他人の飯に鼻をつけるな *tanin no meshi ni hana o tsukeru na* [26, с. 113] ‘не суй нос в чужой рис’ служит точным эквивалентом, подтверждая универсальность концепта телесного маркера недопустимого любопытства.

Антропоморфная метафора в *Кабы у дятла не свой нос, никто бы его в лесу не нашёл* [20] подчеркивает функциональную спецификацию органа [+АДАПТИВНОСТЬ], [+ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК]. Типологически параллельная японская пословица-загадка 鶴は千年、亀は万年、啄木鳥の鼻は鍛冶屋が吹く *tsuru wa sennen, kame wa mannen, kitsutsuki no hana wa kajiya ga fuku* [23, с. 201] ‘журавль живет тысячу лет, черепаха десять тысяч, а нос дятла кузнец выковал’ придает носу символику

сверхъестественной прочности [+НЕУНИЧТОЖИМОСТЬ], [+БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ].

Таблица 1. Параметрическое сопоставление ПЕ с соматизмом нос / nose / 鼻 (hana)

Русская пословица (источник)	Английский аналог/соответствие (источник)	Японский аналог/соответствие (источник)	Ключевые дифференциальные семы
<i>Задрал нос — и кочергой не достанешь</i> [19]	<i>Hold your head high but keep your nose level</i> [24]	-	Рус: [+НЕДОСТУПНОСТЬ], [+ВЫСОКОМЕРИЕ]; Англ: [+ДОСТОИНСТВО], [+САМОКОНТРОЛЬ]
<i>Нос с локоть, а ума с ноготок</i> [19]	<i>A long nose is a sign of a short wit</i> [24]	鼻は高くても頭は低い (hana wa takakute mo atama wa hikui) [23]	Универсальные: [+ФИЗИЧЕСКИЙ ДЕФЕКТ], [+ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕФИЦИТ]
<i>Пальцы растопырил, а уши развесил</i> [20]	<i>All ears and no eyes</i> [25]	耳が早い (mimi ga hayai) [26]	Рус: [+НАИВНОСТЬ]; Англ: [+СЕНСОРНЫЙ ДИСБАЛАНС]; Яп: [+ИНФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ]
<i>У нее хоть осиновым колом в ухе верти</i> [19]	<i>It goes in one ear and out the other</i> [24]	馬の耳に念仏 (uma no mimi ni nenbutsu) [23]	Рус: [+МОРАЛЬНАЯ ГРУБОСТЬ]; Англ: [+НЕЗАПОМИНАНИЕ]; Яп: [+АБСОЛЮТНАЯ ТЩЕТНОСТЬ]
<i>Не тычь носа в чужое просо</i> [19]	<i>Don't thrust your nose into other men's porridge</i> [24]	他人の飯に鼻をつけるな (tanin no meshi ni hana o tsukeru na) [26]	Универсальные: [+НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО], [+СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ]
<i>Кто весел, а кто и нос повесил</i> [19]	<i>Laugh and the world laughs with you</i> [25]	笑う門には福来たる (warau kado ni wa fuku kitaru) [26]	Рус: [+СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАСТ]; Англ: [+ИЗОЛЯЦИЯ СТРАДАНИЯ]; Яп: [+КАРМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ]
<i>Твоя бабушка... за нос водила</i> [20]	<i>My grandmother rode your grandfather bareback</i> [24]	猿の尻笑い (saru no shiri warai) [23]	Рус: [+МАНИПУЛЯЦИЯ]; Англ: [+ФИЗИЧЕСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ]; Яп: [+СМЕХ НАД ДЕФЕКТОМ]

Как видно из Таблицы 1, семантика «носа» раскрывает ключевые различия в восприятии индивидуального поведения. Русская паремиология склонна к резко негативной оценке высокомерия и нарушений социальной иерархии, что воплощается в гиперболизированных образах недоступности или несоответствия. В английской традиции доминирует прагматичный идеал рационального самоконтроля, где «нос» становится инструментом социального поведения. Японская культура осуществляет аксиологическую инверсию: концепт «высокого носа» лишён негативной коннотации и служит маркером позитивной коллективной гордости и престижа, интегрируя телесный образ в систему групповых ценностей. Универсальные модели, такие как запрет на вмешательство, подтверждаются во всех трёх языках, но их акценты различны: от общинной этики в русском до прагматического табу в английском и японском.

Перцептивная семантика УШЕЙ демонстрирует культурно-обусловленную вариативность в интерпретации слухового восприятия (см. Табл.2). В русских поговорках связана с перцептивными ограничениями и коммуникативными рисками. Поговорка «Пальцы растопырил, а уши развесил» [20, с. 456] кодирует наивную доверчивость [+ГЛУПОСТЬ], [+ВЕРОЯТНОСТЬ ОБМАНА]. Английский аналог *All ears and no eyes* [Speake] не является устоявшейся поговоркой; релевантным идиоматическим выражением является *All ears 'весь во внимании'* или поговорка *Believe nothing of what you hear, and only half of what you see 'Не верь ничему из того, что слышишь, и только половине того, что видишь'*, также предостерегающая от излишней доверчивости. Японская идиома 耳が早い *mimi ga hayai* [26, с. 142] 'уши быстрые' несёт позитивную коннотацию информационной расторопности [+СКОРОСТЬ], [+ПОЛЕЗНОСТЬ], контрастируя с русской негативной оценкой.

Поговорка *Говорят с уха на ухо, а слышно с угла на угол!* [19, с. 725] акцентирует парадоксальную публичность тайны [+НЕСООТВЕТСТВИЕ], [+СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЗОНАНС]. Аналогом в английском служит поговорка *Walls have ears 'У стен есть уши'*, в расширенном варианте *Walls have ears, and hedges have eyes* [30, с. 321], где доминирует тема скрытой угрозы [+ОПАСНОСТЬ], [+НЕВИДИМЫЙ КОНТРОЛЬ]. Японская ПЕ 壁に耳あり障子に目あり *kabe ni mimi ari shōji ni me ari* 'стены имеют уши, а бумажные двери (сёдзи) — глаза' [22] усиливает мотив тотальной наблюдаемости, вводя визуально-аудиальный синкретизм [+ПАНОПТИКУМ], [+РИТУАЛЬНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ]. Антропоморфная метафора в *У брюха нет уха, Голодное брюхо кучению глухо* [19, с. 725] создаёт уникальную физиологическую аллегория базовых потребностей [+НЕОБХОДИМОСТЬ], [+ИММУННОСТЬ К УБЕЖДЕНИЮ]. Прямым английским эквивалентом служит *A hungry belly has no ears* [25] 'У голодного живота нет ушей'. Японский функциональный аналог 腹が減っては道理が引つ込む *hara ga hette wa dōri ga hikkomu* [26, с. 112] 'когда живот пуст, доводы прячутся' смещает акцент на когнитивную блокаду.

Русская ПЕ *В одно ухо входит, в другое выходит / Одним ухом спит, другим слышит* [20] кодирует семантику невосприимчивости [+ИНДИФФЕРЕНТНОСТЬ], [+НЕЗАПОМИНАНИЕ]. Её точным лексическим эквивалентом является английская поговорка *In at one ear and out at the other 'В одно ухо вошло, в другое вышло'* [20] или *It goes in one ear and out the other*. Японская 馬耳東風 *baji tōfū* 'ветер с востока для лошадиных ушей' [18] добавляет сему абсолютной экзистенциальной бесполезности [+ТЩЕТНОСТЬ], [+НЕЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ СУБЪЕКТА], заимствованную из китайской философской образности. Физиологическая метафора в *У нее хоть осиновым колом в ухе верти* [19, с. 725] гиперболизирует нечувствительность к критике

[+РАВНОДУШИЕ], [+МОРАЛЬНАЯ ГРУБОСТЬ]. Японская ПЕ 馬の耳に念仏 *uma no mimi ni nenbutsu* [23, с. 88] ‘молитва (нэмбуцу) в уши лошади’ добавляет сему абсолютной бесполезности [+ТЩЕТНОСТЬ], [+НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ], восходя к буддийской образности.

Этимологически мотивированная образность в русской поговорке *Чуть за ухо попало, так и черт ему не брат!* [20, с. 619] актуализирует каузальную связь физического воздействия (символического подзатыльника) и обретения социальной смелости [+СТИМУЛЯЦИЯ], [+ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ]. Прямых лексических параллелей в других языках она не находит. Указанная корреляция с прагматикой английской поговорки *Spare the rod and spoil the child* [25] ‘Жалей розгу — испортишь ребёнка’ через сему дисциплинарного насилия является функциональной, но не семантически тождественной: английская поговорка это общий принцип воспитания, тогда как русская описывает конкретный случайный результат («попало»). Японская поговорка 鉄は熱いうちに打て *tetsu wa atsui uchi ni ute*) [26] ‘куй железо, пока горячо’ действительно устраняет телесность, фокусируясь на универсальном принципе временной эффективности воздействия.

Философско-антропологические импликации обнаруживаются в поговорках, эксплицирующих пределы человеческого познания и изменения. Русская поговорка *Чего в голове нет, того кушам не пришьёшь* [26] утверждает когнитивную ограниченность [+НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ДЕФИЦИТ], [+БЕСПОЛЕЗНОСТЬ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ]. Она семантически сопоставима с английской *You can't make a silk purse out of a sow's ear* [22] ‘Не сделать шелковый кошелек из свиного уха’, где акцент смещён на имманентное, низкое качество исходного материала. Японская поговорка 蛙の子は蛙 *kaeru no ko wa kaeru* [26, с. 98] ‘дитя лягушки — лягушка’ подчёркивает наследственную предопределённость, часто в нейтральном или констатирующем ключе, что близко к общей идее неизменности сущности.

Эсхатологическая образность в русском восклицании *Твои бы речи, да Богу в уши!* [21] кодирует утилитарное богословие [+БОГОУГОДНОСТЬ], [+ИДЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВА]. Прямых аналогов, где речь напрямую адресуется Богу, в английском и японском языках, нет, что может указывать на культурную лауну, связанную со спецификой религиозного дискурса. По прагматике оно коррелирует с английской поговоркой *Good words are worth much and cost little* [17] ‘Доброе слово дорого стоит, а обходится дешево’, где акцент сделан на социальной ценности и экономичности «хороших слов».

Таблица 2. Параметрическое сопоставление ПЕ с соматизмом *уши / ears / 耳 (mimi)*

Русская поговорка (источник)	Английский аналог/соответствие (источник)	Японский аналог/соответствие (источник)	Лингвокультурные дифференциалы
<i>Говорят с уха на ухо... слышно с угла на угол!</i> [19]	<i>Walls have ears, and hedges have eyes</i> [Speake]	壁に耳あり障子に目あり (<i>kabe ni mimi ari...</i>) [Takanashi]	Рус: [+СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЗОНАНС]; Англ: [+СКРЫТАЯ УГРОЗА]; Яп: [+РИТУАЛЬНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ]

Русская поговорка (источник)	Английский аналог/соответствие (источник)	Японский аналог/соответствие (источник)	Лингвокультурные дифференциалы
<i>В одно ухо входит, в другое выходит</i> [20]	<i>In at one ear and out at the other</i> [Mieder]	馬耳東風 (<i>baji tōfū</i>) [Kojima]	Рус/Англ: [+НЕЗАПОМИНАНИЕ]; Яп: [+ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЩЕТНОСТЬ]
<i>У брюха нет уха. Голодное брюхо глухо</i> [19]	<i>Belly has no ears</i> [25]	腹が減っては道理が引っ込む (<i>hara ga hette wa...</i>) [26]	Рус: [+ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ]; Англ: [+НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ]; Яп: [+КОГНИТИВНАЯ БЛОКАДА]
<i>Жену выбирай не глазами, а ушами</i> [19]	<i>Choose a wife by your ear rather than by your eye</i> [24]	見合いの鼻は高く (<i>miai no hana wa takaku</i>) [23]	Рус: [+КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗНАНИЕ]; Англ: [+СЕНСОРНЫЙ ПРИОРИТЕТ]; Яп: [+РИТУАЛЬНАЯ СТАТУСНОСТЬ]
<i>Чуть за ухо попало... черт не брат!</i> [20]	<i>Spare the rod and spoil the child</i> [25]	鉄は熱いうちに打て (<i>tetsu wa atsui uchi ni ute</i>) [26]	Рус: [+ФИЗИЧЕСКАЯ СТИМУЛЯЦИЯ]; Англ: [+ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ]; Яп: [+ВРЕМЕННАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ]
<i>Не смыслит Вавила, ни уха, ни рыла</i> [19]	<i>He doesn't know B from a battledore</i> [24]	猿も木から落ちる (<i>saru mo ki kara ochiru</i>) [23]	Рус: [+ТОТАЛЬНАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ]; Англ: [+БАЗОВАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ]; Яп: [+УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ОШИБКИ]

Данные Таблицы 2 показывают, как интерпретация слухового восприятия варьируется от культуры к культуре. Русские паремии связывают «уши» с перцептивными рисками, будь то наивная доверчивость или парадоксальная публичность тайны, подчёркивая дисфункциональность или социальный резонанс слуха. Английская модель фокусируется на инструментальной функции ушей как фильтров в контексте индивидуалистической этики. «Уши» семиотизируются либо как канал неэффективного восприятия, либо, что более характерно, как точка уязвимости для скрытой угрозы, отражая установку на бдительность и контроль информационных рисков. Японская паремиология вплетает концепт «ушей» в сложный, ритуально-философский комплекс. Тотальная наблюдаемость приобретает характер не просто угрозы, но элемента универсального порядка. Абсолютная невосприимчивость описывается через образы высокой культурной традиции, поднимая семантику тщетности до экзистенциального уровня. Таким

образом, сопоставление подтверждает гипотезу о культурной детерминированности соматической метафорики. Идентичные анатомические референты («нос», «уши») становятся семиотическими переменными, чье значение формируется конкретным культурным контекстом. Выявленная типологическая триада — русская (акцент на социальных коллизиях и диссонансах), английская (прагматически-инструментальная) и японская (ритуально-интегративная) — служит основанием для кросс-культурной паремиологической типологии.

Заключение. На основе сопоставительного анализа корпуса паремиологических единиц, содержащих соматизмы «нос» и «уши» (см. Таблицы 1, 2), были выявлены универсальные и специфические закономерности репрезентации эмоций в русской, английской и японской лингвокультурах. Исследование подтвердило, что периферийные соматические концепты являются важными лингвокультурными кодами. Их семантика и аксиологическая окраска детерминированы глубинными культурными установками, что формирует три модели:

1. *Русская модель (парадоксально-социальная)* использует соматизмы для гиперболизированного изображения социальных коллизий. Концепт «носа» маркирует высокомерие и неудачу, а «уши» актуализируют перцептивные риски и публичность тайны, отражая внимание к диссонансам в социальном взаимодействии.

2. *Английская модель (прагматически-инструментальная)* демонстрирует утилитарное отношение к телу. Концепт «носа» связан с императивами рационального самоконтроля, а «уши» как фильтры информации и источники скрытой угрозы, что соответствует индивидуалистической этике и установке на риск-менеджмент.

3. *Японская модель (ритуально-интегративная)* интегрирует соматизмы в систему коллективных ценностей. Концепт «носа» приобретает позитивную аксиологию как маркер групповой гордости, а «уши» вплетаются в концепцию всепроницаемости социального пространства, отражая сакрализацию телесного в ритуальном порядке.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: идентичные анатомические референты функционируют как лингвосемиотические переменные, чья смысловая нагрузка вариативна и обусловлена культурным контекстом. Выявленная типологическая триада формирует основу для кросс-культурной паремиологии. Особый интерес представляют лакуны, которые служат маркерами культурной уникальности и требуют специальных стратегий перевода (функциональная замена, калькирование с пояснением).

Практическая значимость заключается в их применении в сопоставительной лексикографии (при составлении словарей паремий), в методике преподавания межкультурной коммуникации и в разработке стратегий перевода идиотичных выражений.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении типологии за счёт включения других языков (например, китайского для углубления восточной парадигмы), в проведении экспериментальных исследований восприятия соматических паремий носителями разных культур, а также в детальной диахронической реконструкции происхождения выявленных моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочина Т.Г. Диалогичность русской паремии / Т.Г. Бочина // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. — М., 2015. — С. 26–47.

2. Бредис М.А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М.А. Бредис, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 3. — С. 34–43.
3. Гвоздев В.В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке : диссертация на ученой степени кандидата филологических наук / Гвоздев Вячеслав Викторович. — Москва, 1983. — 207 с.
4. Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира : дис. ... д-ра филол. наук / Т.М. Гуревич. — М., 2006. — 430 с.
5. Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах / Е.Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1154–1177. — DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке / Е.С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
8. Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии / В.М. Мокиенко // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. — М., 2015. С. 4–25.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. — М. : Наука, 1988. — 236 с.
10. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. — Ростов н/Д, 2002. — 240 с.
11. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. — М., 2017. — 269 с.
12. Хатхе А. Национально-культурная специфика во фразеологии / А. Хатхе, И. Читао, Ф. Аутлева, Н. Хуажева, М. Тешева, Р. Шхалахова // Norwegian Journal of Development of the International Science. — 2020. — № 49-3. — С. 21–23.
13. Ivanova E.V. On the basic lines of proverbial studies in Russian paremiology / E.V. Ivanova // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. — 2021. — Vol. 18, No. 4. — P. 875–892. — DOI 10.21638/spbu09.2021.415.
14. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
15. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — 349 p. — DOI: 10.1017/CBO9780511521256.
16. 石田 プリシラ [Исида П.] 言語学から見た日本語と英語の慣用句 [Английские и японские фразеологизмы с точки зрения лингвистики]. — Токио: Kaitakusha, 2015. — 215 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Британский национальный корпус (BNC) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 01.08.2025).
18. Быкова С.А. Японско-русский фразеологический словарь / С.А. Быкова. — 2-е изд. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 439 с.
19. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. — М. : Наука, 1984. — 616 с.
20. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко. — М. : Олма Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
21. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.08.2025).
22. Сбалансированный корпус современного письменного японского языка (BCCWJ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pj.ninjal.ac.jp/corpus_center/bccwj дата обращения: 01.08.2025).
23. Kojima C. Nihon no Kanyouku (日本の慣用句) / C. Kojima. — Tokyo: Kodansha, 2005. — 320 p.
24. Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. — Westport: Greenwood Press, 2004. — 304 p.
25. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake. — 6th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 400 p.
26. Takanashi Y. Kotowaza Jiten (ことわざ辞典) / Y. Takanashi. — Tokyo: Shogakukan, 2010. — 450 p.

REFERENCE

1. Bochina T.G. (2015). Dialogichnost' russkoi paremiki [Dialogism of Russian paremics]. Lomakina O.V. (Ed.). Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira [Paremiology in Discourse: General and Applied Issues of

Paremiology. Proverb in Discourse and Text. Proverb and Language Worldview] (pp. 26–47). Moscow, Russia. (In Russian)

2. Bredis M.A., Lomakina O.V., & Mokienko V.M. (2019). Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, (3), 34–43. (In Russian)

3. Gvozdev V.V. (1983). Mesto poslovits kak strukturno-semanticheskikh obrazovaniy v yazyke [The place of proverbs as structural-semantic formations in language] [Abstract of Candidate of Philology dissertation] (In Russian)

4. Gurevich T.M. (2006). Lingvokul'turologicheskii analiz kontseptosfery CHELOVEK v yaponskoi yazykovoii kartine mira [Linguocultural analysis of the HUMAN conceptual sphere in the Japanese linguistic world view] [Doctoral dissertation]. Moscow, Russia. (In Russian)

5. Ivanov E.E. (2023). Kategorizatsiya otnosheniya k deistvitel'nosti v paremiologicheskikh editsakh [Categorization of the attitude to reality in paremiological units]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 14(4), 1154–1177. DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177 (In Russian)

6. Kubryakova E.S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke [Language and knowledge: On the way of gaining knowledge about language]. Moscow, Russia: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

7. Maslova V.A. (2001). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moscow, Russia: Akademiya. (In Russian)

8. Mokienko V.M. (2015). Aspekty issledovaniya slavyanskoi paremiologii [Aspects of the study of Slavic paremiology]. Lomakina O.V. (Ed.). Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira [Paremiology in Discourse: General and Applied Issues of Paremiology. Proverb in Discourse and Text. Proverb and Language Worldview] (pp. 4–25). Moscow, Russia. (In Russian)

9. Permyakov G.L. (1988). Osnovy strukturnoi paremiologii [Basics of structural paremiology]. Moscow, Russia: Nauka. (In Russian)

10. Savenkova L.B. (2002). Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects]. Rostov-on-Don, Russia. (In Russian)

11. Seliverstova E.I. (2017). Prostranstvo russkoi poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost' [The space of the Russian proverb: constancy and variability]. Moscow, Russia. (In Russian)

12. Khatkhe A., Chitao I., Autleva F., Khuazheva N., Tesheva M., & Shkhalakhova R. (2020). Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii [National and cultural specifics in phraseology]. Norwegian Journal of Development of the International Science, 49(3). (In Russian)

13. Ivanova E.V. (2021). On the basic lines of proverbial studies in Russian paremiology. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 18(4), 875–892. DOI 10.21638/spbu09.2021.415 (In English)

14. Lakoff G., & Johnson M. (1980). Metaphors we live by. Chicago, IL: University of Chicago Press. (In English)

15. Wierzbicka A. (1999). Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI 10.1017/CBO9780511521256 (In English)

16. Ishida P. (2015). Gengogaku kara mita Nihongo to Eigo no kan'yōku [English and Japanese idioms from the perspective of linguistics]. Tokyo, Japan: Kaitakusha. (In Japanese)

Поступила в редакцию 01.11.2025 г.

SOMATIC REPRESENTATION THROUGH PERIPHERAL CONCEPTS *NOSE*, *EARS* IN RUSSIAN, ENGLISH, AND JAPANESE LINGUACULTURES (A CONTRASTIVE-COMPARATIVE ANALYSIS)

A.R. Nurutdinova

This study deals with a contrastive analysis of paremiological units in Russian, English, and Japanese. Its objective is to identify universal and culture-specific models of verbalizing emotions through the peripheral somatic concepts *nose* and *ears*. The empirical material comprises thematic proverbs and sayings from the linguocultures mentioned above. The methodology includes contrastive and seme analysis within the framework of a linguocultural approach. The results obtained demonstrate significant differences in the emotive semantics and axiological load of these somatisms. In the Russian language, the concept *nose* is primarily associated with humiliation and shame, while *ears* are linked to the non-perception of information. In English, *nose* is associated with manipulation and irritation, *ears* — with attention and trust. In Japanese, *nose* correlates with pride and anger, while *ears* are associated with shame and embarrassment. The identified differences are accounted for by the influence of linguocultural factors, including language family, specifics of the concept sphere, and socio-

psychological attitudes. The results of the study can be applied in the fields of intercultural communication, cognitive linguistics, and lexicography.

Keywords: contrastive analysis of paremias, verbalization of emotions, somatic vocabulary, peripheral somatic concepts, seme analysis, linguoculturology, paremiological equivalence, cross-linguistic differences, emotive code, the Russian language, the English language, the Japanese language, lexeme *nose*, lexeme *ears*, linguocultural factors.

Нурутдинова Аида Рустамовна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»,
Российская Федерация, г. Казань.
Доцент кафедры контрастивной лингвистики.
ORCID 0000-0001-5759-0820
E-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Nurutdinova Aida Rustamovna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Federal State Autonomous Educational Institution of
Higher Education “Kazan (Volga Region) Federal
University”, Russian Federation, Kazan.
Associate Professor of Contrastive Linguistics
Department.
ORCID 0000-0001-5759-0820
E-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Научная статья
УДК 821.161.1-32
DOI: 10.5281/zenodo.18824827

**В.М. ШУКШИН И Ю.К. ОЛЕША:
ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ И АВТОПОЭТИКИ**

© 2026 П.В. Маркина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет»
ORCID 0000-0001-8545-1668

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматривается поэтика В.М. Шукшина в ее тематическом пересечении с творчеством Ю.К. Олеша, ключевые образы мыслятся источниками дешифровки специфики миропонимания писателей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого проблемного поля для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов художественных текстов, отражающих различные периоды развития литературного процесса. В исследованиях произведений применялись различные методы и приемы: описание и синтез, культурологический комментарий и филологический анализ. Ю.К. Олеша вошел в литературу как писатель-европеец, В.М. Шукшин, наоборот, считается исследователем русского национального характера, поэтому обращают на себя внимание сходные образы и ситуации (любовный треугольник, техника, вещный мир, цирк, оппозиция «культура — цивилизация» и др.) в раскрытии авторского отношения к творчеству и понимании своих задач в искусстве. Сделаны выводы об особенностях поэтики В. М. Шукшина в его осмыслении наследия предшественника, о специфике символических жестов в бытовом поведении двух писателей и самом мировоззрении художников слова в разные исторических эпохи советского времени.

Ключевые слова: Ю.К. Олеша, В.М. Шукшин, русская литература XX века, поэтика, литературные модели, диалог, европеец русской литературы, писатель русского мира.

Для цитирования: Маркина П.В. В.М. Шукшин и Ю.К. Олеша: особенности поэтики и автопоэтики / П.В. Маркина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 84–94. — <https://doi.org/10.5281/zenodo/18824827>.

Введение. В наследии В.М. Шукшина (его письмах, публицистике, воспоминаниях о нем и пр.) нигде нет прямого указания на отношение писателя и режиссера к творчеству Ю.К. Олеша. Однако можно предположить, что отличающийся тягой к чтению, собиравший свою библиотеку и стремившийся преодолеть собственный комплекс «недообразованности» выходец из алтайской деревни был знаком с образами овеянного всесоюзной славой автора «Зависти». Для готовящегося к печати в 1973 году в издательстве «Искусство» сборника статей киновед Валентина Иванова записала беседу с В.М. Шукшиным. Публикация не состоялась, и интервью «Воздействие правдой» было существенно переработано автором для журнала «Дружба народов» (1973, № 3), однако в первоначальном варианте есть такое признание: «Разве не мастер слова Хемингуэй? Или наш Катаев, Пильняк, Бабель, литераторы 30-х годов? Мне вообще кажется, что наша литература в своей тенденции к описательности несколько сдала свои позиции, завоеванные в 20–30-е годы. Та литература как раз представляется мне куда более современной, отвечающей нашим нынешним потребностям» [23, с. 332]. Прямое высказывание В.М. Шукшина о его знании литературы 20–30-х годов и внимательном отношении к ней позволяет поставить проблему значимости

тематических пересечений с творчеством Ю.К. Олеси, которая пока в литературоведении не была рассмотрена.

Хотя некоторые исследователи вплотную приблизились к оценке литературного влияния Ю.К. Олеси на В.М. Шукшина. Так, П.С. Глушаков в статье «Образный мир шукшинских рассказов» предполагает, что «Шукшин был... знаком с... литературной традицией изображения цирка в тех или других контекстах. Здесь, конечно, следует упомянуть творчество... Ю. Олеси...» [14, с. 462]. Вопрос знакомства В.М. Шукшина с романом-сказкой Ю.К. Олеси «Три толстяка» (1924) остается открытым, попутно заметим, что шестидесятые годы отмечены двумя экранизациями, театральной постановкой и радиоспектаклем названного произведения.

Известно польское происхождение Ю.К. Олеси, его размышления про фамильный герб с образом оленя свидетельствуют, что эта тема была важна для него и в зрелом возрасте, сопрягалась с романтизацией всего европейского как безвозвратно утраченного прошлого. Г.Л. Нефагина предположила, что «найти в родословной Шукшина польский след невозможно, но почему бы не найти польское влияние?» [14, с. 498]. Однако в отличие от предшественника, никогда не бывавшего за границей, В.М. Шукшин, выезжавший в Европу, западное пространство не связывает со своим происхождением и маркирует негативно.

В.В. Десятов в комментариях к рассказу «Привет Сивому!» (1974) возмущенно-недоуменное восклицание героя, обнаружившего конкурента, хозяйничающего у его возлюбленной, — «По графику, что ли?» [27, т. 7, с. 104] — сравнивает с последней фразой «Зависти» (1927): «...сегодня, Кавалеров, ваша очередь спать с Анечкой. Ура!» [24, с. 94]. А в интервью «Судьбу выстраивает книга» (1973) видит возможную отсылку к дневниковым записям Ю.К. Олеси «Ни дня без строчки» (М., 1965): «Уж если нельзя ни дня без строчки, то и в день по строчке тоже нельзя», — говорит В.М. Шукшин о малой продуктивности писательского труда [27, т. 7, с. 301].

Эту фразу пятью годами ранее В.М. Шукшин отдал своему персонажу в сценарии фильма «Странные люди» (1968). Захарыч поучат Кольку: «Торопиться здесь не надо. Не выходит — лучше отложи. Это какой-то или уж слишком бедный, или непомерно самонадеянный человек заявил: “Ни дня без строчки”. А за ним — и все: творить надо каждый день обязательно. А зачем — обязательно? Этак-то “затворишься” — и подумать некогда будет» [27, т. 3, с. 331]. Здесь высказана принципиальная для автора позиция — его отношение к творчеству. И в этом В.М. Шукшин диаметрально расходится с предшественником.

Фрагменты книги Ю.К. Олеси, словно пытаясь объяснить его молчание, активно публиковались в период вхождения В.М. Шукшина в литературу: отрывками в «Литературной Москве» в 1956 году и в книге того же года «Избранные сочинения», а после смерти писателя в периодической печати: «Литература и жизнь» (1960, 13 мая), «Литературная газета» (1960, 4 октября), «Учительская газета» (1961, 3 июня), «Советский цирк» (1961, № 6), «Октябрь» (1961, № 7–8), «Литературная Россия» (1963, 1 января), «Вопросы литературы» (1964, № 2), «Наука и религия» (1965, № 1) — и с 1965 года отдельными книгами и в сборниках.

При том, что В.М. Шукшин положительно отзывался об экспериментальной прозе Катаева и Бабеля, то есть юго-западной школы (о вписанности Ю.К. Олеси в контекст эпохи подробнее [12]), он ни в одном из интервью, как ни странно, Ю.К. Олешу ни разу не упоминает. Это может быть знаком особого авторского внимания к творчеству предшественника.

В беседе с В.М. Шукшиным «Слушая сердце земли» (1968) корреспондент журнала «Советский экран» Г. Прожико в своем вопросе упоминает книгу А.В. Мачерета «Реальность мира на экране» (М., 1968), в которой анализируется фильм «Ваш сын и брат» [27, т. 8, с. 96] и фамилия В.М. Шукшина стоит рядом с фамилией Ю.К. Олеша. Мачерет вместе с «королем метафор» работал над сценарием фильмов «Болотные солдаты» (1938) и «Ошибка инженера Кочина» (1939).

О диалоге в художественном творчестве с другим московским писателем, вышедшем из Одессы, свидетельствует выбор названия фильма «Пришел солдат с фронта» (1971), сценарий для которого по мотивам рассказов С. Антонова написал В.М. Шукшин. В комментариях к пятому тому собрания сочинений А.Г. Милюковой отмечается: «Название “Пришел солдат с фронта” отсылает к фильму “Шел солдат с фронта” (1939, к/с “Союздетфильм”, режиссер В.Г. Легошин) по мотивам повести В.П. Катаева “Я, сын трудового народа...” (1937) о событиях гражданской войны» [27, т. 5, с. 403]. Сопоставить В.М. Шукшина с Ю.К. Олешей можно и в утверждении советского контекста центробежных сил Москвы — покорения новой столицы одесситом и «ломоносовского мифа» автора «Калины красной» [9]. Этот путь в Москву отличается от противоположного движения в провинцию, актуального для времени как одного, так и другого писателя (о стратегиях литературного трансграничья Алтая, оставленного В.М. Шукшиным, подробнее [10]).

Целью работы становится рассмотрение поэтики В.М. Шукшина в контексте выстраиваемой им полемики с творчеством Ю.К. Олеша через повтор узнаваемых образов и ситуаций. Задачи статьи: анализ воздействия наследия «короля метафор» на В.М. Шукшина, выявление элементов чужого произведения в текстах, определение автопоэтики с учетом контекста создания произведений европейца и «антизападника», заявившего о своей осознанной немодной оппозиционности: «они копируют Запад, я “вернусь” назад, в Русь» [27, т. 9, с. 42].

Материалы и методы исследования.

О.Э. Мандельштам еще в своей статье «Веер герцогини» (1929) отреагировал на первое произведение автора, ставшего знаменитым в 1927 году романом «Зависть»: «Если бы “Толстяки” Ю.К. Олеша были переводной книгой, то всякий внимательный читатель сказал бы: как странно, что я до сих пор не знал этого замечательного иностранного автора. Наверное, у себя на родине он считается классиком, спасибо, что его хоть поздно, но перевели» [22, с. 355]. В одном из первых критических откликов верно подмечена европоориентированность Ю.К. Олеша — его хрустально-прозрачная проза европейского масштаба (подробнее о мифопоэтике писателя [11]). Этого автора еще в 2004 г. С. Беляков назвал «европейцем русской литературы» и «нерусским писателем» [1].

В.М. Шукшина же понимают иначе: некоторые исследователи пытались вписать его в представителей деревенской прозы, кто-то с этим соглашался, кто-то находил аргументы против, тем не менее этого автора все единогласно причисляли к представителям русского мира, репрезентирующем в литературе и кинематографе черты русского национального характера, В.М. Шукшин «выразил национальное народное начало в своем творчестве», «национальную доминанту персонажа», «символические национальные ценности» [2, с. 174, 228, 229].

Д.С. Лихачев определил основой национального характера русских две важные черты — преданность «идее свободы личности» [21, с. 4] и стремление «во всем доходить до крайностей, до пределов возможного» [21, с. 5]. Правильно направленные, эти черты есть «бесценное свойство русского человека» — потенциал мощного духовного развития, а стесненность, отсталость и отсутствие возможностей для реализации уводит человека «в сторону, к взрывам и выстрелам, к развитию преступности, которая есть не что иное,

как теневого противовеса стремлению русских во всем ударяться в крайности, стоять на краю опасности» [21, с. 6]. Одним из примеров такого необоримого стремления русских к воле становится Степан Разин, столь значимый для В.М. Шукшина.

Поэтика противоположных авторов, относящихся к разным периодам советского времени, в аспекте анализа смысловых пересечений становится материалом работы. В исследованиях произведений применялись различные методы и приемы: описание и синтез, культурологический комментарий и филологический анализ, который опирается на принципы изучения поэтики писателей, представленные в работах А.И. Куляпина (например, [7]). В контексте учета биографического кода, символических жестов писателей, житнетворческих стратегий поведения статья основывается на описанной в истории литературы семиотике советской культуры: в пример о Ю.К. Олеше можно привести полемичное осмысление его молчания [13] и др., о В.М. Шукшине — комплексное прочтение сегмента поэтики [3] или одного произведения [4] и пр.

Основная часть.

В комментариях к киносценарию В.М. Шукшина «Брат мой...» (1974) В.В. Десятов в имени героини (Валька — Валентина с лат. здоровая, сильная, ср. образ спортивной Вали) и соперничестве «из-за нее двух братьев, представителей старого (деревенского) и нового (городского) миров» увидел возможную отсылку к сюжету романа Ю.К. Олеси «Зависть», «где за девушку Вальку борются, с одной стороны, Андрей Бабичев и Володя Макаров (люди нового, советского мира), с другой — Иван Бабичев и Николай Кавалеров (люди мира уходящего). Иван Громов — персонаж, аналогичный Андрею Бабичеву (оба изображаются на фоне “большой стройки”). В обоих произведениях Валька отдает предпочтение “новому” человеку, а симпатии авторов вызывают представители старого мира. Принципиальное отличие киноповести Шукшина от романа Олеси в том, что братья Громовы не становятся врагами (сравним название первоначального варианта текста — “Враг мой”): оба отказываются от Вали в пользу друг друга» [27, т. 7, с. 306].

Здесь нужно сказать о двоимирии в поэтике и мировоззрении Ю.К. Олеси, у В.М. Шукшина можно увидеть структурно схожий ценностный разрыв в мироощущении. Первый, по собственному признанию, ощущал себя между двумя мирами — миром старым, ушедшим, культурой и миром новым, революционным, сменившим прежний уклад жизни, цивилизацией. И сам он, будучи «ровесником века», попал в мир новый, но по своей ментальности был близок культуре прошлого. Ю.К. Олеша разделяет концепцию О. Шпенглера с ее противопоставленностью цивилизации культуре (см. «Закат Европы»).

Биографический тест В.М. Шукшина выстраивается в разрывающем взаимодействии двух мифов — «ломоносовского» (о движении из деревни в город) и «о власти земли» (об обратной тяге к поиску своих корней). Этот разрыв некоторым критикам позволил упростить писателя до оппозиции «хорошей» деревни и «плохого» города. Однако литературоведы установили, что ситуация была сложнее. О.Г. Левашова отметила: «В конечном счете определяя собственную трагедию как некую “межумочность” (“Так у меня вышло к сорока годам, что я — ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение...”), Шукшин являет собой сложную, неординарную и неоднозначную личность. Внутренние противоречия оказываются органичными биографическому тексту писателя» [9, с. 19].

В.М. Шукшин осмысливает оппозицию «культура — цивилизация» по-своему. В «Монолог на лестнице», в интервью журналу «Советский экран» (1968) и других своих публицистических работах и художественных произведениях говорит об истинной и мнимой интеллигентности, о том, что ушедший из деревни в город человек вместо того, чтобы воспользоваться доступными возможностями образования, обзаводится

вещами (часто появившимися благодаря техническому прогрессу) и успокаивается, погрязая в мещанстве: «Ведь очень часто уходит молодой человек... из села... от отсутствия культуры... А явится, предположим, в столицу, заведет телевизор, купит галстук поярче, сменит плюшевую жакетку на “болонью”, повесит на себя транзистор и... успокоится... Обидно за таких ребят. Восприняв только мещанский набор признаков “городского человека”, они остаются по-прежнему обделенными» [17, с. 125].

По мнению Н.В. Ковтун, в рассказах В.М. Шукшина «цивилизация умышлена, лишена подлинной глубины и высоты, ее бутафорская природа требует соответствующего наполнения: куклы и механизмы вытесняют живое» [5, с. 92]. А.И. Разувалова отметила, что «Шукшин, воспринимавший “окультуривание” как устранение из жизни личности и общества своеобычного, неповторимого, непредсказуемого, также был подозрителен к “проектам” и пытался фабульно и стилистически конкретизировать романтическую антитезу культуры и цивилизации» [2, с. 207]. А.И. Куляпин, проследив творческую эволюцию писателя, говорит о создании поздним В.М. Шукшиным «мифа о России», в котором особым значением наделяются мотивы провокации и искушения, связанные с городской («западной») цивилизацией [8, с. 46].

Знаком цивилизации становится техника. В романе «Зависть» Иван Бабичев, изобретатель машины, «которая умеет делать все», рассказывает Кавалерову о своей мести новому миру: «Машина моя — это ослепительный кукиш, который умирающий век покажет рождающемуся...» [24, с. 73].

Похожим изобретением немислимой машины занимается Моря Кваса из рассказа «Упорный» (1973): «Прочитал Моря, что вечный двигатель невозможен... Прочитал, что многие и многие пытались все же изобрести такой двигатель... Посмотрел внимательно рисунки тех “вечных двигателей”, какие — в разные времена — предлагались... И задумался. Что трение там, законы механики — он все это пропустил, а сразу с головой ушел в изобретение такого “вечного двигателя”, какого еще не было. Он почему-то не поверил, что такой двигатель невозможен» [27, т. 6, с. 128]. Утопичное мировоззрение героя поднимает проблему столкновения гуманитарной и естественно-научной картин мира, со своим изобретением Моря идет к учителям и инженеру. В финале он одерживает победу над представителями другого мира, инженер идет смотреть изобретение Мони, значит он все-таки поверил в невозможное.

Восклицание Мони Квасова «А ведь крутится!» [27, т. 6, с. 139] восходит к реплике Галилея «А все-таки она крутится!». У Ю.К. Олеси выпоротый Иван Бабичев за эксперименты над отцом, желающим увидеть во сне битву при Фарсале, «вел себя, как Галилей» [24, с. 52]. Любопытно, что герои двух писателей XX века, в отличие от своего исторического прототипа, отрекшегося от своей теории, несмотря на свою правоту, не отрекаются, несмотря на свою неправоту.

В «Зависти» главным аргументом Ивана Бабичева о значимости семейных уз в споре за Валю становится подушка, именно ее он приносит под окно дочери, ей слагает гимн в соперничестве с братом: «Вот подушка. Я король подушек. Скажите ему: мы хотим спать каждый на своей подушке. Не трогай подушек наших!.. Вот подушка. Герб наш. Знамя наше... Пули застревают в подушке. Подушкой задушим мы тебя...» [24, с. 77]. Подушка Ю.К. Олеси — это щит, в котором застревают пули.

У В.М. Шукшина в «Микроскопе» (1969) щитом мужа в «рыцарском» поединке с женой тоже становится безмолвный ночной свидетель любви — подушка: «Он схватил с кровати подушку — отражать удары. (Древние только форсили своими сверкающими щитами. Подушка!) Они закружились по комнате...» [27, т. 5, с. 45]. У В.М. Шукшина бой супругов совсем не потешный (вспомним значимую характеристику героя —

сломанный нос, что очевидно тоже дело рук жены). Подушка не спасает Андрея Ерина от сильного удара по голове.

В рассказе «Жена мужа в Париж провожала...» (1971) тоже есть семейная сцена, когда герой (совпадает имя с Кавалеровым) оказывается под окном своей Вали: «Колька знает, что Валюша едва ли выглянет, но нарочно зовет, ломая голос — “по-тирольски”, чем потешает публику.

– Валю-ша! Отреагируй, лапочка!.. Хоть одним глазком, хоть левой ноженкой!.. Ау-у!..

Смеются, поглядывают тоже вверх... Валюша не выдерживает: с треском распаивается окно на третьем этаже, и Валюша, навалившись могучей грудью на подоконник, свирепо говорит:

– Я те счас отреагирую — кастрюлей по башке, кретин!» [27, т. 5, с. 211]. Отношения мужа и жены, выставленные напоказ, вызывают смех окружающих.

У Ю.К. Олеси Николай Кавалеров наблюдает за встречей отца с дочерью: «Окна раскрыты. В одном, на втором этаже, виднеется синяя вазочка с цветком. Человечка привлекает вазочка... Он позвал вазочку:

– Валя!

Тотчас же в окне, опрокинув вазочку, бурно появляется девушка в чем-то розовом.

– Валя, — сказал он, — я за тобой пришел.

Наступила тишина. Вода из вазочки бежала на карниз... Девушка лежала на подоконнике ничком, свесив растрепанную голову. Рядом каталась вазочка. Я вспомнил, что через секунду после появления своего девушка, едва увидев стоящего на улице, уже упала локтями на подоконник, и локти подломились... Остановились зеваки» [24, с. 28]. При внешней схожести сцен и разнице во взаимоотношениях героев, в двух текстах демонстрируется разрыв семейных уз.

В рассказе Ю.К. Олеси «Любовь» (1928) влюбленному марксисту, наделенному поэтическим мироощущением, противостоит ученый Ньютон, который видит «сквозь очки свой синий фотографический мир» [24, с. 200]. Дальтонизм персонажа, живущего в мире физических законов, сопоставлен с искажением зрения Шувалова, для которого «Земля превратилась в рай» [24, с. 201]. Влюбленный не соглашается на предложение черного человека взять его радужную оболочку и отдать свою любовь. Победа пока за миром художественных образов и человеком, способным увидеть тигра в осе. Заявленная коллизия иначе разрешится в рассказе «Альдебаран» (1931), здесь любовный треугольник (влюбленный — ученый/дальтоник — девушка) трансформируется в «девушка, молодой человек и некий ученый старик» [24, с. 240]. Богемский, заявляющий свое право на звезды как знающий их имена, обманут Цвиболом и Катей (и Республикой), на сторону которых встает техника (победа нового мира над старым обнаруживается и в науке, и в чувствах). Меняется и позиция автора, теперь он разделяет старость и поражение с проигравшим. Обратим внимание на знаковый для писателя год («Литература закончилась в 1931 году... Я пристрастился к алкоголю» [26, с. 58]), год начавший период молчания. Перелом в творчестве обозначился в «Речи на I Всесоюзном съезде советских писателей» (1934), в которой Ю.К. Олеша заявил о своем слиянии с социалистическим обществом, о своей нужности молодым юношам и девушкам, воплоителям нравственной стороны коммунизма: «Писатель должен быть воспитателем и учителем» [25, с. 500]. Однако тексты показывают, что обозначенная в публичном выступлении позиция не была до конца принята им самим.

У В.М. Шукшина есть схожий сюжет в рассказе «Воскресная тоска» (1963) и его первом варианте «Приглашение на два лица (1960). На то, что сюжет рассказа

воспроизводит актуальный для 60-х годов конфликт «физиков» (Сергея) с «лириками» (писатель) указала С.М. Козлова [15, с. 70], только важно учитывать, что позиция автора за время, прошедшее до появления второй редакции, существенно изменилась. У В.М. Шукшина писатель не включен в любовный треугольник, лишь наблюдает со стороны за чувствами парня и девушки, угадывает развитие их отношений, радуется правдивости собственного творчества. И если в первом тексте неразрешимая коллизия снимается оптимистическим финалом, то во втором — усиливается семантика раздора и оторванности обоих героев от реальности, надежда лирика на единение опровергнута неспособностью человека науки сделать один шаг в сторону чувств. Неслучайно практичный реалист Сергей, не решающийся сказать о своих чувствах девушке, читает журнал «Наука и жизнь»: «он читает эти журналы, как хороший детективный роман, как “Шерлока Холмса”» [27, т. 1, с. 88].

Детективный роман, являющийся метажанром по отношению к роману про шпионов, имеет негативные коннотации. В статье «Вопросы самому себе» (1966) В.М. Шукшин говорил о проблемах деревенской библиотеки, для которой никто не составил правильного списка для чтения: «Где те дяди и тети, которые комплектуют сельские библиотеки? Почему только “Белая береза”, “Алитет уходит в горы”, “Записки охотника” и про шпионов?» [27, т. 8, с. 21]. Шпионская тема будет пародийно осмыслена уже в дипломной работе — первом фильме «Из Лебяжьего сообщают» (1960) (в литературном сценарии «Посевная кампания»), в дальнейшем твердая позиция несогласия с этой темой оформится более внятно: занимательное чтение отвлекает человека от главного. Она базируется на автобиографизме (В.М. Шукшина пытался осмыслить факт расстрела отца за контрреволюционную деятельность).

Иная позиция у Ю.К. Олеси (вспомним фильм «Ошибка инженера Кочина»), посвятившего себя придумыванию образов, украшающих жизнь. Он создает гимн технике начала века (аэроплану), поэтизирует мечту-велосипед («Цепь» и др.). Герои В.М. Шукшина тот же велосипед разрушают (Моня Квасов), почти ругаются этим словом (один из туристов в киносценарии «Брат мой...») и т. д. Нужны в земледельческом цикле конь и трактор, а двухколесная машина — лишняя забава. Оба эти подхода передают автопсихологическое переживание значимого отсутствия (вспомним еще, что В.М. Шукшин никогда не имел и не водил машину, а учеба в бийском техникуме на водителя закончилась неудачей, в то время как раннее творчество писателя — персонажи, сюжеты и пр. — воспевание хозяев Чуйского тракта).

Еще одним аспектом для сопоставления становится тема цирка. Если у Ю.К. Олеси это праздник жизни, карнавал, буффонада, революция — гимнаст над городом (ср. Тибул в «Трех толстяках» проходит по одному из лучей черного солнца и выключает его, а потом открывает окно в куполе искусственного мира), то у В.М. Шукшина это скорее негативное явление, связанное с маской, исполнением роли, образом рыжего. В «Материнском сердце» (1969) герой вступает в драку, видя обман города как цирковую принадлежность: «Суки! Каучук работаете, да?» [27, т. 5, с. 36] и т. д.

Значимой для самоопределения писателей становится фигура отца. Комплекс Ю.К. Олеси «наследника без наследства» был передан его персонажам и нашел раскрытие в автобиографической прозе: «“Подстригите наследника!”... Мне это тягостно слушать. И почему-то стыдно. И почему-то помню до сих пор эту тягость. Какой же я наследник? Чего наследник? Я знаю, что папа беден. Чего же наследник? Вообще папы, его повторение?» [26, с. 263]. Ю.К. Олеша так и не поехал к родителям в Польшу, не побывал на могиле сестры. В.Б. Шкловский в своих воспоминаниях создает образ человека, сознательно идущего на неудачу, рефлексирующего по этому поводу

в письмах к матери: «Угольщик с большей бережностью относится к рогожному кулю со звонкими углями, чем я отнесся к своей судьбе» [18, с. 301]. В.А. Каверин вспоминает, как спросил Ю.К. Олешу, что он станет писать после «Зависти», которая была, с его точки зрения, счастливым началом, на что тот ответил: «Так вы думали, что “Зависть” — это начало? Это — конец» [19, с. 46–47]. «Растратчик таланта» (по меткому определению В.П. Катаева) выстроил свою жизнь как созидание неудачи.

Г.И. Бурков вспоминал: «Как-то Шукшин спросил меня: “А ты знал, что будешь знаменитым?” — “Нет”. — “А я знал...” Вот эта черта его характера — он точно представлял, кем хочет быть, что сделать, — оставляла впечатление о нем как о человеке очень цельном, сильном» [16, с. 104]. В.М. Шукшин выстраивал свою жизнь как успешный проект. Лишенный отца, он всю жизнь осмысливал эту фигуру в своем творчестве. Это важное отсутствие неизживаемой болью отразилось во многих произведениях писателя, например, герой киноповести «Калина красная» Егор Прокудин не имеет отчества. Это блудный сын, который не может вернуться, в том числе и потому, что нет отца. Фигура матери не восполняет утраченное. Отец у В.М. Шукшина соединяется с революционной темой, которая оформится в образе Степана Разина.

Обратим внимание здесь на разное отношение писателей к творчеству и осмыслению своего места в литературе. В советской эпохе, отмеченной канонизацией литературных классиков, можно выделить рубежные точки. Ю.К. Олеша признавался: «Толстой бежал в опрощение, а я — в упрощение» [18, с. 18]. В воспоминаниях современников можно найти примеры таких символических жестов в бытовом поведении, описание костюма и пр. У В.М. Шукшина вхождение в среду столичного бомонда сопровождается шокирующей окружающих мистификацией про то, что он не читал Л.Н. Толстого (а вот уточнение романа — «Войну и мир» или «Анну Каренину» — меняется от контекста). Ношение писателем и режиссером кирзовых сапог, матросской формы при понимании советских реалий тоже можно соотнести с моделью демонстративного протеста через костюм (парадоксально, что в самом своем известном памятнике В.М. Шукшин босиком). Как отметил А.И. Куляпин, «среди писателей 1960-70-х гг. Шукшин — один из самых ярких и последовательных критиков евро-и логоцентризма отечественной культуры. По Шукшину, зависимость русской жизни от литературы далеко не так безобидна, как может показаться на первый взгляд» [6, с. 413].

Писатели по-разному проходят свой путь, пробуя себя в публицистике, театре, кино и литературе. Иван Бабичев обозначит автопсихологическую стратегию персонажа: «...я заглядываю в чужие окна» [24, с. 62]. О том же внимании к жизни говорит герой повести-сказки «Точка зрения» (1967): «Самое мое любимое занятие — смотреть в чужие окна. И что же я там вижу?! Я вижу там одни свинцовые мерзости...» [27, т. 3, с. 286]. Горьковский контекст (О.Г. Левашова указала, что «о “свинцовых мерзостях дикой русской жизни” пишет М. Горький в первой части своей автобиографической трилогии — повести “Детство” (Гл. XII)» [27, т. 3, с. 372]) свидетельствует о том, что народ нужно воспитывать и вести.

Воспитательная роль литературе определялась запросами государства и времени. Заявивший в 1932 году о писателях как «инженерах человеческих душ» автор «Строгого юноши» (1934) составил «третий комплекс “ГТО”», «комплекс душевных качеств», которые «должен выработать в себе комсомолец» [24, с. 310]. Удивительно угадавший будущее Ю.К. Олеша похож на Дон Кихота, борющегося с «роботами».

На XXII съезде партии в 1961 году был принят «Моральный кодекс строителя коммунизма» — свод принципов коммунистической морали, вошедший в Устав КПСС. О знакомстве с ним В.М. Шукшина свидетельствует его письмо И.П. Попову 12 ноября

1961 г., где он напрямую упоминает съезд [27, т. 8, с. 246]. На этом же съезде принята Программа КПСС, провозгласившая, что советский народ будет жить при коммунизме к 1980 г. Зрелый В.М. Шукшин разочаруется в этой утопической идее.

Так обращают на себя внимание неожиданные совпадения в творчестве двух писателей, подчеркнутая литературность их кинематографа, параллели в биографии вплоть до некоторых деталей (у Ю.К. Олеси опозитизирован футбол — спорт юности; в период флотской службы была футбольная команда «Гроза», которая играла на первенство среди частей флота: «Играл за “Грозу” и Вася Шукшин...» [20]). В споре физиков и лириков оба занимают позицию последних.

Сеня в киносценарии «Брат мой...» говорит про Вальку Ковалеву, на которой хотел бы жениться: «Вот люблю ее, как эту... как не знаю... Прямо задушил бы, гадину!» [27, т. 7, с. 120]. В «Калине красной» Егор Прокудин тоже странным образом выражает свои чувства к Любе, утверждая, что готов ее съесть как колобка или Красную шапочку [27, т. 6, с. 220]. Ю.К. Олеша об этом писал в «Зависти», как прекрасная девочка на балу «затерла» Ивана Бабичева и он от особой любви учинил над ней расправу: «В тот момент я любил эту девочку больше жизни, поклонялся ей — и ненавидел всеми силами» [24, с. 65–66].

В «Точке зрения» с позиции оптимиста жених говорит о том, «что объявлять в газетах о расторжении брака — это... альковное кощунство!» [27, т. 3, с. 281]. Доводя свой спор до логического конца, герои сходятся на том, что выступают против равнодушных. Это возвращает к финалу «Зависти», где Иван Бабичев провозглашает тост: «За равнодушие. Ура!» [24, с. 94].

Заключение. Таким образом, рассмотрение тематических пересечений в творчестве Ю.К. Олеси и В.М. Шукшина позволило выявить ключевые образы, повторяющиеся в текстах двух писателей, занимающих противоположные жизненные позиции — европоориентированного предшественника и ищущего национальной идентичности выходца из алтайской деревни. Схожие ситуации, имена, детали нужны В.М. Шукшину, чтобы отмежеваться от «чуждой» традиции, особенно ясно это мировоззрение оформилось в зрелом творчестве. Писатель жил в эпоху, когда активно публиковали тексты Ю.К. Олеси, создавшего новый гимн «лишнему человеку» и пародию на социалистическое строительство еще до появления романов 1930-х годов. Позиция человека, подсматривающего за миром, в котором он живет, и не принимающего его устройства, была противоположна всем творческим исканиям В.М. Шукшина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков С. Европеец в русской литературе: нерусский писатель Юрий Олеша / С. Беляков // Урал. — 2004. — № 10. — С. 242–247.
2. В.М. Шукшин: pro et contra. Современные аспекты исследования / Сост., вступ. статья А.И. Куляпина. — СПб.: Издательство РХГА, 2024. — 676 с.
3. Геопэтика В.М. Шукшина / Т.А. Богумил, А.И. Куляпин, Е.А. Худенко; науч. ред. А.И. Куляпин. — Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2017. — 176 с.
4. «Калина красная»: поэтика, семиотика, контекст / Г.В. Ануфриева, Т.А. Богумил, А.А. Карагодин [и др.]. — Барнаул : ООО «АЗБУКА», 2025. — 175 с.
5. Ковтун Н.В. Образ городской цивилизации в поздних рассказах В.М. Шукшина: миметический и семантический аспекты / Н.В. Ковтун // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2012. — № 1(17). — С. 74–93.
6. Куляпин А.И. Между ангелом и бесом: рассказ В.М. Шукшина «Сураз» в контексте русской классики / А.И. Куляпин // Художественное произведение: структура, дискурс, медиа : коллективная монография / под ред. С.М. Козловой, Е.Ю. Сафроновой, Т.В. Чернышовой. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2016. — С. 408–413.
7. Куляпин А.И. Право рассказывать: поэтика малой прозы В.М. Шукшина / А.И. Куляпин. — Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2025. — 192 с.

8. Куляпин А.И. Творчество В.М. Шукшина: От мимезиса к симеозису / А.И. Куляпин. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2005. — 139 с.
9. Левашова О.Г. «Ломоносовский миф» и проблема биографического текста В.М. Шукшина / О.Г. Левашова // Сибирский филологический журнал. — 2014. — № 3. — С. 14–19.
10. Литературное трансграничье: русская словесность в России и Казахстане / Л.И. Абдуллина, С.В. Ананьева, Г.И. Власова [и др.]. — Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2017. — 290 с.
11. Маркина П.В. Мифопоэтика художественной прозы Ю.К. Олеси / П.В. Маркина. — Барнаул: Алтайская государственная академия культуры и искусств, 2007. — 186 с.
12. Маркина П.В. Творчество Ю.К. Олеси в литературно-эстетическом контексте 1920–1930-х годов (И.Э. Бабель, В.П. Катаев, М.М. Зощенко) / П.В. Маркина. — Барнаул : АлтГПУ, 2012. — 500 с.
13. Феномен творческой неудачи в литературе / А.В. Подчиненов, Т.А. Снигирева, Н.В. Барковская [и др.]. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — М.: Издательство ЮРАЙТ, 2018. — 484 с.
14. Художественное произведение: структура, дискурс, медиа : коллективная монография / под ред. С.М. Козловой, Е.Ю. Сафроновой, Т.В. Чернышовой. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2016. — 516 с.
15. Шукшинская энциклопедия / Администрация Алтайского края, Упр. Алтайского края по культуре и арх. делу, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Алтайский гос. ун-т»; [гл. ред. и сост. С.М. Козлова]. — Барнаул: [Б. и.], 2011. — 518 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Бурков Г.И. Хроника сердца [Из дневников и записных книжек]. — М.: Вагриус, 1998. — 319 с.
17. Василий Шукшин: жизнь в кино : сборник документов / сост. И.А. Коротков, Е.В. Огнева, В.И. Фомин. — Барнаул : Изд-во ГМИЛИКА : ОАО «Алтайский дом печати», 2009. — 352 с.
18. Воспоминания о Юрии Олеше. — М.: Советский писатель, 1975. — 304 с.
19. Каверин В. Из воспоминаний / В. Каверин // Весть : проза, поэзия, драматургия. — М.: Книжная палата, 1989. — С. 25–53.
20. Лезинский М. «Матросский университет» Василия Шукшина [Электронный ресурс] / М. Лезинский. — Режим доступа: <https://www.ukamina.com/books/shukshin.html> (дата обращения: 21.10.2025).
21. Лихачев Д.С. О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 3–6.
22. Мандельштам О.Э. Сочинения в 2-х т. / О.Э. Мандельштам; сост. О.А. Дорофеева. — Т 2. Стихотворения, переводы. — Тула : Филин, 1994. — 382 с.
23. Нравственность есть Правда / Сост. Л.Н. Федосеева-Шукшина; вступ. статья Л.А. Аннинского; комм. Л.А. Аннинского и Л.Н. Федосеевой-Шукшиной. — М.: Советская Россия, 1979. — 352 с.
24. Олеша Ю.К. Избранное / Ю.К. Олеша; вступ. статья В.Б. Шкловского; примеч. В.В. Бадикова; худ. В. Юрлов. — М.: Художественная литература, 1974. — 576 с.
25. Олеша Ю.К. Заговор чувств : Романы. Рассказы. Пьесы. Статьи. Воспоминания. Ни дня без строчки. — СПб.: Кристалл, 1999. — 841 с.
26. Олеша Ю.К. Книга прощания / Ю.К. Олеша. — М.: Вагриус, 2006. — 477 с.
27. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти т. / В.М. Шукшин. — Барнаул : Барнаул, 2014.

REFERENCES

1. Belyakov S. (2004) Evropeecz v russoj literature: nerusskij pisatel` Yurij Olesha [A European in Russian Literature: The Non-Russian Writer Yuri Olesha]. Ural, 10, 242–247. (In Russian)
2. Kulyapi A.I. (ed.) (2024). V.M. Shukshin: pro et contra. Sovremenny'e aspekty` issledovaniya [V.M. Shukshin: pro et contra. Modern Aspects of Research]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RXGA. (In Russian)
3. Kulyapi A.I. (ed.) (2017) Geopoe`tika V.M. Shukshina [Geopoetics of V.M. Shukshin]. Barnaul: Altajskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet. (In Russian)
4. Anufrieva G.V., Bogumil T.A., Karagodin A.A. (2025). «Kalina krasnaya»: poe`tika, semiotika, kontekst ["Red Viburnum": Poetics, Semiotics, and Context]. Barnaul: OOO «AZBUKA». (In Russian)
5. Kovtun N.V. (2012) Obraz gorodskoj civilizacii v pozdnix rasskazax V.M. Shukshina: mimeticheskij i semanticheskij aspekty` [The Image of Urban Civilization in the Later Stories of V.M. Shukshin: Mimetic and Semantic Aspects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, 1(17), 74–93. (In Russian)
6. Kulyapin A.I. (2016) Mezhdru angelom i besom: rasskaz V.M. Shukshina «Suraz» v kontekste russoj klassiki [Between an Angel and a Demon: V.M. Shukshin's Story "Suraz" in the Context of Russian Classics]. In Xudozhestvennoe proizvedenie: struktura, diskurs, media [A Work of Art: Structure, Discourse, and Media] (pp. 408–413). Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. (In Russian)

7. Kulyapin A.I. (2025) Pravo rasskazy`vat`: poe`tika maloj prozy` V.M. Shukshina [The Right to Tell: The Poetics of V.M. Shukshin's Short Stories]. Sankt-Peterburg: Russkaya xristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F.M. Dostoevskogo. (In Russian)
8. Kulyapin A.I. (2005) Tvorchestvo V.M. Shukshina: Ot mimezisa k simeozisu [V.M. Shukshin's Creativity: From Mimetic to Symbiotic]. Barnaul : Izd-vo Altajskogo un-ta. (In Russian)
9. Levashova O.G. (2014) «Lomonosovskij mif» i problema biograficheskogo teksta V.M. Shukshina [The "Lomonosov Myth" and the Problem of V.M. Shukshin's Biographical Text]. Sibirskij filologicheskij zhurnal, 3, 14–19. (In Russian)
10. Abdullina L.I., Anan`eva S.V., Vlasova G.I. (2017). Literaturnoe transgranich`e: russkaya slovesnost` v Rossii i Kazaxstane [Literary Crossroads: Russian Literature in Russia and Kazakhstan]. Barnaul: Altajskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet. (In Russian)
11. Markina P.V. (2007) Mifopoe`tika xudozhestvennoj prozy` Yu.K. Oleshi [Mythopoetics of Yuri Olesha's Fiction]. Barnaul: Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul`tury` i iskusstv. (In Russian)
12. Markina P.V. (2012) Tvorchestvo Yu.K. Oleshi v literaturno-e`steticheskom kontekste 1920–1930-x godov (I.E. Babel`, V.P. Kataev, M.M. Zoshhenko) [Yury Olesha's Works in the Literary and Aesthetic Context of the 1920s and 1930s (I.E. Babel, V.P. Kataev, and M.M. Zoshchenko)]. Barnaul: AltGPU. (In Russian)
13. Podchinenov A.V., Snigireva T.A., Barkovskaya N.V. (2018). Fenomen tvorcheskoj neudachi v literature [The phenomenon of creative failure in literature]. Moscow: Izdatel`stvo YuRAJT. (In Russian)
14. Kozlova S.M., Safronova E.Yu., Cherny`shova T.V. (ed.) (2016). Xudozhestvennoe proizvedenie: struktura, diskurs, media [A Work of Art: Structure, Discourse, and Media]. Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta. (In Russian)
15. Kozlova S.M. (ed.) (2011) Shukshinskaya e`nciklopediya [The Shukshin Encyclopedia]. Barnaul. (In Russian)

Поступила в редакцию 22.11.2025 г.

V. M. SHUKSHIN AND Y. K. OLESHA: FEATURES OF POETICS AND AUTOPOETICS

P.V. Markina

The paper addresses the thematic intersections in the works by Y.K. Olesha and V.M. Shukshin, which are of interest as sources of understanding the specifics of the writers' poetics. The relevance of the study is due to the need to explore this problematic dialogue in order to adequately perceive the cultural, historical, social, and everyday aspects of the literary texts that reflect different periods of the literary process. A number of methods and techniques have been applied, including description and synthesis, cultural commentary, and philological analysis. Olesha entered literature as a European writer, while Shukshin, on the contrary, is considered a researcher of the Russian national character. So similar images and situations (love triangle, technology, the material world, circus, culture–civilization opposition, etc.) attract the readers' attention as revealing the author's attitude to creativity and understanding of his tasks in art. The conclusions concern the peculiarities of Shukshin's dialogue with his predecessor, as well as the specifics of symbolic gestures in the two writers' everyday behaviour and the writers' worldview in different historical epochs of the Soviet era.

Key words: Olesha, Shukshin, Russian literature of the 20th century, poetics, literary models, dialogue, a European of Russian literature, a writer of the Russian world.

Маркина Полина Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Алтайский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Барнаул.
Директор Института филологии и межкультурной коммуникации.
ORCID 0000-0001-8545-1668.
E-mail: markina_pv@altspu.ru

Markina Polina Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Altai State Pedagogical University,
Russian Federation, Barnaul.
Director of the Institute of Philology and Intercultural Communication.
ORCID 0000-0001-8545-1668.
E-mail: markina_pv@altspu.ru

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.18824862

ПРЕСКРИПТИВЫ В ТУРИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВАХ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2026 И.О. Онал

Федеральное государственное казенное военное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации».

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет».

ORCID 0000-0001-6739-9464.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена структурно-семантическому и лингвоаксиологическому анализу прескрипционных высказываний в интернет-комментариях туристов двух разных культур об объектах культурного наследия. Цель работы — выявить ценностные установки, транслируемые через данные речевые акты, и провести сопоставительный анализ их значимости для двух культур. Показано, что прескриптивы в онлайн-комментариях туристов выполняют не только утилитарную функцию руководства к действию, но и являются отражением и инструментом конструирования таких ценностей, как приобщение к культуре и истории, познание нового, рациональность, уважение к чужой культуре, эстетическое удовольствие. На материале прескриптивов в интернет-комментариях российских и американских туристов демонстрируется, как совокупность предписаний формирует канон посещения культурной достопримечательности в современном обществе.

Ключевые слова: категория побудительности, прескриптив, интернет-отзыв, туристический дискурс, ценность, ценностная установка.

Для цитирования: Онал И.О. Прескриптивы в туристических интернет-отзывах: структурно-семантический и аксиологический аспекты / И.О. Онал // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 95–107. — <https://doi.org/10.5281/zenodo/18824862>.

Введение. Категория побудительности всегда привлекала внимание исследователей, а её изучение является одним из динамичных современных направлений теории познания. В современной лингвистике отмечается интерес к изучению языковой реализации категории побудительности не только в разных языках, но и в разных типах дискурса, в связи с происходящими в них изменениями и появлением новых дискурсивных практик. В фокусе современных лингвистических исследований всё чаще оказывается интернет-дискурс, который становится основным пространством для формирования и трансляции культурных ценностей и поведенческих моделей. Особый интерес в рамках данного дискурса представляет изучение жанра онлайн-отзыва, для которого характерно смешение признаков устной и письменной речи и реализация не только информирующей, но также оценочной и суггестивной функций.

Разнообразие коммуникативных ситуаций, в которых используются побудительные высказывания, обуславливает появление их более детальных

классификаций. Например, Е.И. Беляева предлагает разделение побудительных речевых актов на три типа, каждый из которых характеризуется наличием определённых средств выражения: 1) прескриптивы (приказы, распоряжения, запреты, инструкции, предписания); 2) реквизивы (просьбы, мольбы, приглашения); 3) суггестивы (советы, предложения, предупреждения) [3, с. 15]. Таким образом, в узком смысле прескриптив представляет собой один из видов побудительных речевых актов, характеризующийся облигаторностью действия для адресата и приоритетностью позиций адресанта. Широкий подход, в свою очередь, основывается на оппозиции прескриптивизм vs. дескриптивизм, согласно которому прескриптивными являются любые языковые знаки, которые используются для оказания влияния на слушателя, для возбуждения у него определенных мыслей, оценок, для побуждения к действиям. Согласно А.М. Амазову, основная цель прескриптивных языковых компонентов заключается в «...распоряжении (прескрипции) поведения, то есть в призыве к определенному поведению» [1, с. 80]. К разновидностям языковой прескрипции относятся инструкции, советы, распоряжения, запреты, предостережения, наказания и т.п.

Отзыв как коммуникативный акт относится к прагматическому классу неимперативных прямых форм коммуникативного воздействия [9], реализующих регулятивный аспект коммуникативной потребности — психологическое воздействие одного участника общения — индуктора — изменить поведение, эмоции или личностные свойства другого (реципиента). Анализируя различия между жанром путевых заметок и жанром туристического интернет-отзыва, М.А. Гончарова указывает на наличие у последнего апеллятивной функции [4], т.е. функции побуждения адресата к определенным действиям, мыслям или реакциям. Обязательное или факультативное наличие предписывающего компонента в интернет-отзывах также отмечается другими учёными [2; 6 и др.]. Вышесказанное позволяет сделать вывод о функционировании в жанре интернет-отзыва туриста оценочных и императивных смыслов.

В данном исследовании прескриптивы рассматриваются как «коммуникативные образования, содержанием которых является продвижение выраженных ценностей, норм и обыкновений поведения» [5, с. 679]. По мнению В.И. Карасика, прескриптивы образуют отдельный сложный жанр сетевого дискурса, что, однако, не исключает возможности выделения общих и специфических прескриптивов в любом типе дискурса [5, с. 680]. Прескрипция, в свою очередь, определяется как языковая стратегия, направленная на предписание определенных действий адресату и указывающая, что надо и чего не надо делать [10, с. 98]. Прескриптивы в интернет-комментариях туристов — это высказывания, основанные на опыте и/или убеждениях автора отзыва, которые предписывают, советуют, запрещают или настоятельно рекомендуют выполнение (либо отказ от выполнения) определённых действий.

Цель работы — выявление ценностных установок, транслируемых через прескриптивные компоненты интернет-отзывов туристов-представителей разных культур. Достижение поставленной цели обеспечивается посредством выполнения следующих задач: 1) провести отбор прескрипционных высказываний из текстов туристических интернет-отзывов на соответствующих языках; 2) выделить ценностные установки, транслируемые авторами отзывов; 3) провести сопоставительный анализ ценностных составляющих, реализуемых с помощью прескриптивов. **Актуальность исследования** обусловлена, во-первых, растущим научным интересом к дискурсивной лингвистике и к туристическому дискурсу как её важному и пока ещё недостаточно изученному объекту; во-вторых, необходимостью выявления системы ценностей, определяющей поведение современного туриста.

Материалы и методы исследования. Материал исследования составили тексты интернет-отзывов российских и американских туристов (370 отзывов на русском и 420 — на английском языках) о посещении объектов культурного наследия (Собора Св. Софии/Мечети Айя-София в Стамбуле и Лондонского Тауэра), размещённых на портале *Tripadvisor.com* за период с 2021 по 2025 гг. Выбор отзывов о данных объектах обусловлен, во-первых, их культурной значимостью (обе достопримечательности являются объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО, знаковыми символами городов и стран, в которых они находятся), во-вторых, их сравнительным потенциалом (объекты имеют сложную многослойную историю, из-за чего «прочтение» данных объектов и формирование прескриптивов в отношении их посещения может существенно отличаться у российских и американских туристов). Отбор материала проводился с учётом следующих критериев: 1) в отзыве должно быть указано место проживания автора (Россия/ город в России либо США/город или штат в США); 2) отзыв должен быть написан на английском (для американцев) и на русском (для российских пользователей) языках. Ведущим методом исследования является аксиологический анализ; также использовались методы контекстного, сопоставительного, функционально-семантического анализа; приёмы сплошной выборки и количественного подсчёта.

Основная часть. Жанр туристического интернет-отзыва не является прескриптивным в чистом виде, однако прескрипционная составляющая представляет собой один из его важных, но не обязательных компонентов. Предварительный анализ материала показал, что высказывания с прескриптивной семантикой содержатся в 59% отзывов российских и 56% отзывов американских туристов. Поскольку тексты интернет-отзывов, составившие материал исследования, размещены на интернет-портале *Tripadvisor.com*, объединяющем отзывы миллионов путешественников со всего мира о местах и объектах посещения, необходимо уточнить, что исследуемые тексты являются частью не только туристического и цифрового дискурсов, но и относятся к области межнационального дискурса, т.е. дискурса, в котором пересекаются культурные и языковые особенности разных народов. Согласно Н.Б. Руженцевой, прескрипционные высказывания в межнациональном дискурсе являются трехсубъектными: первый субъект (КТО?) — это автор, второй (О КОМУ?) — тот, о ком идет речь, и третий субъект (ДЛЯ КОГО?) — это тот, кому адресовано высказывание [11]. В зависимости от субъектной организации выделяются следующие прескрипционные модели: МЫ — О НИХ — ДЛЯ НАС, МЫ — О НАС — ДЛЯ НИХ, ОНИ — О НАС — ДЛЯ СЕБЯ, ОНИ — О НАС — ДЛЯ НАС [11, с. 158].

Анализ фактического материала показывает, что прескриптивы, содержащиеся в отзывах туристов об объектах культурного наследия, обращены прежде всего к другим туристам — потенциальным посетителям данной достопримечательности:

росс. *Рекомендую, это одно из обязательных мест для посещения в Стамбуле!*

амер. *Don't pass up an opportunity to explore the Tower of London!*

Возможность автоматического перевода текстов на другие языки, предоставляемая интернет-площадкой *Tripadvisor.com*, позволяет авторам отзывов адресовать свои инструкции, советы и рекомендации не только соотечественникам, но и туристам любых других стран и национальностей. Прескриптивы, адресованные другим субъектам туристического дискурса (персоналу, обслуживающему объект; руководству страны, в которой расположена достопримечательность и т.п.), встречаются достаточно редко:

росс. *Из христианского храма сделана мечеть... Так быть не должно.*

амер. *The conservative government needs to totally rethink what it has done here. All religious buildings should be free to visit for all faiths.*

Следовательно, основную прескрипционную модель интернет-отзывов туристов о достопримечательностях чужой культуры можно описать как «ТУРИСТ — ОБ ОБЪЕКТЕ — ДЛЯ ДРУГИХ ТУРИСТОВ».

Реализация прескрипции в туристических интернет-отзывах может осуществляться в форме прямого речевого акта с чётко выраженной интенцией либо косвенного речевого акта [7]. Прямая прескрипция может быть представлена в «жесткой» либо «мягкой» форме. Для «жестких» форм прескрипции — инструкций и запретов — характерны категоричность предписаний и доминирующая позиция автора высказывания по отношению к адресату [11, с. 159]. Такие формы прескрипции могут быть выражены следующими способами:

1) глаголами в форме повелительного наклонения:

росс. **Возьмите** сменную обувь - ковры в воде и дико холодные в марте.

Не забудьте про фонтан Султана Азмета третьего.

амер. **Visit early**, this UNESCO World Heritage site attracts enormous crowds; **But do definitely wear socks** when going in; **Don't pass up an opportunity** to explore the Tower of London!⁵

2) лексическими единицами (существительными, глаголами, наречиями) с семантикой запрета или долженствования:

росс. **Обязательно** посетите, и **возьмите экскурсию** по этому музею, у него богатая история, которую **нужно** узнать **обязательно!**; **Супер!** Это первое что вы **должны** посетить; В любом случае, вопроса стоит или не стоит идти нет! **Обязательно** к посещению!; **Посещать нужно.**

амер. Women, **no** legs, bare arms, shoulders of heads showing; It is **imperative** that you see this mosque before departing Istanbul; A **must** do on any tour of Istanbul, simply breathtaking; Well if you're in London, and have got the time, you **have to** visit this incredible historic, medieval fortress; Inside the Crown Jewels room you **aren't allowed** photos or videos.

Более «мягкие» формы прескрипции — выражение советов и рекомендаций — позиционируют автора и адресата/ адресатов высказывания в общее коммуникативное пространство, где их отношения близки к паритетным. Вербализация прескрипций данного типа на синтаксическом уровне осуществляется при помощи неопределённо-личных или безличных конструкций, реже — риторических вопросов; на лексическом уровне — с использованием сочетаний *лучше/ would better, можно/ you can, стоит/ worth, почему бы не/ why not* и др.:

росс. Если очень хочется сэкономить на входе, **можно** походить вокруг и почитать. Но зайти хотя бы раз - **стоит** того!; **Стоит** посетить, но **лучше** идти за билетами к 8:00, очень много туристов привозят; Ну разве можно здесь не побывать?

амер. Totally **worth** to spend an hour inside. You **can** purchase tickets online or via most hotel concierge staff. Either way, **why go** all the way to Istanbul and **NOT go** inside the Hagia Sofia?

Промежуточное положение, на наш взгляд, занимают прескриптивные конструкции перформативного типа, в которых автор рекомендации или совета хотя и позиционируется «над» адресатом, однако дистанция между ними не настолько велика, как при актуализации инструкции или запрета:

росс. **Советую** перед поездкой **обязательно** почитать хоть немного про историю замка, а она очень интересна!; Очень **рекомендую** к посещению. Не дешево, но оно того стоит; С маленькими детьми **не советую**. Очень много лестниц и переходов.

⁵ Здесь и далее в текстах отзывов сохранены орфография и пунктуация авторов.

амер. *I highly **recommend** taking your time to explore and maybe even joining a guided tour to fully appreciate its rich history; I **would** absolutely **recommend** this tour to anyone visiting the Tower of London!; I **would suggest** going early to get as close to the front of the line as possible.*

Косвенные виды прескрипции реализуются в высказываниях, предоставляющих адресату информацию, на основе которой он самостоятельно должен прийти к выводу о необходимости (либо отсутствии необходимости) совершения того или иного действия. Так, приведенные ниже фрагменты отзывов содержат скрытое указание на обязательность посещения туристического объекта/ его части или подготовки к посещению:

росс. *Если бы я уже обладала имеющимся опытом, то я бы первым делом посетила Королевскую сокровищницу; Думаю, что без посещения Софии посещение Стамбула считай не состоится.*

амер. *If we could only do one tour while in London, this would be it!; If I were going again, I would research to find either a private tour guide, or some written or recorded guides to see more places and learn on a deeper level.*

Отметим, что в силу специфики самого жанра отзыва, который, как отмечалось выше, нацелен на побуждение адресата/ адресатов к определенным действиям, определить количество высказываний, в которых прескрипция выражена косвенно, в исследуемом материале не представляется возможным, поэтому лингвоаксиологическому и количественному анализу подвергались только фрагменты, содержащие прямые формы прескрипции.

Тот факт, что каждый этнос обладает собственной уникальной системой ценностных доминант, обуславливает различия в восприятии и оценке того или иного туристического объекта представителями разных лингвокультур [8]. Анализ содержательной стороны прескриптивов, репрезентированных в исследуемых отзывах, даёт возможность проследить сходства и различия в ценностной картине мира российских и американских туристов. Согласно В.И. Карасику, предписания (прескриптивы) поведения соотносятся с ценностями, определяющими выбор приоритетов говорящего, и конкретными способами коммуникативного воплощения в виде привычек, обыкновений и традиций [5, с. 680]. Таким образом, прескриптивы, содержащиеся в туристических отзывах, не просто инструктируют, но являются одним из средств кодирования и трансляции ценностных ориентиров как самого автора, так и культуры, представителем которой он является.

Лингвоаксиологический анализ прескриптивов, содержащихся в отзывах российских и американских туристов о посещении объектов культурного наследия, позволяет выделить следующие ценностные установки: 1) получение базового туристического опыта; 2) приобщение к культуре и истории, познание нового; 3) рациональность (комфорт и выгода); 4) этичность (соблюдение правил и уважение к чужой культуре); 5) эстетическое удовольствие.

Рассмотрим подробнее, как вербализуются данные ценностные установки в прескрипционных высказываниях российских и американских туристов о Мечети Айя-София (Соборе Св. Софии) и Лондонском Тауэре.

1. Получение «обязательного» туристического опыта.

Около 1/3 интернет-отзывов туристов обеих культур обязуют либо рекомендуют своим последователям посещение достопримечательности в целом. Посещение объекта культурного наследия воспринимается не просто как опция, а как «моральный и культурный долг» туриста, без которого поездка считается несостоявшейся.

росс. *Конечно, это визитная карточка, тысячелетняя история, обязательна к просмотру; Думаю, что без посещения Софии посещение Стамбула считай не*

состоится; Самое необходимое и впечатляющее зрелище в Лондоне. Тауэр должен посетить каждый турист, приезжающий в Лондон.

амер. No trip to Istanbul could be complete without visiting the Hagia Sofia; Everyone in the world must visit this place; If you're in London, of course you definitely go to the tower of London.

Прескриптивы, содержащиеся в негативных отзывах, более категоричны, в качестве основы для совета в них выступает личное разочарование туриста:

росс. Я думаю, что можно и снаружи посмотреть и заходить внутрь незачем абсолютно. Я пожалела, что пошла.

амер. Don't bother visiting; Skip Sofia; Boycott it!; Don't buy the tickets, the place is downright awful!

Анализ рекомендаций в отзывах позволяет сделать вывод о формировании особых культурных императивов в туристическом дискурсе. Наблюдается трансформация знаковых достопримечательностей из объектов выбора в обязательные пункты программы, посещение которых воспринимается как выполнение культурного долга и маркер «состоявшегося» путешествия. Этот императив носит нормативный характер, что подтверждается использованием модальности долженствования («обязательно», «must», «непреренно»). При этом негативный опыт порождает столь же категоричные прескриптивы — советы избегать посещения, основанные на личном разочаровании туриста.

2. Приобщение к культуре и истории, познание нового.

Нередко в качестве аргумента об обязательном посещении достопримечательности авторы текстов указывают необходимость знакомства с культурой или историей:

росс. Я очень рекомендую посетить это место, это красиво, величественно...очень историческое место; Попадающий в Стамбул турист (человек) , обязательно должен уделить время на посещение этого исторического (культурного) комплекса; Легендарное историческое место, обязательно к посещению! Обязательно посетите это место, узнайте историю этой страны. Стоит глянуть с исторической точки зрения.

амер. Steeped in hundreds of years of history with multiple uses, it's a must see; This place is really worth a visit. So much history. So much atmosphere; I highly recommend taking a guided tour to fully appreciate the rich history and cultural significance of this incredible landmark. If you want my advice spring for a tour because you'll learn loads about this place that you couldn't have learned on your own.

В целом около 12% прескриптивов, содержащихся в отзывах российских туристов и 8% прескриптивов в отзывах американских туристов о мечети Айя-София представляют собой рекомендации посетить либо, напротив, не посещать данный объект, в силу его исторической и культурной ценности либо её отсутствия. Что касается Лондонского Тауэра, лишь 3% российских и 4% американских туристов называют культурно-историческую ценность как причину обязательного знакомства с достопримечательностью. Такое расхождение, на наш взгляд, обусловлено особенностями самих объектов: неоднозначный статус первого (превращение из музея в мечеть, что может вызывать негативные эмоции у туристов другого вероисповедания) и постоянный статус второго.

3. Уважение к культурному наследию, местным правилам и нормам.

Данная установка наиболее ярко выражена в отзывах об Айя-Софии как действующей мечети; при этом в количественном отношении в прескрипционных высказываниях американских туристов этическая составляющая представлена значительно шире, чем в прескриптивах российских туристов.

росс. *Помните: нужно быть одетым соответствующим образом, чтобы вас пустили на территорию храма;*

амер. *Dress modestly when you go, **be respectful**, and be prepared to admire one of the great sites of history; But remember that, **since it is a religious mosque, there are certain dress requirements and restrictions to enter**; A special section of the mosque is reserved for folks praying, so **as long as you respect that space, you'll be fine to do whatever you'd like**. Now that is is a mosque again, **be mindful of people praying during the visiting hours**. You'll have to **comply with the standards of the religion, including proper attire**.*

Если в отзывах российских туристов в основном имеются лишь указания о необходимости наличия подходящей для посещения храма одежды, то в отзывах американцев содержатся призывы к уважительному отношению к чужой религии (*be respectful, as long as you respect this place, comply with the standards of the religion*) и верующим (*be mindful of people praying*). Указанные прескриптивы транслируют адаптивность и уважение к местным традициям, но не исключают при этом рационального подтекста: если не соблюдены правила посещения — туристу откажут в услуге, он потеряет деньги и т.п.

4. Рациональность и практичность, контроль над ситуацией.

Рациональная ценностная установка напрямую связана с бережливостью, осмотрительностью и стремлением получить максимум за потраченные деньги и, прежде всего, выражается в рекомендациях, как именно нужно подготовиться к посещению достопримечательности, чтобы сэкономить время и средства; а также в советах по оптимизации процесса посещения.

Отзывы российских и американских туристов содержат предупреждения о завышенных ценах, а также детальные «лайфхаки» о способах экономии денег и времени с помощью музейных карт, покупки билетов онлайн и правильного выбора времени посещения, чтобы избежать очередей:

росс. *Лучше посетить **поздним вечером** — без толп туристов. Спокойно посидеть и рассмотреть все хорошо; Обязательно **возьмите русскоговорящего гида**, рассказывает очень классно; Не советую брать отдельный билет, в комплексной экскурсии получается **дешевле и вход без очередей**; **Рассчитайте время минимум 2-3 часа**, чтобы не торопясь осмотреть весь замок; **Рекомендую купить билеты на сайте**, чтобы не стоять в дикой очереди; **Лучше идти, когда нет дождя**.*

амер. *Highly recommended **to travel off-season**; Would highly recommend going right when it opens to avoid long lines; It can get busy, so I recommend **booking tickets in advance and arriving early**.*

Нередко посетившие объект туристы настаивают на необходимости подготовки к посещению объекта, в которую входит предварительное знакомство с историей достопримечательности или аренда аудиогuida, чтобы «не потратить время зря»:

росс. *Очень советую либо перед поездкой **ознакомиться с историей мечети**, либо взять экскурсовода и послушать информацию из первых рук; Но всё же советую перед посещением **ознакомиться с тем, что есть Тауэр**, экспозициями, расположением, историей. Тогда будет на порядок интереснее.*

амер. ***Be sure to use a guide to improve your experience**; I recommend **to watch the many TV programs on the church/mosque that are available for free in YouTube before your visit**.*

Рекомендации, связанные с выбором подходящей обуви или одежды для посещения Лондонского Тауэра, как правило, связаны с тем, что посетители вынуждены много ходить пешком, в т. ч. на открытом воздухе. Что касается Мечети Айя-София, то советы по выбору «правильной» одежды, как отмечалось выше, могут быть

обусловлены не только этической стороной вопроса (уважение к чужой культуре), но и практическими соображениями: чтобы избежать дополнительных расходов, не испачкать ноги, не замёрзнуть и т.п.

росс. *Один совет: в таких помещениях очень холодно и нужно снимать обувь. Тёплые носочки будут очень кстати;*

амер. *Dress warm and wear your walking shoes as the weather is unpredictable and the cobble stones can get rough. Be sure to bring a coat if visiting in winter, as about half of the exhibition is outside. But do definitely wear socks when going in, the carpet inside was filthy.*

Предостережения о мошенниках, пользующихся неопытностью туристов и использующих различные способы обмана посетителей достопримечательностей, а также назойливых продавцов, портящих впечатление от посещения объектов культурного наследия, в одинаковой степени представлены в прескриптивах российских и американских туристов.

росс. *Вход бесплатный, пожалуйста, не ведитесь на предложения «приобрести билет в Собор Святой Софии»; Если кто-то предлагает билеты в Ай-Софию, гоните их;*

амер. *There are tour guides who tout for your business, don't be pressured into it; Be prepared for a constant bombardment by the local salesman which as a tourist pretty much ruins any place you want to see in Istanbul; Do NOT buy from these people they are crooks.*

Итак, рациональная ценностная установка находит практическое выражение в детальном подходе к организации посещения: в советах по экономии денег и времени, в подготовке к знакомству с объектом, учёте бытовых и социальных факторов. Таким образом, рациональность трансформируется в конкретный набор прескриптивных практик, помогающих туристам контролировать впечатление от посещения, снижать риски и повышать эффективность культурного потребления.

5. Эстетическое удовольствие, чувственный опыт.

Желание туристов почувствовать эмоциональную связь с местом, получить эстетическое наслаждение от увиденного, также выражается в советах и рекомендациях. Такие прескриптивы, как правило, указывают на необходимость обратить внимание на определённую часть достопримечательности — колонны, мозаики, фрески Собора Св. Софии, королевскую сокровищницу Тауэра и т.п. и нередко содержат средства выразительности — метафоры и эпитеты, делающие высказывание более эмоциональным и убедительным (*невероятные фрески, красиво в каждом сантиметре, great views, lovely mosaic и т.п.*):

росс. *Это надо видеть своими глазами! Великое сооружение!; Обратите внимание на колонны, сделанные из мрамора, разрезанного пополам; Обязательно поднимитесь на второй уровень, чтобы увидеть невероятные фрески и вид на мечеть из окошек. Обязательно возьмите с собой хорошую камеру или освободите память на телефоне — вы не сможете удержаться от фото! Тут красиво в каждом сантиметре;*

амер. *You can get some great views taking the state run ferries for each side of the river; Pay attention to the lovely mosaic above the door to the main area, which gives you a sense of how the church was covered; Notice the detail of the carving and the archangels in the four "corners", but also notice the feeling of the large space and the subdued lighting; Go inside and admire the architecture.*

Примечательно, что, хотя в основном прескриптивы в интернет-отзывах туристов обеих культур ориентируют потенциальных посетителей на рациональное использование времени и средств, в некоторых прескриптивных компонентах (хотя и достаточно немногочисленных), духовные и моральные ценности ставятся выше материальных и экзистенциальных: например, подчёркивается, что посещение объекта

стоит часового стояния в длинных очередях и других неудобств и/или полностью оправдывает высокую стоимость входного билета:

росс. *Никакие очереди и дорогие билеты не должны помешать насладиться её мощью, величием и красотой! Внутри рекомендую посетить сокровищницу. Входной билет стоит 29.5 фунтов, дорого, но оно того стоит;*

амер. *Visiting the Hagia Sophia is well worth the lines you may experience. Although expensive, the trip is worthwhile. It really worth the long wait. 100% worth the price of admission. Не надо жалеть денег, как это делают некоторые туристы, убеждая себя в том что оно того не стоит, это глубоко неправильно!!!*

Стремление к эмоциональному и эстетическому переживанию является установкой, дополняющей рационально-прагматический подход и находящей выражение в особом типе прескриптивов, которые не просто инструктируют, а выступают своеобразными «путеводителями по впечатлениям». Использование метафор и экспрессивных оценок служит средством передачи личного эмоционального опыта и убеждения адресата в уникальности и ценности объекта; при этом в ряде случаев эмоционально-эстетическая ценность признаётся туристами как высшая, способная оправдать значительные материальные и временные затраты. Иными словами, прескриптивы демонстрируют сложную иерархию ценностей, где практичность и рациональность могут уступать место духовному и чувственному опыту, который и провозглашается конечной, оправдывающей все усилия, целью посещения культурной достопримечательности.

Количественные показатели проявления ценностных установок в прескриптивных компонентах отзывов российских и американских туристов о мечети Айя-София и Лондонском Тауэре представлены на Рис. 1 и Рис. 2 соответственно.

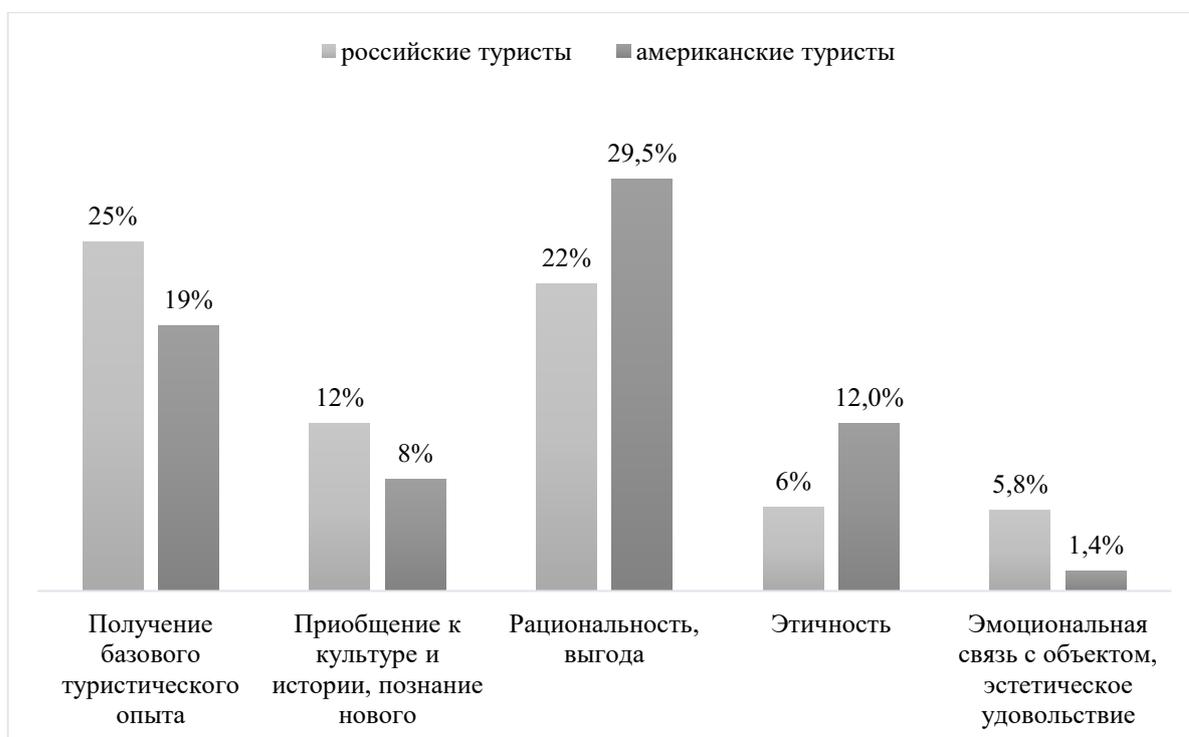
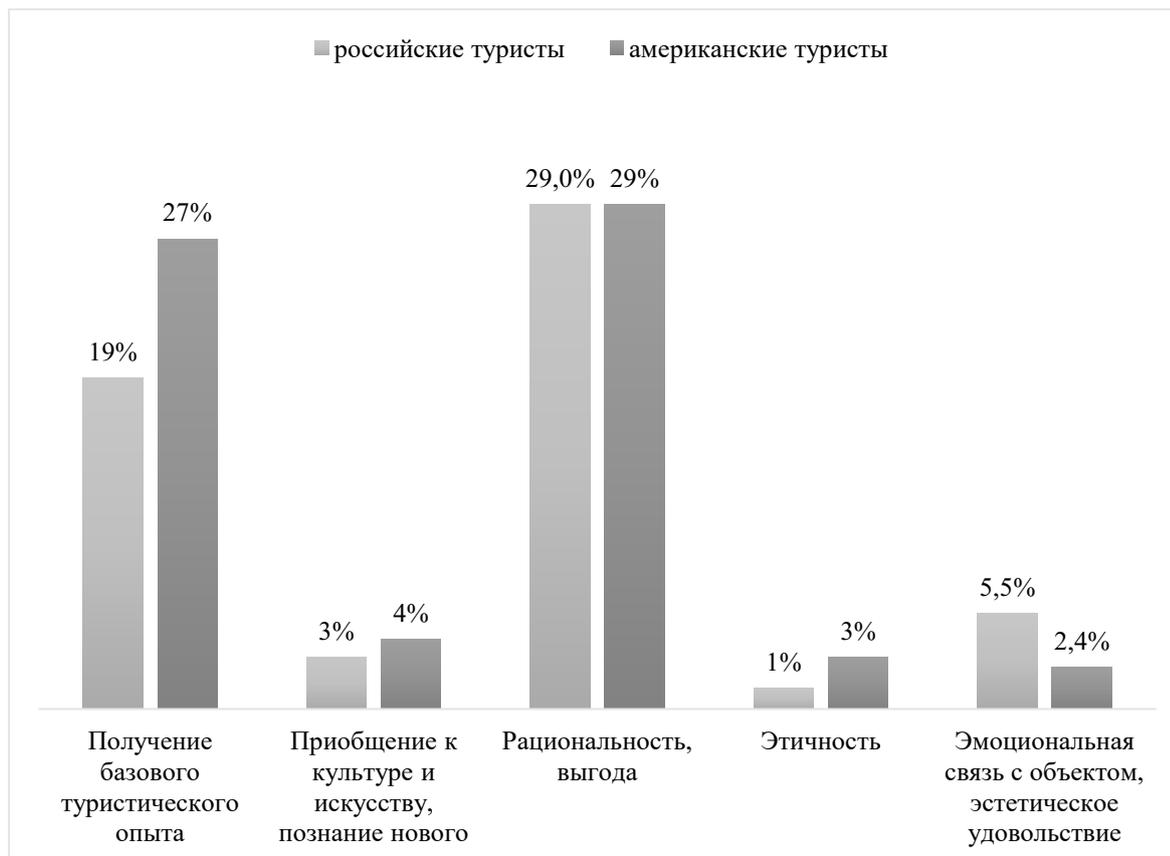

Рисунок 1. Ценностные ориентиры в прескриптивных компонентах интернет-отзывов российских и американских туристов о мечети Айя-София (Турция)

Рисунок 2. Ценностные ориентиры в прескриптивных компонентах интернет-отзывов российских и американских туристов о Лондонском Тауэре

Заключение. Несмотря на то, что жанр интернет-отзыва не является исключительно прескриптивным, в нём регулярно используются прескриптивные компоненты, выраженные с помощью разноуровневых языковых средств. Доминирующей моделью прескрипционного высказывания, содержащегося в интернет-отзыве туриста об объекте культурного наследия, принадлежащего другой нации, является «ТУРИСТ — ОБ ОБЪЕКТЕ — ДЛЯ ДРУГИХ ТУРИСТОВ», т.е. обращение к потенциальным посетителям объекта с инструкциями, рекомендациями или советами об особенностях посещения достопримечательности.

С точки зрения способов выражения в отзывах американских туристов чаще встречаются «жёсткие» формы прескрипции, в то время, как российским туристам свойственны более «мягкие» способы реализации категории побудительности. Как в способах выражения прескрипции, так и в их тематике отражаются наиболее значимые, с точки зрения авторов отзывов, ценностные компоненты, которые для дискурса русских и американских туристов заключаются в следующем: приобщение к истории и культуре и достопримечательностям, познание и исследование нового, рациональность, уважение к чужой культуре, стремление получить эстетическое удовольствие и почувствовать эмоциональную связь с объектом посещения.

В прескриптивных компонентах отзывов как российских, так и американских туристов наиболее ярко представлена рациональная ценностная установка, заключающаяся, прежде всего, в стремлении получить максимально выгодное соотношение цены и качества

получаемой услуги. Указание на обязательность посещения объекта и необходимость получения туристического опыта также содержится в прескриптивах значительной части отзывов туристов обеих культур. Менее выраженными являются ориентиры на получение новых знаний, соблюдение этических норм, уважение к чужой культуре и стремление к получению эстетического удовольствия от посещения объекта. В прескриптивах американских туристов большое значение придаётся этическим моментам посещения объекта, в то время как установка на получение эстетического наслаждения ярче выражена в прескриптивах российских путешественников.

Отметим, однако, что, поскольку в рамках данного исследования рассматривались ценности, транслируемые исключительно в прескриптивных компонентах туристических интернет-отзывов, они дают представление лишь об одном из фрагментов аксиологической картины мира представителей русской и американской лингвокультур. Вместе с тем становится очевидным, что рекомендации, советы и предостережения российских и американских туристов ориентированы на туриста, стремящегося выполнить «программу-максимум», но с минимальными финансовыми и временными затратами, что, на наш взгляд, является лингвистическим отражением установок, бытующих в современном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амагов А.М. Семантика и синтаксис сложных предикатов с каузативным и побудительно-волитивным значением: дис... канд. филол. наук / А.М. Амагов. — М., 2000. — 179 с.
2. Асмус Н.Г. Аксиологический потенциал интернет-комментария как отражение социальных ценностей / Н.Г. Асмус // Российские исследования. — 2021. — Т. 2, № 2. — С. 22–32.
3. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е.И. Беляева. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. — 168 с.
4. Гончарова М.А. Туристический отзыв в интернете: трансформация или новый речевой жанр? / М.А. Гончарова // Эволюция и трансформация дискурсов : сборник научных статей. — Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2017. — С. 32–38.
5. Карасик В.И. Прескриптивы в сетевом дискурсе / В.И. Карасик // Коммуникативные исследования. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 678–695. — DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).678-695.
6. Колокольцева Т.Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации / Т.Н. Колокольцева // Жанры речи. — 2024. — Т. 19, № 2(42). — С. 164–173. — DOI 10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173.
7. Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): дис. ... д-ра филол. наук / А.Ю. Маслов. — Санкт-Петербург, 2009. — 554 с.
8. Мельник Н.В. Ценностные доминанты разных лингвокультур (на материале русско- и англоязычных интернет-отзывов о Запретном городе) / Н.В. Мельник, А.А. Хмель // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 5(108). — С. 392–395. — DOI 10.24412/1991-5497-2024-5108-392-395.
9. Погорелова И.В. Лингвосомиотический аспект интернет-отзыва / И.В. Погорелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10-3(76). — С. 149–152.
10. Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. — 4-е издание, стереотипное. — Москва : ФЛИНТА, Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука»», 2011. — 328 с.
11. Руженцева Н.Б. Прескрипции в межнациональном дискурсе: субъектная организация и жанровая специфика / Н.Б. Руженцева // Педагогическое образование в России. — 2013. — № 4. — С. 157–164.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Hagia Sophia Grand Mosque [Электронный ресурс] / Tripadvisor — Режим доступа: https://www.tripadvisor.com/Attraction_Review-g293974-d294497-Reviews-or20-Hagia_Sophia_Grand_Mosque-Istanbul.html (дата обращения: 10.12.2025)
13. Tower of London [Электронный ресурс] / Tripadvisor — Режим доступа: https://www.tripadvisor.com/Attraction_Review-g186338-d187547-Reviews-or40-Tower_of_London-London_England.html (дата обращения: 10.12.2025)

REFERENCES

1. Amatov A.M. (2000) Semantika i sintaksis slozhnykh predikatov s kauzativnym i pobuditel'no-volitivnym znacheniyem [Semantics and syntax of complex predicates with causative and imperative-volitive meanings] : dis... kand. filol. nauk, Moscow, 179 p. (In Russian).
2. Asmus N.G. (2021) Aksiologicheskiy potentsial internet-kommentariya kak otrazheniye sotsial'nykh tsennostey [Axiological potential of online commentary as a reflection of social values]. Rossiyskiye issledovaniya [Russian studies], Vol. 2 (2), pp. 22–32 (In Russian).
3. Belyayeva E.I. (1992) Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliyskiy yazyk [Grammar and pragmatics of motivation: the English language], Voronezh: VGU Publishing House, 168 p. (In Russian).
4. Goncharova M.A. (2017) Turisticheskiy otzyv v internete: transformatsiya ili novyy rechevoy zhanr? [Online travel reviews: transformation or a new speech genre?]. Evolyutsiya i transformatsiya diskursov : sbornik nauchnykh statey [Evolution and transformation of discourses: a collection of scientific articles], Samara : Samarskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet imeni akademika S.P. Koroleva [Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev], pp. 32–38 (In Russian).
5. Karasik V.I. (2019) Preskriptivy v setevom diskurse [Prescriptives in online discourse]. Kommunikativnyye issledovaniya [Communication Research], Vol. 6 (3), pp. 678–695 (In Russian).
6. Kolokol'tseva T.N. (2024) Internet-kommentarii kak setevoy zhanr: obshchaya kharakteristika, dialogicheskiy potentsial, problemy klassifikatsii [Internet commentary as a network genre: general characteristics, dialogic potential, problems of classification]. Zhanry rechi [Speech genres]. Vol. 19, 2(42). pp. 164–173 (In Russian).
7. Maslova A.Yu. (2009) Kommunikativno-semanticheskaya kategoriya pobuditel'nosti i yeye realizatsiya v slavyanskikh yazykakh (na materiale serbskogo i bolgarskogo yazykov v sopostavlenii s russkim) [The communicative-semantic category of incentive and its implementation in Slavic languages (based on the Serbian and Bulgarian languages in comparison with Russian)] : dis. ... d-ra filol. nauk. Sankt-Peterburg, 554 p. (In Russian).
8. Mel'nik N.V., Khmel' A.A. (2024) Tsennostnyye dominanty raznykh lingvokul'tur (na materiale russko-i angloyazychnykh internet-otzyvov o Zapretnom gorode) [Value Dominants of Different Linguistic Cultures (Based on Russian- and English-Language Online Reviews of the Forbidden City)] Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, and education], Vol. 5(108), pp. 392–395 (In Russian).
9. Pogorelova I.V. (2017) Lingvosemioticheskiy aspekt internet-otzyva [Semio-linguistic aspect of the online review]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and practical issues.], Vol. 10-3(76), pp. 149–152 (In Russian).
10. Prokhorov Yu.E., Sternin I.A. (2011) Russkiye: kommunikativnoye povedeniye [Russians: Communicative Behavior], 4-e izdaniye, stereotipnoye [4th edition, stereotypical], Moscow : FLINTA, Federal State Unitary Enterprise "Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center "Nauka"", 328 p. (In Russian).
11. Ruzhentseva N.B. (2013) Preskriptsii v mezhnatsional'nom diskurse: sub'yektnaya organizatsiya i zhanrovaya spetsifika [Prescriptions in interethnic discourse: subject organization and genre specificity]. Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii [Pedagogical education in Russia]. Vol. 4, pp. 157–164 (In Russian).

Поступила в редакцию 29.12.2025 г.

PRESCRIPTIVES IN ONLINE TOURIST REVIEWS FROM STRUCTURAL, SEMANTIC AND AXIOLOGICAL PERSPECTIVES

I.O. Onal

The article deals with the structural-semantic and linguo-axiological analysis of prescriptive statements in online comments about cultural heritage sites by tourists from two different cultures. The aim of the study is to identify the values conveyed through these speech acts and to conduct a comparative analysis of their significance for the two cultures. It is shown that prescriptives in tourists' online comments do not only perform a utilitarian

function as a guidance to action but also reflect and serve as a tool for constructing values such as cultural and historical engagement, learning new things, rationality, respect for foreign cultures, and aesthetic pleasure. Using prescriptive statements in online comments written by Russian and American tourists, the study demonstrates the way a set of prescriptions shape the canon of visiting a cultural attraction in modern society.

Keywords: category of inducement, prescriptive, online review, tourist discourse, value, value system.

Онал Инна Олеговна.

Кандидат филологических наук.

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Российская Федерация, г. Новосибирск.

Профессор кафедры иностранных языков.

Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация, г. Новосибирск.

Доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета.

ORCID 0000-0001-6739-9464.

E-mail: inna762006@gmail.com

Onal Inna Olegovna.

Candidate of Philology.

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute National Guard Troops of the Russian Federation named after the General of the Army I.K. Yakovlev, Russian Federation, Novosibirsk.

Professor at Department of Foreign Languages.

Novosibirsk State Technical University, Russian Federation, Novosibirsk.

Associate Professor at Department of Foreign Languages of Faculty of Humanities.

ORCID 0000-0001-6739-9464.

E-mail: inna762006@gmail.com

Scientific article

UDC 81-13

DOI: 10.5281/zenodo.18824945

POLYPARADIGMATIC APPROACH TO COMPARATIVE STUDY OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS WITH LINK-VERBS

© 2026 N.Yu.Bessonov¹, E.V.Gordienko²

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration"

ORCID 0000-0002-8383-8065¹

ORCID 0000-0002-7759-0518²

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлены результаты анализа современных подходов к исследованию каузативных конструкций. Обосновывается возможность интеграции методологических основ доминирующих в настоящее время лингвистических парадигм, которые характеризуются значительным потенциалом в решении различных проблем семантического синтаксиса. Предлагаемый полипарадигмальный подход к сопоставительному исследованию каузативных конструкций с глаголами-связками способствует установлению общих и специфических характеристик семантики и структуры таких конструкций в разноструктурных языках. Интеграция методов конструкционной грамматики, когнитивной грамматики и когнитивной семантики в рамках полипарадигмального подхода позволяет установить сходства и отличия механизмов репрезентации в каузативных конструкциях информации, связанной с выражением причинно-следственных отношений, а также процедур структурирования знаний, используемых участниками коммуникативного процесса для формирования каузативного смысла. Обоснованный в работе комплексный подход позволяет выявить универсалии, касающиеся взаимосвязи формы, семантики и функции каузативов.

Ключевые слова: каузатив, каузативная конструкция, глагол-связка, конструкционная грамматика, когнитивная грамматика, когнитивная семантика, полипарадигмальный подход, семантический синтаксис.

For citation: Bessonov N.Yu. Polyparadigmatic Approach to Comparative Study of Causative Constructions with Link-Verbs / N.Yu. Bessonov, E.V. Gordienko // Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology. — 2026. — No. 1. — P. 108–116. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18824945>.

Introduction. Causative constructions (CC) are studied in linguistics alongside other topical issues of semantic syntax [3; 10; 15; 16]. In a broad sense, a construction is understood as an ordered structure of grammatical units that form a unit of a hierarchically higher level. A causative construction is any construction expressing a causative situation. A basic causative situation (CS) is constituted by a simple event that causes another event, and the causative relations between these events. The causation relation is associated with the expression "*is the result of*". In this study CC is treated as any construction with the category of causation being its grammatical core, regardless of the nature of the semantic interpretation [8], for example: Eng. *The police evidence made him confess to the crime*. In this example, the agent of the causative situation is expressed by the noun *police*, the causative state - by the noun *evidence*, the object of the causative action - by the pronoun *him*, and the causative action - by the infinitive *confess*. The verb *make*, that links the causative situation with the one, which is being caused, is the CC main element. The linking verbs with the broadest causative meaning in English are the verbs *let, make, get, have*, while in Russian these are the verbs *позволять, разрешать, заставлять, запрещать, вынуждать*, and some others. The grammatical CC is

related to the semantic CS. According to the approach by V. Nedyalkov and G. Silnitsky [9], which formed the study methodological basis, the causative situation (or macrosituation) consists of two microsituations: the causative situation (antecedent), the caused situation (consequent), and the causation relationship, i.e., the relationship linking the causative and caused situations. The typical CC model includes two elementary participants (the causator and the object of causation), the causative action expressed by the link-verb, and the result of causation. The causal action is always expressed explicitly; other elements can be expressed both explicitly or implicitly. Thus, the CC syntactic structure does not always coincide with the semantic structure. Depending on the language type, this model can have the following modes of expression: 1) lexical, 2) analytical, 3) morphological.

Despite the advances of linguistics and linguists' attention to the syntactic units of language, the underlying mechanisms by which they represent information, the knowledge structuring procedures used by speakers to form their meaning, the factors influencing this process remain unexplored [4, p. 535]. The interpretive nature of modern linguistic studies necessitates further systematization of accumulated knowledge in the field of causative theory and causative constructions. The relevance of this work is also due to the insufficient level of study of the specific linguistic implementation of constructions with causative verbs in non-cognate languages. Thus, the results of the analysis of modern approaches to the study of causative verbs and the substantiation of the possibility of integrating the methodological foundations of currently dominant linguistic paradigms show significant potential.

This contribution objective is to substantiate a multi-paradigm approach to the comparative study of constructions with link-verbs, which will facilitate the identification of isomorphic and allomorphic semantic and structural features of constructions with causative link-verbs in non-closely cognate languages.

The study focuses on constructions with linking causative verbs (CV) in English and Russian, excerpted from works of English, American, and Russian fiction of the 20th century. The following methods of linguistic analysis are applied: *comparative analysis*, aimed at establishing similarities and differences in the semantics and structure of CC with link-verbs; *componential analysis*, enabling to identify integral and differential features in the CV semantics; *modeling the CV semantics by means of interpretation formulas* in order to describe in detail the semantic content of the constructions under study; *syntactic analysis*, aimed at considering the features of the CV formal organization; and *contextual analysis*, which makes it possible to identify the explicit and implicit means of expressing components in CC with link-verbs.

Results and discussion. Modern linguistics approaches language analysis in the interdisciplinary and anthropocentric way. Linguistic anthropocentrism is the dominant principle of modern research, since "the human is present throughout the entire space of language" [7, p. 3] (see also [5]). In this respect, a comprehensive approach to considering language units and categories of various types appears relevant in modern linguistic research, including typological and comparative studies. Their various aspects are being focused on [6; 13]. In this study, the suggested approach integrates the conceptual apparatus and methods of typological and comparative linguistics, as well as the methods of functional-semantic and cognitive linguistics, and constructional grammar.

Within the framework of the present research a significant contribution to the development of the causative theory by the Leningrad Typological Group, i.e. the collective monograph "Typology of Causative Constructions" [14], should be pointed out to. The ideas expressed in this work by V. Nedyalkov, G. Silnitsky, A. Kholodovich, and V. Khrakovsky on grammatical constructions expressing various meanings of the category of causativity served as the methodological basis for the present study.

We consider it necessary to integrate the typological approach with the research traditions of cognitive grammar, cognitive semantics, and constructional grammar. These rapidly developing areas of cognitive linguistics differ in their conceptual apparatus, approaches, research subjects, and analytical procedures. Nevertheless, they share a common "striving to explain linguistic facts and linguistic categories and, in one way or another, to correlate linguistic forms with their mental representations and with the experience they reflect as structures of knowledge" [12, p. 19]. Cognitive linguistics' focus on semantic issues stems from its methodological proximity to linguistic semantics, which explains the trend to speak of cognitive semantics rather than cognitive linguistics or grammar. It should be emphasized that a cognitive description of only the lexical-semantic system of language does not provide a complete understanding of the way the cognitive experience of a linguistic personality is reflected in the worldview. The multifaceted nature of the relationship between a person and a language necessitates cognitive research in grammar, with the focus on grammatical categories and their functions, which depend on human cognitive activity related to the information processing, storage, use, and transformation. Thus, a comparative study of causative constructions in non-cognate languages is more fruitful in case of the integrated application of comparative semantic-cognitive approach, and construction grammar methodology.

The treatment of causality within the framework of cognitive grammar is of particular interest, since constructions (including the causative ones) are generally considered to be traditional combinations of form and function that are constructed rather than learned based on the information input, along with general cognitive, pragmatic, and other constraints [1]. Constructions are viewed as linguistic structures in which some aspects of form or function are not motivated by their components. Furthermore, even fully motivated and absolutely predictable structures are now called constructions if, due to their frequency, they have acquired a stable status as linguistic units. This updated approach to defining constructions underlies the relevance of grammatical models based on usage [2]. Thus, the integration of ideas of cognitive grammar and cognitive semantics suggested in the present research appears relevant.

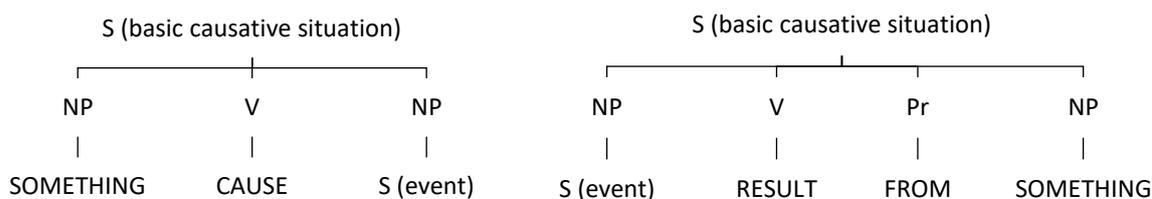
Alongside the approach of the St. Petersburg (Leningrad) typological school, the methodological basis of this study grounded on the works by typologist and cognitive grammarian L. Talmi ([18; 19]). These works are of interest for their focus on such issues as the syntax of complex sentences, the semantics of causative expressions, and the semantics and syntax of verbs of motion. The theoretical constructs proposed in L. Talmi's articles, in particular his typology of causatives, as well as the empirical material presented in his works, deserve a special attention. The main postulate is the recognition that the structural and functional features of a natural language can be explained by appealing to cognitive structures and processes.

The core idea of L. Talmi's semantic typology can be presented as follows: causative and other situations from the category of force dynamics are conceptualized as basic force-dynamic situations, in which one force (the antagonist) is linked by a certain relationship to another force (the agonist). Both of these forces have an inherent tendency toward rest or movement. Depending on whether the antagonist and the agonist, and, accordingly, their forces, are opposed, the resulting situation can be either of rest or movement [18]. The principle of force dynamics underlies the understanding of causation. According to this principle, the interaction of various entities with one another is interpreted in terms of force and is reduced to its characteristic manifestations, such as the direct demonstration of force, resistance to force, overcoming resistance, blocking force, eliminating blocking, etc.

In P. Parshin's view, L. Talmi's research program stands completely apart: his works are based on the analysis of linguistic empirics, and his research methodology "is practically a classical linguistic experiment in L. Shcherba's sense, on which almost all modern semantics is based: this

is the clarification of the way one can and cannot say - with the significant modification that Talmi is interested above all in its reason" [11, p. 89]. L. Talmi's most important impact is the creation of an empirically substantiated theory of cognitive super categories (for example, plexity or force dynamics), in relation to which the categories of aspect, number, causation, etc. are particular realizations. It is relevant to mention that the typological focus of L. Talmi's works, his interest in cognitive categories are close to the linguistic views of A. Kholodovich and his school, T. Bulygina and others, since the Russian linguistic tradition is characterized by "fundamental semantics" (P. Parshin's term [11]) and attention to empirical material.

As it has already been pointed out, the grammatical causative construction is related to the semantic causative situation. According to M. Shibatani, the definition of a causative construction presupposes the definition of the causative situation expressed by this construction [17, p. 1]. Two events form a causative situation if two conditions are met: 1) the relationship between the two events is characterized by the speaker believing that the caused event occurred after the causative event; 2) the relationship between the causative and caused events is characterized by the speaker believing that the occurrence of the caused event depends entirely on the occurrence of the causative event [17, pp. 1–2]. L. Talmi shares M. Shibatani's view that a basic causative situation consists of a simple event that causes another event and the causative relations between these events [19, p. 52]. This semantic phenomenon can be syntactically presented by one of two fundamental structures [19, p. 53] (see the scheme below):

Scheme. Structure of a basic causative situation

According to the scheme, the causative situation can be presented in the form of the following propositions: S (event) CAUSE S (event) and S (event) RESULT FROM S (event), where S (event) in the left denotes the causative event, S (event) in the right — the caused event. The caused event functions as a figure or image, and the causative event serves as the cause of the entire situation (these elements are presented in a similar sequence in the underlying linguistic structure). The causation relation is associated with the expression "is the result of". The domain of the causative event is identified with the object, functioning as a figure or image of the caused event. The object is connected with the image of the caused event by relations of force contact, and this contact can arise or be maintained, but not interrupted. According to L. Talmi, these characteristics can be represented by the deep structure morpheme ACT ON [19, p. 67]. The figure and objects of the caused event perform similar functions in relation to the entire causative situation, and the image of the object of the causative event functions as its instrument (INSTRUMENT). The caused event is initiated by the causative event, and, conversely, the caused event will not occur if there is no causative event. The image of the caused event is characterized by a natural tendency to resist, which is overcome by the force of the instrument of the causative event. The caused event can also be associated with a vector arising as a result of the combined action of the vectors of the image and instrument. The causative situation can be momentary or prolonged, and in each case, it can be characterized by allomorphic characteristics. In terms of duration, the causative event is similar to the caused event [19].

L. Talmy singles out a number of types of causative situations, among which: resulting-event causative, causing-event causative, autonomous events, author causative, agent causative, extended causation, onset causation, effectuating causation, enabling causation, “purpose” situation, inductive causation, and chain-of-action causation [18]. L. Talmy distinguishes between the concepts of agent (A), author (Au), and experiencer (U), for example: *I (A) hid my pen somewhere in the kitchen; I (Au) hid my pen somewhere in the kitchen; I (U) hid my pen somewhere in the kitchen.*

The classification of causative relations by many criteria includes various types. It can be logically assumed that all types are observed in the causative constructions with link-verbs that constitute the study empirical material. However, as the empirical material shows, the different types of constructions under study are characterized by different frequency value.

1. By **complexity and differing as to the element foregrounded (appearing initially)**, a distinction is made between autonomous events, resulting-event causative (basic causative), causing-event causative, instrument causative, author causative - i.e., with unintended outcome, and agent causative - i.e., with intended outcome. The constructions with causative link-verbs in English most often represent events occurring as a result of a resulting-event causative (basic causative), for example: *Her sudden movement made the cup turn over* [29].

2. According to **the number of links in a serial causative chain**, autonomous events, two- and three-event causative chains are distinguished. The most frequent types of causative chains are autonomous (Eng. *The smell made him vomit* [24], Rus. *рус. Надо дать знать, чтобы их взяли в колонию* (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Книга скитаний, 1963) [20] and two-event (Eng. *There's always a goat; the one that's going to get its throat cut* [21]; Rus. *Тогда только силою можно заставить делать то, что человек считает нелепым и то только на самое короткое время* (Л.Н. Толстой. Неизбежный переворот, 1909) [20]).

3. According to **the degree of continuity in a causative chain**, a distinction is made between continuous and discontinuous causative chains. The sample material showed that the most frequent in both English and Russian are discontinuous chains, for example: Eng. *The man made the dogs push the sledge with even more power by hitting them with his stick* [26]; Rus. *Затем вновь наступила тишина, и в этой тишине папа произнес отчетливо и жестко: «Никто не заставит нас свернуть с намеченного пути...»* (Б. Окуджава. Упраздненный театр, 1989-1993) [20].

4. According to **the coextensiveness of the causing event with the resulting event**, a distinction is made between extended causation and onset causation. The second type, namely the onset causation, proved to be the most frequent one, for example: Eng. *The big man got the spitz angry before the fight and then watched him taking the rivals down one after another* [26]; Rus. *Признаюсь, гордость не позволила мне сделать это одному, оставив русского* (А.С. Грин. Дьявол Оранжевых Вод, 1913) [20].

5. According to **the overcoming of resistance versus the removal of blockage**, a distinction is made between effectuating causation and enabling causation. Among the examples in the empirical corpus, the enabling causation type prevailed, for example: Eng.: *I let Bruno do all my business work* [25]; Rus. *Олешке надо дать выгуляться, пускай с него пена сойдет* (М. Горький. Дело Артамоновых, 1924-1925) [20].

6. According to **the scope of intention on the part of a sentient entity**, a distinction should be made between agent causation, author causation, and “undergoer” causation. The agent causation turned out to be the most frequent type, for example: Eng. *Either you have lost the letter or you didn't have it to lose in the first place* [30]; Rus. *Люди, которых он, по его словам, представляет, считают своим непреложным долгом обусловить ликвидацию всего того, что было связано — и может быть в будущем связано — с СС и НСДАП* (Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны, 1968) [20].

7. According to **knowledge of outcome**, a distinction is made between the agent causation and the “purpose” situation. In our case, both types are characterized by the same frequency value, for example: agent causation (Eng. *John had the dogs calm down by shouting at them* [27]; Rus. — *Что же вы молчите?.. Немедленно нужно дать знать шефу полиции. — Товарищ дорогой, вы с ума сошли!* (А.Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина, 1925-1927, 1937) [20] and “purpose” situation (Eng. *In order to be on the safe side, Buck made the rival reach him from the side* [23]; Rus. *Этот мужичишка заставил на мельнице работать вместо ветра медведя, чтобы не платить налога, а сам скулил всегда по-батрацки и ел с бабой под одеялом* (А.П. Платонов. Котлован, 1930) [20].

8. According to **the presence of internal self-direction**, a distinction is made between an autonomous event and causation of the action of an agent. This type of CC with link-verbs is not found in the languages under study.

9. According to **the presence of self-directedness in mid-causal-chain**, the agent causation and inducive causation (caused agency) are distinguished. The empirical corpus includes quite a number of examples of both types: agent causation (Eng. *The hostess let the housemaid relax by saying a few soothing words* [23]; Rus. *Надеюсь, ты не заставишь меня краснеть за тебя перед господином Ананасовым* (В.П. Катаев. Миллион терзаний, 1930) [20] and inducive causation (caused agency) (Eng. *Don't bother to make servants come up to us — we are alone here* [28]; Rus. *Единственное, чего он не мог бы перенести, по его словам, — это попасть в руки фашистам и позволить им издеваться над собой* (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Книга скитаний, 1963 [20]).

10. According to **the number of occurrences of self-directedness along a causal chain**, a distinction is made between two-, three-, and four-member chains of actions. Three-member chains are most typical of constructions with causative link-verbs, for example: Eng. *Oh, do let me help to undo it* [22]; Rus. *Он даже вынужден был позволить всем по очереди посмотреть, что там происходит, прежде чем они тронулись дальше* (А.А. Фадеев. Молодая гвардия, 1943-1951) [20].

The analysis of the semantic causative types classification indicates the absence of an unambiguous interpretation of the causative situation itself, since its interpretation is influenced by various internal factors. The deep semantic meaning of the verb *cause* can be conveyed by combining the meaning of any verbal lexeme with at least five deep causative verbs such as RESULT, EVENT, INSTRUMENT, AUTHOR, AGENT.

Conclusion. The verb regular lexical and grammatical relations, particularly the causative ones, alongside the primary lexical semantics, determine the nature of its syntactic construction. On the one hand, the application of the relevant methods of comparative linguistics, construction grammar, and cognitive linguistics enabled to establish the invariant meaning of the category of causativity. On the other hand, various shades of meaning of this category that manifest themselves in the context have been identified, which is due to the different structure of the languages under analysis. The suggested polyparadigmatic approach made it possible to establish similarities and differences in the mechanisms of representing information in cognitive complexes related to the expression of cause-and-effect relationships, as well as the knowledge structuring procedures used by participants in the communicative process to express the causative meaning. The integrated approach proposed in this paper allows us to identify universals concerning the relationship between the form, semantics, and function of causatives. The advantage of the comparative approach lies in clarification of various linguistic aspects of such a universal category as causativity. In addition to postulating a formal model, the polyparadigmatic approach allows for a more precise capture and interpretation of semantic meanings and shades of meaning. Within the framework of the comparative research,

it is relevant to thoroughly examine the semantic features of constructions with causative link-verbs, taking into account various parameters, as well as to identify universal characteristics, and gaps in the semantic organization of causative verbs in non-cognate languages, to interpret similarities and differences, and to formulate probabilistic implications.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В.В. Современный русский язык: в 3-х ч. / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. — М.: Просвещение, 1981. — Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. — 281 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — М.: Издательство «Едиториал УРСС», 2009. — Серия «Лингвистическое наследие XX века». — 416 с.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М.В. Всеволодова. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 502 с.
4. Давыдова Е.И. О синтаксических структурах как способе репрезентации знаний в языке / Е.И. Давыдова // Когнитивные исследования языка: мат-лы Всеросс. науч. конф., 11–12 апр. 2013 г. / отв. ред. вып. Л.А. Фурс. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. — Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. — С. 534–537.
5. Карасик В.И. Языковое проявление личности: монография / В.И. Карасик; Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». — [2-е изд., стер.]. — Москва: Гнозис, 2015. — 383 с.
6. Кибрик А.А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура / А.А. Кибрик // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев и др. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — С. 595–634.
7. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. — Москва: Индрик, 1999. — 422 с.
8. Неद्याков В.П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив / В.П. Неद्याков. — Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1971. — 179 с.
9. Неद्याков В.П. Типология морфологического и лексического каузативов / В.П. Неद्याков, Г.Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. — Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. — С. 20–50.
10. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка: монография / Е.В. Падучева. — М.: Ленанд, 2023. — 300 с. (Серия «Лингвистическое наследие XX века»). ISBN: 978-5-9710-2955-7.
11. Паршин П.Б. Об исследовательской программе Леонарда Талми / П.Б. Паршин // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1999. — № 1. — С. 88–91.
12. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособ. / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. — М.: Флинта, Наука, 2011. — 176 с.
13. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. — М.: РГГУ, 2011. — 672 с.
14. Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив) / под ред. А.А. Холодовича. — Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. — 312 с.
15. Bierwisch M. The Event Structure of CAUSE and BECOME / M. Bierwisch // Event Arguments: Foundations and Applications. — Tübingen: Niermeyer, 2005. — P. 11–44.
16. Dikken M. den On the syntax of verb-particle, triadic, and causative constructions / M. Dikken. — New York: Oxford University Press, 1995. — 288 p.
17. Shibatani M. The Grammar of Causative Constructions; a Conspectus / M. Shibatani // Syntax and Semantics. — New York: Academic Press, 1976. — Vol. 6. — P. 1–40.
18. Talmy L. Force dynamics in language and cognition / L. Talmy // Cognitive Science. — 1988. — 12. — P. 49–100.
19. Talmy L. Semantic causative types / L. Talmy // Syntax and semantics 6: the grammar of causative constructions. — New York: Academic Press, 1976. — P. 43–116.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 17.01.2026).
21. Butler G. Coffin in Fashion. London: Fontana Press, 1990. 224 p.
22. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland / L. Carroll // English and American Literature. — CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
23. Doyle A.C. The Adventure of the Copper Beeches / A.C. Doyle // English and American Literature. — CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.

24. Henry O. The Four Million / O. Henry // English and American Literature. English and American Literature. — CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
25. Lyall G. The Conduct of Major Maxim. Sevenoaks, Kent: Hodder and Stoughton Ltd, 1982. 308 p.
26. London J. The Call of the Wild / J. London // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
27. London J. White Fang / J. London // English and American Literature. — CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
28. Mansfield K. Bliss / K. Mansfield // English and American Literature. — CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
29. Mansfield K. The Garden-Party / K. Mansfield // English and American Literature. — CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
30. Stoppard T. Rosencrantz and Guildenstern are dead. London: Faber and Faber Ltd., 1986. — 92 p.

REFERENCES

1. Babaytseva, V.V., Maksimov, L.Yu. (1981). Sovremennyy russkiy yazyk [The Modern Russian Language]: v 3-kh ch. Moscow: Prosveschenie. Ch. 3. Sintaksis. Punktatsiya. (In Russian).
2. Balli, Sh. (2009). Obschaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka [General Linguistics and Issues of the French Language]. Moscow: Izdatel'stvo «Editorial URSS». Seriya «Lingvisticheskoe nasledie XX veka». (In Russian).
3. Vsevolodova, M.V. (2000). Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa [Theory of Functional and Communicative Syntax]. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian).
4. Davydova, E.I. (2013). O sintaksicheskikh strukturakh kak sposobe reprezentatsii znaniy v yazyke [On Syntactic Structures as Way of Knowledge Representation in Language]. In L.A. Furs (Ed.), Kognitivnye issledovaniya yazyka: mat-ly Vseross. nauch. konf., 11–12 apr. 2013 g. Moscow: In-t yazykoznaniiya RAN; Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina. Iss. XIV: Kognitivnaya lingvistika: itogi, perspektivy, 534–537. (In Russian).
5. Karasik, V.I. (2015). Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Language Representation of Personality]: monografiya. 2-e izd., ster. Moscow: Gnozis. (In Russian).
6. Kibrik, A.A. (2015). Kognitivnyy analiz diskursa: lokal'naya struktura [Cognitive Analysis of Discourse: Local Structure]. In A.A. Kibrik, A.D. Koshelev i dr. (Eds.), Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 595–634. (In Russian).
7. Arutyunova, N.D., Levontina, I.B. (Eds.). (1999). Logicheskiy analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke [Logical Analysis of Language. Image of Person in Culture and Language]. Moscow: Indrik. (In Russian).
8. Nedyalkov, V.P. (1971). Kauzativnye konstruksii v nemetskom yazyke. Analiticheskiy kauzativ [Causative Constructions in German. Analytical Causative]. Leningrad: Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
9. Nedyalkov, V.P., Sil'nitskiy, G.G. (1969). Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov [Typology of Morphological and Lexical Causatives]. In Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskii kauzativ. Leningrad: Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, 20–50. (In Russian).
10. Paducheva, E.V. (2023). O semantike sintaksisa: Materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka [On Semantics of Syntax: Materials on Transformation Grammar of Russian]: monografiya. Moscow: Lenand. (Seriya «Lingvisticheskoe nasledie XX veka»). ISBN: 978-5-9710-2955-7. (In Russian).
11. Parshin, P.B. (1999). Ob issledovatel'skoy programme Leonarda Talmi [On L. Talmi's Research Programme]. In Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya, no 1, 88–91. (In Russian).
12. Pimenova, M.V. Kondrat'eva, O.N. (2011). Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie [Conceptual Research. Introduction]: ucheb. posob. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russian).
13. Plungyan, V.A. (2011). Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction into Semantics of Grammar: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of World Languages]. Moscow: RGGU. (In Russian).
14. Kholodovich, A.A. (Ed.). (1969). Tipologiya kauzativnykh konstruksiy (morfologicheskii kauzativ) [Typology of Causative Constructions (Morphological Causative)]. Leningrad: Izd-vo «Nauka», Leningradskoe otdelenie. (In Russian).
15. Bierwisch, M. (2005). The Event Structure of CAUSE and BECOME. In Event Arguments: Foundations and Applications. Tübingen: Niermeyer. (In English).
16. Dikken, M. den (1995). On the syntax of verb-particle, triadic, and causative constructions. New York: Oxford University Press. (In English).

17. Shibatani, M. (1976). The Grammar of Causative Constructions; a Conspectus. In *Syntax and Semantics*. New York: Academic Press, vol. 6, 1–40. (In English).
18. Talmy, L. (1988). Force dynamics in language and cognition. In *Cognitive Science*, 12, 49–100. (In English).
19. Talmy, L. (1976). Semantic causative types. In *Syntax and semantics 6: the grammar of causative constructions*. New York: Academic Press, 43–116. (In English).

Поступила в редакцию 10.02.2026 г.

POLYPARADIGMATIC APPROACH TO COMPARATIVE STUDY OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS WITH LINK-VERBS

N.Y. Bessonov, E.V. Gordienko

This article deals with the results of the analysis of modern approaches to the study of causative constructions. It substantiates the possibility of integrating the methodological grounds of currently dominant linguistic paradigms, which offer a significant potential for solving versatile problems of semantic syntax. The suggested polyparadigmatic approach to the comparative study of causative constructions with link-verbs facilitates the identification of isomorphic and specific characteristics in the semantics and structure of such constructions in cognate and non-cognate languages. The integration of constructional grammar and cognitive grammar methods within the framework of the polyparadigmatic approach enables to establish similarities and differences in the mechanisms of representation in causative constructions of information related to the expression of cause-and-effect relationships, as well as the knowledge structuring procedures used by participants in the communicative process to form causative meaning. The integrated approach substantiated in this contribution makes it possible to identify universals concerning the relationship between the form, semantics, and function of causatives.

Key words: causative, causative construction, link-verb, constructional grammar, cognitive grammar, cognitive semantics, polyparadigmatic approach, semantic syntax.

Бессонов Никита Юрьевич.

Кандидат филологических наук.
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва.
Доцент Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации
Департамента языковой подготовки
Общеакадемического факультета.
Старший научный сотрудник научно-
исследовательской лаборатории
«Лингвобезопасность и психология
информационного воздействия».
ORCID 0000-0002-8383-8065.
E-mail: bessonov-ny@ranepa.ru.

Гордиенко Елена Витальевна.

Кандидат филологических наук.
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва.
Доцент Центра лингвистики
и профессиональной коммуникации
Департамента языковой подготовки
Общеакадемического факультета.
ORCID 0000-0002-7759-0518.
E-mail: gordienko-ev@ranepa.ru.

Bessonov Nikita Yurievich.

Candidate of Philology.
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow.

Associate Professor of the Centre for Linguistics and
Professional Communication for the Department of Foreign
Languages of the General Academic Faculty.

Senior Researcher of the Research Laboratory «Linguistic
Security and Psychology of Information Impact».

ORCID 0000-0002-8383-8065.

E-mail: bessonov-ny@ranepa.ru.

Gordienko Elena Vitalievna.

Candidate of Philology.
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow.

Associate Professor of the Centre for Linguistics and
Professional Communication for the Department of Foreign
Languages of the General Academic Faculty.

ORCID 0000-0002-7759-0518.

E-mail: gordienko-ev@ranepa.ru.

Научная статья

УДК 81.11; 81.24

DOI: 10.5281/zenodo.18825146

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ «ЗЕЛЁНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ»)

© 2026 Е.К. Рохлина¹, С.Л. Голубева²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения»

ORCID¹ 0000-0002-2564-6858

ORCID² 0009-0006-1926-5799

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Цель данной публикации — выявить особенности понятийного наполнения метафорического словосочетания «зелёная энергетика» и его использования в СМИ для продвижения строительства станций альтернативного получения электроэнергии. Актуальность исследования обусловлена не снижающимся освещением и продвижением в СМИ альтернативных форм получения электроэнергии в парадигме экологизации производства и борьбы с климатической катастрофой. Новизна заключается в комплексном подходе междисциплинарного характера, включающем сравнительно-сопоставительный анализ природоморфных метафор с компонентом «зелёный» в разных языках в определённых социокультурных контекстах. В данной работе проанализированы тренды на использование зелёного цвета в различных областях, включая моду, дизайн интерьера, искусство и технологии. Кроме того, сопоставлены ассоциации с прилагательным «зелёный/зелёная», зафиксированные в словарях, с данными об ассоциациях русскоговорящих респондентов с вышеуказанными прилагательными и словосочетанием «зелёная энергетика», полученными посредством анкетирования. Результаты, выявленные в ходе анализа данных опроса и экспертных интервью, подтверждают манипулятивный потенциал цветовой метафоры при продвижении определённых политико-социальных явлений, приносящих выгоду бизнес-структурам. Намечены перспективы дальнейшего исследования с применением фокус-групп для выработки стратегии противостояния манипуляциям, использующим природоморфные метафоры, и предложены способы совершенствования фиксации ассоциаций в словарях.

Ключевые слова: цветная метафора, метафорические ассоциации, манипулятивное воздействие, факторы изменения восприятия, зелёная энергетика

Для цитирования: Рохлина Е.К. Метафора как средство создания манипулятивных эффектов (на примере «зелёной энергетики») / Е.К. Рохлина, С.Л. Голубева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 117–131. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825146>.

Введение. Понятие «зелёная энергетика» можно рассматривать с онтологической, феноменологической и аксиологической точек зрения, учитывая крайне высокую ценность, точнее стоимость, как с точки зрения производства оборудования, так и с точки зрения стоимости для потребителей. Одна солнечная батарея обходится так дорого, что среднестатистическому гражданину придется взять кредит, чтобы её установить и обслуживать. Обозначающую данное явление метафору также можно рассматривать с позиций когнитивной лингвистики,

социолингвистики и психолингвистики [16], анализируя в диахронии (возникновение и наполнение смыслами) и в синхронии (частотность употребления, актуализированные смыслы в современном обществе). Помимо этого, природоморфные метафоры с компонентом «прилагательное, обозначающее цвет» представляют интерес и с точки зрения исследователей культуры. С исторической точки зрения, в развитии человеческой цивилизации зелёный цвет не был в числе трех базовых (чёрный, красный, белый) [13]. В этой связи, особенно интересно изучить средства популяризации «зелёной энергетики» и причины успешности продвижения положительной оценки в общественном сознании. Важно понимать, что мнение людей (народное мнение) нельзя отождествлять с общественным мнением (public opinion). У. Липпманн писал, что наше представление о мире часто является искаженным: оно может трансформироваться под влиянием личного опыта, навязываться нормами социальной группы, например, семьи, или намеренно подвергаться искажению социальным институтом, например, церковью и СМИ [21].

Теоретические предпосылки и задачи исследования. Функционирование метафор в современной лингвистике рассматривается с позиций когнитивной лингвистики, социальной лингвистики, а также в дискурсивных исследованиях. В контексте дискурсивных исследований рассматриваются прецедентные метафоры [9], концептуальные метафоры [5]. Мы фокусируем внимание на аксиологической роли метафоры как средства воздействия, не всегда распознаваемого целевой аудиторией. Прагматический аспект использования цветовых метафор для реализации тактик манипулирования представляется наиболее интересным в связи с его зависимостью от языковых и культурных особенностей. В последние годы, дискурсивные исследования смещены в сторону СМИ и политики, которые широко используют метафоры как тактическое средство [26], что служит обоснованием актуальности данной работы.

Исследовательские вопросы:

1. Какие факторы способствуют формированию отношения к социально значимому явлению, и как используются языковые средства для отображения образа этого явления?
2. Что входит в современное понятие «зелёная энергетика»?
3. Всегда ли природоморфная метафора с компонентом «зелёный» и понятие «зелёная энергетика» воспринимаются обычными людьми как нечто положительное?
4. Как воздействует метафора на отношение к явлению?
5. Каковы причины успешного влияния цветовой метафоры на восприятие целевой аудитории?

Методы и материал. Исследование опирается на следующие материалы: литература, отражающая психологические, лингвистические, экологические, экономические аспекты явления «зелёная энергетика»; данные анкетирования; ответы экспертов. Анкетирование было проведено посредством инструмента *Google forms*. В опросе был применен свободный ассоциативно-последовательный эксперимент: испытуемым было предложено сначала перечислить ассоциации с прилагательными *зелёный/зелёная*, далее со словосочетанием *зелёная энергетика* (без ограничения по времени и по количеству слов для указания ассоциаций), а затем объяснить, чем они вызваны.

В исследовательских экспертных интервью⁶ участвовали кандидат социологических наук, доцент СПбГУ Ольга Александровна Никифорова (социальная психология), доктор филологических наук, профессор СПбГУ Алексей Генриевич Минченков (когнитивная лингвистика).

Были применены следующие методы анализа: наблюдение (для выборки иллюстративного материала), сравнение (при анализе данных анкетирования и словарей), интерпретация (при анализе эмпирического материала).

Становление понятие «зелёная энергетика». Исследовательские вопросы 1 и 2.

Прежде всего, необходимо выяснить, почему альтернативную энергетику позиционируют как социально значимое явление. В ходе исследовательского экспертного интервью О.А. Никифорова подчеркнула, что социально значимым явлением является то, которое принимается или воспроизводится определенным сообществом. Она также отметила, что социально значимое явление всегда сконструировано, поэтому важно понимать, что конструирует эту значимость. Есть институты общества, которые формируют значимость любого явления. О.А. Никифорова ответила, что продвижение социально значимого явления и формирование общественного мнения о нем происходят под воздействием четырех факторов: институционального (законы), экономического (эффективность), социально-культурного (традиции), и коммуникационного (межличностное общение). На популяризацию социального феномена оказывает влияние и мода (тренды) на определенную форму поведения, имидж [4]. Авторы монографии «"Зелёная" энергетика: конституционно-правовое обеспечение баланса экологических и экономических интересов» рассматривают не только экономические, экологические, но и правовые аспекты данного феномена [23].

О.А. Никифорова раскрыла это положение: «Люди придают некое искусственное значение. Мода, она есть везде: и в экономике, и в политике. Сейчас модно быть в зелёном тренде. Люди могут не придавать экономического значения, но так модно, поэтому я так делаю».

Рисунок 1. Примеры пиар-кампаний филиала Газпромнефть-Аэро в Санкт-Петербурге и Металлоинвест [<https://scan-interfax.ru/blog/ekologicheskii-pr-na-primerah/> дата обращения: 03.04.2025]

⁶ Интервью были проведены с применением платформы Teams, обеспечивающей записи встречи в феврале 2025, транскрипт которой использован при написании статьи. Текст статьи был предоставлен экспертам для согласования, что исключает конфликт интересов.

С этой точки зрения следует отметить, что мода на зелёный цвет — это циклическое явление, отражающее как культурные сдвиги, так и экологические тенденции. Зелёный цвет, символизирующий природу, рост и гармонию, на протяжении истории человечества то вспыхивал на пике популярности, то отходил на второй план. За последние две декады, с 2010 г. мы наблюдаем постепенное возвращение зелёного в качестве ведущего цвета. Связано это, прежде всего, с растущим осознанием экологических проблем и стремлением к более стабильному образу жизни. Канадский дизайнер и режиссёр Дж. Дэй в своём исследовании цвета и формы использует словосочетание «зелёный дизайн» в качестве определения понятия «жизнеспособный, гармоничный» (sustainable). «Способный оставаться функциональным в течение длительного периода времени без истощения имеющихся материалов или природных ресурсов. Обычно отражает ценности энергосбережения, экологии и зелёного дизайна» [11, с. 116]. Кроме того, зелёный цвет оказывает успокаивающее и освежающее воздействие на психику, что особенно ценно в эпоху стресса и неопределенности. В 2017 г. институт цвета Pantone назвал Greenery цветом года, что стало мощным катализатором для его популяризации в дизайне и маркетинге. Этот яркий, желтовато-зелёный оттенок символизировал новое начало и связь с природой [21]. В последующие годы, мы наблюдали переход к более приглушенным, натуральным оттенкам зелёного, таким как оливковый, шалфейный и лесной зелёный, которые нашли широкое применение в дизайне интерьеров, стремящемся к созданию атмосферы спокойствия и уюта [22]. Параллельно с этим, технологический прогресс и развитие цифровой сферы привели к возникновению новых, неоновых и кислотных оттенков зелёного, которые стали ассоциироваться с инновациями и динамикой.

Согласно исследованиям компании WGSN (World Global Style Network), составляющей на основе ИИ прогнозы для индустрии моды и образа жизни, весна и лето 2026 потребуют «свержения старых идей и в способах управления обществом, отраслями промышленности и окружающей средой. Это выльется в палитру со смесью ярких цветов, олицетворяющих настойчивость, необычных оттенков, символизирующих природу и землю, и успокаивающих оттенков» [19; 45]. В трёх из пяти прогнозируемых цветов присутствуют оттенки зелёного и голубого: синий/зелёный (Transformative Teal), пастельный сине-серый (Blue Aura), и мятно-зелёный (Jelly Mint). Таким образом, тренды на зелёный цвет характеризуются своей многогранностью и отражают как социальные, так и технологические изменения в обществе.

Изначально использовалось понятие альтернативная энергетика, т.е. получение электроэнергии с использованием таких источников как сила ветра, солнечное излучение, вода («голубая энергетика» [27]); предполагается, что пополнение идет с большей скоростью, чем потребление [45].

В одном из интервью Рустем Кабжанов, генеральный директор ассоциации ESOJER, отметил: «Любая энергетика — это деньги» [33]. В целом, по данным Башкирской Генерирующей Компании, средняя себестоимость производства электроэнергии у альтернативных источников составляет 6,34 рублей за киловатт-час, тогда как на традиционных — всего 1,49 руб./кВт/ч [36]. В спекулятивных расчетах на 2030 г. компании и лоббирующие институты представляют цифры значительно ниже [31], при этом обращает на себя внимание большая дисперсия.

Таблица 1. Сравнение себестоимости производства электроэнергии по состоянию на 2024

Источники энергии и стоимость киловатт/час	США	Россия
Новые АЭС	\$ 0,029	6,5–9 руб.
Газовые ТЭС	\$ 0,65	2,5–3 руб.

Гидроэлектростанции	\$ 0,05	5–13 руб.
Ветряные установки	\$ 0,5	5,5–11 руб.
Солнечные батареи	\$2.94	7–21 руб.

Очевидно, что окупаемость затрат длительная, объемы производимой энергии меньше по сравнению с традиционными источниками, поэтому спрос на установки для ее получения среди потребителей невелик. Компании, конкурирующие между собой за рынок сбыта, должны убедить потребителей в том, что предлагаемые ими технологии экономически выгодны. Следовательно, чтобы заставить потребителей переходить на такую затратную для них энергию, ее надо позиционировать как исключительно полезную и жизнеспасающую. Для этой цели выбирают удобные средства манипулирования, например, метафору [5; 10; 15; 17].

Результаты и обсуждение.

Сравнительный анализ ассоциаций респондентов опроса и данных ассоциативных словарей. Исследовательский вопрос 3.

Далеко не всегда зелёный цвет вызывает ассоциации с чем-то полезным. Во многих культурах зелёный цвет имеет не только положительные (*зелёная улица*), но и отрицательные ассоциации: *тоска зелёная*, *зелёный змий*, *temps vert* (сырая дождливая погода), *être vert de froid* (посинеть от холода), *позеленеть от злости*. К последней идиоме во французском и английском языках есть аналогия с существительным «зависть»: *être vert de jalousie*, *be green with envy*.

Действительно у многих народов зелёный символизирует надежду, плодородие, чистоту, мир: *poumon vert d'une ville* (зелёное легкое города); *зелёный свет* (открытый путь, свобода действий); *green fingers/avoir la main verte* (умелый садовник). Как отмечает Е.В. Зеленина, для носителей немецкого и английского языка зелёный чаще всего ассоциируется с травой, листвой [11, с. 352], такие же ассоциации характерны и для носителей русского языка.

Согласно данным ассоциативных словарей наиболее частые ассоциации с прилагательным зелёный составляют существительные *цвет*, *лес*, *лист*, *светофор*, *огурец*, *крокодил*, *природа* (индекс от 80 до 8), а *энергия*, *Гринпис*, *свет* находятся на последних позициях [46; 38, с. 122].

Далее проанализируем данные анкетирования (пять основных вопросов)⁷. В опросе участвовали 85 человек разных возрастов, 14,1% лиц мужского пола и 85,9% лиц женского пола. Распределение по возрастным группам представлено на диаграмме.

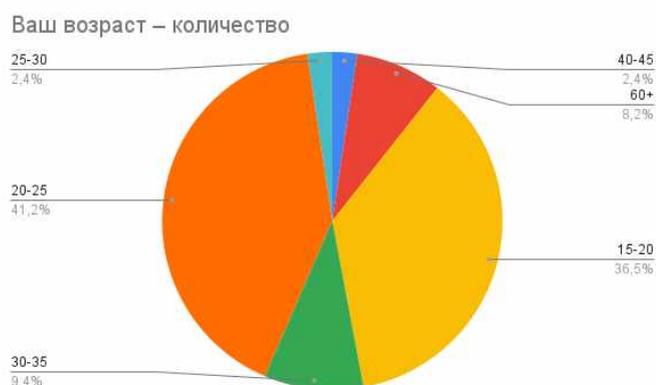

Рисунок 2. Возрастной показатель состава участников опроса

⁷Все примеры из анкет приводятся без редактирования. Форма анкеты доступна <https://clck.ru/3RgrkT>.

Подавляющее большинство составляют две возрастные группы: 15–20 лет и 20–25 лет, самые активные пользователи цифровых технологий.

Некоторые ассоциации, полученные в ходе анкетирования, совпадают с зафиксированными в словарях: *огурец, лист, лес*. Однако есть ряд новых, например, *несмелый, футболка, кислота, нежность, Миля, Ветка метро* с прилагательным *зелёная* и *забор, скучные, жук, кузнечик, бутылка советского шампанского, воздушный шар*⁸ с прилагательным *зелёный*. Вполне ожидаемо, некоторые респонденты указали негативные ассоциации с концептом [6; 12] ЗЕЛЁНЫЙ: «Плохая, большая, не такая как все, странная», «горькая», «тоска», «смерть», «Почему-то этот цвет ассоциируется с тошнотой».

Причины выбора метафоры «зелёная энергетика» и феномен популярности тренда. Исследовательские вопросы 4 и 5.

Прежде всего, следует выяснить, почему была выбрана метафора «зелёная энергетика», действительно ли она несет в себе суть, которая ассоциируется во многих языках и культурах с плодородием, спокойствием, миром.

Основной цвет чистого воздуха — прозрачный (бесцветный), воды, пригодной для питья — от прозрачного (бесцветного) до голубоватого оттенка. Если вода поражена болезнетворными организмами и примесями, в которых развиваются водоросли, она приобретает зелёный цвет (ненормальный, нездоровый). С точки зрения биологов и санитарных врачей, зелёная вода опасна для здоровья. Как отмечают эксперты, в соответствии с санитарными нормами бутилированная питьевая вода должна быть свободна от видимых невооружённым глазом примесей [29].

Земля получила метафорическое название «голубая планета», а не «зелёная планета», поскольку объем водных пространств (голубой и синий цвета) значительно превышает объем зелёных лесных масс. В настоящее время наблюдается тренд на увеличение посадок, и стремление превратить землю в «зелёную планету». На самом деле эффективность этих мероприятий недостаточно высока, чтобы перекрыть рост выбросов углекислого газа: вырубаются гектары леса, при этом новые посадки в соответствии с законом №212-ФЗ, начиная с 1 января 2019 г., могут произвести только через год после уничтожения зелёного массива. Молодые деревья не могут компенсировать эффективность вырубленного леса по фильтрации воздуха. Отметим, что гидроэлектростанции, которые относятся к возобновляемым ресурсам и «зелёной энергетике», оказывают пагубное влияние на прибрежные экосистемы, снижая объём плодородных угодий.

СМИ активно пропагандируют развитие «зелёной энергетике», однако побочные эффекты и вредное воздействие альтернативных источников электроэнергии (на этапе их производства, использования и утилизации) зачастую замалчивается, или вуалируется. Зеркальная тактика манипулирования используется при выдвигании отрицательных аспектов ядерной энергетике и «невероятной» скорости приближения климатической катастрофы [18; 21]. Авторы книги *The False Promise of Green Energy* замечают: «[S]elective technological optimism in the green jobs literature is so omnipresent that there is almost no bad news anywhere except related to fossil fuels» [17, с. 97] («Избирательный оптимизм в литературе о зелёном бизнесе настолько вездесущ, что кажется нет никаких плохих новостей, кроме тех, что касаются ископаемого топлива») (перевод авторов)). Для решения экономических вопросов применяются политические инструменты: «В высказываниях политических деятелей и журналистов узкоспециализированные термины

⁸ Это свидетельствует об изменчивости в диахронии наполнения значения прилагательного *зелёный* и ассоциаций, связанных с ним.

получают надлежащую адаптацию к уровню восприятия реципиентов и интерпретацию» [1, с. 11]. При этом, большинство читателей не подвергают детальному анализу информацию, не проверяют данные, наличие альтернативных позиций и не проводят сравнительный анализ. Также неявные различия между зелёной (green), возобновляемой (renewable) и чистой (clean) формами энергетики могут вводить в заблуждение рядового читателя, облегчая манипулирование. Возобновляемые источники не всегда чисты и благоприятны для локальной экосистемы, а к чистым видам относятся и атомные станции, т.к. не производят парниковых газов. В настоящее время международные организации разрабатывают модели перехода на более безопасные (и не дорогие по сравнению в ВИЭ [39]) в обслуживании атомные электростанции [37; 42].

Международная организация Climate Intelligence опубликовала отчет [48], составленный Global Climate Intelligence Group (в составе рабочей группы Нобелевские лауреаты Джон Клаузер и Айвар Джайевер) об отсутствии климатической катастрофы. Отчет основан на мета-анализе публикаций, отражающих результаты исследований с применением климатических моделей, и отмечает серьезные недостатки данного метода. Кроме того, отмечается, что CO₂ является необходимым для нормальной жизни всей флоры на планете [39].

На вопрос анкеты «Что Вы знаете о зелёной энергетике?» 23 человека ответили «ничего», «впервые слышу», «не слишком много», т.е. в среднем 27% не имеют чёткого представления о сути явления. Делать широкие обобщения преждевременно в связи с небольшим объёмом выборки, тем не менее прослеживаются некоторые корреляции: в группах 15–20 и 20–25 лет позитивные ассоциации связаны с инновациями, например, «солнечные батареи», «ветряки»; в группе 30–45 положительные ассоциации связаны с безопасностью, например, «безвредная для окружающей среды»; во всех возрастных группах встречается ассоциация с экологией. Приведем скептические мнения, которые представлены в нескольких группах: (30–35) «Подменные понятия, обман. Жертва одних ресурсов в обмен на бесполезную зелёную энергетику», «Что это маркетинговый слоган раздела энергетики, которая в обществе принято считать более экологичной», (15–20) «Энергетика, которая позиционируется как «безопасная для окружающей среды», не всегда является таковой», (20–25) «С солнцем зелёного цвета».

На вопрос «Поясните Ваши ассоциации, указанные в предыдущем вопросе. Чем они вызваны?» ряд респондентов отметили влияние разных видов воздействия на так называемое общественное мнение: «Ветряная мельница — самый заметный агрегат, вырабатывающий энергию, бросается в глаза, поэтому первая мысль. Корпорации активно продвигают зелёную энергетику, много инфо-материалов и рекламы, в том числе все обычно используют одни и те же картинки: большое зелёное поле, чистое небо и много ветряных мельниц.»; «Государственное и рекламное продвижение»; «образом корпораций и масс-медиа»; «Стереотипами, которые сформировали медиа и массовая культура». Эти данные подтверждают высказанные О.А. Никифоровой положения о том, что культурные традиции и пропаганда являются значимыми факторами в создании стереотипированных образов социально-значимых явлений.

При этом, отметим индивидуальные ассоциации некоторых участников опроса, которые прослеживаются во всех их ответах: 1) «Ветка метро»; 2) «Ветряк. Солнечные панели. ¿Энергия атома?», «Не все считают, что атомная энергетика является по-настоящему зелёной, ведь отработанный уран необходимо переработать, попутно заразив окружающую среду»; 3) «Кнопка, крышка», «Что-то связанное с вырубкой деревьев и их использование для добычи энергии». В целом можно сделать вывод о том, что личное мнение может совпадать либо с общественным, либо с народным

(сформированным, иногда как противостояние навязываемому общественному мнению). Для определения их процентного соотношения данные нашей выборки недостаточны.

Чем обосновано название «зелёная энергетика» с точки зрения когнитивной лингвистики и социальной психологии? Чем обусловлена популярность тренда? Метафора как средство манипулятивного воздействия рассматривалась отечественными и зарубежными исследователями в таких областях как лингвистика, маркетинг, массовые коммуникации [5; 8; 18; 20]. Метафоры с прилагательными, обозначающими цвет, имеют сильный потенциал: цветовая символика имеет древнюю историю, она легко может воздействовать на эмоции. Следствием является целенаправленное использование «цветовой метафоры» [2, с. 3].

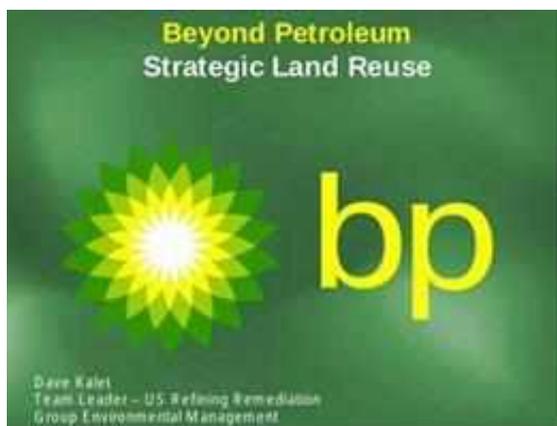
Наполнение идиоматических выражений не является статичным, цветовые метафоры в диахронии также подвержены изменчивости. В целом, теория цвета была заложена в XVII веке на базе теории И. Ньютона и включала основные цвета спектра [3, с. 114]. Формирование концептуального значения выражений с прилагательным *зелёный* особенно интересно в связи с тем, что мода на зелёный цвет зародилась относительно недавно с точки зрения развития современной человеческой цивилизации: *GREEN WALKS*, *GREEN CITIES* упоминаются в британских и американских источниках примерно с конца XVIII века [42], когда в городах стали использовать системы питьевой воды, отопление углем и автомобильный транспорт. По мнению А.Г. Минченкова, когда в английском языке зародилась метафора *green cities*, она легла на благодатную почву, поскольку в связи с индустриальной революцией на севере и в центральной Англии пострадали зелёные пространства и аристократические особняки. По мере дальнейшего роста загрязнения эта метафора сохранялась и передавалась в памяти поколений, что в определенной степени объясняет силу ее воздействия.

А.Г. Минченков согласился с предположением авторов о том, что *зелёная энергетика*, вероятно, является калькой с английского. Он также подчеркнул, что концепты *GREEN* и *ЗЕЛЁНЫЙ* имеют разное содержание, их нельзя полностью отождествлять. Культурный фактор (традиции) стационарен по сравнению с институциональным, с модными трендами. О.А. Никифорова отметила, что «он закрепощен историческим контекстом и языком тоже. Мы не можем сравнивать молодое поколение наше и американское. Ведь язык сквозной, нынешнее поколение воспитано предыдущим, тут нормы языка и метафоры очень сильно держат. Это то, что передается, и это формирует сознание».

Выдвижение определенного компонента значения прилагательного *зелёный*, весьма расширившегося за последние десятилетия [15], является весьма типичной стратегией манипулирования. В экспертном интервью А.Г. Минченков пояснил, что метафора, по сути, представляет собой навязывание определенной интерпретации объектов картины мира, некое авторское видение. А.Г. Минченков далее раскрыл эту идею: автор сегодняшнего дня (автор определенного смыслового наполнения) использует метафору для выгодной интерпретации среза действительности, которая позволяет актуализировать те или иные признаки благодаря выдвижению конкретных компонентов значения.

Крупные производители зелёной энергетики вкладывают средства в дорогостоящие рекламные ролики, по этой причине большинство примеров из СМИ, продвигающие положительный образ «зелёной энергетики», как правило, представляют собой креолизованные тексты, в подавляющем большинстве — видеоролики, часто использующие образы, апеллирующие к эмоциональному интеллекту [7]. Рассмотрим наиболее интересные из них, явно демонстрирующие, как метафора используется

оппозиционными отраслями энергетики, например, «зелёный» имидж нефтяных компаний. В 2000-е нефтяная компания BP (British Petroleum) запустила масштабную рекламную кампанию с лозунгом «Beyond Petroleum» («Помимо нефти»), позиционируя себя как лидера в переходе на «зелёную» возобновляемую энергию. Однако в реальности основная деятельность BP оставалась связанной с ископаемым топливом и повлекла за собой техногенную катастрофу Deepwater Horizon в 2010 г.

Рисунок 3. Реклама компании British Petroleum [[https://yandex.ru/images/search?text=-%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F+BP+%C2%ABBeyond+Petroleum%C2%BB+\(2000-%D0%B5\)](https://yandex.ru/images/search?text=-%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F+BP+%C2%ABBeyond+Petroleum%C2%BB+(2000-%D0%B5))]

В начале 2020 компании «Газпром» и «Росатом» подготовили план развития, согласно которому, «Водород должен стать одной из “зелёных” альтернатив нефти и газу». Они активно продвигают водород как «экологичное топливо будущего», хотя его производство (из метана) часто требует больше энергии, чем даёт, а основная цель — сохранить рынок сбыта для природного газа [27].

Vestas, один из крупнейших производителей ветряных турбин, на своем сайте в разделе Media расположил блог и ссылку на социальные сети, используя их для привлечения потенциальных потребителей [44]. В видеоролике 2023 г. фермеры называют цифры себестоимости и сравнивают налоги на земли, где установлены ветряные турбины, с теми, где используются традиционные источники энергии, т. е. государство субсидирует «зелёную энергетику» за счет налогоплательщиков. В видеоролике 2025 г. речь идет о взаимодействии инженеров и фермеров при создании турбин: с целью сохранения влажных плодородных земель был создан уникальный проект с самыми высокими наземными турбинами. При этом инженеры отмечают, что не везде и не всегда можно и нужно устанавливать ветряные фермы.

Ни в одном из примеров не говорится ни о стоимости производства самих устройств, ни о том, какова доля бюджета семьи при фактической оплате для не субсидируемого потребителя на текущий момент [34]. В отчетах и рекламных кампаниях 2020–2021 гг. акцентируется усовершенствование производимых агрегатов и прогнозируемое снижение стоимости за киловатт на 2025–2030 гг. Обещания, данные компанией Siemens в 2020 г., остались нереализованными к 2025 г. Кроме того, умалчиваются негативные аспекты: например, маленькие ветряные мельницы издают сильный шум из-за высокой скорости вращения турбин, они создают помехи приема программ радио и телевидения, инфразвуковой шум может отрицательно воздействовать на организм человека и животных.

Вышеприведённые примеры подтверждают, что метафора «зелёной энергетики» часто используется для: зелёной промывки мозгов (экологичного камуфляжа бизнеса);

политического популизма (подмена реальных решений); дискредитации ВИЭ, если они угрожают традиционной энергетике; завуалирования побочных эффектов ВИЭ. Критический анализ источников и фактов помогает избежать манипуляций.

При обсуждении вопроса о популярности тренда на «зелёную энергетику» А.Г. Минченков высказал свои соображения относительно истории возникновения концепта *GREEN CITIES*. Он отметил, что ассоциация зелёного цвета с приходом весны и возрождением, обновлением природы, вероятно, позволила провести параллель с возобновляемыми источниками энергии. А.Г. Минченков подчеркнул: «Метафора отличается тем, что она часто не проникает в суть явления. Она может отражать какие-то поверхностные, второстепенные признаки. Определённые социальные группы [коммерсанты, СМИ, правительственные группы] через то, что они профилируют, концентрируясь на второстепенных признаках, навязывают выгодное для себя представление о явлении. У концепта *ЗЕЛЁНЫЙ* ключевой признак репрезентирует цвет определенной части спектра, определенной длины волн, а остальные признаки второстепенны. Если обычно, при употреблении единицы в речи, актуализация тех или иных признаков, составляющих значение единицы, происходит, подчиняясь законам контекстуальной актуализации, то при использовании единицы как метафоры субъект выбирает признак достаточно субъективно». При обсуждении вопроса о воздействующем потенциале цветовой метафоры (сроке ее эффективности), А.Г. Минченков ответил, что люди перестают реагировать, или начинают отторгать навязанный положительный образ, когда есть негативные последствия субъективной интерпретации, заложенной в метафоре, т.е. метафора перестает работать, «вести за собой умы». Он высказал гипотезу, что снова обмануть людей, заменив метафору, взяв другую характеристику у какого-то другого концепта, но при этом наложить на ту же когнитивную область, будет уже гораздо сложнее. Тем не менее, метафора, особенно «стертая метафора», как отметил А.Г. Минченков, обладает значимым потенциалом для создания манипулятивных эффектов.

О.А. Никифорова, отвечая на вопрос об эффективности цветовой метафоры, высказала предположение о вероятной связи с типом восприятия: визуалов больше, на них легче воздействовать цветом и цветовой метафорой, соответственно. По мнению А.Г. Минченкова, есть основания предположить, что цветковая метафора будет иметь большую степень воздействия по сравнению с метафорами, основанными на других признаках (форма, размер, степень плотности, степень подвижности и др.), поскольку носители определенного языка скорее достигнут согласия относительно цвета, чем других параметров. Данные положения проясняют причины популярности тренда на «зелёную энергетику».

Заключение.

Ограничения исследования. К ограничениям исследования следует отнести ограниченную доступную выборку: жители Москвы, Новгорода и Санкт-Петербурга (включая иногородних студентов, проживающих в городе), люди с не оконченным или оконченным высшим образованием, пользующиеся цифровыми медиа (электронные СМИ, социальные медиаплатформы). Логично предположить, что в регионах [28], где немногим более 50% домохозяйств имеют компьютерную технику, а также в некоторых областях, где доступ к Интернет-ресурсам ограничен [40], уровень воздействия пропаганды «зелёных идей» и устрашения последствиями использования традиционных форм энергии [23] значительно ниже, результаты опроса будут отличаться от полученных в данном исследовании.

Несмотря на указанные выше ограничения, проведённое исследование подтвердило, что метафорическое словосочетание «зелёная энергетика» является мощным инструментом концептуального наполнения и манипулятивного воздействия в медиа-дискурсе. Анализ выявил диссонанс между устойчивыми словарными ассоциациями цвета («природа», «жизнь») и его актуальным прагматическим использованием для продвижения конкретных технологических и бизнес-решений.

Установлено, что природоморфная цветовая метафора, опираясь на положительные коннотации, служит эффективным средством формирования общественного мнения в пользу строительства объектов альтернативной энергетики. Эта стратегия позволяет маскировать экономические и политические интересы за экологическими ценностями, что особенно заметно при сравнительном анализе в межкультурном контексте.

Перспективы исследования. Выбранную нами методику анализа можно применять при изучении манипулятивных эффектов, достигаемых при помощи цветowych природоморфных метафор. Для корректного отражения в печатных словарях современного состояния ассоциаций можно рекомендовать использование более широких выборок и усовершенствование методик проведения ассоциативных экспериментов (они должны быть свободными, не ограниченными по времени и количеству слов, которые респонденты могут привести в качестве ассоциаций), переход с бумажных на электронные формы с использованием программ ИИ, гибко и эффективно работающих на массиве текстовых данных.

Помимо вышеуказанных направлений дальнейшей работы отметим необходимость проведения исследования с применением методов психолингвистики на фокус-группах с целью выявления триггеров, эксплицирующих «нужные» реакции на контексты с метафорой «зелёная энергетика». Совокупность данных позволит разработать рекомендации по противодействию манипуляциям для носителей языка, являющихся целевой аудиторией лобби-групп и СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдони́на М.Ю. Экологические термины во французском политическом дискурсе / М.Ю. Авдони́на, Н.И. Жабо, И.Б. Чернышева, Е.Н. Кривошеева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Общественные науки». — 2016. — № 17 (756). — С. 9–17.
2. Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика / Б.А. Базыма. — М.: Речь, 2005. — 203 с.
3. Воевода Е.В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках / Е.В. Воевода // Науч. вестник ВГАСУ. — 2012. — №2. — С. 113–123.
4. Гавра Д.П. Спортивная индустрия в контексте стратегических коммуникаций: базовые характеристики / Д.П. Гавра, Е.В. Быкова // Российская школа связей с общественностью. — 2017. — № 9. — С. 26–34.
5. Герасимова А.П. Когнитивная метафора как способ манипулятивного воздействия (на примере парфюмерного дискурса) / А.П. Герасимова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2025. — № 3. — С. 59–66. — DOI 10.28995/2686-7249-2025-3-59-66.
6. Го Цинцзян. Концепт ЗЕЛЁНЫЙ в русской наивной картине мира на фоне китайской / Цинцзян Го // Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. — 2008. — №2. — С. 46–49.
7. Голубева С.Л. Инструменты воздействия в рекламных текстах: на примере товаров для животных и социально-экологических проблем / С.Л. Голубева, Е.К. Рохлина // Язык и культура в глобальном мире. Вып.3. Лема. — 2024. — С. 172–183.
8. Долгова Е.В. Манипулятивный потенциал метафор в медийном дискурсе / Е.В. Долгова, Т.А. Кудинова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2024. — № 6 (123). — С. 46–58.
9. Заботкина В.И. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект / В.И. Заботкина, М.Н. Коннова // Новый филологический вестник. — 2022. — № 3(62). — С. 367–382. — DOI 10.54770/20729316-2022-3-367.

10. Зарипов Р.И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе / Р.И. Зарипов // Russian Journal of Linguistics. — 2014. — №2. — С. 145–158.
11. Зеленина Е.В. Фразеологические единицы с компонентом «зеленый цвет» английского и немецкого языков и их отражение в языковой картине мира / Е.В. Зеленина // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. — 2010. — Вып.1. — С. 351–359.
12. Лопсан А.П. Лексико-семантический анализ концепта «ЗЕЛЁНЫЙ» в английском и русском языках / А.П. Лопсан // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Сб. науч. трудов по итогам международной научно-практ. конференции. Инновационный центр развития образования и науки. — 2014. — С. 55–58.
13. Тэрнер В.М. Символ и ритуал / В.М. Тэрнер. — М. : Наука, 1983. — 277 с.
14. Day J. Line Color Form: The Language of Art and Design. Allworth Press / J. Day. — NY, 2013. — 116 p.
15. Durmuş Şenyapar N.H. Unveiling Greenwashing Strategies: A Comprehensive Analysis of Impacts on Consumer Trust and Environmental Sustainability / N.H. Durmuş Şenyapar // Journal of Energy Systems. — 2024. — Vol. 8, No. 3. — P. 164–181. — DOI: 10.30521/jes.1436875.
16. Elliot A.J. Color and Psychological Functioning: A Review of Theoretical and Empirical Work / A.J. Elliot // Frontiers in Psychology. — 2015. — Vol. 6. — Art. 368. — DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00368.
17. Goatly A. Washing the Brain: Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. — Amsterdam: John Benjamins, 2007. — 431 p.
18. Jamet D. What Makes Metaphors Manipulative Tools? / D. Jamet, A. Terry // ELAD-SILDA. — 2020. — Vol. 5. — P. 1–42. — Режим доступа: <https://univ-lyon3.hal.science/hal-03173022> (дата обращения: 05.09.2024).
19. Julienne Fl. These Are the Colors for SS26 According to WGSN / Fl. Julienne. — 20.06.2024. — Режим доступа: <https://fashionunited.com/news/fashion/these-are-the-colors-for-ss26-according-to> (дата обращения: 02.09.2024).
20. Li Lan. Greenspeak: A Corpus-Based Comparative Study on the Word «Green» and Environmentalism / Lan Li, Meng Ye // Linguistics and Human Sciences. — 2016. — Vol. 13, No. 3: Special Issue: Free Linguistics Proceedings. — DOI: 10.1558/lhs.19202.
21. Lippmann W. Public Opinion / W. Lippmann. — New York: Macmillan, 1922.
22. Meiners R.E. The False Promise of Green Energy / R.E. Meiners, A. Morriss, W.T. Bogart, A. Dorchak. — Washington, D.C.: Cato Institute, 2011. — 289 p.
23. Palfreman J. A Tale of Two Fears: Exploring Media Depictions of Nuclear Power and Global Warming / J. Palfreman // Review of Policy Research. — 2006. — Vol. 23, Iss. 1. — DOI: 10.1111/j.1541-1338.2006.00184.x.
24. Pantone Names Greenery as 2017 Colour of the Year. — Режим доступа: <https://www.designweek.co.uk/issues/5-11-december-2016/pantone-names-greenery-2017-colour-year/> (дата обращения: 02.09.2024).
25. Sherwin-Williams Color of the Year 2020. — Режим доступа: <https://www.sherwin-williams.com/en-us/color/color-of-the-year/2020> (дата обращения: 02.12.2024).
26. Urakova H.A. Metaphorical Use of Color in Political and Media Discourse: Evidence from English and Uzbek / H.A. Urakova // European International Journal of Philological Sciences. — 2025. — Vol. 5, No. 06. — P. 52–55. — DOI: 10.55640/eijps-05-06-16.
27. Wright A.J. How ‘Blue’ is ‘Green’ Energy? / A.J. Wright, C. Araújo-Wang, J.Y. Wang, P.S. Ross, J. Tougaard, R. Winkler, M.C. Márquez, F.C. Robertson, K.F. Williams, R.R. Reeves // Trends in Ecology & Evolution. — 2020. — Vol. 35, Iss. 3. — P. 235–244.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

28. В Росстате назвали регионы, больше половины жителей которых не имеют компьютеров. Дербенд. 2023-02-10 — Режим доступа: <https://dербенд.ru/2023/02/10/v-rosstate-nazvali-regiony-bolshe-poloviny-zhitelej-kotoryh-ne-imeyut-kompyuterov/> (дата обращения 02.09.2024)
29. ГОСТ 32220-2013. — Режим доступа: <https://www.voda-ural.ru/images/docs/gost.pdf> / (дата обращения 02.09.2024)
30. Задера С. Возобновляемые источники энергии не так безвредны для природы, как про них думают / С. Задера, С. Тихонов // Российская газета. №8928. 11.12.2022. — Режим доступа: https://rg.ru/2022/12/11/pro-energiu-nachistotu.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения 02.09.2024)
31. Зеленая энергетика — Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/energoresursy-toplivo/698221-zelenaya-energetika/> (дата обращения 02.11.2024)

32. «Зеленая» энергетика: конституционно-правовое обеспечение баланса экологических и экономических интересов / В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова, Н.Н. Аверьянова [и др.]. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. — 160 с.
33. Зеленая энергетика — это не про экологию, а про деньги — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Rh02GtPV1wQ> (дата обращения: 10.11.2024)
34. Зелендинова В. Зелёная энергетика. Дорогая и обременительная авантюра / В. Зелендинова //Октагон. 23.02.2021.
35. Зеленый переход на Западе зашел в тупик // Известия. — 30 января 2025. (дата обращения: 31.01.2025)
36. Исследование: Нужна ли Башкирии альтернативная энергетика? — Режим доступа: <https://ufa.plus.rbc.ru/news/5a9ccda07a8aa907a1395653> (дата обращения: 07.11.2024)
37. РБК-ТВ — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/22/07/2020/5f1565589a794712b40faedf> (дата обращения: 31.01.2025).
38. Уфимцева Н.В. Славянский ассоциативный словарь / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасов. — М., 2004. — 800 с.
39. Хохлов А. Возобновляемые источники энергии: новая революция или очередной пузырь? / А. Хохлов. — Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/343591-vozobnovlyаемые-istochniki-energii-novaya-revoljuciya-ili-ocherednoy-puzyr> (дата обращения: 31.01.2025)
40. Циолковский К.Э. Растение будущего. Животное Космоса. Самозарождение / К.Э. Циолковский. — Калуга, 1929. — 32 с.
41. Школьники в 304 деревнях Псковской области остаются без интернета в 2023 году. — Режим доступа: <https://www.mk-pskov.ru/social/2023/11/22/shkolniki-v-304-derevnyakh-pskovskoy-oblasti-ostayutsya-bez-interneta-v-2023-godu.html?ysclid=m6i5kb6zuy907632109> (дата обращения: 07.11.2024)
42. A Brief History of Urban Green Spaces 2015. — Режим доступа: <https://urbanrambles.org/background/a-brief-history-of-rus-in-urbe-1307> (дата обращения 03.11.2024)
43. Atuhaire E. Nuclear Energy in the Clean Energy Transition. 24 January 2025. — Режим доступа: <https://www.iaea.org/newscenter/news/nuclear-energy-in-the-clean-energy-transition> (дата обращения: 31.01.2025)
44. Vestas — Режим доступа: <https://www.vestas.com/en/media/social-media> (дата обращения: 31.01.2025)
45. WGSN — Режим доступа: <https://www.wgsn.com/en> (дата обращения: 31.01.2025)
46. What Is Green Power? — Режим доступа: <https://www.epa.gov/green-power-markets/what-green-power> (дата обращения 02.09.2024)
47. Word Associations Network — Режим доступа: <https://wordassociations.net/en/words-associated-with/GREEN> (дата обращения: 02.09.2024)
48. World Climate Declaration. There is no climate emergency. 23 January 2025. — 63 p.

REFERENCES

1. Avdonina M.Yu., Zhabo N.I., Chernysheva I.B., Krivosheeva E.N. (2016) Ekologicheskie terminy vo francuzskom politicheskom diskurse [Ecological terms in French political discourse]. Vestnik of Moscow State Linguistic University. № 17 (756), 9–17. (In Russian)
2. Bazыma B.A. (2005) Psihologiya cveta: Teoriya i praktika [Psychology of Colour: Theory and Practice]. Moscow: Rech. (In Russian)
3. Voevoda E.V. (2012) Tsvetovospriyatіe і assotsiativnyе polya v russkom і anglijskom yazykakh [Colour perception and associative fields in the Russian and English languages]. Scientific Vestnik VGASU, 2, 113–123. (In Russian)
4. Gavra D.P., Bykova E.V. (2017) [Sports Industries in the Context of Strategic Communications: Basic Characteristics]. Russian School of Public Relations. № 9, 26–34. (In Russian)
5. Gerasimova A.P. (2025) Cognitive metaphor as a method of manipulative influence (by the example of perfumery discourse). RSUH Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no.3, 59–66. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2025-3-59-66> (In Russian)
6. Guo Qingjiang. (2008) Kontsept ZELYONYJ v russkoj naivnoj kartine mira na fone kitajskoj [The concept of GREEN in the naive Russian worldview against the background of the Chinese]. Vesnik Belaruskaga dzyarzhajnaga ўniversiteta. Seryya 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika, №2, 46–49. (In Russian)
7. Golubeva S.L., Rokhlina E.K. (2024). Persuasion tools in advertizing texts: the sample of pet care industry and socio-environmental problems. Yazyk і kul'tura v global'nom mire, Vyp.3, 172-183. St. Petersburg: Lema. (In Russian)
8. Dolgova E.V., Kudina T.A. (2024) [Manipulative potential of metaphor in media discourse]. Cherepovets State University Bulletin. № 6 (123), 46–58. (In Russian)
9. Zabotkina V.I. (2022) Precedentnye metafory kak instrument yazykovoj manipulyacii v anglo-amerikanskom mediadiskurse: aksiologicheskij aspekt [Conventional metaphors as a Manipulative tool in British and

- American Media: Axiological perspective]. The New Philological Bulletin, 3(62), 367–382. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-3-367> (In Russian)
10. Zaripov R.I. (2014) Osobennosti metaforicheskogo manipulyativnogo vozdejstviya v politicheskom diskurse [Manipulation impact through metaphors in political discourse]. Russian Journal of Linguistics, 2, 145–158. (In Russian)
  11. Zelenina E.V. (2010) Frazeologicheskie edinicy s komponentom «zelenyj cvet» anglijskogo i nemeckogo yazykov i ih otrazhenie v yazykovoj kartine mira [Phraseological units with the component ‘green colour’ of English and German languages and their reflection in the linguistic picture of the world]. Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo un-ta. Humanities, 1, 351–359. (In Russian)
  12. Lopsan A.P. (2014). Leksiko-semanticheskiy analiz kontsepta «ZELENYI» v angliyskom i russkom yazykakh [Lexico-semantic analysis of the concept «GREEN» in English and Russian]. *Perspektivy razvitiya sovremennykh gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Prospects for the development of modern humanities: collection of scientific papers following the international scientific and practical conference] (pp. 55–58). Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki. (In Russian)
  13. Turner W. (1983) Symbol and Ritual. M. (In Russian)
  14. Day J. (2013) Line Color Form: The Language of Art and Design. Allworth Press. NY, 2013. P. 116. (In English)
  15. Durmuş Şenyapar N.H. (2024) Unveiling Greenwashing Strategies: A Comprehensive Analysis of Impacts on Consumer Trust and Environmental Sustainability. Journal of Energy Systems., 8(3), 164–181. (In English)
  16. Elliot A.J. (2015) Color and psychological functioning: A review of theoretical and empirical work. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6:368. (In English)
  17. Goatly A. (2007) Washing the Brain. Metaphor and Hidden Ideology. Amsterdam: John Benjamins. (In English)
  18. Jamet D., Terry A. (2020) What Makes Metaphors Manipulative Tools? ELAD-SILDA, 5 (In English)
  19. Julienne Fl. (2024) These are the colors for SS26 according to WGSN 20.06.2024 (In English)
  20. Lan Li, Meng Ye (2016) Greenspeak: A corpus-based comparative study on the word 'Green' and environmentalism. *Linguistics and Human Sciences*, Vol. 13 No. 3, Special Issue: Free Linguistics Proceedings. (In English)
  21. Lippmann W. (1922) Public Opinion. New York: Macmillan. (In English)
  22. Meiners R.E., Morriss A., Bogart W.T., Dorchak A. (2011) The False Promise of Green Energy. Washington, D.C.: Cato Institute. 289 p. (In English)
  23. Palfreman J.A (2006) Tale of Two Fears: Exploring Media Depictions of Nuclear Power and Global Warming. *Review of Policy Research*. Vol. 23, Iss. 1. (In English)
  24. Pantone Names Greenery as 2017 Colour of the Year (In English)
  25. Sherwin-Williams (2020) Color of the Year (In English)
  26. Urakova H.A. (2025). Metaphorical Use Of Color in Political and Media Discourse: Evidence from English and Uzbek. *European International Journal of Philological Sciences*, 5(06), 52–55. <https://doi.org/10.55640/eijps-05-06-16> (In English)
  27. Wright A.J., Araújo-Wang C., Wang J.Y., Ross P. S., Tougaard J., Winkler R., Márquez M.C., Robertson F. C., Williams K. F., Reeves R. R. (2020) How ‘Blue’ is ‘Green’ Energy? *Trends in Ecology & Evolution*, Vol. 35, Iss. 3, 235–244 (In English)

Поступила в редакцию 17.01.2026 г.

MANIPULATIVE POTENTIAL OF METAPHOR (ON EXAMPLE OF “GREEN ENERGY”)

E.K. Rohlina, S.L. Golubeva

The purpose of the paper is to identify peculiarities in the conceptual content and the use of the metaphor “green energy”, as employed by the media to promote the construction of alternative energy plants. The media coverage and promotion of alternative forms of generating energy in the paradigm of eco-production and combating climate catastrophe underpin the relevance of the study. The present study incorporates an interdisciplinary approach, implementing a comparative analysis of naturomorphic metaphors with the component *green* used in specific socio-cultural contexts across different languages. This approach serves to enhance the novelty of the study. In addition, the associations with the adjective *green* (in both masculine and feminine forms) recorded in dictionaries are compared with the data received in the survey on the associations of Russian-speaking respondents. The results of the analysis of survey data and expert interviews illustrate the manipulative potential of colour metaphors to promote specific political and social phenomena that are beneficial to businesses. The

authors' perspective for future research is to implement focus group methods to develop strategies to resist metaphorical manipulation. In addition, the proposal entails a modification to the manner, in which associations are documented and exhibited within lexicons.

Key words: colour metaphor, metaphoric associations, manipulation, green energy, perception changing factors.

Рохлина Елена Константиновна.

Кандидат филологических наук.

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.

Доцент кафедры английского языка в сфере журналистики, филологии и искусств.

ORCID 0000-0002-2564-6858.

E-mail: e.rohlina@spbu.ru.

Голубева Светлана Леонидовна.

Кандидат философских наук.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.

Доцент кафедры иностранных языков.

ORCID 0009-0006-1926-5799.

E-mail: lynx.sl@list.ru.

Rokhlina Elena Konstantinovna.

Candidate of Philology.

Saint Petersburg State University,
Russian Federation, Saint Petersburg.

Associate Professor of Department of English for Journalism, Philology and Arts.

ORCID 0000-0002-2564-6858.

E-mail: e.rohlina@spbu.ru.

Golubeva Svetlana Leonidovna.

Candidate of Philosophy.

St. Petersburg State University of Film and Television, Russian Federation, Saint Petersburg.

Associate Professor of Department of Foreign Languages.

ORCID 0009-0006-1926-5799.

e-mail: lynx.sl@list.ru.

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.18825281

ПОНЯТИЕ АББРЕВИАТУРНО-КВАЗИАББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ (НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ «ЕВРО»)⁹

© 2026 К.Ю. Емельянова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0002-3247-4724

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе раскрывается понятие «аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы», под которой понимается совокупность гнезд эквивалентности аббревиатур и квазиаббревиатур, имеющих тождественный абброконструкт. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения типологии аббревиатурных групп, настроенной на констатацию диахронного и синхронного статусов входящих в них сложносокращённых слов. В исследовании использовались метод наблюдения, метод обобщения, а также методики диахронного анализа аббревиатур: хронологическая, количественная, семантическая интерпретационная. Источником фактического материала стала база данных аббревиатурных словарей и корпус аббревиатурных текстов кафедры русского языка ДонГУ. Был проведён комплексный анализ аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы «евро»: дано описание используемого в ней абброконструкта, выявлены разновидности гнезд эквивалентности сокращений, определены структура дешифровальной матрицы, формально-структурные и ономазиологические особенности составляющих её компонентов.

Ключевые слова: гнездо эквивалентности, гнездо псевдоэквивалентности, аббревиатуры, квазиаббревиатуры, абброконструкт, дешифровальный стимул.

Для цитирования: Емельянова К.Ю. Понятие аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы (на примере группы «евро») / К.Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 132–144. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825281>.

Введение. Работа Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого государственного университета расширила представления о способе образования и особенностях функционирования сложносокращённых единиц. Так, традиционное видение сокращения как производной единицы, образованной в результате свёртывания словосочетания (*маслобак — масляный бак, профвредность — профессиональная вредность, термометод — термический метод* и т. д.), дополнено новым, согласно которому сокращение часто само становится источником для вторичного словосочетания (*маслонасос — масляный насос, профосмотр — профессиональный осмотр, термочувствительность — термическая чувствительность* и т. д.). Кроме того, обнаружено, что у сложносокращённого слова может быть не один эквивалент

⁹ Работа выполнена в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 1025030500191-9-6.2.1;6.2.3).

(*стройпоезд* — *строительный поезд*), а несколько (*стройрынок* — *строительный рынок*, *рынок для строительства*, *рынок стройматериалов*, *рынок для строителей*).

Это позволило расширить представление о квазиаббревиатурах, то есть словах, которые были образованы не на базе словосочетания: к ним стали относить не только абброморфемные квазиаббревиатуры и абброаффиксоидные квазиаббревиатуры, возникшие в результате прямого присоединения абброконструкта к производящему слову, но и сложнопроизводные и заимствованные квазиаббревиатуры; появилась типология эквивалентностных фальсификаций (универбализационной и псевдоунивербализационной), под которой понимаются ошибочные определения как текстовых эквивалентов аббревиатуры каких-либо словосочетаний на основе исключительно их формальной соотносённости со сложносокращёнными словами при нетождественности значения сопоставляемых единиц; описаны парадигматические типы квазиаббревиатур: квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности, аббревиатурно-квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности и квазиаббревиатурная группа.

Объектом рассмотрения в нашей работе стала аббревиатурно-квазиаббревиатурная группа, под которой понимается совокупность гнезд эквивалентности аббревиатур и квазиаббревиатур, имеющих тождественный абброконструкт. Описание аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы «евро», осуществляемое в нашей работе, производится по принципам, представляющим собой расширенную схему анализа «классических» аббревиатурных групп, которая была описана в работе В.А. Рязановой «Аббревиатурные группы в структурном и ономаσιологическом аспектах» [7]. Она включает общую характеристику группы, описание дешифровальных стимулов, входящих в неё, анализ формально-структурных особенностей и ономаσιологических характеристик составляющих её аббревиатур.

Теоретическую основу нашей работы составляет текстово-эквивалентностный подход к анализу сокращённых единиц, описанный в работах представителей Лаборатории — В.И. Теркулова [9; 10], А.И. Бровца [1], Е.С. Крестьяниновой [3], А.А. Лариной (Лашко) [4], А.А. Лялюк [5], В.А. Рязановой [7], В.Ю. Ровной, И.Р. Смирновой [8], Е.Н. Станкус (Михайловой) [6], Т.А. Кириченко [2] и др. Данный подход основывается на синхронном анализе аббревиатур, предполагающем описание актуальных мотивационных отношений между сложносокращённым словом и эквивалентным ему словосочетанием. Цель Лаборатории состоит в определении всех актуально эквивалентных аббревиатурному слову словосочетаний для описания их в составляемом Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка (далее — Словарь). Данный подход позволил выявить целый ряд новых явлений и процессов в области аббревиации, потребовавших своего терминологического определения. Это привело к созданию обновлённой терминологической номенклатуры в области аббревиации.

Материалы и методы исследования. При сборе материала нами использовался **эмпирический метод наблюдения** — целенаправленного восприятия явлений, при помощи которого были отобраны сокращения, относящиеся к аббревиатурно-квазиаббревиатурной группе «евро». В рамках применения данного метода использовалась **хронологическая методика** определения времени первой фиксации сокращения и эквивалентного словосочетания при помощи сервиса Ngramm. При первичной обработке материала применялся **эмпирический метод измерения**, воплощённый в разработанной в ДонГУ **квантитативной методике** сравнения частотности употребления сокращения и эквивалентного словосочетания (баланса их индексов) на основе количественных данных конкордансов Национального корпуса русского языка и поисковых машин Google и Яндекс. При обработке материала

использовался **теоретический метод обобщения** — перехода от частного к общему, представленный разработанными в ДонГУ методиками **диахронного и синхронного анализа эквивалентности**, а также в применённых при изучении конкретных аббревиатурных пар **формальной и семантической интерпретационных методик**. Для наглядного представления результатов исследований использовался **эмпирический метод описания**, то есть фиксации результатов наблюдения с помощью определённых знаковых средств (создание моделей формальной эквивалентности и моделей ономазиологических структур).

В качестве **фактического материала** выступают 83 гнезда эквивалентности группы «евро», отобранные из Базы данных аббревиатурных словарей и Корпуса аббревиатурных текстов Лаборатории, созданных на основе конкордансов поисковых машин Яндекс и Google.ru.

Основная часть. Группа «евро» объединяет слова, имеющие в качестве препозитивного аббревиатурного конструкта *евро-*. Группа является аббревиатурно-квазиаббревиатурной, поскольку включает как аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры.

Анализ употребления аббревиатурного конструкта *евро-* во всех его разновидностях в текстах Аббревиатурного корпуса показал наличие у него модификаций (чаще всего параллельных) двух значений: ‘европейский / Европы’ и ‘Евросоюза’: 1) используемый в Европе / Евросоюзе (*евровалюта, еврознаки*); 2) осуществляющий деятельность в Европе / Евросоюзе, представляющий Европу / Евросоюз (*еврорынок, европарламентарий*); 3) соответствующий европейским образцам, стандартам (*еврозавтрак, евроостекление*); 4) живущий в Европе / Евросоюзе (*еврогражданин*); 5) расположенный в Европе / Евросоюзе (*еврогосударство*); 6) осуществляющийся в Европе / в Евросоюзе (*евровыборы*).

В анализируемой группе 10 гнёзд эквивалентности относятся к **универбализационным**: в них эквивалентное словосочетание является первичным и употребляется чаще сложносокращённого слова, о чём свидетельствует баланс индексов их употребления, то есть частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания: например, баланс индексов аббревиатурной пары *евроаналог — европейский аналог*, формирующей двухкомпонентное гнездо эквивалентности, составляет 0,1, и это свидетельствует о том, что словосочетание употребляется чаще аббревиатуры, что позволяет предположить формирование аббревиатуры на базе дискретного наименования.

32 единицы формируют квазиаббревиатурные гнёзда эквивалентности сокращений. Данные квазиаббревиатурные гнёзда эквивалентности являются **псевдоунивербализационными**, поскольку, как показал наш анализ, словосочетания, входящие в них, являются вторичными единицами. Например, квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности слова *евровилка* формируют эквиваленты *европейская вилка, вилка евростандарта, вилка европейского стандарта* (для всех баланс индексов — 10), *вилка европейского типа* (баланс индексов — 90), *вилка европейского образца* (баланс индексов — 300). Их меньшая активность в текстах показывает, что они, скорее всего, возникли как вторичные единицы для интерпретации значения аббревиатуры.

Также выделяется 41 **комбинированное** гнездо эквивалентности, которое объединяет универбализационные и псевдоунивербализационные эквивалентные словосочетания. Например, сокращение *евроразмер* появилось в результате универбализации словосочетания *европейский размер* (баланс индексов — 1), но

для этой же аббревиатуры был обнаружен вторичный эквивалент — *размеры по европейским стандартам* (баланс индексов — 300).

Аббревиатурная группа «евро» насчитывает 83 гнезда эквивалентности. Она является регулярной, многокомпонентной: полиэквивалентность аббревиатур обеспечивается 31 дешифровальной леммой (словарным представлением дешифровального стимула — стереотипа дешифровки абброконструкта) и 77 токенами (конкретным воплощением леммы в словоформах эквивалентных словосочетаний).

По структуре дешифровальных матриц (моделей объединения дешифровальных стимулов в пределах одного гнезда эквивалентности) аббревиатурная группа «евро» относится к группам с **комбинированной дешифровальной матрицей**: в ней присутствуют дешифровальные стимулы разных структурных типов — презентативные, релятивные и модификационные: *евробанки — европейские банки* (презентатив), *евробанки — банки в Европе* (релятив), *евробанки — банки стран Европы* (модификатив).

Презентативный дешифровальный стимул (атрибутивный, представляющий семантику абброконструкта обобщённо) представлен леммой *европейский* во всех гнездах эквивалентности. Токены различаются родом и числом главного и зависимого слов в словосочетании.

Релятивный дешифровальный стимул, осуществляющий конкретизацию значения абброконструкта в падежных формах простых существительных, представлен леммами *Европа, европеец, евро, по-европейски*.

Лемма *Европа* со значением ‘часть света в Северном полушарии, которая вместе с Азией образует материк Евразия’ реализуется 69 раз в токенах *Европы, в Европе, для Европы, из Европы*.

Лемма *европеец* со значением ‘уроженец или житель Европы’ реализуется в 13 токенах *европейцев, европейца, для европейцев*.

Лемма *евро* со значением ‘официальная валюта Евросоюза’ реализуется в токенах *в евро и евро*.

Лемма *по-европейски* со значением ‘как свойственно европейцам, как характерно для них или для Европы’ реализуется в токене *по-европейски*, который обнаруживается в 3 гнездах эквивалентности.

Модификативный дешифровальный стимул, осуществляющий специализацию значения абброконструкта в композитных и дескриптивных токенах, представлен леммами *евровалютный, европейский валютный, евродолларовый, евроакция, европейская акция, евробанк, европейский банк, банк Европы, евробумаги, евровалюта, европейская валюта, европейское государство, еврозона, европейская зона, еврокапитал, Еврокомиссия, Европейская комиссия, еврокредит, европейский народ, еврооблигация, европейская облигация, еврообразец, европейский образец, Европарламент, Европейский парламент, Евросовет, Европейский Совет, Совет Европы, Евросообщество, Европейское сообщество, Евросоюз, Европейский Союз, евростандарт, европейский стандарт, европейская страна, Европейская банковская система, Европейский валютный союз, европейская биржа, европейское качество, европейская компания, европейская кухня, европейский лидер, европейское общество, европейский стиль, европейский тип, рамки Евросоюза*.

Типология абброконструктов и сокращений в аббревиатурно-квазиаббревиатурной группе «евро». В аббревиатурно-квазиаббревиатурной группе представлены следующие типы единиц.

1. Аббревиатуры. В аббревиатурно-квазиаббревиатурной группе «евро» отмечается 53 собственно аббревиатуры (диахронные аббревиатуры,

абброэквивалентные аббревиатуры), возникшие на базе словосочетаний путём замещения слова с элементом *евро-* абброконструктом *евро-*: *евроаналог*, *евробанкнота*, *евробензин*, *еврогосударство*, *еврогражданин*, *еврогражданство*, *евродипломат*, *евродоговор*, *евроеда*, *еврозавтрак*, *еврознаки*¹, *еврознаки*², *евроконституция*, *евроконференция*, *еврокультура*, *еврокупюра*, *евролитература*, *евроманикюр*, *евромонета*, *евронаблюдатель*, *евронарод*, *евронормы*, *еврообразец*, *европатент*, *европолитик*, *европолитика*, *европосол*, *европредставитель*, *евроразмер*, *евроревизор*, *еврорегион*, *евросаммит*, *евросоглашение*, *евросоревнование*, *евростандарты*, *евространа*, *евротурнир*, *евроучреждение*, *еврочемпион*, *еврочиновник*, *еврочлен*, *еврочленство*, *евроэкономика*.

Для определения статуса аббревиатуры использовался диахронный анализ, то есть анализ отношений производности. В качестве примера приведём описание аббревиатурной пары *европейская культура* — *еврокультура*.

Хронологическая методика позволила установить время первых фиксаций сокращения и эквивалентного словосочетания. Сервис Google Books Ngram Viewer показал, что *европейская культура* впервые было зафиксировано в 1853 году, в то время как сокращение *еврокультура* — в 1952 году. Уже это позволяет предположить, что аббревиатура создана на базе словосочетания.

Квантитативная методика определила частотность употребления сокращения и эквивалентного словосочетания. Баланс индексов пары *европейская культура* — *еврокультура* составляет 0,01, что также свидетельствует в пользу того, что *еврокультура* является диахронной аббревиатурой.

Семантическая интерпретационная методика определяет конкретность / размытость семантики абброконструкта и эквивалентного словосочетания. Атрибут *европейский* имеет следующие значения: 1) используемый в Европе; 2) существующий, осуществляющийся, распространённый в Европе; 3) соответствующий европейским образцам, стандартам; 4) представляющий европейское государство, живущий в нём. Значение слова *еврокультура* и словосочетания *европейская культура* определяется как «культура европейских народов, основанная на греко-латинской культуре и облагороженная христианством» [Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка 2025, с. 388]. Здесь мы обнаруживаем 2 релятора: (1) «европейских народов», (2) «основанная и облагороженная». В данном случае абброконструкт имеет конкретное значение, которое является регулярным как для аббревиатуры, так и для словосочетания, что подтверждает универбализационную природу сокращения.

Ономасиологическая методика устанавливает тождественность / нетождественность ономасиологической структуры сложносокращённого слова и его эквивалента ономасиологической структуре словосочетаний с идентичным ономасиологическим базисом. Ономасиологическая модель пары *еврокультура* / *европейская культура* — «явление + локатив», что подтверждает первичность словосочетания по отношению к слову, поскольку данная структура идентична ономасиологическим моделям других единиц с локативным значением атрибута аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы: *евроеда*, *еврозавтрак*, *евроконституция*, *евроконференция*, *евролитература*, *евроманикюр* и др.

2. Квазиаббревиатуры. Было обнаружено 30 квазиаббревиатур, из которых 19 — абброморфемные квазиаббревиатуры, 10 — заимствованные квазиаббревиатуры, 1 — сложнопроизводная квазиаббревиатура.

К абброморфемным квазиаббревиатурам относятся единицы, появившиеся в результате присоединения абброморфемы к слову: *евроакция* (*евро-* + *акция*),

евробумаги (евро- + бумага), *евробутылка* (евро- + бутылка), *евровилка* (евро- + вилка), *евродепутат* (евро- + депутат), *евроёмкость* (евро- + ёмкость), *еврозабор* (евро- + забор), *еврокомиссар* (евро- + комиссар), *еврокубок* (евро- + кубок), *евроматч* (евро- + матч), *еврооблигация* (евро- + облигация), *евроограждение* (евро- + ограждение), *евроостекление* (евро- + остекление), *евроотделка* (евро- + отделка), *европротокол* (евро- + протокол), *евроремонт* (евро- + ремонт), *евророзетка* (евро- + розетка), *еврочек* (евро- + чек). Данные слова в результате псевдоунивербализации разворачиваются во вторичные эквиваленты: *евроакция* — акции на европейских биржах, европейские акции, акции европейских компаний, акции европейских банков, акции еврозоны; *евробумаги* — европейские бумаги, бумаги еврозоны, бумаги европейских стран, бумаги Евросоюза, бумаги стран Евросоюза, бумаги Европейского союза, бумаги европейских государств; *евробутылка* — европейская бутылка, бутылка европейского стандарта; *евровилка* — европейская вилка, вилка евростандарта, вилка европейского стандарта, вилка европейского типа, вилка европейского образца; *евродепутат* — депутат Европарламента, депутат Европейского парламента, европейский депутат, депутат Евросоюза; *евроёмкость* — европейская ёмкость; *еврозабор* — европейский забор, забор в европейском стиле и др.

Заимствованными квазиаббревиатурами являются слова *евробанки* (англ. *eurobanks*), *евробонд* (англ. *eurobond*), *евродоллар* (англ. *eurodollar*), *еврокодекс* (англ. *eurocode*), *еврокоммунизм* (англ. *eurocommunism*), *еврорынок* (англ. *euromarket*), *Евросоюз* (англ. *European Union*), *евростандарты* (англ. *european standards*), *еврофестиваль* (англ. *eurofestival*), *евроцент* (англ. *eurocent*). Данные единицы также в результате псевдоунивербализации разворачиваются во вторичные дублеты: *евробанки* — банки в Европе, европейские банки, банки Европы, банки еврозоны, банк Евросоюза, банки стран Евросоюза, банки стран Европы, банки европейских стран, банки европейских государств, банки Европейского союза, банки стран Европейского союза; *евробонд* — бонды еврозоны, европейский бонд; *евродоллар* — европейский доллар; *еврокоммунизм* — европейский коммунизм; *еврофестиваль* — фестиваль в Европе, европейский фестиваль, фестиваль Европы, фестиваль стран Европы и т. д.

Сложнопроизводным словом является лексема *еврокоммунист* (от *еврокоммунизм*), которая в результате псевдоунивербализации приобретает вторичные текстовые эквиваленты: *еврокоммунист* — европейский коммунист, коммунист Европы.

Для определения квазиаббревиатурного статуса единицы также используется квантитативная методика. Здесь следует сделать одно уточнение. При работе над Словарём было обнаружено, что в Google Books Ngram Viewer иногда не отмечается либо сокращения, либо эквивалентного словосочетания. Отсутствие эквивалентов в Ngram при наличии сокращения свидетельствует о том, что перед нами квазиаббревиатура, правда, без указания на то, к какому эквивалентностному типу она относится — абброморфемному или абброаффиксоидному. Отсутствие эквивалента может свидетельствовать как о его отсутствии в языке вообще, так и о том, что он просто не попал в книги библиотеки корпуса. Отсутствие в Ngram аббревиатуры является показателем того, что она либо относится к неологизмам (в этом случае возможно появление в Ngram эквивалентного словосочетания без аббревиатуры), либо о том, что она окказиональна (в последнем случае тоже может быть эквивалентное словосочетание). И неологизм, и окказионализм ведут себя одинаково, что объяснимо, поскольку неологизм на первых стадиях своего существования выступает в качестве окказионализма.

Квантитативная методика показала: все эквивалентные словосочетания квазиаббревиатуры *еврочек* являются вторичными, что подтверждается балансом индексов: *европейский чек* (баланс индексов — 70), *чек Европейской банковской системы* (баланс индексов — 100).

Применение семантической интерпретационной методики показало, что сокращение *еврочек* и словосочетания *европейский чек* и *чек Европейской банковской системы* имеют значение ‘стандартный чек, принимаемый к оплате на территории стран-участниц европейской банковской системы’ [11, с. 393]. Иными словами, это ‘нечто, использующееся на определённой территории, которая связана с Европейской банковской системой’. Здесь отмечается 4 релятора: ‘нечто’, ‘использующееся’, ‘на определённой территории’, ‘которая связана с европейской банковской системой’. В данном случае семантика абброконструкта *евро-* имеет обобщённое значение, что свидетельствует о морфематизации абброконструкта в квазиаббревиатуре *еврочек*.

С помощью ономаσιологической методики было определено, что в ономаσιологической структуре слова *еврочек* не происходит нормативного заполнения терминала «локатив», поскольку в данном случае атрибут *европейский* указывает не на территорию, а на систему, которая функционирует на какой-то европейской территории. Это подтверждает выводы двух предыдущих методик: *еврочек* — абброморфемная квазиаббревиатура.

Также в рассматриваемой аббревиатурной группе обнаружены абброаффиксоидные квазиаббревиатуры: *евроцит*, *евромарки* и *еврозона*, не имеющие узуальных эквивалентов на актуальном срезе языка.

Формально-структурные особенности компонентов аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы «евро». Для аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы «евро» отмечаются следующие формальные схемы и модели эквивалентности:

у — базисный компонент;

х — признаковый компонент, то есть дешифровальный стимул абброконструкта;

адъект — адъектив (прилагательное, адъективированное причастие);

сущ — существительное;

предл — предлог;

а — компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре;

z — слово, входящее в дешифровальный стимул-словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре;

Осн — основа;

Чосн — часть основы.

Модель х(адъект)-у

Данная модель является базовой и самой регулярной и представлена во всех гнездах эквивалентности группы. Дешифровальным стимулом выступает адъектив — *европейский*. В рамках этой схемы осуществляется как универбализация, так и псевдоунивербализация. Универбализационные модели фиксируют образование аббревиатуры путём сворачивания эквивалентного словосочетания: Прил₁ед+Сущ₁ед > ЧоснПрил₁ед+Сущ₁ед / Прил₁мн+Сущ₁мн > ЧоснПрил₁мн+Сущ₁мн (*европейский аналог* > *евроаналог* / *европейские бумаги* > *евробумаги*). Обнаружено 19 эквивалентных словосочетаний данной модели.

Среди псевдоунивербализационных моделей выделяется три схемы, в которых представлена направленность от слова к словосочетанию: ЧоснПрил₁ед+Сущ₁ед > Прил₁ед+Сущ₁ед / ЧоснПрил₁ед+Сущ₁ед > Прил₁мн+Сущ₁мн / ЧоснПрил₁мн+Сущ₁мн > Прил₁мн+Сущ₁мн (*евровилка* — *европейская вилка* /

евроакция — *европейские акции* / *евробумаги* — *европейские бумаги*). В аббревиатурной группе «евро» такие модели обнаруживаются для 13 эквивалентных словосочетаний.

Модель у-х(сущ)

В представленной модели абброконструкт псевдоунивербализационно развёртывается в простое существительное. Было обнаружено 48 эквивалентных словосочетаний данной модели. Псевдоунивербализация происходит по следующим схемам: ЧоснСущ2ед+Сущ1ед > Сущ1ед+Сущ2ед / ЧоснСущ2мн+Сущ1мн > Сущ1мн+Сущ2мн (*евробанкнота* > *банкнота Европы* / *евробанки* > *банки Европы*).

Модель у(предл)-х

Данная модель является разновидностью предыдущей. Абброконструкт развёртывается в простое существительное с предлогом. Обнаруживается 38 словосочетаний, реализующих данную модель. Псевдоунивербализация происходит по следующим схемам: ЧоснСущбед+Сущ1мн > Сущ1мн(-предл)+Сущбед / ЧоснСущ2ед+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Сущ2ед / ЧоснСущ2мн+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Сущ2мн (*евробанки* > *банки в Европе* / *евробензин* > *бензин из Европы* / *евроеда* > *еда для европейцев*).

Модель х(аде́к)т)-z(аде́к)т)-у

В данной модели дешифровальным стимулом выступает аде́к)т), имеющий абброконструктивный эквивалент, и аде́к)т), не имеющий такового. В рассматриваемой группе было обнаружено только одно словосочетание, построенное по данной модели. Схема является псевдоунивербализационной: ЧоснПрил1ед+Сущ1ед > Прил1ед+Прил1ед+Сущ1ед (*еврорынок* — *европейский валютный рынок*)

Модель х-а(аде́к)т)-у

В данной схеме дешифровальный стимул развёртывает конструкт в сложное прилагательное. Синтаксический эквивалент в этом случае двухкомпонентный. Модель представлена в 3 словосочетаниях и является псевдоунивербализационной: Чосн¹Прил1ед(кп) + Сущ1ед > Прил1ед(кп)+Сущ1ед (*еврооблигация* — *евродолларовая облигация*).

Модель у-(предл)х(аде́к)т)-z

В данной модели представлено предложное словосочетание с зависимым аде́к)т)ом. Схема реализуется в 25 словосочетаниях, которые являются псевдоунивербализационными: ЧоснПрил1ед + Сущ1ед > Сущ1мн(-предл)+Прилбмн+Сущбмн / ЧоснПрил1ед+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Прилбед+Сущбед / ЧоснПрил1ед+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Прилбмн+Сущбмн (*евроакция* — *акции на европейских биржах* / *еврозабор* — *забор в европейском стиле* / *еврокультура* — *культура в европейских странах*).

Модель у-х(аде́к)т)-z

Модель объединяет трёхкомпонентные текстовые эквиваленты. Признаковый компонент является словосочетанием с зависимым аде́к)т)ом. Схема представлена в 106 эквивалентах, появившихся в результате псевдоунивербализации: ЧоснПрил1ед+Сущ1ед > Сущ1мн+Прил2мн+Сущ2мн / ЧоснПрил1мн+Сущ1мн > Сущ1мн+Прил2ед+Сущ2ед / ЧоснПрил1ед+Сущ1ед > Сущ1ед+Прил2ед+Сущ2ед (*евроакция* — *акции европейских компаний* / *евробанки* — *банки Европейского союза* / *евробензин* — *бензин европейского качества*).

Модель у-х(аде́к)т)-z(аде́к)т)-z

Модель объединяет четырёхкомпонентные текстовые эквиваленты (2 единицы), появившиеся вследствие псевдоунивербализации: ЧоснПрил1ед + Сущ1ед >

Сущ1ед+Прил2ед+Прил2ед+Сущ2ед (*евространа — страна Европейского валютного союза*).

Модель у(предл)-х(адъект)-z(адъект)-z

Модель является разновидностью предыдущей схемы. Она реализуется в 1 словосочетании, которое появилось вследствие псевдоунивербализации: ЧоснПрил1ед+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Прилбед+Прилбед+Сущбед (*еврочленство — членство в Европейском валютном союзе*).

Модель у-х-а(сущ)

В данной модели абброконструкт не развёртывается в самостоятельное существительное, а переходит в состав эквивалентного сложного слова. Обнаружено 71 эквивалентное словосочетание данной схемы. Псевдоунивербализация происходит по формальным моделям Чосн1Сущ2ед(кп)+Сущ1ед > Сущ1мн+Сущ2ед(кп) / Чосн1Сущ2мн(кп)+Сущ1ед > Сущ1ед+Сущ2ед(кп) (*евроакция — акции еврозоны / евробензин — бензин евростандарта*).

Модель у(предл)-х-а(сущ)

Данная модель является разновидностью предыдущей. Сложное слово, эквивалентное абброконструкту, употребляется с предлогом. 11 эквивалентов реализуют модель по следующим псевдоунивербализационным схемам: Чосн1Сущ2ед(кп)+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Сущбед(кп) / Чосн1Сущ2мн(кп)+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Сущ2ед(кп) / Чосн1Сущ2мн(кп)+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Сущ3ед(кп) / Чосн1Сущ2мн(кп)+Сущ1ед > Сущ1ед(-предл)+Сущ3мн(кп) (*еврогосударство — государство в Евросоюзе / евродипломат — дипломат из Евросоюза / евроотделка — отделка по евростандарту / евроремонт — ремонт по евростандартам*).

Модель у-х(нар)

В данной модели абброконструкт развёртывается в наречие. Обнаружено 3 эквивалентных словосочетания, появившихся в результате псевдоунивербализации: ЧоснНар+Сущ1ед > Сущ1ед+Нар (*еврозавтрак > завтрак по-европейски*).

Модель у-z(сущ)-х

В данной модели происходит цепная субстантивная атрибуция. Обнаруживается 15 текстовых эквивалентов. Псевдоунивербализация происходит по следующим схемам: ЧоснСущ2ед+Сущ1мн > Сущ1мн+Сущ2мн+Сущ2ед / ЧоснСущ2ед+Сущ1ед > Сущ1ед+Сущ2мн+Сущ2ед (*евробанки — банки стран Европы / еврогражданство — гражданство стран Европы*).

Модель у-z-х-а(сущ)

В представленной модели конструктор развёртывается в сложное слово с зависимым существительным. Обнаружено 18 эквивалентных словосочетаний данной модели. Псевдоунивербализация происходит по следующим схемам: ЧоснСущ2ед(кп)+Сущ1мн > Сущ1мн+Сущ2мн+Сущ2ед(кп) / ЧоснСущ2ед(кп)+Сущ1ед > Сущ1ед+Сущ2мн+Сущ2ед(кп) (*евробанки — банки стран Евросоюза / еврогражданство — гражданство стран Евросоюза*).

Модель у-z(сущ)-х-z(сущ)

Данная модель является разновидностью предыдущей: абброконструкт развёртывается в словосочетание с зависимым существительным. Обнаруживается 13 эквивалентных словосочетаний. Псевдоунивербализация происходит по следующим схемам: ЧоснСущ2ед+Сущ1мн > Сущ1мн+Сущ2мн+Прил2ед+Сущ2ед / ЧоснСущ2ед+Сущ1ед > Сущ1ед+Сущ2ед+Прил2ед+Сущ2ед / ЧоснСущ2ед+Сущ1ед > Сущ1ед+Сущ2мн+Прил2ед+Сущ2ед (*евробанки — банки стран Европейского союза /*

еврогражданин — гражданин страны Европейского союза / еврогражданство — гражданство стран Европейского союза).

**Ономасиологические особенности компонентов
аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы «евро».**

Для аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы «евро» были обнаружены следующие ономасиологические модели.

Действительные текстовые эквиваленты:

1) «объект + локатив» — в данной модели указывается местонахождение объекта: *европейские акции, европейские банки, европейская банкнота, европейский бонд, европейские бумаги, европейское государство, европейский договор, европейский доллар, европейская еда, европейский завтрак* и т. д. (135 эквивалентов);

2) «лицо/лица + локатив» — в данной модели указывается местонахождение лица/лиц: *европейский гражданин, европейский депутат, европейский дипломат, европейский коммунист, европейский наблюдатель, европейский народ, европейский политик, европейский представитель, европейский ревизор* и т. д. (80 эквивалентов);

3) «явление + локатив» — в данной модели указывается на место существования явления: *европейское гражданство, европейский коммунизм, европейская культура, европейская литература, европейская политика, европейская экономика, культура в европейских странах, политика в европейских странах* и т. д. (86 эквивалентов);

4) «мероприятие + локатив» — в данной модели указывается место проведения мероприятия: *европейская конференция, европейский кубок, европейский матч, европейский саммит, европейское соревнование, европейский турнир, европейский фестиваль* и т. д. (25 эквивалентов);

5) «объект + коррелятив» — в данной модели указывается соответствие/несоответствие объекта другому объекту, используемому в Европе: *европейский аналог, европейский бензин, европейская бутылка, европейская вилка, европейская ёмкость, европейский забор, европейский образец, европейское ограждение, европейский размер, европейская розетка, забор в европейском стиле, размеры по европейским стандартам* и т. д. (35 эквивалентов);

6) «явление + коррелятив» — в данной модели указывается соответствие/несоответствие явления другому явлению: *европейский маникюр, европейское остекление, европейская отделка, европейский ремонт, отделка по европейским стандартам, ремонт в европейском стиле, ремонт по европейским стандартам, культура европейского образца, отделка по евростандарту* и т. д. (15 эквивалентов);

7) «объект + лица» — в данной модели указывается объект, связанный с лицом: *государство европейцев* (1 эквивалент);

8) «явление + лицо/лица» — в данной модели указывается явление, связанное с лицом: *культура европейцев, культура европейца, политика европейцев, стандарты европейцев* (4 эквивалента);

9) «объект + территория + локатив» — в данной модели указывается объект, связанный с определённым местом: *банки стран Евросоюза, бумаги стран Евросоюза, облигация стран Евросоюза, рынок стран Евросоюза, соглашение стран Евросоюза, банки стран Европы, рынок стран Европы, банки стран Европейского союза, рынок стран Европейского союза* (9 эквивалентов);

10) «объект + локатив + пациентив» — в данной модели указывается объект, на который направлено действие, и его месторасположение: *европейский валютный рынок, евродолларовая облигация, евровалютный рынок, евродолларовый рынок, рынок*

европейских валют, рынок европейских облигаций, рынок европейских акций, рынок еврооблигаций и т. д. (14 эквивалентов);

11) «лицо/лица + локатив + объединение» — в данной модели указывается лицо, связанное с определённым объединением на какой-то территории: *граждане стран Евросоюза, граждане государств Евросоюза, гражданин страны Евросоюза, гражданин государства Евросоюза, дипломаты стран Евросоюза* и т. д. (13 эквивалентов);

12) «объект + локатив + объединение» — в данной модели указывается объект, связанный с определённым объединением на какой-то территории: *банки стран Евросоюза, бумаги стран Евросоюза, облигация стран Евросоюза, рынок стран Евросоюза, соглашение стран Евросоюза, банки стран Европейского союза, рынок стран Европейского союза* (7 эквивалентов).

13) «мероприятие + лицо + объединение» — в данной модели указываются мероприятия, в которых участвуют лица какого-то объединения: *саммит лидеров Евросоюза, саммит лидеров еврозоны, саммит лидеров Европейского союза* (3 эквивалента);

14) «мероприятие + локатив + объединение» — в данной модели указывается мероприятие, которое проводится на территории, где существует какое-то объединение: *саммит стран Евросоюза* (1 эквивалент);

15) «явление + локатив + объединение» — в данной модели указывается явление, связанное с каким-то объединением и какой-то территорией: *экономика стран Евросоюза* (1 эквивалент);

16) «мероприятие + лицо + локатив» — в данной модели указывается мероприятие, в котором участвует лицо какой-то территории: *саммит лидеров Европы* (1 эквивалент);

17) «явление + организация + локатив» — в данной модели указывается явление, связанное с определённой организацией и с определённым местом: *стандарты Совета Европы* (1 эквивалент);

18) «лицо + организация + локатив» — в данной модели указывается лицо, связанное с определённой организацией на какой-то территории: *член Совета Европы* (1 эквивалент);

19) «мероприятие + локатив + организация» — в данной модели указывается мероприятие, связанное с определённой организацией и территорией: *саммит стран Европейского союза* (1 эквивалент);

20) «явление + локатив + организация» — в данной модели указывается явление, связанное с определённой территорией и организацией: *экономика стран Европейского союза, экономика государств Европейского союза* (2 эквивалента).

Заключение. Итак, аббревиатурно-квазиаббревиатурная группа — это совокупность гнезд эквивалентности аббревиатур и квазиаббревиатур, имеющих тождественный абброконструкт. В группе «евро» обнаружено и проанализировано 83 гнезда эквивалентности, из которых 10 гнезд эквивалентности относятся к **универбализационным**, 32 — к **псевдоунивербализационным**, 41 — к **комбинированным**. Группа является регулярной, многокомпонентной: полиэквивалентность аббревиатур обеспечивается 31 дешифровальной леммой и 77 токенами. В группе было обнаружено 30 квазиаббревиатур, из которых 19 — аброморфемные квазиаббревиатуры, 10 — заимствованные квазиаббревиатуры, 1 — сложнопроизводная квазиаббревиатура. Для аббревиатурно-квазиаббревиатурной группы «евро» отмечаются следующие формальные схемы и модели эквивалентности: *x(адъект)-у, у-х(сущ), у(предл)-х, х(адъект)-z(адъект)-у, х-а(адъект)-у, у-(предл)х(адъект)-z, у-х(адъект)-z, у-х(адъект)-z(адъект)-z, у(предл)-х(адъект)-z(адъект)-z, у-х-а(сущ), у(предл)-х-а(сущ), у-х(нар), у-z(сущ)-х, у-z-х-а(сущ), у-z(сущ)-х-z(сущ)*. Для

рассматриваемой группы выделены следующие ономаσιологические модели: объект + локатив, лицо/лица + локатив, явление + локатив, мероприятие + локатив, объект + коррелятив, явление + коррелятив, объект + лица, явление + лицо/лица, объект + территория + локатив, объект + локатив + патиентив, лицо/лица + локатив + объединение, объект + локатив + объединение, мероприятие + лицо + объединение, мероприятие + локатив + объединение, явление + локатив + объединение, мероприятие + лицо + локатив, явление + организация + локатив, лицо + организация + локатив, мероприятие + локатив + организация, явление + локатив + организация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бровец А.И. Дешифровальные стимулы как средство формирования эквивалентностных отношений сложносокращённого слова: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5 / Бровец Андрей Игоревич. — Донецк, 2024. — 118 с.
2. Кириченко Т.А. Система парадигматических объединений сложносокращённых онимов / Т.А. Кириченко // *Stephanos*. — Москва. — 2023. — № 3 (59). — С. 120–126.
3. Крестьянинова Е.С. Иерархия дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности: к постановке проблемы / Е.С. Крестьянинова // *Новые горизонты русистики: материалы V Международных научных чтений студентов и молодых учёных памяти Г.И. Рихтера* / редкол. : В.Т. Теркулов, В.В. Фёдоров и др. — Донецк: ДонНУ, 2018. — № 4. — С. 27–33.
4. Лашко А.А. Особенности семантики прилагательного: на примере презентативных дешифровальных стимулов / А.А. Лашко // *Новые горизонты русистики*. — 2023. — №4 (22). — С. 21–27.
5. Лялюк А.А. Аббревиационно-ономаσιологическое поле «Строения»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лялюк Анна Александровна. — Донецк, 2020. — 234 с.
6. Михайлова Е.Н. Реализация актантной семантики в реляционных дешифровальных стимулах как средство трактовки сложносокращённого слова / Е.Н. Михайлова // *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология*. — Донецк. — 2020. — №2. — С. 139–145.
7. Рязанова В.А. Аббревиатурные группы в структурном и ономаσιологическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5 / Рязанова Валерия Александровна. — Донецк, 2023. — 212 с.
8. Смирнова И.Р. Исконные аббреконтрукты: общая характеристика / И.Р. Смирнова // *Новые горизонты русистики*. — 2024. — № 2 (24). — С. 49–55.
9. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дисс. ... докт. филол. наук / Теркулов Вячеслав Исаевич; Горловский государственный педагогический институт иностранных языков. — Горловка, 2008. — 472 с.
10. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология: Научный журнал*. — 2017. — № 6. — С. 73–97.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка [электронный ресурс]: 13558 словарных статей, 690 аббревиатурных групп, 12868 гнезд эквивалентности / В.И. Теркулов [и др.]; под ред. В.И. Теркулова; отв. ред. В.А. Рязанова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». — Донецк: ДонГУ, 2025. — 1049 с. — Режим доступа: <http://repo.donnu.ru:8080/jspui/handle/123456789/5253>.

REFERENCES

1. Brovets A.I. (2024). *Deshifroval'nye stimuly kak sredstvo formirovaniia ekvivalentnostnykh otnoshenii slozhnosokrashchonnogo slova* [Decipherment Stimuli as a Means of Forming Equivalence Relations of an Acronymic Word] (Candidate dissertation). Donetsk. (In Russian).
2. Kirichenko T.A. (2023). *Sistema paradihmaticeskikh ob'edinenii slozhnosokrashchennykh onimov* [The System of Paradigmatic Groups of Acronymic Proper Names]. *Stephanos*, 3(59), 120–126. (In Russian).
3. Krest'ianinova E.S. (2018). *Ierarkhiia deshifroval'nykh stimulov v gnezde ekvivalentnosti: k postanovke problemy* [The Hierarchy of Decipherment Stimuli in an Equivalence Nest: Towards Problem Statement]. In V.T. Terkulov & V.V. Fedorov (Eds.). *Novye gorizonty rusistiki: materialy V Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii studentov i molodykh uchenykh pamiati G.I. Rikhtera* [New Horizons in Russian Studies: Proceedings of the 5th International Academic Readings for Students and Young Researchers in Memory of G.I. Rikhter] (Vol. 4, pp. 27–33). Donetsk: DonNU. (In Russian).
4. Lashko A.A. (2023). *Osobennosti semantiki prilagatel'nogo: na primere prezentativnykh deshifroval'nykh stimulov* [Peculiarities of Adjective Semantics: On the Example of Presentational Decipherment Stimuli]. *Novye gorizonty rusistiki*, 4(22), 21–27. (In Russian).

5. Lialuk A.A. (2020). Abbreviatsionno onomasiologicheskoe pole «Stroeniia» [The Abbreviation and Onomasiological Field "Buildings"] (Doctoral dissertation). Donetsk. (In Russian).
6. Mikhailova E.N. (2020). Realizatsiia aktantnoi semantiki v reliatcionnykh deshifroval'nykh stimulakh kak sredstvo traktovki slozhnosokrashchonnogo slova [Realization of Actant Semantics in Relational Decipherment Stimuli as a Means of Interpreting an Acronymic Word]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Serii D: Filologiya i psikhologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], (2), 139–145. (In Russian).
7. Riazanova V.A. (2023). Abbreviaturnye gruppy v strukturnom i onomasiologicheskom aspektakh [Acronymic Groups in Structural and Onomasiological Aspects] (Candidate dissertation). Donetsk. (In Russian).
8. Smirnova I.R. (2024). Iskonnye abbrokonstrukty: obshchaia kharakteristika [Native Abbreviconstructs: General Characteristics]. Novye gorizonty rusistiki, 2(24), 49–55. (In Russian).
9. Terkulov V.I. (2008). Kompozity russkogo iazyka v onomasiologicheskom aspekte [Compounds of the Russian Language in the Onomasiological Aspect] (Doctoral dissertation). Gorlovka: Gorlovka State Pedagogical Institute of Foreign Languages. (In Russian).
10. Terkulov V.I. (2017). Slozhnosokrashchonnnye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniia [Acronymic Words: Synchronic and Diachronic Aspects of Description]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii A. Filologiya [Moscow University Philology Bulletin], (6), 73–97. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.01.2026 г.

CONCEPT OF ABBREVIATED-QUASI-ABBREVIATED GROUP (ON EXAMPLE OF GROUP “EURO”)

К.Ю. Емельянова

The paper reveals the concept of an "abbreviation-quasi-abbreviation group", which is treated as a set of nests of equivalence of abbreviations and quasi-abbreviations having an identical abbroconstruct. The relevance of the study is accounted for by the need to clarify the typology of abbreviation groups, aimed at determining the diachronic and synchronous statuses of the compound words they are constituted by. A number of methods have been applied in the course of the study, among them are the methods of observation, and generalization, as well as such techniques of diachronic analysis of abbreviations as the chronological, quantitative, and semantic interpretative ones. The source of the empirical material was the database of abbreviation dictionaries and the corpus of abbreviation texts at the Russian Language Department in Donetsk State University. A comprehensive analysis of the abbreviation-quasi-abbreviation group "euro" has been carried out. The abbreviation structure description has been given. Varieties of the abbreviations equivalence nests have been identified. The decoding matrix structure has been determined, as well as the formal-structural and onomasiological features of the components it is constituted by.

Keywords: nest of equivalence, nest of pseudo-equivalence, abbreviations, quasi-abbreviations, abbroconstruct, decoding stimulus.

Емельянова Ксения Юрьевна.

Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.

Младший научный сотрудник научно-
исследовательской части кафедры русского языка.

ORCID 0000-0002-3247-4724.

E-mail: kemelanova966@gmail.com.

Yemelyanova Ksenia Yurievna.

Donetsk State University,
Russian Federation, Donetsk.

Junior Research Assistant of the Russian Language
Department.

ORCID 0000-0002-3247-4724.

E-mail: kemelanova966@gmail.com.

Научная статья
УДК 82-1:159.9
DOI: 10.5281/zenodo.18825355

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ ПОСРЕДСТВОМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОПОЭТИКИ

© 2026 В.А. Кияшко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»

ORCID 0009-0005-9324-5932

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию механизма взаимодействия между автором и читателем в контексте использования принципа Золотого сечения, реализуемого посредством психопоэтики. Анализируется роль эстетических и психологических аспектов в формировании эффективной коммуникации между автором и читателем, основанной на гармонии и пропорциях. Представлены теоретические основы, практические подходы и перспективные направления интеграции принципа Золотого сечения в анализ поэтического творчества с учетом психоэмоциональной реакции читателя. Рассмотрены особенности актуализации принципа Золотого сечения в поэтических произведениях Серебряного века. На материале произведения А. Блока проиллюстрировано влияние принципа Золотого сечения на восприятие поэтического текста читателями. Сделаны выводы о взаимосвязи принципа Золотого сечения с психопоэтикой и актуализацией смыслов, заложенных автором произведения, а также об особенностях декодирования поэтических текстов читателями.

Ключевые слова: психопоэтика, взаимодействие автор-читатель, психология восприятия, принцип Золотого сечения, гармония.

Для цитирования: Кияшко В.А. Взаимодействие автора и читателя посредством реализации принципа Золотого сечения через призму психопоэтики / В.А. Кияшко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 145–153. — <https://doi.org/10.5281/zenodo/18825355>.

Введение. В современных исследованиях психолингвистика занимает особое место, что связано с повышенным интересом ученых в области филологии к возможностям человеческого подсознания, роли психических состояний и процессов в восприятии окружающей действительности. Примечательно, что достижения современной психолингвистики могут быть использованы не только при изучении особенностей взаимодействия человека со средой, в которую он помещен, но и при рассмотрении характерных черт коммуникации отправителя и реципиента внутри различных типов дискурса, в число которых входит и поэтический.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в современной лингвистике возрос интерес к проблемам коммуникации на различных уровнях. Важными становятся вопросы взаимодействия коммуникантов, манипулятивные стратегии и тактики, особенности реализации воздействия на адресата дискурса, а также его ответная реакция на те или иные приемы, используемые в процессе обмена информацией. Современные исследователи нередко обращаются к результатам работы

специалистов в области психолингвистики, чтобы найти объяснение феноменам, обнаруживающимся в многочисленных типах дискурса. С этой точки зрения исследование поэтического дискурса представляется нам особенно актуальным, так как данный тип дискурса обладает широким набором инструментов, позволяющих осуществлять коммуникацию между субъектом и объектом, а также предоставляет автору возможность оказать воздействие на читателя, являющегося участником поэтического дискурса. Понимание особенностей взаимодействия автора и читателя стихотворных произведений находится в области исследования психопэтики, понимание которой разнится в современной науке в зависимости от области применения данного термина, а также от новейших результатов исследований, которые возникают на стыке филологических и психологических наук.

Цель данной статьи заключается в исследовании взаимодействия автора и читателя через призму реализации принципа Золотого сечения в контексте психопэтики, выявить механизмы, стимулирующие эмпатическое и гармоничное восприятие художественного поэтического текста.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что принцип Золотого сечения, актуализируемый в поэтическом произведении, оказывает глубокое эмоциональное воздействие на реципиента текста и обеспечивает эмоциональную связь между автором и аудиторией.

Психопэтика и принцип Золотого сечения в зарубежных и отечественных исследованиях.

В рамках современной науки особое значение приобретает психопэтика — междисциплинарная область, изучающая психологические аспекты поэтического восприятия и влияния на внутренний мир человека.

История психопэтики началась в западной науке. Данная отрасль направлена на исследование различных приемов, при помощи которых происходит анализ художественных произведений различной направленности. В зарубежных исследованиях вопросами психопэтики занимались З. Фрейд, на основе исследований которого появился такой литературный принцип, как психологизм, а также Ж. Лакан, разработавший структурный психоанализ. З. Фрейд утверждал, что создание автором и дальнейшее понимание читателем художественного текста зависит от тех процессов, которые протекают в психике человека [8]. Ж. Лакан воспринимал проблемы психопэтики исключительно как вопросы, связанные с литературой и лингвистикой. В более поздних западных исследованиях ученые обращаются к вопросам, связанным с бессознательным человека, которое оказывает влияние на формирование и восприятие различных художественных образов, которые присутствуют в поэтическом тексте [3].

Классическими в исследованиях психопэтики являются работы Е.Г. Эткинда, который понимает под психопэтикой «соотношение мысль — слово», утверждая, что мысль в данном случае следует рассматривать не только и не столько как результат мыслительного процесса, умозаключение, а как «всю совокупность внутренней жизни человека» [10, с. 12]. Основа теории данного ученого заключается в том, что он противопоставляет внешнего человека, то есть, человека телесного, в его видимом, осязаемом выражении, человеку внутреннему, который представлен через художественное творчество и неуловимые процессы, происходящие на духовном уровне. Литература здесь призвана отображать именно внутреннего человека, основные черты и характеристики которого и проявляются в поэтическом творчестве. Е.Г. Эткинд проявляет особый интерес к развитию психологизма как одного из основных способов реализации внутренних интенций автора и внутренних настроений читателя,

воспринимающего поэтическое произведение. Тем не менее, исследователь рассматривает психологизм скорее как вербальное отображение психических процессов, происходящих в сознании автора художественного текста и его читателя [10].

А.А. Леонтьев утверждает, что психопэтика выступает в качестве раздела психолингвистики. В качестве основной задачи психопэтики исследователь видит изучение особенностей «порождения и восприятия художественной речи» [4, с. 92]. Основное внимание в данном случае ученый уделяет поэтическим текстам, так как они не существуют вне условий их создания и восприятия [4]. М.М. Бахтин, рассматривая художественные тексты, отмечает такие их характеристики, как полифоничность и многоаспектность содержания [1]. Это приводит нас к пониманию того, что поэтический текст должен быть рассмотрен с точки зрения контекста, создаваемого как художником, так и читателем, воспринимающим его через призму собственного видения, психологических установок и психических особенностей, что свидетельствует о необходимости исследования поэтических произведений через призму психопэтики, которая представляет собой «раздел психологии литературного творчества или психологии восприятия художественной литературы, связанный с психологической интерпретацией композиции, сюжета, образа автора и т. д.» [4, с. 53]. В рамках данного исследования мы будем опираться на приведенное определение, уточнив, что основным объектом анализа в рамках данной работы выступает не всякий художественный, а именно поэтический текст. Рассмотрение особенностей взаимодействия автора и читателя с точки зрения психопэтики приблизит нас к решению проблемы коммуникации субъекта и объекта поэтического дискурса посредством стихотворных произведений, а также будет способствовать выявлению актуальных способов воздействия на читателя.

А.А. Леонтьев, исследуя основные средства, при помощи которых читателю сообщается как эксплицитно выраженная информация, заключающаяся в представлении образов, описании событий или явлений, так и имплицитная информация, проявляющаяся в ритмике, произведения, говорит о поэтической установке и моторном программировании, которые подчиняются особым правилам [4]. Исследователь утверждает, что часто следование этим принципам часто происходит неосознанно [4], что приводит нас к пониманию эвристической природы стихотворных произведений, не подчиняющейся законам логики.

Таким образом, возможно заключить, что психопэтика исследует, как эмоциональные и когнитивные процессы реагируют на художественные образы. Она утверждает, что гармония форм и пропорций способствует более глубокой эмоциональной вовлеченности, вызывает ассоциации и способствует развитию читательской эмпатии.

В контексте литературы и изобразительного искусства принцип Золотого сечения выступает в качестве универсального показателя гармонии и целостности произведения. Его использование в композиции позволяет создавать такие произведения, которые отличаются высоким уровнем эстетического удовлетворения, которое может испытать читатель во время взаимодействия с текстом или объектом изобразительного, архитектурного искусства. Однако, роль принципа Золотого сечения выходит за границы технической пропорциональности.

По словам О.Н. Гринбаума, особенность Золотого сечения в литературных произведениях заключается в том, что оно, выражаясь в математических символах, «кодирует не только количественно-качественные состояния эстетического объекта, но одновременно и сам процесс перехода от одного качественного состояния к другому» [2, с. 34]. Подтверждение представленному тезису мы находим также у А.Ф. Лосева,

который, рассматривая гармонию и симметрию как особые эстетические категории, утверждал, что «гармония есть выраженная числовая материя в аспекте самотождественного развития» [5, с. 20]. К.Э. Штайн отмечает, что гармония, хотя и выступает в качестве эвристического феномена, не поддающегося логическому осмыслению со стороны автора произведения, может быть распознана в ткани и структуре поэтического текста, так как тексты, в которых наблюдается актуализация принципа Золотого сечения, отличаются завершённой, гармоничной организацией [9].

Неклассические метры, ставшие, по словам С.А. Макаровой, особенно востребованными в Серебряном веке [6], обладают потенциалом к актуализации принципа Золотого сечения в связи с тем, что в них наблюдается широкое использование различных механизмов создания поэтического текста, которые ранее, как правило, не применялись поэтами. Именно эти новые для эпохи Серебряного века приемы создания поэтического текста выступают в качестве объекта настоящего исследования.

Материалы и методы исследования. На эмпирическом этапе исследования студентам, выступавшим в качестве испытуемых, были предложены 20 поэтических текстов, относящихся к Серебряному веку русской поэзии. Авторами текстов являются Александр Блок (5 текстов: «Незнакомка», «Миры летят. Года летят. Пустая...», «Есть минуты, когда не тревожит...», «Свет в окошке шатался...», «Брожу в стенах монастыря...»), Николай Гумилев (5 текстов: «Жираф», «Ева и Лилит», «Сон Адама», «Много в жизни моей я трудов испытал», «Воин Агамемнона»), Андрей Белый (5 текстов: «Маг», «Дух», «Таинство», «Старинный дом», «Время»), Осип Мандельштам (5 текстов: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», «Notre Dame», «В разноголосице девического хора...»), «Рим», «Из омута злого и вязкого...»).

В исследовании принимали участие студенты направлений Филология, Педагогическое образование и Лингвистика, изучающие лингвистический и филологический анализы художественного текста. Общее количество участников эксперимента — 35.

Данное исследование проведено с использованием количественного метода исследования инструментов, реализующихся в поэтических произведениях, в частности — принципа Золотого сечения, выступающего в качестве одного из основных способов воздействия на подсознание читателей. Качественный анализ выявляет феномен реализации принципа Золотого сечения в поэтических произведениях, написанных на русском, французском, немецком и английском языках.

Количественный анализ в рамках данного исследования призван выявить число случаев использования принципа Золотого сечения среди выбранных поэтических произведений, формирующих поэтический дискурс различных авторов стихотворных работ.

В исследовании также использован описательный метод, позволяющий понять функциональное назначение актуализации принципа Золотого сечения с точки зрения осуществления коммуникации между автором и читателем в рамках психопоэтики.

Сравнительно-сопоставительный метод в настоящем исследовании послужил выявлению особенностей актуализации принципа Золотого сечения в поэтических произведениях, выполненных на русском, французском, немецком и английском языках и принадлежащих к различным периодам в истории мировой литературы. Представленный метод позволил установить тенденцию к актуализации принципа Золотого сечения в произведениях, относящихся к современному поэтическому дискурсу и поэтическому дискурсу, сформировавшемуся в начале XX века.

При проведении исследования был сформирован корпус поэтических текстов в количестве 20 произведений, принадлежащих к началу XX века и современному периоду в истории литературы. Каждый текст был проанализирован с точки зрения актуализации в нем принципа Золотого сечения и реализации его функций в области коммуникации автора и читателя. Был проведен анализ принципа Золотого сечения как одного из инструментов психопоэтики, использующегося для формирования канала связи между субъектом и объектом поэтического дискурса. В данной работе мы сконцентрируемся на представлении подробного анализа двух поэтических произведений, которые были отмечены читателями, принимавшими участие в опросе.

Анализ результатов исследования потребовал использования психопоэтического метода, сущность которого заключается в том, что в нем объединяются психоанализ и поэтическое творчество с целью изучения внутреннего мира человека, его переживаний, важных для него смыслов и личностных переживаний. Данный метод основывается на предположении, что поэтическое творчество является уникальным средством выражения внутреннего опыта и позволяет глубже помочь внутренний мир индивида.

Эмпирический этап исследования. Участникам исследования было предложено отметить, какое воздействие оказывают на них представленные произведения, и выявить среди них те, которые, по их мнению, являются наиболее эмоционально насыщенными, а также объяснить, что именно оказало на них воздействие. Стихотворное произведение Александра Блока «Миры летят. Года летят. Пустая...» вызвало у реципиентов наиболее сильный эмоциональный отклик. Данный текст был отмечен 28 опрошенными как то, в котором ярко представлены внутренние переживания автора. Анализ отобранного реципиентами текста показал, что в нем действительно актуализируется принцип Золотого сечения. Это актуализируется в том, что строки произведения, посредством которых разворачивается основная идея текста и раскрывается авторский замысел, расположены на осях винта, формирующего графическое отображение Золотой пропорции (рисунок 1).

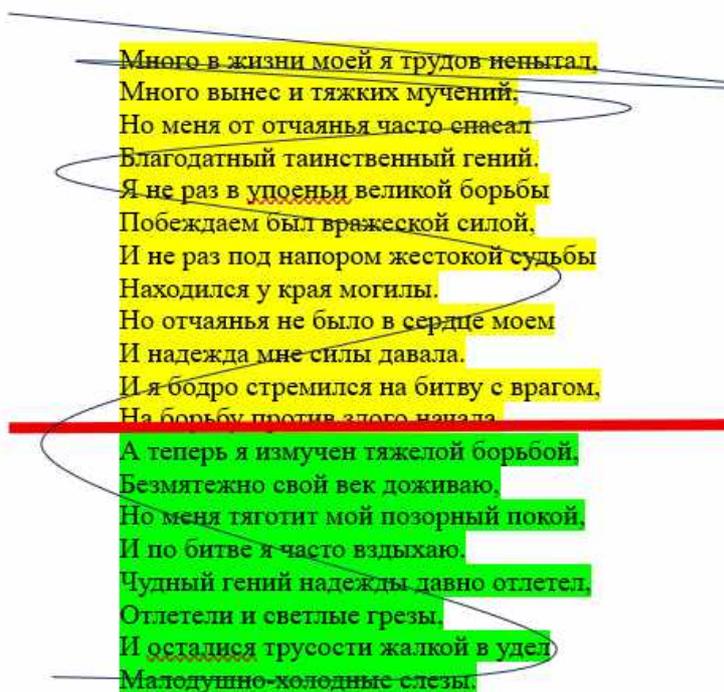
Номер строки	Ударные слоги
1	2, 4, 6, 8, 10
2	2, 6, 8, 10
3	2, 4, 6, 10
4	2, 6, 8, 10
5	2, 6, 10
6	2, 6, 8, 10
7	2, 6, 10
8	2, 4, 6, 10
9	2, 6, 8, 10
10	2, 4, 6, 8, 10
11	2, 4, 6, 10
12	2, 6, 10
13	2, 4, 6, 10
14	2, 4, 6, 8, 10
15	2, 6, 8, 10
16	2, 4, 6, 10
17	2, 6, 8, 10
18	2, 6, 8, 10
19	2, 6, 8, 10
20	2, 6, 8, 10
21	2, 4, 6, 10
22	2, 6, 10
23	2, 4, 6, 8, 10
24	2, 4, 6, 10

Рисунок 1. Графическое отображение принципа Золотого сечения в произведении А. Блока «Миры летят. Года летят. Пустая...»

Участники исследования отмечают, что данное произведение пронизывают такие эмоции, как отчаяние, страх перед будущим, смятение, нерешительность. Это подтверждается литературоведческими исследованиями М.Ю. Стояновского, который отмечает, что данное произведение было создано в переломный исторический момент, когда старые устои в обществе уже не принимались, а новые принципы жизни не были выработаны [10], что наиболее отчетливо проявляется в строках 5, 7, 12, 22, формирующих спираль Золотого сечения.

В рамках настоящего исследования мы обращались среди прочего и к анализу метрико-ритмических свойств стихотворного произведения. Установлено, что наиболее эмоционально насыщенные строки, которые были отмечены участниками эксперимента, имеют одинаковую ритмическую структуру, что также оказывает воздействие на читателей в связи с повторяющейся организацией строк, содержащих одинаковое количество ударных слогов, что также представлено на рисунке 1 в графическом формате.

Кроме того, испытуемыми было отмечено стихотворное произведение Н.С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал». Читатели утверждают, что данный текст также оказывает на них значительное эмоциональное воздействие. При этом как наиболее эмоционально насыщенные отмечаются строки 1, 2, 5, 13. Для данного стихотворного текста был применен литературный анализ текста, направленный на декодирование смысловых доминант, присутствующих в произведении, а также на анализ сюжетного построения текста, при помощи которого выражаются авторские интенции. Представим произведение Н.С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал» в графическом формате на рисунке 2.

Рисунок 2. Графическое отображение актуализации принципа Золотого сечения в произведении Н.С. Гумилева «Много в жизни моей я трудов испытал...»

Желтым цветом выделены первые три катрена стихотворного произведения, в которых речь идет о «тяжелой борьбе» лирического героя текста, которую он вел ранее, будучи поддерживаемым неким «благодатным таинственным гением». Первые три катрена — ретроспектива, воспоминания о годах, которые были для него наиболее

активными, в которые он, даже находясь на грани жизни и смерти, не отчаивался и не сдавался.

Вторая часть поэтического текста (два катрена, выделенные зеленым цветом — рис. 2), представляет сожаления лирического персонажа о том, что он сейчас не может так же, как ранее, вступать в борьбу с силами, которые, по мнению лирического героя, выступают в качестве антагонистов.

Данное соотношение частей также было отмечено опрошенными читателями. Отметим, что части относятся друг к другу как $3/2$, что приближено по значению к числу Фибоначчи (1,618), через которое выражается актуализация принципа Золотого сечения.

Математический анализ данного стихотворного произведения также выявляет наличие в его структуре принципа Золотого сечения. Так, умножение общего количества строк на коэффициент 0,618, соответствующий Золотому сечению, показывает, что предполагаемая строка, в которой актуализируется симметричное построение произведения, — 12,5. Граница выделена на рисунке красным цветом. Анализ демонстрирует, что Золотое сечение расположено на границе двух смысловых частей поэтического текста (рис. 2).

Помимо этого, рассматривая смысловую структуру поэтического текста, отмечаем, что строки под номерами 1, 2, 3, 5, 8, 12, 20 отображают авторские интенции в наибольшей степени, что становится понятно при проведении семантического анализа стихотворного произведения.

Так, установлено, что в первой строке лирический герой текста начинает ретроспективное повествование о своей жизни и о тех тяготах, которые ему пришлось испытать, что представлено при помощи лексической единицы *труды*. Во второй строке ощущение трудной жизни лирического персонажа усиливается, что представлено при помощи более эмоционально насыщенного существительного *мучений*, сопровождаемого прилагательным *тяжкие*. В третьей строке представлено существительное *отчаяние*, что могло бы стать результатом трудной жизни, которую вел повествователь, тем не менее, в третьей строке представлен элемент, который является переломным для смысловой структуры поэтического текста: герой утверждает, что он был спасен от отчаяния неким гением, который упоминается в конце первого катрена. В пятой строке представлены воспоминания лирического героя о том, как он ранее сражался с теми, кого считал врагами. Эмоциональная насыщенность текста повышается за счет использования существительного *упоенье*, описывающего состояние героя в минуты битвы, а также прилагательного *великий*, при помощи которого усиливается значение происшедших в жизни повествователя событий. Восьмая строка является отображением экзистенциального напряжения, кризиса, переживаемого героем, когда он находится на грани жизни и смерти. В тринадцатой строке происходит возврат лирического героя из ретроспективы к настоящему времени, где лирический герой сравнивает себя в прошлом, всегда готового к битве, с собой в настоящем времени, уставшим и измотанным тяжелой жизнью. В двадцатой строке повествователь утверждает, что в его жизни больше нет места для завоеваний, ему осталось лишь сожалеть о том, что было ранее, когда он был полон сил. Как мы видим, последняя строка подчеркивает оппозицию, в которой находятся части поэтического текста по отношению друг к другу. Кроме того, в рассмотренных строках раскрываются авторские интенции: описывается жизненный путь героя-завоевателя — некогда готового к битве, а сейчас усталого и немощного, сожалеющего о том, что сейчас он не может так же сражаться, как и раньше. Чтобы продемонстрировать актуализацию принципа Золотого сечения в структуре текста, мы соединили строки 1, 2, 3, 5, 8, 12, 20 спиралью, которая выступает

в качестве графического отображения винтовой симметрии, основанной на последовательности чисел Фибоначчи (рис. 2).

Основные результаты исследования. В ходе проведения исследования мы пришли к ряду выводов об особенностях актуализации принципа Золотого сечения в поэтических произведениях и его влияния на психоэмоциональное состояние читателя, восприятие читателем текста посредством активации эмоциональных процессов, протекающих в психике реципиента поэтического текста.

1) Автор, в произведениях которого актуализируется принцип Золотого сечения (например, при разделении сюжета на смысловые отрезки или при расположении ключевых событий и фигур поэтического произведения), непреднамеренно создает условия естественного, более простого восприятия материала и последующим рефлексии и литературному анализу.

2) Вместе с тем гармоничное сочетание структурных элементов не только создает эстетическую привлекательность, но и способствует снижению внутреннего барьера между автором и читателем, что облегчает передачу смыслов и эмоциональных состояний, описываемых в поэтическом произведении.

3) Гармоничные пропорции вызывают у читателя ощущение целостности, законченности авторской мысли, что побуждает реципиента, взаимодействующего с поэтическим текстом, к более тесному эмпатийному контакту с лирическими героями и идеями художественного произведения.

4) Анализируя реакции читателя, можно определить, каким образом винтовая симметрия, репрезентующая актуализацию принципа Золотого сечения в художественном произведении, мы выявляем, каким образом гармония и симметрия влияют на зрительный, слуховой и эмоциональный уровни восприятия. Взаимодействие осуществляется посредством активации нейронных сетей, отвечающих за эмпатию и формирование картины мира, согласующейся с эстетической формой поэтического текста.

Перспективы исследования. Разработка методов исследования особенностей использования принципа Золотого сечения в литературе и искусстве с опорой на психопоэтический анализ позволит более подробно рассмотреть эффект эмоционального воздействия, оказываемый на читателей поэтических произведений. В будущем возможно сформулировать и предложить алгоритмы и практические рекомендации для заинтересованных читателей и исследователей в области филологии по выявлению особенностей актуализации принципа Золотого сечения в литературно-художественных текстах с учетом психологических особенностей читателей.

Заключение. Взаимодействие автора и читателя посредством реализованного принципа Золотого сечения — это сложный синергетический процесс, в основе которого лежит гармония структурных элементов и психологическая реакция отклика. Понимание этого механизма через призму психопоэтики открывает новые горизонты для создания произведений, вызывающих глубинное эмоциональное воздействие и развитие эмпатии в культурной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Том 4. Часть 1 / М.М. Бахтин. — Москва: ЯСК, 2025. — 1011 с.
2. Гринбаум О.Н. Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов / О.Н. Гринбаум // СПб.: СПбГУ, 2012. — 172 с.
3. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. — М.: Гнозис, 1995. — 192 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 2014. — 287 с.
5. Лосев А.Ф. История эстетических категорий / А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков. — М.: Искусство, 1964. — 374 с.

6. Макарова С.А. Метро-ритмический репертуар символистов в контексте динамического развития русского стиха / С.А. Макарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 2–2 (68). — С. 42–46.
7. Стояновский М.Ю. В пространстве мифа А. Блока / М.Ю. Стояновский // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. — 2003. — № 1–2. — С. 84–90.
8. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. — М.: АСТ, 2011. — 448 с.
9. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура / К.Э. Штайн. — Ставрополь: Издательство СГУ, 2006. — 647 с.
10. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психоэтики русской литературы XVIII–XX вв. / Е.Г. Эткинд. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 448 с.

REFERENCES

1. Bahtin M.M. (2025) *Sobranie sochinenij. Tom 4. Chast' 1* [Collected works. Volume 4. Part 1]. Moscow: YASK. (In Russian).
2. Grinbaum O.N. (2012) *Osnovy matematiko-garmonicheskogo analiza poeticheskikh tekstov* [Fundamentals of mathematical and harmonic analysis of poetic texts]. Saint-Petersburg: SpbGU. (In Russian).
3. Lakan Zh. (1995) *Funkciya i pole rechi i yazyka v psihoanalize* [The function and field of speech and language in psychoanalysis]. Moscow: Gnosis. (In Russian).
4. Leont'ev A.A. (2014) *Osnovy psiholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl. (In Russian).
5. Losev A.F. (1964) *Istoriya esteticheskikh kategorij* [The history of aesthetic categories]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
6. Makarova S.A. (2017) *Metro-ritmicheskij repertuar simbolistov v kontekste dinamicheskogo razvitiya russkogo stiha* [Metro-rhythmic repertoire of Symbolists in the context of dynamic development of Russian verse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. (In Russian).
7. Stoyanovskij M.Yu. (2025) *V prostranstve mifa A. Bloka (Stihotvorenije «Miry letyat. Goda letyat. Pustaya...»)* [In the space of A. Blok's Myth (The Poem "Worlds Fly. The years fly by. Empty...")]. (In Russian).
8. Freid S. (2011) *Psihologiya bessoznatelnogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow: AST. (In Russian).
9. Shtajjn K.E. (2006) *Garmoniya poeticheskogo teksta. Sklad. Tkan'. Faktura* [Harmony of the poetic text. Composition. Cloth. Invoice]. Stavropol: SGU. (In Russian).
10. Etkind E.G. (1998) «Vnutrennij chelovek» i vneshnyaya rech': *Ocherki psihopoetiki russkoj literatury XVIII–XX vv.* [The "Inner Man" and the Outer speech: Essays on the Psychopoetics of Russian Literature of the XVIII–XX centuries]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russian).

Поступила в редакцию 16.11.2025 г.

INTERACTION OF AUTHOR AND READER THROUGH IMPLEMENTATION OF GOLDEN RATIO PRINCIPLE THROUGH PRISM OF PSYCHOPOETICS

Kiyashko V.A.

The article addresses the mechanism of interaction between the author and the reader in the context of the use of the Golden Ratio principle, implemented through psychopoetics. The role of aesthetic and psychological aspects in the formation of effective communication between the author and the reader based on harmony and proportions is analyzed. The paper presents the theoretical foundations, practical approaches and promising directions for integrating the Golden Ratio principle into the analysis of poetic creativity, taking into account the psycho-emotional reaction of the reader.

Keywords: psychopoetics, author-reader interaction, psychology of perception, Golden Ratio principle, harmony.

Кияшко Вероника Александровна.

Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, Краснодарский край,
город Краснодар.

Преподаватель кафедры немецкой филологии.

ORCID 0009-0005-9324-5932.

E-mail: kiaschkoveronika@mail.ru.

Kiyashko Veronika Alexandrovna.

Kuban State University,
Russian Federation, Krasnodar Territory, Krasnodar
city.

Lecturer of German Philology Department

ORCID 0009-0005-9324-5932.

E-mail: kiaschkoveronika@mail.ru.

Обзорная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.18825424

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРЕВОГА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИИЛА ХАРМСА: АБСУРД КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ

© 2026 М.В. Макарова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0000-0002-8279-0581

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье исследуется феномен экзистенциальной тревоги в творчестве Даниила Хармса в контексте философии абсурда А. Камю и Ж.-П. Сартра. На материале ключевых прозаических текстов Хармса («Случаи», «Старуха», «Вываливающиеся старухи» и др.) с применением сравнительно-сопоставительного анализа и экзистенциально-феноменологического подхода демонстрируется, что хармсовский абсурд является не только литературным приемом, но и художественной репрезентацией онтологической тревоги бытия, порожденной столкновением с бессмысленностью и хаосом мира. Установлено, что произведения Хармса, предвосхищая «гипер-абсурд» XXI века, выполняют для читателя психологическую функцию валидации и контейнирования экзистенциальной тревоги, предлагая модель эстетического бунта как способа совладания с ней. Хармс интерпретируется как «диагност» и «терапевт» экзистенциального состояния человека в условиях утраты метанарративов.

Ключевые слова: творчество Даниила Хармса, абсурд, экзистенциальная тревога, непредсказуемость, глубинные переживания, контейнирование, эстетический бунт, литература абсурда, феноменология.

Для цитирования: Макарова М.В. Экзистенциальная тревога в творчестве Даниила Хармса: абсурд как онтологическое условие / М.В. Макарова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 154–163. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825424>.

Введение. Даниил Иванович Хармс (1905–1942), ключевая фигура русского литературного авангарда и абсурдизма, чьё творчество долгое время существовало на периферии официального литературоведческого дискурса, в последние десятилетия становится объектом пристального научного интереса. Несмотря на трагическую судьбу и сложные исторические обстоятельства эпохи, в которых он творил, художественные стратегии Хармса обнаруживают удивительную релевантность вызовам современности. В год 120-летия со дня его рождения актуальность его голоса обусловлена не только юбилейным контекстом, но и глубинным созвучием его поэтики антропологическим и экзистенциальным проблемам XXI века. В мире, где границы рационального стираются, а смысл постоянно ускользает, творчество Хармса перестает быть лишь «литературной диковинкой». Оно предстаёт как сложно организованный художественный универсум, выступающий мощным резонатором фундаментальных экзистенциальных вопросов и актуальных психологических потребностей современного человека, существующего в условиях «гипер-абсурда» и тотальной неопределенности.

В статье ставится цель исследования феномена экзистенциальной тревоги как системообразующего элемента поэтики Д. Хармса, интерпретируя его абсурд не только как эстетический приём, но и как онтологическое условие человеческого существования в мире, лишённом метанарративов. Основная гипотеза исследования заключается в том, что тексты Хармса выполняют для современного читателя специфическую психологическую функцию «контейнирования» и трансформации экзистенциальной тревоги, предлагая модель эстетического бунта в качестве стратегии совладания с бессмысленностью. Для достижения поставленной цели в работе применяется междисциплинарный подход, сочетающий сравнительно-сопоставительный анализ литературных текстов с экзистенциально-феноменологической методологией (в диалоге с концепциями А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса) и привлечением ключевых положений экзистенциальной психологии (Р. Мэй, И. Ялом). Материалом исследования выступают ключевые прозаические тексты Хармса, анализ которых позволяет выявить механизмы репрезентации и продуктивного преодоления онтологической тревоги в условиях тотального абсурда.

Основная часть. Мир Хармса — это хаос и непредсказуемость, возведенные до абсурда, но увиденные сквозь призму острого юмора и едкого сарказма. Его тексты, вопреки кажущейся бессмысленности, поражают изяществом слога и филигранной работой со словом. Ощущение мира, лишённого привычных причинно-следственных связей, специфически структурированного пространства [4], где события происходят внезапно и беспричинно («Кассирша», «Случай») отражают фундаментальную тревогу существования, разделяемую как героями, так и вовлекаемым в этот абсурд читателем. Эта тревога берёт начало в тотальной когнитивной растерянности: когда причинно-следственная связь обрывается, человек утрачивает способность предсказывать даже следующее мгновение. В мире, где старухи выпадают из окон без причины, а кассирши исчезают, субъект лишается своей главной опоры — предсказуемости бытия. Возникает состояние «головокружения», при котором неопределенность становится не временным затруднением, а единственно возможным способом присутствия в мире.

Несмотря на разный исторический контекст, сегодняшний мир перманентных кризисов (экологических, политических, экономических), информационного шума, «постправды», где рациональное объяснение часто отстывает перед потоком непредсказуемых событий (пандемия, войны, технологические скачки), хармсовский абсурд становится не литературным приемом, а точным описанием реальности, где привычные схемы рушатся. Тревога прочитывается в механистичности и обезличенности героев Хармса («Оптический обман», «Сонет», «Сон»), лишённых смысла и эмоций. Здесь неопределенность касается уже не только внешних событий, но и самой структуры человеческого «Я». Персонаж Хармса — это «человек-функция», который не знает, кем он будет в следующей строчке текста, и эта зыбкость идентичности рифмуется с положением современного цифрового субъекта. Эпоха клипового мышления, мемов, фейков, эвфемизмов, языковой агрессии в сети — всё это ставит под сомнение возможность подлинного понимания слова и доверия к нему. В текстах Хармса язык часто рассыпается, диалоги ведутся мимо друг друга, слова теряют смысл или обретают нелепый, гротескный вид, обнажая уродливость и комизм человеческого существования, удерживаемого лишь интертекстуальностью [6]. Хармс предвосхищает ощущение дегуманизации и показывает язык как ненадежный инструмент, что резонирует с проблемой коммуникации сегодня.

Именно эта разлитая в текстах неопределенность, а именно невозможность опереться ни на логику событий, ни на твердость собственного имени, подводит нас

к самой сути хармсовского мироощущения. Подобная поэтика не просто фиксирует алогизм повседневности, но и последовательно разрушает саму возможность экзистенциального «укрытия», как веры в разумность миропорядка, стабильность социальных ролей или предзаданный смысл. Персонажи Хармса существуют в условиях перманентной онтологической неопределенности: любое действие может привести к неадекватному, часто катастрофическому результату, а привычные категории (личность, воля, причина) теряют свою силу. Художественное творчество нередко служит своего рода увеличительным стеклом, позволяющим рассмотреть человеческое сознание в условиях, когда привычные логические и ценностные опоры утрачены. В этих смоделированных мирах становится ясно, как люди реагируют на глубочайшую потерю ориентиров и смысла бытия. Тогда и выступает экзистенциальная тревога, но не как обыденный страх, а как фундаментальное состояние, порожденное прямым контактом с бессмысленностью.

Фундаментальная экзистенциальная тревога предстает не как частная психологическая реакция на внешний стимул, а как онтологическая константа, «тревога небытия». В философской традиции от С. Кьеркегора до М. Хайдеггера она осмысливается как неизбежное следствие человеческой свободы и «вброшенности» в мир. Если для Кьеркегора это «головокружение» перед бездной собственных возможностей [1], то для Хайдеггера — состояние, устраняющее суету повседневных дел и обнажающее беспричинность человеческого существования [7]. Психологическая линия Р. Мэй и И. Ялома развивает эту мысль, трактуя тревогу как осознание угрозы «центру» личности, возникающее при столкновении с предельными данностями бытия: конечностью, одиночеством, отсутствием предзаданного смысла [9].

В художественном мире Даниила Хармса эта имплицитная тревога материализуется, переходя из области предчувствий в область физического действия. Там, где экзистенциальный взгляд видит «устранение привычных опор», Хармс показывает буквальный распад причинно-следственных связей. Растерянность его героев и острая сатира становится живым воплощением той самой онтологической тревоги, о которой писали экзистенциальные психологи. Однако, чтобы понять, как тревога структурирует реальность текста, необходимо обратиться к категориям, в которых экзистенциальная мысль фиксирует точку столкновения сознания с иррациональностью мира — к «абсурду» А. Камю и «тошноте» Ж.-П. Сартра.

В «Мифе о Сизифе» Камю определяет абсурд как конфликт между врожденным человеческим стремлением к смыслу, порядку и ценности в жизни и полным безмолвием, равнодушием и иррациональностью Вселенной, «неразумным молчанием мира», отмечая, что абсурд рождается на стыке этого противоречия [14]. Тексты Хармса, такие как «Случай» и «История Сдыгр Аппр», можно рассматривать как художественную инкарнацию этого конфликта: мир Хармса характеризуется бессилием разума, разрушением логических связей и отсутствием причинно-следственных отношений; мир безмолвен и равнодушен, что проявляется во внезапной и необъяснимой смерти («Вываливающиеся старухи») и столкновении персонажей с нелепыми, необъяснимыми событиями как с данностью; поиск смысла тщетен, и любые попытки героев действовать «разумно» или найти объяснение обречены на провал или приводят к еще большей нелепости [8]. При этом, если Сизиф у Камю обретает достоинство через осознание своего жребия, то герои Хармса зачастую лишены даже этой возможности, их столкновение с абсурдом мгновенно и фатально. Мир Хармса не просто «безмолвен», он активно деструктивен. Смерть здесь не является итогом жизни или экзистенциальным пределом (как у Хайдеггера), она превращается

в нелепую техническую ошибку, окончательно девальвирующую человеческую субъектность. «...Постепенно человек утрачивает свою форму и становится шаром. И став шаром, человек утрачивает все свои желания» [16, с. 479]. Важно отметить совпадение позиции Камю и Хармса в том, что абсурд является не временным состоянием, а фундаментальной характеристикой существования, отражающей несоответствие мира нашим ожиданиям смысла и порядка.

Параллельно с этим, экзистенциальная философия Сартра, в частности, через призму «Тошноты», «дурной веры» и отчуждения, предлагает еще один аспект анализа творчества Хармса [15]. В «Тошноте» Рокантен переживает отвращение к случайности и избыточности бытия («de trop»), к отсутствию предзаданной сущности, подчеркивая, что человек «осужден быть свободным» и должен создать свою сущность через выбор и действие, а «дурная вера» (*mauvaise foi*) является самообманом, бегством от этой свободы и ответственности в роль, в готовые шаблоны и конформизм. Подобное бегство в «дурную веру», выражающееся в конформизме и автоматизме героев Хармса, можно рассматривать как попытку снизить тревогу свободы, описанную Ролло Мэем, — страх перед безграничными возможностями и необходимостью делать выбор в неопределенном мире [3]. Мир Хармса пронизан случайностью и избыточностью, где события происходят «просто так», предметы и люди лишены глубинной сущности, оставаясь материальными и зачастую гротескными («Оптический обман»). Эта «вещность» мира Хармса доведена до предела: предметы в его текстах обретают пугающую автономность, высвечивая сартровское ощущение избыточности бытия. Если Рокантен ощущает тошноту от созерцания корня каштана, то герой Хармса буквально задыхается в мире, где физические объекты (шары, топоры, вываливающиеся тела) вытесняют сознание, превращая саму жизнь в нагромождение бессмысленных материй. Отчуждение и «автоматизм» проявляются в действиях героев, часто напоминающих марионеток, лишенных подлинности («Сонет», «Судьба жены профессора»), являясь воплощением «дурной веры» и принятия абсурдных ролей и ритуалов как нормы. Многие тексты Хармса выражают «тошноту» перед банальностью, отвращение к обывательской пошлости, к механистичности жизни и попыткам прикрыть абсурд фальшивыми смыслами.

Так, абсурд по Камю и экзистенциальное отчуждение по Сартру показывают, что абсурд не просто окружает героев Хармса, а пронизывает саму ткань их существования. Мир, лишенный Бога или высшей рациональной цели, обнажает фундаментальную бессмысленность существования, и абсурд в текстах Хармса становится не просто литературным приемом, а художественной репрезентацией этой тревоги, проявляющейся в форме внезапной смерти (тревога небытия), распада языка и смысла (тревога утраты опор), механистичности мира (тревога утраты индивидуальности и свободы), и ощущения «заброшенности» в хаос. Абсурд и отчуждение в текстах Хармса, с одной стороны, представляет собой философскую позицию, в которой герои исчезают, превращаются в ничто, а их усилия оказываются тщетными, а с другой — выступают онтологическими источниками экзистенциальной тревоги. Таким образом, если для Камю и Сартра абсурд — это интеллектуальный вызов, требующий ответа (бунта или выбора), то для Хармса это сама среда обитания, «онтологическое условие», в котором тревога лишается своего объекта и становится тотальной. В этом смысле Хармс не просто описывает абсурд, он фиксирует состояние человека, лишенного последнего «укрытия» — логики, и оставленного один на один с голым, неудобным и предельно непредсказуемым фактом своего существования.

Современность, в которой «большие нарративы» утрачивают свою силу, делает поиск смысла ключевым экзистенциальным вызовом, и Хармс, не предлагая ответов, с пугающей прямоотой обнажает сам вопрос о бессмысленности. Хрупкость существования и неизбежность смерти, представленные в его текстах обыденно и внезапно, лишённые пафоса, отражают экзистенциальную уязвимость человека, о которой напоминают глобальные угрозы и трагические события современности [2]. В творчестве Хармса, в условиях несвободы и давления, выражен акт абсолютной свободы, бунт против логики, норм и самой реальности через абсурд, что делает его иконой эстетического и экзистенциального сопротивления, утверждающего индивидуальность и свободу в мире, где потребность в бунте остается крайне высокой.

Творчество Хармса можно рассматривать как своего рода «диагностику» экзистенциальной тревоги — его тексты не просто констатируют абсурд, а инсценируют саму тревогу бытия, делая её зримой и осязаемой. Он не рассуждает о тревоге, а демонстрирует её через конкретные ситуации и состояния персонажей, вовлекая в это переживание и читателя. Этот эффект вовлечения становится особенно явным, если рассматривать нарративную структуру текстов Хармса через призму концепции «пограничных ситуаций» К. Ясперса [10]. Для Ясперса именно в этих ситуациях — смерти, страдания, борьбы, вины — человек сталкивается с крахом всех объективных, рациональных опор своего существования и оказывается лицом к лицу с самим собой и фундаментальными вопросами бытия. Эти ситуации «непроницаемы» для рассудка и «непреодолимы», но именно они, по мысли философа, пробуждают в человеке экзистенцию, вырывая его из «дремоты» повседневности. Творчество Хармса представляет собой практически лабораторное воспроизводство таких пограничных ситуаций, но с характерным для абсурда смещением: они лишены какого-либо пафоса, героики или глубины. Вместо экзистенциального прорыва они чаще всего демонстрируют экзистенциальный крах, что, однако, не отменяет их «пограничной» функции для читателя.

Яркой иллюстрацией такой пограничной ситуации является рассказ «Судьба жены профессора». Рутинное, механистическое существование героини внезапно обрывается абсурдным, необъяснимым событием (её «выдавливание» из жизни), которое не несёт в себе ни драматизма, ни катарсиса, лишь констатацию нелепости. Эта внезапность и отсутствие смысла в самом факте прекращения существования обнажают хрупкость человеческой жизни, лишённой какой-либо высшей санкции или оправдания. Подобные тексты не просто повествуют о смерти — они симулируют для читателя опыт встречи с Ничто, разрушая защитные механизмы повседневности и провоцируя ту самую базовую тревогу, которая, по Ясперсу, и открывает путь к подлинному экзистенциальному вопрошанию. Если у Ясперса пограничная ситуация ведёт к трансценденции, то у Хармса она ведёт в тупик, который и есть единственная подлинная реальность. Принятие этого тупика и есть форма экзистенциального бунта. В этом смысле Хармс становится не просто писателем-абсурдистом, а своего рода экзистенциальным психотерапевтом, помогающим читателю соприкоснуться с собственными глубинными переживаниями.

Современность, с её глобальными рисками (экологическими катастрофами, ядерной угрозой), информационной перегрузкой, кризисом идентичности, ускорением темпа жизни и пандемиями, становится эпохой «гипер-абсурда». Мир «чёрных лебедей» лишает субъекта иллюзии контроля и возможности долгосрочного планирования. Это приводит к усилению базовой экзистенциальной тревоги, превращая её в массовый феномен. Катализатором этой массовой тревоги выступает то, что современность сама

по себе становится сплошной «пограничной ситуацией» в ясперсовском смысле, но в глобальном, перманентном масштабе. Современное «клиповое мышление» и бесконечный поток новостного шума зеркально отражают структуру хармсовских текстов: в них трагедия и анекдот, смерть и бытовая нелепица соседствуют без какой-либо иерархии и перехода. Читатель Хармса, сталкиваясь с этим «гипер-абсурдом», находит в его текстах не просто отражение окружающей действительности, но и точное описание своего внутреннего состояния, вызванного этой тревогой. Хармс легитимизирует эту тревогу, показывая её универсальность и предлагая, пусть и через абсурд, способ справиться с экзистенциальным дискомфортом. Его тексты становятся своего рода «зеркалом» современности, отражая не только её абсурд, но и вызванную им глубинную тревогу человека, ищущего смысл в хаотичном мире.

Какие же психологические потребности удовлетворяют произведения Хармса, позволяя читателям находить в абсурде отражение и освобождение?

В первую очередь, (по)читатель Хармса часто находит в его текстах точное отражение собственных смутных тревог о непостижимости мира, его непредсказуемости и потенциальной жестокости. Экзистенциальная тревога по определению лишена конкретного объекта, что делает её труднопереносимой: человек боится «ничего» и «всего» сразу. Тексты Хармса совершают важный акт экстернализации, они выносят этот внутренний хаос вовне, придавая ему пугающие, гротескные, но всё же осязаемые формы. Когда неопределенность бытия воплощается в образе внезапно исчезнувшего соседа или беспричинно вываливающихся старух, она перестает быть «немым» внутренним давлением и становится эстетическим объектом, на который можно смотреть со стороны. Чтение Хармса через призму экзистенциализма даёт читателю мощное послание: «тревога не патология, а закономерная реакция на условия человеческого существования в абсурдном мире. Вы не одиноки». Это снижает тревогу вторичную (тревогу по поводу своей тревоги). Механизм валидации в случае Хармса работает особенно мощно именно потому, что он избегает прямого высказывания. Вместо заявления «жизнь бессмысленна» он демонстрирует бессмысленность в действии. Вместо описания тревоги он создаёт саму ситуацию тревожности внутри текста. Читатель, сталкиваясь с необъяснимым исчезновением персонажа или распадом диалога, сам переживает когнитивный диссонанс и растерянность, которые являются ядром экзистенциальной тревоги. Таким образом, валидация происходит не на уровне согласия с тезисом, а на уровне совпадения внутреннего состояния читателя с предлагаемым художественным опытом. Читатель узнает в этой литературно смоделированной растерянности своё собственное, часто неосознаваемое, чувство потерянности в мире.

Во-вторых, художественная форма Хармса (лаконичность, черный юмор, дистанция) создаёт «безопасный контейнер» (в терминах У. Биона) для переживания этой тревоги. В психоанализе это способность психики (или Другого, например, терапевта) перерабатывать невыносимые, «неперевариваемые» эмоции в форму, доступную для осмысления и интеграции [11]. Художественная форма у Хармса и выполняет функцию такого «контейнера». Она включает сырой, пугающий опыт столкновения с абсурдом и смертью в чёткие, часто ритмизированные границы текста, трансформируя паническую тревогу в эстетическое переживание, которым можно управлять [5]. Важную роль здесь играет черный юмор, который выступает инструментом когнитивного дистанцирования: он позволяет перекодировать невыносимый аффект в интеллектуальную отстранённость, лишая пугающие события их фатальной власти над субъектом. Читатель, таким образом, получает возможность

коснуться источников своей экзистенциальной тревоги не напрямую, а через безопасный посредник художественного вымысла, что и составляет основу «терапевтического» эффекта. Это своего рода «экзистенциальная вакцинация». Хармс освобождает читателя от тирании рационального объяснения всего и обязательности «глубинного смысла». Его тексты позволяют принять хаос, иррациональность, бессмыслицу как часть бытия, снять груз необходимости всё понимать и контролировать.

В-третьих, это удовлетворение потребности в интеллектуальном вызове и когнитивной игре. Произведения Хармса функционируют как сложная, но увлекательная семиотическая система. Процесс расшифровки аллюзий, поиска скрытых смыслов или, что не менее важно, осознанного принятия их отсутствия вовлекает читателя в активную игровую позицию исследователя. Эта деятельность отвечает базовой потребности в компетентности и мастерстве [13], принося чувство удовлетворения от решения (или от понимания принципиальной неразрешимости) литературной задачи. При этом сама природа «загадок» Хармса, где логика ведет в тупик, а язык ускользает, тренирует толерантность к неопределенности [12] — ключевую психологическую способность в хаотичном мире. В эпоху, когда алгоритмы и социальные институты стремятся предложить человеку готовые (и часто ложные) ответы, Хармс возвращает нас к состоянию «негативной способности» Дж. Китса — умению пребывать в сомнении и неопределенности, не стремясь судорожно подменить их первым попавшимся объяснением. Эта интеллектуальная аскеза (отказ от навязанного смысла) укрепляет внутренние границы личности, делая её менее уязвимой перед манипуляциями и информационным шумом. Эстетическая игра с языком и формой, характерная для поэтики Хармса, выполняет также функцию когнитивного «остранения» В. Шкловского. Разрушая автоматизм восприятия и привычные языковые конструкции, она заставляет сознание читателя работать в ином режиме — постоянно балансируя между попыткой смыслообразования и принятием абсурда как эстетического правила игры.

И последнее, пожалуй, самое важное: в мире конформизма и шаблонов Хармс является символом радикальной творческой свободы и неповторимого видения. Его почитатели и подражатели ценят его как пример человека, сохранившего внутреннюю свободу и уникальный голос в нечеловеческих условиях. Осознание абсурда и сопутствующей ему тревоги — это лишь первый шаг на пути к осмыслению существования, как отмечал Камю, подчеркивая серьезность этой философской проблемы. Творчество Хармса представляет собой следующий, более активный шаг — бунт. Его эстетический бунт, проявляющийся в разрушении норм и смехе над бездной, является не бегством от тревоги, а способом жить с ней, утверждая свою свободу и творческое начало вопреки давлению абсурдности. Бунт Хармса — это «бунт стиля» в условиях, когда реальность стремится раздавить человека (вчерашним тоталитаризмом или сегодняшним технократическим обезличиванием), сохранение права на абсурдную шутку и алогичный жест становится актом высшей суверенности. Смех над бездной у Хармса не отменяет бездну, но он отменяет её право диктовать человеку условия его существования. Этот бунт предлагает читателю модель активного, а не пассивно-тревожного отношения к экзистенциальному вызову, вдохновляя на поиск собственного пути в мире, лишенном готовых ответов.

Таким образом, бунт в парадигме Хармса предстает как экзистенциальное решение фундаментальной проблемы, поставленной абсурдом. Если абсурд (по Камю) ставит вопрос о самоубийстве, а тревога парализует, то хармсовский художественный жест предлагает третий путь — продолжать игру на своих условиях. Смех, алогизм, разрушение языка становятся не симптомом распада, а сознательно избранным методом

организации хаоса, инструментом создания личной смысловой вселенной, пусть и построенной на признании всеобщей бессмыслицы. В этом заключается его глубоко терапевтический потенциал: он смещает фокус с мучительного поиска утраченного объективного смысла «вовне» на отважный акт придания смысла (через творчество, иронию, стиль) своему собственному существованию «здесь и сейчас». Бунт превращается из протеста в акт суверенного самоопределения, а текст Хармса в тренировочное поле для этого решения.

Заключение. Даниил Хармс актуален не вопреки своему абсурду, а благодаря ему. Он гениальный диагност экзистенциального состояния человека в мире, потерявшем твердые ориентиры. Его творчество предоставляет уникальную возможность для осмысления и принятия фундаментальной неопределенности как онтологического условия. Его тексты представляют собой художественную фиксацию той глубинной тревоги, которая для современного человека стала привычным фоном существования. Для своих читателей Хармс выполняет роль парадоксального «терапевта». Он не утешает, а обнажает. Но именно в этом обнажении, в этом смехе над бездной, в этом бунте бессмыслицы против бессмыслицы и кроется освобождающая сила. Произведения Хармса, отражая хаотичность современной реальности, предлагают своеобразную стратегию адаптации к абсурду. Эта стратегия характеризуется сочетанием горькой иронии, творческой свободы и способности прямо смотреть в лицо бессмысленности бытия, не избегая её. Его актуальность в том, что он говорит на языке экзистенциального отчаяния и бунта, который остается универсальным, особенно в эпоху нестабильности и поиска смысла среди руин старых истин.

В контексте экзистенциально-феноменологического анализа и психологических концепций становится ясно, что творчество Хармса моделирует не только состояние абсурда, но и предлагает пути к работе с порождаемой им тревогой. Художественная форма его текстов, «безопасный контейнер», позволяет переработать невыносимые аффекты и интегрировать их в психику. Ключевым этапом этого процесса является момент «экзистенциального узнавания», когда читатель опознаёт свои смутные переживания в чеканных формах литературного абсурда, что само по себе обладает мощным валидирующим эффектом. Через лаконичность, черный юмор и эстетическое отстранение, Хармс трансформирует отчаяние в управляемое эстетическое переживание. Этот эффект, подобный «экзистенциальной вакцинации», позволяет читателю столкнуться с хаосом не напрямую, а через медиацию художественного вымысла, снижая тем самым вторичную тревогу (страх по поводу своей тревоги).

Именно этот процесс — от валидации смутных переживаний и их контейнирования до акта эстетического бунта — и составляет суть психологической функции текстов Хармса. Его произведения предлагают не просто отражение «гипер-абсурда» XXI века, но и своего рода художественный инструмент для существования в нём. Хармс оказывается нашим современником, потому что мир, который он описал, стал нашим миром, а язык его абсурда стал универсальным языком нашего времени, на котором мы ищем смысл среди руин старых истин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кьеркегор С. Страх и трепет / С.Кьеркегор; пер. с дат. — М.: Республика, 1993. — 382 с.
2. Макарова М.В. Представления и концептуализация понятия судьбы у студентов-психологов / М.В. Макарова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2023. — № 6. — С. 341–349. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2023-6-43>
3. Мэй Р. Смысл тревоги / Р. Мэй; пер. с англ. — М.: Класс, 2001. — 384 с.

4. Панкратова Е.В. Пространство как структурообразующая категория в художественном мире Д. Хармса / Е.В. Панкратова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2024. — Т. 25. — № 2. — С. 186–195. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2024.2.2.017>
5. Петренко А.Ф. Танатос в художественном мире Д. Хармса / А.Ф. Петренко // Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом: сб. науч. тр. Вып. II. — Новосибирск: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. — С. 13–15.
6. Смирнова А.И. «Говорю, чтобы мыслить» (интертекстуальность в творчестве Д. Хармса) / А.И. Смирнова, Е.Е. Саблина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. — 2009. — № 8. — С. 153–156.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Библихина. — Харьков: Фолио, 2003. — 503 с.
8. Шенкман Я. Логика абсурда (Хармс: отечественный текст и мировой контекст) / Я. Шенкман // Вопросы литературы. — 1998. — № 4. — С. 54–80.
9. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом; пер. с англ Т. С. Дробкиной. — М.: Класс, 1999. — 576 с.
10. Ясперс К. Введение в философию / К. Ясперс; пер. с нем.; под ред. А.А. Михайлова. — Мн.: Пропилеи, 2000. — 192 с.
11. Bion W.R. Learning from Experience / W.R. Bion. — Lanham: Rowman & Littlefield, 2004. — 126 с.
12. Budner S. Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable / S. Budner // Journal of Personality. — 1962. — Vol. 30. — P. 29–50.
13. Ryan R.M. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being / R.M. Ryan, E.L. Deci // American psychologist. — 2000. — Т. 55. — № 1. — С. 68.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

14. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю; пер. с фр. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
15. Сартр Ж.-П. Тошнота [Электронный ресурс] / Ж.-П. Сартр. — Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/zhan-pol-sartr/toshnota-155250> (дата обращения: 10.05.2025).
16. Хармс Д. Малое собрание сочинений / Д. Хармс. — СПб.: Азбука-классика. — 2005. — 863 с.

REFERENCES:

1. Kierkegaard S. (1993). Strakh i trepet [Fear and Trembling]. Moscow: Respublika. (In Russian)
2. Makarova M.V. (2023). Predstavleniia i kontseptualizatsiia poniatiia sud'by u studentov-psikhologov [Conceptualization of destiny phenomenon represented by psychology students]. The Herzen University Studies: Psychology in Education, 6, 341–349. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2023-6-43> (In Russian).
3. May R. (2001). Smysl trevogi [The Meaning of Anxiety]. Moscow: Klass. (In Russian)
4. Pankratova E.V. (2024). Prostranstvo kak strukturoobrazuiushchaia kategoriia v khudozhestvennom mire D. Kharmsa [Literary space as a structure-forming category in the artistic world of D. Kharms]. Review of Russian Christian Academy for Humanities, 25(2), 186–195. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2024.2.2.017> (In Russian).
5. Petrenko A.F. (2015). Tanatos v khudozhestvennom mire D. Kharmsa [Thanatos in the literary world of D. Kharms]. Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk v Rossii i za rubezhom: sb. nauch. tr. Vyp. II [Current issues in the humanities in Russia and abroad: collection of scientific works. Issue 2] (pp. 13–15). Novosibirsk: Innovation Center for the Development of Education and Science. (In Russian)
6. Smirnova A.I., Sablina E.E. (2009). “Govoriu, chtoby myslit” (intertekstual'nost' v tvorchestve D. Kharmsa) [“I speak so that I may think” (intertextuality in the works of D. Kharms)]. Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism, 8, 153–156. (In Russian)
7. Heidegger M. (2003). Bytie i vremena [Being and Time]. Kharkiv: Folio. 503 p. (In Russian)
8. Shenkman Y. (1998). Logika absurda (Kharmis: otechestvennyi tekst i mirovoi kontekst) [The Logic of Absurdity (Kharms: Domestic Text and Global Context)]. Voprosy Literatury, 4, 54–80. (In Russian)
9. Yalom I. (1999). Ekzistentsial'naia psikhoterapiia [Existential Psychotherapy]. Moscow: Klass. (Original work published 1980). (In Russian)
10. Jaspers K. (2000). Vvedenie v filosofiiu [Introduction to Philosophy]. Minsk: Propilei. (In Russian)
11. Bion W.R. (2004). Learning from Experience. Lanham: Rowman & Littlefield. (In English)
12. Budner S. (1962). Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable. Journal of Personality, 30, 29–50. (In English)
13. Ryan R.M., Deci E.L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. American Psychologist, 55(1), 68. (In English)

Поступила в редакцию 24.11.2025 г.

**EXISTENTIAL ANXIETY IN WORKS BY DANIIL KHARMS:
ABSURDITY AS ONTOLOGICAL FOUNDATION**

M.V. Makarova

This article explores the phenomenon of existential anxiety in the works by Daniil Kharms within the context of the philosophy of absurdity as articulated by Albert Camus and Jean-Paul Sartre. A comparative analysis of key prose texts by Kharms (“Cases,” “The Old Woman,” “The Old Women Who Fall Out,” etc.), used together with an existential-phenomenological approach, revealed that the absurdity in Kharms’s work is not only a literary device, but also an artistic representation of the ontological anxiety of existence, generated by the collision with the meaninglessness and chaos of the world. The study establishes that Kharms’s works, anticipating the “hyper-absurd” of the 21st century, perform a psychological function for the reader by validating and containing existential anxiety, offering a model of aesthetic rebellion as a means of coping with it. Kharms is interpreted as a “diagnostician” and “therapist” of the human existential condition in an era of lost metanarratives.

Keywords: Daniil Kharms’s works, absurdity, existential anxiety, unpredictability, profound experiences, containment, aesthetic rebellion, literature of the absurd, phenomenology.

Макарова Мария Владимировна.

Кандидат политических наук, магистр психологии.

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.

Старший преподаватель кафедры психологии личности.

ORCID: 0000-0002-8279-0581.

e-mail: m.v.makarova@spbu.ru.

Makarova Maria Vladimirovna.

Candidate of Political Sciences, Master’s degree in Psychology.

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Senior Lecturer at Personality Psychology Department.

ORCID: 0000-0002-8279-0581.

e-mail: m.v.makarova@spbu.ru.

Научная статья
УДК 342.7:81'42
DOI: 10.5281/zenodo.18825479

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В КОНТРАСТИВНОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПОДХОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

© 2026 С.А. Хужакулов
Университет экономики и педагогики (Узбекистан).
ORCID 0009-0005-5233-586X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена комплексному концептуальному и культурологическому анализу юридической терминологии в контрастивном лингвокультурном подходе на материалах английского и русского языков. В работе исследуются особенности формирования юридических понятий, их лексико-семантические структуры и способы отражения культурно-правовых реалий двух стран. Основное внимание уделено выявлению концептуальных различий, обусловленных правовыми традициями, историческим развитием законодательства и языковой спецификой. Применение методов юридической герменевтики, лексико-семантического анализа и контрастивной лингвистики позволило детально проследить семантические сдвиги и трудности при переводе терминов, а также их влияние на интероперабельность правовой информации. Особое значение имеет рассмотрение культурного контекста, который формирует различное понимание одних и тех же юридических понятий в английской и российской правовых системах. Результаты исследования могут быть полезны при подготовке учебных материалов, совершенствовании юридического перевода, а также для сравнительно-правового анализа и разработки унифицированной терминологической базы. Статья представляет интерес для лингвистов, переводчиков, юристов и специалистов по сравнительному правоведению, стремящихся к глубокому пониманию взаимосвязи языка, культуры и права, а также практическому применению контрастивного анализа в юридической коммуникации.

Ключевые слова: юридическая терминология, лингвокультурный подход, концептуальный анализ, культурологический анализ, контрастивная лингвистика, юридическая герменевтика, лексико-семантический анализ, интероперабельность.

Для цитирования: Хужакулов С.А. Концептуальный и культурологический анализ юридической терминологии в контрастивном лингвокультурном подходе (на материалах английского и русского языков) / С.А. Хужакулов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 164–175. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825479>.

Введение. Юридическая терминология является одной из наиболее сложных и многогранных областей профессионального языка, поскольку она сочетает в себе как строго формализованные правовые понятия, так и отражение культурных и исторических особенностей общества. Понимание и правильное использование юридических терминов имеет решающее значение не только для практической деятельности юристов, переводчиков и специалистов по международному праву, но и для проведения сравнительно-правового анализа и совершенствования систем юридического перевода. Особую актуальность исследование приобретает в условиях глобализации и активного межъязыкового взаимодействия, когда необходимость точной интерпретации правовых понятий между различными правовыми и культурными традициями становится особенно значимой.

Контрастивный лингвокультурный подход позволяет исследовать юридическую терминологию с двух взаимосвязанных точек зрения: лексико-семантической и культурологической. Он направлен на выявление не только лексических и грамматических особенностей терминов, но и их концептуальной структуры, а также культурных смыслов, заложенных в правовой системе конкретного языка. Английский и русский языки, представляя разные правовые традиции — англосаксонскую и континентальную — демонстрируют значительные различия в трактовке и употреблении юридических понятий. Эти различия часто приводят к трудностям при переводе и интерпретации терминов, создавая риск искажения юридического смысла, что делает исследование особенно актуальным для современной юридической и лингвистической практики.

В научной литературе отмечается, что традиционные методы терминологического анализа недостаточны для комплексного понимания юридических понятий, так как они не учитывают культурные и концептуальные аспекты. Современные исследования, опирающиеся на методы юридической герменевтики и лексико-семантического анализа, позволяют выявлять семантические сдвиги, культурные различия и закономерности трансформации значений терминов в процессе межъязыковой коммуникации. Данный подход обеспечивает возможность системного сопоставления англоязычных и русскоязычных юридических понятий, что имеет практическое значение как для перевода юридических документов, так и для подготовки образовательных и научных материалов.

Целью данной статьи является комплексное исследование юридической терминологии английского и русского языков с точки зрения концептуального и культурологического анализа в контрастивном лингвокультурном подходе. Задачи исследования включают выявление специфики формирования юридических понятий, анализ лексико-семантических структур терминов, сопоставление культурных и правовых реалий, влияющих на значение и употребление терминов, а также определение трудностей перевода и интероперабельности юридической информации.

Таким образом, исследование представляет собой междисциплинарный анализ, объединяющий лингвистику, юридические науки и культурологию, что позволяет глубже понять взаимосвязь языка, культуры и права. Оно вносит вклад в развитие теории юридического перевода, сравнительного правоведения и контрастивной лингвистики, а также формирует практическую базу для эффективного использования юридических терминов в межъязыковой коммуникации.

Материалы и методы исследования. Для проведения исследования были выбраны юридические тексты на английском и русском языках, включая законодательные акты, официальные документы, научные публикации и учебные материалы. Английский материал включал тексты, отражающие англосаксонскую правовую традицию (*common law*), в то время как русскоязычные тексты представляли континентальную правовую систему (*civil law*). Такой подбор материалов позволил выявить культурные и концептуальные различия в трактовке юридических понятий и их семантическую специфику.

Методологическую основу исследования составили контрастивная лингвистика, юридическая герменевтика и лексико-семантический анализ. Контрастивный подход позволил сопоставлять термины двух языков не только на уровне словарного значения, но и с учетом их концептуальной и культурной наполненности. Юридическая герменевтика применялась для интерпретации смысловых оттенков терминов, выявления скрытых значений и анализа их применения в правоприменительной

практике. Лексико-семантический анализ обеспечил систематическое сопоставление терминов по их структурным, функциональным и семантическим характеристикам.

Каждый термин анализировался с точки зрения семантической структуры, правового значения, культурного контекста и переводческой совместимости. Результаты анализа представлены в виде сопоставительных таблиц и описательного текста, что позволяет выявить закономерности трансформации значений и трудности интероперабельности юридической терминологии между английским и русским языками.

Применение данной методологии обеспечивает глубокое понимание концептуальной и культурной специфики юридической лексики, что имеет практическую ценность для перевода юридических текстов, подготовки образовательных материалов и проведения сравнительно-правового анализа.

Литературный обзор. Изучение юридической терминологии в контексте лингвистики и культурологии является предметом активного научного интереса на протяжении последних десятилетий. Согласно Лейчику, терминология представляет собой не только совокупность словарных единиц, но и отражение концептуальных и культурных особенностей конкретной отрасли права. Он подчеркивает необходимость анализа термина на уровне его семантической структуры и функционального применения в профессиональной среде.

В контексте сравнительного правоведения и перевода юридических текстов работы Реформатского и Лотте выделяют культурные различия между англосаксонской и континентальной правовыми системами, влияющие на интерпретацию юридических понятий. Особое внимание уделяется понятиям, которые не имеют прямых эквивалентов в другой языковой системе, что создает трудности при переводе и интерпретации.

Современные исследования подчеркивают важность контрастивного анализа и юридической герменевтики для выявления скрытых семантических и культурных смыслов юридических терминов. Контрастивная лингвистика позволяет систематизировать различия и сходства между терминами, выявляя закономерности трансформации значений и культурных интерпретаций.

Работы по лексико-семантическому анализу показывают, что термин не следует рассматривать исключительно как лексическую единицу: его значение формируется в контексте профессиональной практики и культурной среды, что особенно важно для юридических текстов.

Таким образом, существующие исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода, объединяющего лингвистику, право и культурологию. Однако большинство работ сосредоточено на отдельной языковой системе; сравнительный анализ английского и русского юридического языка остается относительно недостаточно изученным, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

Основная часть. Исследование юридической терминологии английского и русского языков показало, что значение терминов формируется под влиянием не только языковой структуры, но и культурно-правовой среды. Английский язык юридической системы, основанный на англосаксонской традиции, придает терминам преимущественно прагматический и прецедентный характер. Русский язык, отражающий континентальную правовую систему, часто закрепляет терминологию через нормативные акты, что создает отличия в интерпретации одних и тех же правовых понятий.

В настоящем исследовании юридическая герменевтика используется как интерпретационный метод, направленный на выявление глубинных смыслов юридических терминов, выходящих за рамки их формально закреплённых дефиниций. Особое внимание уделяется анализу смысловых оттенков и имплицитных значений,

формирующихся в результате взаимодействия правовой нормы, институционального контекста и культурно-правовой традиции.

Интерпретация юридических терминов осуществляется с учётом их нормативного и дискурсивного окружения. Анализируется положение термина в структуре правового акта, его связь с другими нормами, а также тип юридического текста, в котором он функционирует. Такой подход позволяет выявить скрытые смысловые ограничения и функциональные характеристики терминов, проявляющиеся в правоприменительной практике и не всегда фиксируемые в словарных источниках.

Важным элементом герменевтического анализа является обращение к историческому измерению юридической терминологии. Рассматривается процесс формирования и эволюции терминов в рамках соответствующей правовой системы, включая изменения их значения под влиянием законодательных реформ, судебной практики и доктринальных интерпретаций. Историко-герменевтический анализ позволяет установить, каким образом социально-правовые условия и традиции влияют на современное концептуальное содержание юридических понятий.

Существенное значение имеет сопоставительная интерпретация англоязычных и русскоязычных юридических терминов. Анализ проводится не только на уровне формального лексического соответствия, но и с учётом различий в правовых институтах и правовой картине мира, отражаемой в языке. В ходе такого сопоставления выявляются расхождения в объёме семантических полей терминов, а также случаи концептуальной асимметрии, обусловленные принадлежностью языков к различным правовым традициям.

Юридическая герменевтика также применяется с позиции функционального анализа терминов в системе права. Исследуется роль терминов в механизме правового регулирования, их значение для реализации материальных и процессуальных норм, а также правовые последствия их использования. Такой подход позволяет выявить смысловые оттенки, связанные с практическим применением терминов в судебной и административной деятельности.

Дополнительно учитывается дискурсивно-прагматический аспект функционирования юридических терминов. Анализируется коммуникативная направленность правовых текстов, предполагаемый адресат и прагматический эффект употребления терминов. Это позволяет выявить оценочные и регулятивные компоненты значения, которые не всегда выражены эксплицитно, но оказывают существенное влияние на интерпретацию юридического смысла.

Интерпретация юридических терминов осуществляется в рамках герменевтического круга, предполагающего взаимосвязь между пониманием отдельного термина и всей правовой системы. Значение термина уточняется через анализ нормы и отрасли права в целом, а понимание правовой нормы, в свою очередь, корректируется на основе интерпретации ключевых терминологических единиц. Такой подход обеспечивает системность анализа и позволяет избежать фрагментарного толкования юридической лексики.

В результате применения юридической герменевтики становится возможным выявление культурно и концептуально обусловленных различий в интерпретации юридических терминов английского и русского языков. Данный метод обеспечивает углублённое понимание семантических сдвигов, трудностей переводческой интероперабельности и особенностей юридической коммуникации в контрастивном лингвокультурном аспекте.

Анализ юридической терминологии английского и русского языков в лингвокультурном аспекте показывает, что различия между двумя системами терминов

связаны не только с концептуальными структурами права, но и с культурными установками, историческими традициями и спецификой правовой практики.

Одним из наиболее показательных результатов стало выявление расхождения в концептуальном наполнении терминов. Например, английский термин *tort* лишь условно соотносится с русским понятием *деликт* [1]. В российской правовой традиции *деликт* понимается как частный случай гражданско-правовой ответственности, тогда как в английском праве *tort* охватывает целый комплекс неправомерных действий, включая такие категории, как *negligence* (небрежность) и *defamation* (клевета). Это свидетельствует о концептуальной асимметрии терминологических систем [2].

Другой пример касается термина *injunctio*, который в англо-американской правовой культуре обозначает судебное предписание, обязывающее лицо воздержаться от определённых действий или совершить их [3]. В русском праве отсутствует прямой эквивалент; сходные функции выполняют меры обеспечения иска, но их применение и правовые последствия значительно отличаются. Таким образом, различие носит не только терминологический, но и институционально-правовой характер.

Значительное внимание заслуживает сопоставление английского термина *liability* и русского *ответственность*. В английском праве *liability* охватывает широкий спектр обязательств — от гражданско-правовых до уголовных, включая финансовые санкции и компенсации. В российской традиции *ответственность* имеет более структурированное разграничение: гражданская, уголовная, административная. Это указывает на разницу в концептуализации юридической категории [4].

Интересным примером служит термин *partnership* и его русский эквивалент *товарищество* [5]. На первый взгляд они кажутся эквивалентами, так как оба обозначают объединение нескольких лиц для ведения совместной деятельности. Однако в английском праве *partnership* имеет более гибкую структуру и регулируется преимущественно нормами общего права и договорённостями между партнёрами. В российской правовой системе *товарищество* жёстко кодифицировано, различается на производственное и полное товарищество, а его деятельность строго регулируется положениями Гражданского кодекса. Это различие показывает, как правовая культура влияет на степень свободы участников в корпоративных объединениях.

Другим показателем культурно-правовой специфики является термин *damages*. В англосаксонском праве он обозначает денежную компенсацию за нарушение прав. Русский аналог *убытки* или *возмещение вреда* [6]. Однако в российской правовой культуре важна доказательность реального ущерба, тогда как в английском праве активно используется институт *punitive damages* — штрафных компенсаций, что отражает различие в философии справедливости.

Сопоставление терминов *merger* и *слияние* в корпоративном праве демонстрирует определённые сходства и различия [7]. В английском праве *merger* может трактоваться шире, включая не только объединение компаний, но и поглощение. В русском языке для этой категории используется отдельный термин *поглощение*, что говорит о стремлении к более точной категоризации.

Значимой является и пара *statute* — *закон* [8]. В английском языке *statute* обозначает акт парламента, но его применение всегда тесно связано с судебной интерпретацией. В российской системе *закон* выступает как первичный источник права, обладающий высшей юридической силой по отношению к другим нормативным актам, а судебная практика играет лишь вспомогательную роль.

Наконец, показателем является пример термина *jurisdiction* и русского *юрисдикция* [9]. В английском праве *jurisdiction* может обозначать как компетенцию суда, так

и территориальную сферу действия правовых норм. В русском языке *юрисдикция* чаще всего употребляется в узком значении — полномочия органов правосудия. Это демонстрирует разницу в объёме семантического поля термина.

В то же время некоторые термины демонстрируют сходство в понятийных полях. Так, английское *crime* и русское *преступление* являются не только эквивалентами на уровне словарного значения, но и имеют близкие функционально-прагматические характеристики [10]. Оба термина закреплены в уголовном законодательстве, активно используются в правоприменительной практике и охватывают схожие классификации по степени тяжести. Однако даже здесь обнаруживаются культурные различия: в английском праве особое значение имеет разграничение *felony* и *misdemeanor*, тогда как в российской системе применяется градация по срокам наказания и степени общественной опасности [11].

Анализ терминов гражданского права выявил значимые различия в концептуальном содержании. Английский термин *consideration* обозначает встречное предоставление, которое подтверждает ценность сделки и является обязательным элементом договора [12]. В русском языке аналогичного института нет, и термин *встречное* предоставление применяется лишь в ограниченных случаях, отражая концептуальную несопоставимость. Этот пример показывает, что при переводе и интерпретации юридических терминов необходимо учитывать не только лексическое соответствие, но и правовую и культурную специфику каждой системы.

Рассмотрение института доверия и управления имуществом также демонстрирует концептуальные различия. Термин *trustee* в английской системе обозначает лицо, управляющее чужим имуществом в интересах бенефициара, и опирается на принцип доверия и судебного контроля. Русский аналог *доверительный управляющий* в большей степени регулируется законодательством, что отражает иной подход к правовым отношениям и акцент на нормативной основе [13].

В уголовном праве сопоставление терминов, таких как *felony* и *преступление*, выявляет различия в классификации тяжести правонарушений. В английской системе *felony* подразумевает наиболее тяжкие деяния, что исторически связано с прецедентной системой и процедурными особенностями [14]. В российской системе термин *преступление* охватывает все уголовно наказуемые деяния, классифицируемые по уголовному кодексу, и отражает кодифицированный подход к правонарушениям.

Также выявлены различия в терминах, связанных с судебной системой. Английский термин *equity* обозначает судебный принцип справедливости, который дополняет закон и регулируется через прецеденты. В русском праве аналогичного института нет, что требует описательного подхода при переводе и объяснении термина [15]. Другой пример — *injunction*, обозначающий судебный запрет, который в английской системе применяется через особые судебные процедуры. Русский термин *судебный запрет* регулируется кодексными нормами и требует учета различий в процессуальной практике [16].

Анализ терминов в финансовом и административном праве также выявил значительные различия. Термины *bond* и *облигация*, *tax* и *налог*, *regulation* и *нормативный акт* имеют формальные эквиваленты, однако их правовое применение и трактовка зависят от конкретной системы права [17]. Так, английский термин *bond* включает широкий спектр финансовых инструментов, связанных с рынком капитала и прецедентной практикой, тогда как русский термин *облигация* строго регулируется законодательством и отражает более узкий круг инструментов [18].

В области собственности английский термин *lease* обозначает договор аренды, который фиксирует права и обязанности сторон на основе соглашения и часто включает условия, оставляющие свободу действий участникам. Русский термин *аренда* регулируется кодексами и законами, где права и обязанности сторон строго определены государством [19]. Этот контраст демонстрирует различие в подходах к регулированию имущественных отношений.

Термин *mortgage* в английском праве обозначает залог недвижимости, часто с условием свободного распоряжения имуществом заемщиком в рамках кредитного договора. Русский аналог *ипотека* более строго связан с ограничением прав на имущество до исполнения обязательств, что отражает законодательный контроль и меньшую гибкость [20].

В корпоративном праве английский термин *shareholder* обозначает участника компании с правом голоса и долей в капитале, где важную роль играет принцип индивидуальной ответственности и управления. Русский термин *акционер* также обозначает владельца доли, однако его права и обязанности регламентированы корпоративным кодексом и более централизованной системой управления [21].

В области уголовного права английский термин *assault* охватывает широкий спектр действий, включающих физическое нападение и угрозу, регулируется как прецедентное правонарушение. Русский термин *побои* определяется кодексами как конкретное физическое насилие и строго классифицируется по статье уголовного кодекса [22]. Анализ показывает, что при переводе терминов требуется учитывать не только буквальное значение, но и юридическую квалификацию действий в правовой системе.

Рассмотрение административного права также выявляет различия. Английский термин *regulatory authority* обозначает орган, осуществляющий контроль и регулирование в определенной сфере, с возможностью гибкого применения нормативов. Русский термин *регулирующий орган* закреплён законом и выполняет функции строго в рамках полномочий, определенных кодексом, что ограничивает вариативность действий [23].

В финансовой сфере термин *securities* в английском праве включает широкий спектр финансовых инструментов, регулируемых рынком и судебной практикой. Русский термин *ценные бумаги* определен законом и включает ограниченный перечень инструментов, строго регулируемых государством. При сравнительном анализе видно, что семантическое поле терминов формируется как правовыми нормами, так и экономической и культурной спецификой страны [24].

Термин *litigation* в английской системе обозначает процесс судебного разбирательства и охватывает широкий спектр процедурных вариантов, включая досудебное урегулирование споров. Русский аналог *судебное разбирательство* строго регламентирован процессуальными нормами кодексов, что отражает формализованный и кодифицированный подход [25].

Сравнительный анализ показывает, что концептуальные и культурные различия определяют переводческую интероперабельность терминов. Английские термины часто требуют пояснительных комментариев при адаптации к российской правовой системе, чтобы сохранить точность юридического смысла. Контрастивный лингвокультурный подход позволяет выявить не только семантические и лексические различия, но и культурные и правовые основания формирования значений, что обеспечивает глубокое понимание юридической коммуникации.

Таким образом, интеграция лексико-семантического анализа, юридической герменевтики и контрастивной лингвистики предоставляет эффективный инструмент для сопоставления юридических понятий, определения трудностей перевода

и подготовки образовательных материалов. Практическая значимость исследования проявляется в возможности совершенствования юридического перевода, организации сравнительно-правового анализа и повышения точности межъязыковой коммуникации в международной юридической практике.

Таблица 1. Сравнительная таблица юридических терминов.

Понятие	Английский термин	Русский термин	Комментарий
Судебный иск	<i>Claim</i> / <i>Lawsuit</i>	Иск	В английском праве <i>claim</i> часто используется как заявление о праве, а <i>lawsuit</i> — процесс в целом; в российском праве термин <i>иск</i> охватывает обе функции.
Решение суда	<i>Judgment</i>	Решение суда	В английском праве <i>judgment</i> может включать устное и письменное постановление суда; в российском праве — строго письменный документ, зафиксированный в процессуальном кодексе.
Апелляция	<i>Appeal</i>	Апелляция	В английском праве — право оспаривания в разных судебных инстанциях; в российском — апелляция возможна только в пределах системы судов общей юрисдикции или арбитражных судов.
Прецедент	<i>Precedent</i>	Судебный прецедент	В английском праве прецедент является источником права (<i>doctrine of stare decisis</i>); в российском не является официальным источником, но фактически влияет на практику.
Присяжные заседатели	<i>Jury</i>	Присяжные заседатели	В английском праве — ключевой институт судопроизводства; в российском праве применяется ограниченно и только по тяжким уголовным делам.
Право собственности	<i>Ownership</i> / <i>Property Right</i>	Право собственности	В английском праве — включает <i>legal title</i> и <i>equitable title</i> ; в российском — единое понятие, закрепленное ГК РФ.
Обвинительное заключение	<i>Indictment</i>	Обвинительное заключение	В английском праве — документ, выдвигающий обвинение перед судом присяжных; в российском — итоговое постановление следствия, утверждаемое прокурором.
Договор поручительства	<i>Guarantee</i> / <i>Suretyship</i>	Поручительство	В английском праве <i>distinction</i> между <i>guarantee</i> (гарантия исполнения) и <i>suretyship</i> (ответственность поручителя); в российском — единый институт поручительства.
Административное правонарушение	<i>Administrative Offense</i>	Административное правонарушение	В английском праве близко к <i>regulatory offence</i> ; в российском — отдельный вид правонарушения, регулируемый КоАП РФ.

Заключение. Проведенное исследование юридической терминологии английского и русского языков с точки зрения концептуального и культурологического анализа в контрастивном лингвокультурном подходе позволило выявить ключевые закономерности формирования значения терминов, их семантической структуры

и культурного контекста. Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что различия в правовых системах — англосаксонской и континентальной — напрямую влияют на интерпретацию юридических понятий, что проявляется в специфике употребления терминов и особенностях их перевода. Даже при наличии формальных эквивалентов терминов в двух языках их значение и юридическая функциональность могут существенно различаться.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что концептуальные и культурные различия между англоязычной и русскоязычной юридической системой существенно влияют на перевод и интероперабельность терминов. Английская терминология ориентирована на гибкость и прецедентное регулирование, тогда как русская закрепляется через нормативные акты и кодифицированное право. Эти различия требуют от переводчика учёта как семантических, так и культурно-правовых особенностей каждой системы.

На основании результатов исследования можно сделать следующие рекомендации. Во-первых, при переводе юридических текстов необходимо учитывать не только лексическое значение терминов, но и их культурно-концептуальный контекст. Во-вторых, при подготовке учебных материалов и образовательных программ следует интегрировать контрастивный анализ, чтобы студенты и специалисты понимали различия в правовых традициях. В-третьих, для сравнительно-правового анализа и международной юридической коммуникации рекомендуется использовать междисциплинарный подход, объединяющий лингвистику, право и культурологию, что обеспечивает более точное понимание и передачу юридического смысла.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на углубленный анализ терминологии специализированных отраслей права (например, международного, экологического, трудового права) с использованием контрастивного лингвокультурного подхода; разработку методик автоматизированного сопоставления юридических терминов для повышения интероперабельности правовой информации; изучение динамики трансформации значений терминов в процессе правоприменительной практики и переводческих стратегий; а также на формирование унифицированной терминологической базы для многоязычной юридической коммуникации.

Таким образом, исследование вносит вклад в развитие теории юридического перевода, сравнительно-правового анализа и контрастивной лингвистики, а также создает практическую основу для эффективного использования юридической терминологии в англо-русской правовой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.С. Профессиональный перевод: Теория и практика / И.С. Алексеева. — Москва : Изд-во «Союз», 2004. — 328 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 540 с.
3. Бацевич Ф.С. Основы коммуникационной лингвистики / Ф.С. Бацевич. — Киев : ВЦ «Академия», 2004. — 256 с.
4. Белько Н.А. Специфика перевода юридического текста с английского языка на русский язык / Н.А. Белько, Е.Ю. Оберемченко. — Владивосток : ДВФУ, 2025. — 96 с.
5. Бородина А.В. Юридический (нотариальный) перевод как коммуникация: проблемы понимания / А.В. Бородина. — Тверь : ТвГУ, 2021. — 110 с.
6. Дондокова М.Ю. Отраслевой перевод: особенности перевода юридического текста с русского языка на китайский / М.Ю. Дондокова. — Москва : РГГУ, 2025. — 124 с.
7. Жалейко А.В. Юридическая терминология на английском и китайском языках: стратегии перевода / А.В. Жалейко, Н.И. Илюхин. — Екатеринбург : УрФУ, 2024. — 136 с.

8. Камалова Д.О. Перевод как средство межкультурной коммуникации: возможности и ограничения / Д.О. Камалова. — Казань : Казанский университет, 2025. — 128 с.
9. Каменева Н.А. Функционирование юридической терминологии в англоязычных правовых текстах и трудности её перевода на русский язык / Н.А. Каменева. — Москва : ИНИОН, 2022. — 104 с.
10. Ключкова А.Е. Роль юридического перевода в интерпретации международно-правовых документов / А.Е. Ключкова. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2023. — 120 с.
11. Лебягин Д.О. Англо-русский перевод в юридической сфере / Д.О. Лебягин, Л.В. Новикова. — Москва : Наука, 2025. — 144 с.
12. Мешкова И.Н. Техника перевода юридических текстов и юридическая лингвистика / И.Н. Мешкова. — Москва : Юрайт, 2025. — 112 с.
13. Орехин-Рыжина В.А. Перевод как средство межкультурной коммуникации в современном мире / В.А. Орехин-Рыжина, З.Ф. Магфурова. — Уфа : БашГУ, 2025. — 108 с.
14. Полунина Е.В. Лингвистические и лингвокультурные особенности перевода юридических текстов / Е.В. Полунина. — Москва : Флинта, 2024. — 120 с.
15. Рябова И.Ю. О типах переводческих трансформаций как способах передачи эквивалентного содержания высказывания юридического дискурса / И.Ю. Рябова. — Воронеж : ВГУ, 2025. — 136 с.
16. Рыжаков А.П. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации в уголовном судопроизводстве / А.П. Рыжаков, А.А. Иванова. — Москва : Юристь, 2025. — 112 с.
17. Салькова Н.В. Семантические границы термина “partnership” в аспекте перевода на русский язык / Н.В. Салькова. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2024. — 124 с.
18. Ткаченко Л.А. Юридический перевод как инструмент международной коммуникации / Л.А. Ткаченко. — Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2023. — 128 с.
19. Фролова М.С. Контрастивный анализ юридических терминов: англо-русский аспект / М.С. Фролова. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 144 с.
20. Харченко Е.В. Проблемы перевода англоязычных юридических текстов: межкультурная перспектива / Е.В. Харченко. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2025. — 132 с.
21. Холмирзаева М.Ж. Русский язык как средство межкультурной коммуникации в современном мире / М.Ж. Холмирзаева. — Москва : МГУ, 2025. — 120 с.
22. Шабунина Я.А. Прогнозирование как инструмент оптимизации процесса синхронного перевода / Я.А. Шабунина, Н.А. Караваева. — Москва : Наука, 2024. — 128 с.
23. Якубович Е.Н. Кросскультурная коммуникация и трудности перевода юридических текстов / Е.Н. Якубович. — Санкт-Петербург : Питер, 2025. — 136 с.
24. Яценко В.А. Межкультурная коммуникация и перевод юридических текстов: теория и практика / В.А. Яценко. — Москва : Юрайт, 2023. — 144 с.
25. Яшина О.П. Юридическая семантика и межкультурная коммуникация / О.П. Яшина. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2024. — 120 с.

REFERENCES

1. Alekseeva I.S. (2004). Professional'nyy perevod: Teoriya i praktika [Professional Translation: Theory and Practice]. Moscow: Soyuz Publishing, 328 p. (In Russian)
2. Apresyan Yu.D. (1995). Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika [Selected Works. Lexical Semantics]. Moscow: Languages of Russian Culture, 540 p. (In Russian)
3. Batsevich F.S. (2004). Osnovy kommunikatsionnoy lingvistiki [Foundations of Communication Linguistics]. Kyiv: VC "Academy", 256 p. (In Russian)
4. Belko N.A., & Oberemchenko E.Yu. (2025). Spetsifika perevoda yuridicheskogo teksta s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk [Specifics of Translating Legal Texts from English into Russian]. Vladivostok: FEFU, 96 p. (In Russian)
5. Borodina A.V. (2021). Yuridicheskiy (notarial'nyy) perevod kak kommunikatsiya: Problemy ponimaniya [Legal (Notarial) Translation as Communication: Problems of Understanding]. Tver: TSU, 110 p. (In Russian)
6. Dondokova M.Yu. (2025). OTRASLEVoy perevod: Osobennosti perevoda yuridicheskogo teksta s russkogo yazyka na kitayskiy [Sectoral Translation: Features of Translating Legal Texts from Russian into Chinese]. Moscow: RSUH, 124 p. (In Russian)
7. Zhaleyko A.V., & Pyukhin N.I. (2024). Yuridicheskaya terminologiya na angliyskom i kitayskom yazykakh: Strategii perevoda [Legal Terminology in English and Chinese: Translation Strategies]. Yekaterinburg: UrFU, 136 p. (In Russian)
8. Kamalova D.O. (2025). Perevod kak sredstvo mezhkul'turnoy kommunikatsii: Vozmozhnosti i ogranicheniya [Translation as a Means of Intercultural Communication: Opportunities and Limitations]. Kazan: Kazan University, 128 p. (In Russian)

9. Kameneva N.A. (2022). Funktsionirovanie yuridicheskoy terminologii v angloyazychnykh pravovykh tekstakh i trudnosti yey perevoda na russkiy yazyk [Functioning of Legal Terminology in English-Language Legal Texts and Difficulties of Its Translation into Russian]. Moscow: INION, 104 p. (In Russian)
10. Klochkova A.E. (2023). Rol' yuridicheskogo perevoda v interpretatsii mezhdunarodno-pravovykh dokumentov [The Role of Legal Translation in the Interpretation of International Legal Documents]. Saint Petersburg: SPbSU Publishing, 120 p. (In Russian)
11. Lebyagin D.O., & Novikova L.V. (2025). Anglo-russkiy perevod v yuridicheskoy sfere [English-Russian Translation in the Legal Sphere]. Moscow: Nauka, 144 p. (In Russian)
12. Meshkova I.N. (2025). Tekhnika perevoda yuridicheskikh tekstov i yuridicheskaya lingvistika [Techniques of Legal Text Translation and Legal Linguistics]. Moscow: Yurayt, 112 p. (In Russian)
13. Orekhin-Ryzhina V.A., & Magfurova Z.F. (2025). Perevod kak sredstvo mezhkul'turnoy kommunikatsii v sovremennom mire [Translation as a Means of Intercultural Communication in the Modern World]. Ufa: BashSU, 108 p. (In Russian)
14. Polunina E.V. (2024). Lingvisticheskie i lingvokul'turnye osobennosti perevoda yuridicheskikh tekstov [Linguistic and Linguocultural Features of Legal Text Translation]. Moscow: Flinta, 120 p. (In Russian)
15. Ryabova I.Yu. (2025). O tipakh perevodcheskikh transformatsiy kak sposobakh peredachi ekvivalentnogo sodержaniya vyskazyvaniya yuridicheskogo diskursa [On Types of Translational Transformations as Ways of Conveying Equivalent Content in Legal Discourse]. Voronezh: VSU, 136 p. (In Russian)
16. Ryzhakov A.P., & Ivanova A.A. (2025). Problemy perevoda i mezhkul'turnoy kommunikatsii v ugolovnom sudoproizvodstve [Problems of Translation and Intercultural Communication in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurist, 112 p. (In Russian)
17. Salkova N.V. (2024). Semanticheskie granitsy termna “partnership” v aspekte perevoda na russkiy yazyk [Semantic Boundaries of the Term “Partnership” in the Aspect of Translation into Russian]. Saint Petersburg: SPbSU, 124 p. (In Russian)
18. Tkachenko L.A. (2023). Yuridicheskii perevod kak instrument mezhdunarodnoy kommunikatsii [Legal Translation as a Tool of International Communication]. Rostov-on-Don: SFU, 128 p. (In Russian)
19. Frolova M.S. (2023). Kontrastivnyy analiz yuridicheskikh terminov: Anglo-russkiy aspekt [Contrastive Analysis of Legal Terms: English-Russian Aspect]. Moscow: INFRA-M, 144 p. (In Russian)
20. Kharchenko E.V. (2025). Problemy perevoda angloyazychnykh yuridicheskikh tekstov: Mezhkul'turnaya perspektiva [Problems of Translating English-Language Legal Texts: An Intercultural Perspective]. Saint Petersburg: SPbSU Publishing, 132 p. (In Russian)
21. Kholmiraeva M.Zh. (2025). Russkiy yazyk kak sredstvo mezhkul'turnoy kommunikatsii v sovremennom mire [Russian Language as a Means of Intercultural Communication in the Modern World]. Moscow: MSU, 120 p. (In Russian)
22. Shabunina Ya.A., & Karavaeva N.A. (2024). Prognozirovaniye kak instrument optimizatsii protsessa sinkhronnogo perevoda [Forecasting as a Tool to Optimize the Process of Simultaneous Translation]. Moscow: Nauka, 128 p. (In Russian)
23. Yakubovich E.N. (2025). Krosskul'turnaya kommunikatsiya i trudnosti perevoda yuridicheskikh tekstov [Cross-Cultural Communication and Difficulties of Legal Text Translation]. Saint Petersburg: Piter, 136 p. (In Russian)
24. Yatsenko V.A. (2023). Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i perevod yuridicheskikh tekstov: Teoriya i praktika [Intercultural Communication and Legal Text Translation: Theory and Practice]. Moscow: Yurayt, 144 p. (In Russian)
25. Yashina O.P. (2024). Yuridicheskaya semantika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Legal Semantics and Intercultural Communication]. Saint Petersburg: SPbSU Publishing, 120 p. (In Russian)

Поступила в редакцию xx.xx.xxxx

CONTRASTIVE LINGUISTIC AND CULTURAL APPROACH TO CONCEPTUAL AND CULTURAL ANALYSIS OF LEGAL TERMINOLOGY IN ENGLISH AND RUSSIAN

S.A. Khujakulov

The article provides a comprehensive conceptual and cultural analysis of legal terminology in English and Russian in terms of contrastive linguocultural approach. The formation of legal concepts, their lexical and semantic structures, and the ways in which they reflect the cultural and legal realia of the two countries are considered. The focus is made on revealing conceptual differences arising from legal traditions, the historical development of legislation, and linguistic specificity. The application of lexical and semantic analysis, as well as the methods of legal hermeneutics and contrastive linguistics enabled to trace semantic shifts and difficulties in translating terms,

as well as their impact on the legal information interoperability. Of particular importance is the consideration of the cultural context, which shapes different interpretation of the same legal concepts in the English and Russian legal systems. The results of the study can be used in materials design, in the improvement of legal translation, as well as for comparative legal analysis and the development of a unified terminology database. The article will be of interest to linguists, translators, lawyers, and comparative law specialists seeking a deeper understanding of the relationship between language, culture, and law, as well as the practical application of contrastive analysis in legal communication.

Key words: legal terminology, linguocultural approach, conceptual analysis, cultural analysis, contrastive linguistics, legal hermeneutics, lexical-semantic analysis, interoperability.

Хужакулов Суннатулло Анвар угли.

Университет экономики и педагогики, г. Карши, Узбекистан.

Исполняющий обязанности доцента кафедры иностранного языка и литературы.

ORCID 0009-0005-5233-586X.

E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com.

Khujakulov Sunnatullo Anvar ugli.

University of Economics and Pedagogy, Karshi, Uzbekistan.

Acting Associate Professor at Department of Foreign Language and Literature.

ORCID 0009-0005-5233-586X.

E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com.

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.5281/zenodo.18825557.

АТТРИБУТ *ЖИВОЙ* КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛЛОКАТ В ДИСКУРСЕ И.А. ИЛЬИНА

© 2026 А.А. Хусаинова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского»

ORCID 0009-0003-3293-4334

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе проанализирована функционально-семантическая специфика коллокаций с атрибутом «*живой*» в дискурсе русского философа И.А. Ильина. Установлено, что номинация *живой* утрачивает первичное «биологическое» значение, приобретая онтологическую и аксиологическую нагрузку (подлинность и динамика бытия, одухотворённость, связь с Божественным). Составные наименования становятся концептуальными конструктами, выражая оппозицию подлинное / мнимое (*живой* как маркер духовной подлинности). Имеет место переосмысление узувального значения слова, гиперсемантизация в дискурсе (микро- и макроконтесте). Полагаем, что *живой* является средством выражения глобальных идей философа. Коллокат *живой* выполняет терминологизирующую функцию через расширение семантики ключевых категорий, контекстуально-смысловую, реализует приращение смысла в сопряжении с доминантами дискурса, экспрессивно-метафорическую, посредством образной конкретизации абстрактных понятий. Используются методы семантического, дискурсивного, контекстуального анализа и сопоставления с лексикографическими данными.

Ключевые слова: дискурс, атрибут, коллокат, составные наименования, семантика, авторский термин, метафоризация.

Для цитирования: Хусаинова А.А. Атрибут *живой* как полифункциональный коллокат в дискурсе И.А. Ильина / А.А. Хусаинова // Вестник Донецкого государственного университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 176–187. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.10.5281/zenodo.18825557>.

Введение. Лексема *живой* в русском языке обладает высокой степенью семантической продуктивности и широким функционально-стилистическим диапазоном. Будучи одним из базовых прилагательных, она активно участвует в формировании составных наименований, выполняя в них роль семантического ядра, придающего выражению оттенки динамики, подлинности, одухотворённости и внутренней ценностной насыщенности. В особой степени эти свойства реализуются в религиозно-философском дискурсе [7], где *живой* перестаёт быть лишь биологическим или дескриптивным признаком, трансформируясь в категорию онтологическую и этическую.

Дискурс И.А. Ильина характеризуется высокой степенью абстракции, религиозной ориентированностью, а также опорой на категориальный язык русской идеалистической философии. В текстах философа сочетания с атрибутом *живой* приобретают статус ключевых смысловых конструкций, в которых отражаются представления автора о подлинности бытия, духовной свободе, Божественной любви и нравственном порядке. Такие выражения, как *живое добро*, *живая духовность*, *живая любовь*, *живая цель*, *живое сознание*, *живой способ бытия*, *живая религиозность* и др. становятся средством

выражения фундаментальных философских идей, играя важную роль в концептуальном каркасе текстов философа.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью анализа семантической трансформации лексемы *живой* в рамках индивидуального авторского дискурса, а также стремлением выявить особенности её функционирования в сочетаниях разной степени устойчивости. Несмотря на наличие лексикографических описаний значения слова *живой* в толковых словарях XIX–XXI веков, его употребление в работах философа не всегда укладывается в рамки нормативных значений, предполагая дополнительную интерпретацию на уровне дискурсивных и онтологических характеристик.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ сочетаний (= коллокаций) с атрибутом *живой* в дискурсе И.А. Ильина, а также определение их семантической и функциональной специфики в авторском религиозно-философском тексте. В рамках данной цели предполагается определить, какие значения лексемы *живой* актуализируются в конкретных контекстах, каким образом они соотносятся с нормативными лексикографическими значениями и каково их место в идеологической и эстетической системе И.А. Ильина.

Материалы и методы исследования. Материалом для настоящего исследования послужили оригинальные философские, публицистические и богословско-политические тексты И.А. Ильина, фрагменты которых были подвергнуты лингвистическому и семантико-дискурсивному анализу. Особое внимание было уделено контекстам, в которых используется лексема «живой», выполняющая функцию смыслового и концептуального ядра.

В качестве лексикографической базы исследования использовались нормативные толковые словари русского языка XIX–XXI вв., включая «Словарь Академии Российской», «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Малый академический словарь» под редакцией А.П. Евгеньевой.

Методологическую основу исследования составили следующие подходы:

- семантический анализ, направленный на выявление значения и смысловых оттенков лексемы *живой* в пределах свободных и несвободных сочетаний;
- сопоставительный лексикографический анализ, позволивший определить степень соответствия авторского употребления лексемы нормативным лексикографическим значениям, зафиксированным в базовых словарях русского языка;
- контекстуальный интерпретационный анализ, направленный на осмысление лексемы в конкретных идеологических, мировоззренческих и аксиологических рамках;
- дискурсивный анализ, позволивший рассмотреть роль наименований в структуре философского текста и в системе категориального мышления автора;

Совокупность использованных методов позволила всесторонне рассмотреть специфику функционирования составных наименований с атрибутом «живой» в текстах И.А. Ильина и выявить их концептуальную нагрузку в авторском дискурсе.

Основная часть. Термин *коллокация* в современной лингвистике обозначает особый тип словосочетаний, которые находятся между свободными и фразеологически связанными единицами. Их ключевая характеристика — регулярность и предсказуемость совместного употребления слов, при том что такие сочетания не всегда обладают идиоматичностью [1].

Исторически понятие связывается с Лондонской школой и именами Дж. Фёрса и Г. Пальмера. Фёрс ввёл идею «значения через коллокацию», подчёркивая, что значение слова раскрывается не изолированно, а в его привычных окружениях: так, слово *night*

тяготеет к сочетанию со словом *dark*, и наоборот. Позднее Дж. Синклер предложил статистический подход, определяя коллокацию как «совместную встречаемость двух единиц в тексте в пределах заданного окружения» и разработал инструменты анализа на материале корпусов [10].

Бесспорно, что коллокация — это не просто сочетание слов, но ключ к пониманию динамики языка, его когнитивных и дискурсивных механизмов. Термин используется как в теоретических исследованиях (для анализа структуры лексики и семантики), так и в прикладных целях (лексикография, обучение языку, корпусная лингвистика, изучение политической коммуникации).

Центральным значением лексемы *живой* в «Словаре Академии Российской» выступает 'имеющий жизнь', или, как формулируется в словаре: 'наслаждающийся жизнью, имеющий жизнь'. Это определение закрепляется через синтаксические конструкции и библейские примеры: «Что ищите Живаго с мертвыми» (Лк. 24:5); «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. 16:16). В этих случаях *живой* — не просто антоним мёртвого, но и характеристика Божественной полноты бытия. Уточняется, что название это «по превосходству» придаётся Богу — следовательно, уже на исходном уровне «Ж/живой» — это онтологическая категория, связанная с вечностью, началом, истиной [12].

Далее значение конкретизируется в антропологической плоскости: *живой* — это не только тот, кто дышит, но и кто наполнен энергией, способностью к действию, эмоционально включён в жизнь. В названной лексикографической работе зафиксированы выражения: *живой разум*, *живое воображение*, *живой пример*, *живое лицо*, *живые глаза* — все они фиксируют черты подвижности, интенсивности, выразительности. В частности, *живой разум* — это ум острый, пронизательный, способный к быстрому решению; *живое воображение* — образное, насыщенное, пылкое. В этих значениях уже формируется представление о «живом» как о носителе внутреннего, активного, духовного движения.

В словаре В.И. Даля «*Живой*, кто жив, кто живет, живущий, в ком или в чем есть жизнь». Далее следуют уточняющие и разветвлённые значения, систематизированные по тематическим и онтологическим категориям:

- 1) о Боге — сущий, всевечный, пребывающий в самостоятельном бытии;
- 2) о человеке и животном — дышащий, не умерший, сохраняющий признаки жизни;
- 3) о душе — одарённый духовной, бесплотной жизнью, спасённый, не погибший во лжи;
- 4) о растениях — растущий, не сухой, не увядший, стоящий на корню» [11].

Следует особо подчеркнуть, что сама номинация *живой* в названии словаря («Толковый словарь живого великорусского языка») носит символично-метафорический характер. В этом контексте слово приобретает аксиологическую окраску: *живой* означает подлинный, непридуманный, органически функционирующий в народной среде. В.И. Даль использует приём последовательной онтологической конкретизации — от абстрактного (*Бог*, *душа*) к конкретному (*человек*, *животное*, *растение*), что позволяет отразить многогранность понимания концепта «жизнь» в русской языковой картине мира середины XIX века.

Особо значимо противопоставление *живая вера* — *мёртвая вера*. Это одно из первых зафиксированных аксиологических значений, где «живой» маркирует не просто состояние, а ценностную позицию: *живая вера* — это вера, соединённая с действием, с нравственным подвигом. Это определение — непосредственный лексико-философский предшественник тому, как будет употребляться слово *живой* в работах И.А. Ильина: как критерий подлинности, глубины и сопричастности истине.

Интерес вызывает также расширение значения в сторону объектов и состояний: *живой язык* — язык, на котором говорит живой народ (в отличие от мёртвого языка); *живая вода* — проточная, ключевая, но и символ благодати в Священном Писании; *живой огонь* — первозданный, рождающийся трением. Во всех этих случаях слово указывает не только на факт жизни, но на естественное происхождение, источник, непосредственное бытие, что делает его особенно релевантным для философского стиля И.А. Ильина.

Лексема *живой* в лексикографической статье также тесно связана с эстетической сферой: *живые краски, живое изображение* — это признаки реалистичности, выразительности, близости к жизни. Здесь слово начинает выполнять поэтическую функцию, обозначая ту грань речи или образа, где «подобие» становится переживаемым как реальность. Это значение затем реализуется в контексте философии И.А. Ильина в его описаниях *живой любви, живой религиозности, живой правды* — как категорий, обладающих выразительной и одновременно деятельной силой, способной преобразовывать человеческое сознание и общественное устройство.

Наконец, особый интерес представляют конструкты типа *живой мост, живая изгородь, живая грамота* — здесь лексема используется в образно-материальном смысле: обозначает конструкции, состоящие из живого материала (людей, деревьев, человеческой памяти). Эти значения явно актуализируются у И.А. Ильина в таких выражениях, как *живое единство, живая ткань народа, живой организм нации*, где народное тело мыслится как органическая, живая, чувствующая и действующая духовная сила.

Словарь Д.Н. Ушакова демонстрирует более сложную семантическую стратификацию: «**ЖИВО'Й**, -а'я, -о'е; жив, жива', жи'во, жи'вы. 1. Такой, который живёт, в котором есть жизнь», уточнённое через оппозицию “живой — мёртвый”; 2. Обладающий жизнью, одушевленный. *Живая природа. Живое существо.* 3. *только полн. формы.* Реально, подлинно существующий (книжн.). *Живая действительность.* 4. Полный жизненной энергии, подвижности. *Живая мысль. Живое воображение.* 5. Отвечающий реальным потребностям социальной жизни. *Живая идея. Живое начинание. Живое дело.* 6. *только полн. формы.* Воплощённый в человеке, принявший облик живого существа (относится к существительному, служащему метафорическим обозначением человека; книжн.). *Этот свидетель — живая улика твоего преступления. Служить живым укором.* 7. Сильно переживаемый, остро чувствуемый. *Живая обида. Живое оскорбление. Живое воспоминание.* 8. Живительный, оживляющий (поэт.). 9. *только кратк. формы.* Существует, живет чем-н., черпает жизненную силу в чем-н. *Он жив одной наукой*» [18].

В словаре С.И. Ожегова зафиксировано семь значений, шесть для полной формы прилагательного. «**ЖИВО'Й**, -а'я, -о'е; жив, жива', жи'во, жи'вы. 1. Такой, который живёт, обладает жизнью; *противоп.* мёртвый. 2. *полн.ф.* Подлинный, самый настоящий. *Изобразить живых людей. Ж. пример героизма. Живая действительность.* 3. Деятельный, полный жизненной энергии. *Живое участие в чём-н. Ж. отклик.* 4. Лёгкий и занимательный, выразительный. *Живое изложение. Живо* (нареч.) *описать что-н.* 5. *полн. ф.* Отвечающий реальным потребностям, жизненный. *Живое дело. Живое начинание.* 6. Остро переживаемый. *Живая обида. Живое воспоминание*» (первое издание словаря вышло в 1949 г.) [17].

Словарь С.И. Ожегова сохраняет прежнюю смысловую базу, при этом вводит расширяется синтагматика иллюстративной части дефиниций. *живой пример героизма* (2), *живая действительность* (2), *живое изложение* (4) демонстрируют включённость

лексемы в аргументативный и дидактический регистр, а также — в дискурсивно-эстетический [17].

В «Малом академическом словаре» (под ред. А.П. Евгеньевой) также фиксируются шесть значений для полного прилагательного: «**ЖИВО'Й**, -а'я, -о'е; жив, жива', жи'во. 1. Такой, который живёт, обладает жизнью; *противоп.* мёртвый. 2. Относящийся к животному или растительному миру; органический. *Живая природа. Живая материя.* 3. Полный жизненных сил; подвижный, непоседливый. *Живой ребенок. Живая натура.* 4. Подлинный, существующий в действительности. *Цифры и чертежи никогда не заслоняли от него [инженера] живую жизнь.* Галин. Точка опоры. 5. Деятельный, интенсивно проявляющийся. *Живой интерес. Живое любопытство.* 6. Яркий, выразительный. *Живой слог. Живое повествование* (первое издание словаря вышло в 1957–1961 гг.) [16]. При этом в иллюстративной части дефиниции многозначного слова (как и в ранее названных лексикографических источниках) приведён широкий спектр неоднословных образований: *живая летопись, живая очередь, живая память, живая связь, живая сила, живое слово* («о речи, содержащей свежие, интересные мысли и затрагивающей слушателя»), *живой ум* и др.

Полагаем, что в контексте исследования философского дискурса И.А. Ильина синтетического типа, где взаимодействуют религиозно-философские, философско-политические и философско-эстетические стратегии аргументации, наиболее ценной лексикографической ориентацией обладает дефиниция в словаре Д.Н. Ушакова.

Опираясь на концепцию работы С.Н. Стародубец «Атрибуты «духовный (-ая, ое)» как средство концептуальной когезии в дискурсе И.А. Ильина», в которой автор установил, что «коллокации *духовный* (-ая, -ое) в дискурсе И.А. Ильина реализуют следующие функции: расширяют спектр узусных терминов философского и религиозно-философского плана содержания (*духовное бытие, духовная личность, духовная свобода*), «на паритетных началах» наряду с опорным компонентом участвуют в образовании метафоризированных авторских терминологических сочетаний (*духовная слепота, духовный язык*), в составе метафоризированных сочетаний нетерминологического характера дефинируют термины» [3, с. 311], считаем возможным определить функциональную специфику атрибута *живой* (-ая, -ое).

В первую очередь атрибут *живой* в составе сочетаний *живое добро, живая духовность, живой духовный орган, живая любовь, живое сознание, живой способ бытия, живая религиозность, живое тайночувствие, живое единство* реализует терминологическую функцию. Например: «*Живая религиозность* есть внутренний огонь, светящий и показывающий; безразлично-пассивное отношение к нему психологически невозможно. *Живая религиозность* есть движущая сила; она сама по себе вызывает активность, пробуждает «делание», ведет по определенному пути. *Живая религиозность* сама есть путь жизни, духовный «метод». в этом ее сущность, что она светит и ведет; и потому естественно и необходимо испытывать и мыслить ее, как начало деятельное, строительное, движущее к определенной, высшей цели» [13, с. 174].

В ряде случаев имеет место взаимная (реверсивная терминологизация по модели «А есть В» = «В есть А»), например: «*А внутренняя свобода* есть не что иное, как *живая духовность* человека» [15, с. 139]; «*Народ* есть *живое единство*, связанное тысячей живых нитей и пребывающее в непрерывном духовном и хозяйственном обмене; он подобен живому организму, где все находится в связи со всем и все питается от всего остального» [15, с. 270].

Фиксируем, что в составе терминологических сочетаний номинация *живой* реализует совмещённое значение 'подлинный, самый настоящий, существующий

в действительности' (третье значение в словаре Д.Н. Ушакова, второе значение в словаре С.И. Ожегова, четвёртое в Малом академическом словаре) + 'полный жизненной энергии, подвижности' (четвёртое в словаре Д.Н. Ушакова).

Помимо двукомпонентных составных наименований, атрибут *живой* участвует в терминологизации трёхкомпонентных неоднословных сочетаний *живое духовное единство*, *живой духовный орган*, *живая христианская солидарность*: «<...> веруя в Бога, человек создает свой реальный жизненный центр и строит, исходя из него, свою душу: благодаря этому, он сам становится **живым духовным единством** с единственным центром и не колеблющимся строением...» [15, с. 123]; «Естественное правосознание отнюдь не есть кабинетное измышление, но реальный и **живой духовный орган**» [15, с. 254]; «<...> государство должно внушать гражданам живую уверенность в том, что в его пределах господствует **живая христианская солидарность**» [15, с. 269].

Продуктивным является также образно-эстетическое употребление атрибута *живой*, реализующего в контекстуальной синонимической позиции уникальные оттенки смысла: «<...> воспитание должно пробуждать в детях **живое и благоговейное тайночувствие** и не растрачивать его; и что это **тайночувствие** должно получить **духовный характер** и должно быть направлено к Богу» [13, с. 206]; «Совесть есть **живая** и **цельная воля** к совершенству» [15, с. 146].

В составе терминологических сочетаний номинация *живой* выступает уже не как прямой дескриптор, а как концептуальный маркер подлинности и духовной активности. Сочетания *живой способ бытия*, *живое добро*, *живая религиозность*, *живой акт* содержат в себе не просто указание на жизнь как физическое или даже психологическое состояние, а обозначают внутренне переживаемую форму подлинного существования. Так, *живой способ бытия* указывает на существование, наполненное духовным содержанием, не сводимое к эмпирической действительности. *Живое добро* — это добро, которое не мыслится как абстрактная категория, а существует как действенная, нравственно активная сила. В свою очередь, *живая религиозность* определяется И.А. Ильиным как единственная настоящая форма веры — искренняя, самодеятельная, свободная от внешней ритуализации.

Наиболее ярким прагматическим зарядом, бесспорно, обладают метафоризированные сочетания с атрибутом *живой*. Сочетания *живой орган*, *живой организм*, *живая лаборатория* представляют собой не просто образные метафоры, но являются языковыми проявлениями концептуальных метафор, описанных в когнитивной лингвистике, прежде всего в трудах А.П. Чудинова [5].

В метафоре «*живой организм*», используемой философом применительно к народу (контекст «Народ есть живое единство») приведён выше), прослеживается не только эмоционально-экспрессивное, но и концептуальное содержание. Народ предстает как целостная, органичная структура, обладающая собственной динамикой развития, системой «внутреннего кровообращения» и механизмами регенерации, что позволяет интерпретировать его не как массу или механизм, а как субъект истории. Такая метафора укореняется в модели НАЦИЯ — ОРГАНИЗМ, которую А.П. Чудинов в своих работах (см. работы А.П. Чудинова и др.: [5; 6]) выделяет как одну из доминирующих в политическом и философском дискурсе. В этой метамодели нация / государство / народ обладают «телом», «органами», «душой», «сердцем», а их здоровье или болезнь означают состояние социальной и духовной системы в целом.

В работах И.А. Ильина устойчиво проявлена также метафора «*Россия — живой организм*»: «*Россия есть единый живой организм...*» [14, с. 147]. Здесь государство

мыслится не как механическая система, а как целостное существо, обладающее внутренней связностью и способностью к развитию. Атрибут *живой* акцентирует органичность и непрерывность национального единства, противопоставляя его «мертвым» конструкциям искусственного порядка и расчленения.

В выражении *живой орган* («совесть — *живой орган* духа») на первый план выходит метафора ДУХ — ОРГАНИЗМ. Совесть здесь не просто психологическая или этическая категория, а функциональный, деятельный элемент внутренней структуры личности, подобный органу, способному чувствовать, оценивать и направлять. Такое описание согласуется с концепцией религиозной философии И.А. Ильина, системно и символически организованной центробежной и центростремительной когезией языковых средств, ориентированных эксплицитно и имплицитно, в микро- и макроконтэксте мифологемой «Дух/дух» [3].

В метафоре «*живой орган*» проявляется характерный для И.А. Ильина приём метафоризации, при котором абстрактные духовно-нравственные категории осмысливаются через телесные и физиологические образы. Формально данная единица представляет собой атрибутивное словосочетание типа Adj+N, где атрибут *живой* выступает актуализатором семантики динамичности, подлинности и органичности. Само существительное *орган* в своём базовом значении обозначает физиологическую часть организма, выполняющую жизненно важные функции. В философском дискурсе И.А. Ильина это значение подвергается метафорическому переносу: *орган* репрезентирует внутренний механизм духовной жизни человека, в частности — совесть как неотъемлемый элемент структуры Д/духа.

Семантическое расширение, возникающее благодаря эпитету *живой*, усиливает перенос: совесть предстает не как отвлечённая способность, а как чувствительная и жизненно необходимая субстанция, ориентированная на истину. В лексемном комплексе *живой орган* совмещаются сразу несколько смысловых пластов: онтологический (совесть как реальная сущность), функциональный (совесть как регулятор духовной жизни) и оценочный (живое ↔ мёртвое, подлинное ↔ формальное).

Функционально данная метафора встроена в более широкую модель ДУХ / дух — ОРГАНИЗМ (где дух человеческий ориентирован на Дух Божественный), которая является системообразующей для всего философского дискурса И.А. Ильина. Благодаря этому сочетание «*живой орган*» не воспринимается как изолированный образ, а входит в комплекс неоднословных образований, обеспечивающих целостность концептуальной картины автора. Прагматический эффект метафоры заключается в том, что она делает абстрактное понятие совести наглядным и доступным через телесный опыт адресата, а также усиливает персуазивное воздействие текста, закрепляя ключевую для И.А. Ильина оппозицию «живое ↔ мёртвое».

Все указанные метафорические сочетания объединяет наличие в них глубинной онтологической оппозиции *живое / мёртвое*, которая становится доминирующим аксиологическим критерием в дискурсе И.А. Ильина. Атрибут *живой* в сочетаниях с абстрактными существительными (совесть, единство, организм) сигнализирует не просто о действительности, но о полноте бытия, его сопричастности к Божественному и вечному: «Религия есть *живая связь* человека с Богом» [13, с. 16].

Аналогичный принцип обнаруживается в характеристике *совести*: «*Совесть есть живой и могущественный источник справедливости*»; «<...> *совесть есть не только источник праведности и святости, но и живая основа элементарно упорядоченной или тем более расцветающей жизни. Совесть есть то светящееся лоно, из которого*

исходят, пронизывая всю жизнь, лучи качественности, ответственности, свободы, справедливости, предметности, честности и взаимного доверия» [15, с. 147].

Совість трактується як органічна частина духовного організму особистості, чуткий і діяльний орган (= лоно), без якого неможливо підлинна життя духа. Атрибут *живой* надає поняттю динаміку, підкреслює його неустрашиму онтологічну значимість і виділяє її з сфери абстрактних етичних категорій.

В роботах І.А. Ільїна зустрічається і вираження *живое слово*: «Учення о правосознанні — це **живое слово** о духовній атмосфері права...» [15, с. 112]. Тут *живое* протиставляється «мертвій букві закону», вказуючи на право як на процес, коренящийся в совесті і духовному досвіді. Таке слово не тільки повідомляє інформацію, але і діє, надихає, перетворює (Ср.: робота С.Н. Стародубец о «*живом слове*» [4]).

В художньо-експресивному шарі дискурсу атрибут *живой* утрачує термінологічну строгість, але отримує високу образність, функціонує як засіб емоційної виразності і символічної конкретизації. В таких поєднаннях, як *живая воля*, *живая лаборатория*, *живая сила* номінація *живой* стає носієм значення динаміки, органічності і історичної сопряженности з неповторимою і складною синергією російського народу.

Так, *живая лаборатория* («<...> семья есть как бы **живая «лаборатория»** человеческих судеб — личных и народных» [15, с. 172]) — це не інституція або умовне простір, а символ процесу, який неперестанно виробляє самого себе, подібно органічному організму. Тут акцентується принцип незавершеності, відкритості і неперервного досвіду: істина не застигає, а народжується і оновлюється в кожному акті духовного зусилля.

В поєднанні *живая сила* («Дух есть **живая сила** самоосвобождения и в заключительной стадии... — полнота личной свободы» [13, с. 33–34]) семантика прикметного виявляє внутрішню одушевлене початок, протилежне «мертвій енергії» або «абстрактній потужності». Це сила, коренящаяся в екзистенційній глибині особистості, в її духовній наповненості. Коллокація отримує подвійний зміст: вона одночасно позначає реальне діюче початок і утверджує ідею того, що підлинна енергія людської історії і культури завжди антропоцентрична і духовно мотивована.

Во всіх типах поєднань — від строго термінологічних до вільно метафорических — номінація *живой* виконує ряд функцій, які є ключовими для філософського мови І.А. Ільїна. Во-перших, вона забезпечує концептуальну когезію: термінологічні коллокації з *живой* формують тематичну і змістову зв'язаність тексту навколо категорії подлинного, духовно активного буття. Во-вторых, *живой* слугує аксіологічним індикатором: опозиція «живой — мертвий» стає одним з універсальних прийомів змістового протиставлення, дозволяючи І.А. Ільїну розмежувати істинне і ложне, дійсне і формальне, наповнене і порожнє. В-третьих, в нетермінологічних метафорических поєднаннях лексема *живой* реалізує естетико-експресивну функцію: вона насичує висловлювання образністю, створює ефект вовлеченности і динаміки, візуалізує філософські категорії через чутливо постигаємі образи.

Таким чином, саме за допомогою системи термінологічних і метафорических неоднословних образів з коллокацією *живой* І.А. Ільїн в контексті ключової моделі релігійно-філософсько-політико-естетического світобачення, організованої мифемою Дух/дух, формує змістове простір дискурсу за допомогою домінуючих складових, в розрізі яких життя

понимается как духовно активное, нравственно наполненное, органически целостное бытие (Ср.: концепция «*живой жизни*» в творчестве Ф.М. Достоевского как идея служения и самопожертвования, объединяющая народ православная «национальная идея», следование зову сердца, доверие логике подлинной (= живой) жизни) [8, с. 173]). Атрибут «*живой*» становится не просто словом, но языковым инструментом выражения главных мировоззренческих антиномий автора: подлинное — ложное, внутреннее — внешнее, духовное — физическое.

Заключение. Анализ сочетаний с атрибутом *живой* в религиозно-философском дискурсе И.А. Ильина позволяет сделать вывод о существенном смещении акцентов в семантической структуре данной лексемы по сравнению с её нормативным описанием в лексикографических источниках XIX–XXI вв. В текстах философа слово *живой* приобретает сложную онтологическую, духовно-ценностную и аксиологическую нагрузку.

На уровне структуры терминологических составных наименований лексема *живой* функционирует как смыслообразующий компонент, активизирующий метафизические и этические значения. Например, в сочетаниях *живое добро*, *живая любовь*, *живой способ бытия* слово указывает не столько на наличие жизни в физическом или органическом смысле, сколько на подлинность, одухотворённость, сопричастность высшему бытию и Божественному порядку. В этих контекстах атрибут *живой* определяет ценностную ориентацию на «духовность» всего словосочетания.

Выявленные в ходе анализа значения не укладываются и в рамки вторичных (социальных и психологических) дефиниций, представленных в словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, МАС. Тем не менее, они изоморфны дефинициям ‘подлинный, самый настоящий, существующий в действительности’, ‘полный жизненной энергии, подвижности’, фиксируемым, начиная с лексикографической традиции XX века. Однако в дискурсе И.А. Ильина названные значения подвергаются существенной трансформации: номинация *живой* выполняет роль духовного индикатора, выражающего меру причастности человека к истине, свободе, любви и Богу. Соответственно у совмещённого значения номинации фиксируется третий уровень глубинного дискурсивного осмысления → «*духовный, высокодуховный, иррационально-истинностный*», с учётом ориентации на символическую программу дискурса, организованную мифемой Дух/дух. Именно в этом качестве *живой* выступает как элемент философского языка, как слово-символ, определяющее целостное мировоззрение автора.

Особое внимание заслуживает тот факт, что в авторском употреблении И.А. Ильина составные наименования с прилагательным *живой* формируют своего рода семантическое поле, в котором отражается базовая бинарная оппозиция его философии — подлинное / мнимое, духовное / формальное, внутренне живое / внешне мёртвое. Через это противопоставление автор проводит границу между механистическим пониманием государства, морали, бытия и их органическими, одухотворёнными аналогами. В этом смысле лексема *живой* становится своего рода концептуальным маркером дискурса И.А. Ильина.

Результаты анализа демонстрируют, что номинация *живой* в текстах И.А. Ильина функционирует как важнейшая аксиологическая единица, глубоко укоренённая в духовной традиции русского религиозно-философского мышления. Она оказывается способной выражать не только состояние и качество, но и идею, мировоззренческую позицию, способ существования в истине. Это отличает её от нормативных лексикографических значений и свидетельствует о высокой степени семантической

эволюции и индивидуально-авторской трансформации данной лексемы в авторском религиозно-философском дискурсе.

Проведённое исследование показало, что составные наименования с атрибутом *живой* в дискурсе И.А. Ильина выходят далеко за пределы нормативной лексикографической традиции и приобретают ярко выраженную философско-онтологическую направленность. Атрибут *живой* в дискурсе философа выполняет не столько описательную, сколько концептуально-мировоззренческую функцию. Он формирует особый лексико-семантический пласт, в котором подчёркивается духовная активность, сопричастность истине, одухотворённость, подлинность и внутренняя наполненность предмета осмысления.

Терминологизация обнаруживается в тех случаях, когда *живой* становится неотъемлемым компонентом понятийного аппарата философа и образует устойчивые словесные единства, маркирующие фундаментальные категории его мировоззрения. Так, в сочетаниях *живая религиозность, живая духовность, живое доброе, живое сознание, живой духовный орган и под.* атрибут фиксирует ключевые духовные инстанции, превращая их в своеобразные онтологические константы. *Живой* здесь означает не просто динамичное или подвижное, но принципиально неустранимое, коренящееся в самой глубине бытия. Функция таких номинаций — создание философских терминов особого рода, где прилагательное *живой* задаёт категориальную определённость и одновременно метафизическую полноту понятия.

Специфика функционирования номинации в сочетании с ключевыми маркерами авторского дискурса: *добро, духовность, воля, любовь, сознание, религиозность, единство* — определена диффузией компонентов, которая обуславливает их гиперсемантизацию и взаимное «приращение смысла» в пределах нового терминологического целого.

Метафоризация, напротив, проявляется в художественно-экспрессивных контекстах, где *живой* выполняет роль символического усилителя, придающего мыслительным конструкциям образную пластичность. В выражениях *живая лаборатория, живая воля, живой источник, живой орган, живая основа и под.* атрибут активизирует семантику органичности, исторической сопряжённости и внутренней энергии. Здесь *живой* противопоставляется механическому, застывшему, «мертвому» и тем самым переводит отвлечённое обозначение в сферу онтологически ощутимого опыта подлинности и динамики бытия. Функция подобных сочетаний — экспрессивно-концептуальная: они не только передают смысл, но и наделяют его образной силой, позволяющей «пережить» категорию на уровне духовного опыта.

Таким образом, анализ семантики номинации *живой* в дискурсе И.А. Ильина позволяет сделать вывод о глубокой трансформации этой лексемы в индивидуально-авторском микро- и макроконтекстах. Функциональная специфика коллоката *живой* определена, во-первых, ориентацией последнего на терминологизацию составного наименования, во-вторых, гиперсемантизацией атрибута, его центробежной и центростремительной способностью актуализировать многослойные смыслы, в-третьих, экспрессивно-метафорическим фокусом дефинируемых понятий в контексте дискурса синтетического типа, философско-религиозно-политико-эстетического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влавацкая М.В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике / М.В. Влавацкая // Мир науки, культуры, образования. — № 4(77). — 2019. — С. 439–443.
2. Стародубец С.Н. Амбивалентность атрибута «духовный» в дискурсе Н.А. Бердяева / С.Н. Стародубец // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей VI Международного симпозиума. В

- 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2022 года / Редколлегия: И.П. Зайцева, Е.М. Маркова, Т.С. Чабаненко, Е.М. Шахова [и др.]. Том I. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. — С. 175–178.
3. Стародубец С.Н. Атрибуты «духовный (-ая, -ое)» как средство концептуальной когезии в дискурсе И.А. Ильина / С.Н. Стародубец // Русский язык в поликультурном мире: VII Международный симпозиум: сборник научных статей: в 2 т. — Ялта, 08–12 июня 2023 года. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. — Т. 2. — С. 307–312.
  4. Стародубец С.Н. «Живое слово» — термин, идеологема, символ в русской лингвокультуре (корпусное исследование) / С.Н. Стародубец // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2024. — № 8. — С. 346–350.
  5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А.П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2006. — 256 с.
  6. Чудинов А.П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот: монография / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. — Москва: Флинта: Наука, 2020. — 234 с.
  7. Козловская Н.В. Язык русской религиозной философии: от текста к термину и от термина к тесту: Монография / Н.В. Козловская. — СПб: Своё издательство, 2018. — 461 с.
  8. Кустовская М.А. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф.М. Достоевского // М.А. Кустовская. — Проблемы исторической поэтики. — 2011. — №9. — С. 169–179.
  9. Лощакова Н.П. Понятие «коллокация» в истории традиционной и корпусной лингвистики / Н.П. Лощакова. // Гуманитарные исследования. — 2021. — № 3(79). — С. 33–36. — DOI 10.21672/1818-4936-2021-79-3-033-036.
  10. Firth J.R. Modes of meaning // Papers in linguistics. — London: Oxford University Press, 1934–1951. — P. 190–215.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Русский язык, 1978–1980 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=246> (дата обращения: 12.09.2025).
12. Словарь Академии Российской. Т. 2. — СПб.: Императорская Академия наук, 1790. — 1200 с.
13. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование. Т. 1-2. / И.А. Ильин. — М.: Издательство АСТ, 2002. — 589 с.
14. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Т. 1. / И.А. Ильин; составление, предисловие и комментарии Ю.Т. Лисицы. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 528 с.
15. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин // Собрание сочинений в 2-х томах. — Т.2. — М., 1994. — С. 75–305.
16. Малый академический словарь в 4-х т. (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой — 2-е изд. — М.: Русский язык, 1981-1984.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. — М.: Первая Образцовая Типография, 2003. — 944 с.
18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 10.09.2025).

REFERENCES

1. Vlavackaya M.V. (2019) *Tipologiya kollokacij v kombinatornoj lingvistike* [Typology of collocations in combinatorial]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. № 4 (77). 439-443 pp. (In Russian)
2. Starodubets S.N. (2022) *Ambivalentnost' atributa «duhovnyj» v diskurse N.A. Berdjaeva* [The ambivalence of the attribute «spiritual» in the discourse of N.A. Berdyaev]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sbornik nauchnyh statej VI Mezhdunarodnogo simpoziuma. V 2-h tomah, Jalta, 08–12 ijunja 2022 goda. Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo.* (In Russian)
3. Starodubets S.N. (2023) *Atributy «duhovnyj (-aja, -oe)» kak sredstvo konceptual'noj kogeizii v diskurse I.A. Il'ina* [The attributes «spiritual» as a means of conceptual cohesion in the discourse of I.A. Ilyin]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: VII Mezhdunarodnyj simpozium: sbornik nauchnyh statej: v 2 t. — Jalta, 08–12 ijunja 2023 goda. — Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo, 2023.* (In Russian)
4. Starodubets S.N. (2024) *«Zhivoe slovo» — termin, ideologema, simvol v russkoj lingvokul'ture (korpusnoe issledovanie)* [«Living word» — a term, ideologeme, symbol in Russian linguistic culture (corpus study)]. *Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii*. № 8 (In Russian)

5. Chudinov A.P. (2006) *Politicheskaja lingvistika: uchebnoe posobie* [Political Linguistics: A Textbook]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russian)
6. Chudinov A.P. (2020) *Politicheskaja metaforologija: diskursivnyj povorot: monografija* [Political Metaphorology: The Discursive Turn: A Monograph]. Moskva: Flinta: Nauka (In Russian)
7. Kozlovskaya N.V. (2018) *Yazyk russkoj religioznoj filosofii: ot termina k tekstu i ot teksta k terminu. Monografiya* [The Language of Russian Religious Philosophy: From Term to Text and from Text to Term]. (In Russian)
8. Kustovskaja M.A. (2011) *Koncepcija «zhivoj zhizni» v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [The concept of «living life» in the works of F.M. Dostoevsky]. «Problemy istoricheskoy pojetiki». №9. (In Russian)
9. Loshhakova N.P. (2021) *Ponjatie «kollokacija» v istorii tradicionnoj i korpusnoj lingvistiki* [The concept of «collocation» in the history of traditional and corpus linguistics]. Gumanitarnye issledovaniya. № 3(79). DOI 10.21672/1818-4936-2021-79-3-033-036. (In Russian)
10. Firth, J.R. (1934-1951) *Modes of meaning*. Firth, papers in linguistics. London: Oxford University Press. (In English.)

Поступила в редакцию 06.12.2025 г.

ATTRIBUTE "LIVING" AS POLYFUNCTIONAL COLLOCATE IN I.A. ILYIN'S DISCOURSE

A.A. Khusainova

The paper deals with functional and semantic specifics of collocations with the attribute *living* in the discourse of the Russian philosopher I. A. Ilyin. It is established that the nomination *living* loses its primary "biological" meaning, acquiring ontological and axiological connotations (the authenticity and dynamism of being, spirituality, and connection with the Divine). Compound nouns become conceptual constructs, expressing the opposition between genuine and imaginary (alive as a marker of spiritual authenticity). The word dictionary meaning is transferred, with hypersemantization in discourse (both in micro- and macro-context) being the result of this process. We believe that *living* or *alive* is a means of expressing the philosopher's global ideas. The collocate *living* performs a terminological function through the extension of the key categories semantics. Its contextual-semantic function is realized as a result of the meaning extension in the integration with the discourse dominants. The expressive-metaphorical function manifests itself in the figurative specialization of abstract concepts. The methods of semantic, contextual, discourse analysis have been applied. The comparison with the lexicographic data is made as well.

Key words: discourse, attribute, collocate, compound names, semantics, author's term, metaphorization.

Хусаинова Анастасия Александровна.

Брянский государственный университет им. ак.
И.Г. Петровского,
г. Брянск, Российская Федерация.
Исследователь, преподаватель-исследователь.
ORCID 0009-0003-3293-4334
E-mail: anastasiya.melnikova20@yandex.ru.

Khusainova Anastasia Aleksandrovna.

Bryansk State University named after Academician
I.G. Petrovsky.
Bryansk, Russian Federation
Researcher, Teacher-researcher.
ORCID 0009-0003-3293-4334
E-mail: anastasiya.melnikova20@yandex.ru.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья

УДК 81`4

DOI: 10.5281/zenodo.18825629

«ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ЛАБИРИНТЫ» В ТЕКСТАХ «ПОТОКА СОЗНАНИЯ»:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

© 2026 Чичикина Д.О.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ORCID 0009-0003-7113-7653

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена анализу сущности, генезиса и языковой репрезентации понятия «повествовательный лабиринт» в текстах «потока сознания». Во введении автор рассматривает текст как синергетическую, антропоцентрическую сложную систему и формулирует гипотезу, согласно которой текстовое пространство формируется взаимодействием повествовательных лабиринтов разной степени сложности. Усложнение типа лабиринта связывается с реализацией индивидуально-авторских значений, которые повышают степень индивидуации текста, тем самым увеличивая его эстетическую значимость и смысловую глубину. Важными элементами теоретической базы статьи выступают концепция повествовательных лабиринтов У. Эко, разграничивающего уникарсальный, замковый, и ризоморфный лабиринты, и работы о типах лабиринтов О.П. Воробьевой, которая выделяет простой, сложный и сверхсложный лабиринты. Функционально-семантические приращения в тексте исследуются с точки зрения положений, выдвинутых в работах О.В. Загоровской, В.А. Кухаренко, И.А. Щировой, Е.Д. Шмидт. Языковая репрезентация повествовательных лабиринтов разной степени сложности связывается с изменением значений художественных деталей в составе образа персонажа-квазисубъекта и иллюстрируется на примере романа В. Вулф «The Waves», где моделируется иллюзия когнитивной независимости персонажей. Исследование художественных деталей позволяет читателю достичь более глубоких уровней интерпретации.

Ключевые слова: лабиринт, повествовательный лабиринт, поток сознания, сложность, функционально-семантические приращения, психологическая проза, авторская интенция, антропоцентризм, художественная деталь.

Для цитирования: Чичикина Д.О. «Повествовательные лабиринты» в текстах «потока сознания»: определение, характеристика и языковая репрезентация / Д.О. Чичикина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 188–199. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825629>.

Введение. XX столетие знаменует собой начало «Века самопознания» [8]. В это время на первый план в науке выходят идеи субъектности и антропоцентризма. В исследованиях текстовой синергии — «явления, когда две или более индивидуальные силы, “работая вместе”, производят эффект больший, чем сумма эффектов, производимых ими по отдельности» [21, с. 20], используется понятие «сложность». Оно определяется как ключевое для господствующей научной парадигмы и причисляется к «основным онтологическим, гносеологическим и

методологическим проблемам современного мышления» [7, с. 75]. Трансдисциплинарная экспансия синергетики превращает сложные, открытые системы «человек», «Вселенная» и «текст» в ключевые объекты исследования [11]. В тексте обнаруживают антропомерное макрообразование, сложность которого «коррелирует не только с его онтологической сложностью, но и со сложностью человека, формирующего условия для «жизни» текста» [21, с. 19].

В предлагаемой статье категория сложности формирует концептуальное основание для исследования иерархии повествовательных лабиринтов в текстах «потока сознания» (далее ПС), которые «претендуют на воспроизведение ментальной жизни сознания посредством сцепления ассоциаций, нелинейности, оборванности синтаксиса» [36, с. 227] (курсив автора). Следуя идеям Ю.М. Лотмана о вторичных моделирующих системах [14], такой текст можно считать моделью, воспроизводящей в художественной форме процесс реальной интериоризации, т.е. «процесса формирования внутренних структур психики <...> Иначе, превращение интерпсихологических (межличностных отношений) в интрапсихологические (внутриличностные, отношения с самим собой)» [34, с. 160].

В интериоризированных текстах с помощью художественных средств изображается языковое сознание и языковая личность персонажа, который, реализуя авторскую интенцию, вступает в интрапсихологические отношения с самим собой [34, с. 142]. В этом процессе автокоммуникации [14] персонаж, согласно авторской интенции, проходит сложный путь к пониманию собственной личности и осознанию идентичности через процессы самообъективации, самоидентификации, самосознания, самопознания и др. В плане реальной коммуникации все эти процессы происходят бессознательно и исследуются только по их «косвенным проявлениям в сознательной психике» [25, с. 6–7]. Так, «следы» незримой ментальной деятельности могут быть обнаружены в сновидениях, различных формах поведения, в т.ч. речевого, и произведениях искусства, в частности, в художественных текстах, которые Л.С. Выготский называл «объективными фактами, в которых бессознательное проявляется всего ярче» [3, с. 461].

Вышеизложенное предопределяет теоретическую значимость и актуальность исследования текстов ПС современной, антропоориентированной наукой, внимание которой фокусируется на ментальных процессах, сфере разума и тексте как ментальном акте. «Работа» индивидуального сознания в интериоризированных текстах моделируется эксплицитно во всех областях организации текста: лексико-семантической, структурно-синтаксической и структурно-композиционной. При этом, оценочная авторская позиция в рассматриваемом типе текста, как правило, отсутствует, поскольку писатель создаёт в нем иллюзию когнитивной автономии персонажа [22, с. 8–10]. Реальная коммуникация автора и читателя заменяется ««диалогом сознаний» реального когнитивного субъекта и квазисубъекта, принадлежащих к реальной и изображённой коммуникации» [22, с. 49]. Автор моделирует языковое сознание персонажа, т.е. «форму существования индивидуального, когнитивного сознания человека <...> как социального существа, как личности» [13, с. 115] и объективирует языковую личность квазисубъекта, т.е. носителя данного сознания [9, с. 11–12]. Интенциональная «невывраженность оценочной авторской позиции <...> имплицитно-подтекстовый способ повествования <...> увеличивают значимость субъективных, интерпретаторских возможностей читателя» [22, с. 31] и требуют от него активных когнитивных усилий им собой энциклопедической компетенции.

Согласно формулируемой в статье гипотезе, смысловое пространство текстов ПС образуется взаимосвязями лабиринтов разных типов: простого, сложного и сверхсложного. Усложнение типа лабиринта коррелирует с повышением степени индивидуации языковых единиц (далее ЯЕ), что влечёт за собой увеличение эстетической значимости, смысловой глубины и сложности текста.

Материал и методы. Материалом исследования выступают тексты интериоризированной психологической прозы начала XX века, в частности, роман В. Вулф «The Waves».

Работа носит междисциплинарный характер. В качестве методологической и теоретической базы в нем используются труды в области лингвистики, лингвостилистики, литературоведения, философии языка и лингвосинергетики. Общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, моделирования и контекстуализации конкретизируются в частнонаучных (лингвистических) методах стилистического анализа и компонентного анализа. Художественный текст рассматривается с опорой на концепцию повествовательных лабиринтов, предложенную У. Эко и переосмысленную О.П. Воробьёвой [2], И.А. Щировой [19], Е.Д. Шмидт [17], Л.В. Евстигнеевой [5] и др. Положения данных концепций будут детально рассмотрены ниже.

Теоретической базой для исследования функционально-семантических трансформаций выступают труды О.В. Загоровской [6], В.А. Кухаренко [12], И.А. Щировой [18]. В данной работе выдвинутые положения применяются для исследования повествовательных лабиринтов в области лексико-семантической организации художественного текста.

В статье также используются научные работы, словари и энциклопедии, написанные известными психологами и психолингвистами: Л.С. Выготским [3], В.В. Красных [13], К.Г. Юнгом [25], С.Ю. Головиным [34], Б.Г. Мещеряковым и В.П. Зинченко [31], Ч. Райкрофтом [35].

Основная часть.

Генезис понятия «повествовательный лабиринт». Содержательное наполнение понятия «лабиринт» изменялось на протяжении истории человечества и применялось к разным феноменам действительности.

Первые сохранившиеся упоминания о лабиринтах встречаются в работах древнегреческого историка Геродота, описавшего огромное здание на севере Египта, построенное более чем за 2000 лет до н.э. [30, с. 6]. Происхождение понятия «лабиринт» также связано с минойской цивилизацией и, соответственно, с мифом о Тесее, нити Ариадны и Критском лабиринте, построенном изобретателем Дедалом, чтобы заключить в нём минотавра. Лексическая единица (далее ЛЕ) «лабиринт» в переносном значении означает «сложное, запутанное сцепление, переплетение чего-либо. Его мысли были лабиринтом без выхода. Лабиринт жизни, событий, мыслей и т. п.» [37, с. 8–9].

Восприятие книги как лабиринтообразного «сада расходящихся тропок» [32, с. 157] получило распространение в творчестве Х.Л. Борхеса. В одном из англоязычных интервью писатель утверждает, что мировая литература представляет собой запутанный лес, живой лабиринт, который опутывает человечество и продолжает расти [27, с. 16]. Библиотека Борхеса — это лабиринтообразная библиотека-Вселенная — «созданное человечеством инвертированное отражение небесного порядка, который постоянно деформируется и бесконечно умножается за счёт обращённых друг к другу зеркал» [26, с. 125] (пер. автора). Границы между вымыслом и реальностью размыты, и вымысел, воплощённый в текстах, составляет историю человечества. Реальность, упорядоченная «согласно законам божественным, <...>

законам бесчеловечным, которые нам никогда не постигнуть» [32, с. 106], уступает место порядку библиотеки Тлёна, которая тоже представляет собой лабиринт, «зато лабиринт, придуманный людьми, лабиринт, созданный для того, чтобы в нём разбирались люди» [32, с. 106].

Вавилонскую библиотеку Борхеса уместно сравнить с «Максимальной энциклопедией» У. Эко, состоящей из всего сказанного и написанного человеком на протяжении существования языка. Энциклопедия непостижима, но материально представлена в виде книг, «которые выступают в качестве взаимных интерпретант в цепи семиозиса» [23, с. 51]. Исследуя разные типы лабиринтов, появившихся на протяжении существования человечества, Эко, как и Борхес, использует рассматриваемое понятие по отношению к художественным текстам. Он выделяет три типа лабиринтов.

Уникурсальный лабиринт — самый древний и самый простой из них, он имеет один вход и один выход и образует один единый путь. Если «распутать» его, то получится одна непрерывная нить. В Критском лабиринте Тесею суждено было встретить Минотавра.

Замковый лабиринт представляет собой более сложную структуру: он также имеет один вход и один выход, к которому ведёт только один путь, но в нём есть пути, заканчивающиеся тупиками. Данный лабиринт имеет древовидную структуру, подобную Древу Порфирия.

Третий тип лабиринта является сверхсложным, поскольку не имеет выхода и внешних границ. Эко называет его сеть или ризома (вслед за Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [4]). Ризоморфный лабиринт имеет нелинейную структуру, каждая точка которой может быть соединена с любыми другими точками. Он не имеет центра и периферии [23, с. 53–55].

Охарактеризованные типы лабиринтов применимы к историческому анализу восприятия бытия, мировоззрения и мышления человека, а также к повествовательным структурам текста. Автор текста, утверждает Эко, «предвидит своего “идеального читателя”, способного овладеть различными кодами» [24, с. 21] лабиринтообразной структуры текста.

Исследуя диалектическое противоречие между «правами» текста и интерпретатора, Эко приходит к выводу, что «права» читателя в последние десятилетия переоцениваются, текст не интерпретируется, а используется, в то время как интерпретация становится произвольной [29, с. 23]. Задача читателя — интерпретация текста, т.е. приближение к авторской интенции. Понятие интенции занимает особое место в рассуждениях У. Эко и включается в одну из его известных концепций — «автор на пороге» (англ. Liminal Author, the Author on the Threshold) [29, с. 69]. Интенция текста, убеждён Эко, — это интенция автора, находящегося «на пороге» между эмпирической личностью создателя текста и автором как эксплицитной текстовой стратегией [29, с. 69]. Используя стратегии декодирования, читатель целенаправленно реконструирует целостный смысл, заложенный автором в текст. В ходе анализа и синтеза текстового смысла, он опирается на языковые маркеры адресованности. Формируемая такими маркерами структура произведения задаёт пределы интерпретации, поскольку «тексты являются фактами и представляют собой нечто, предшествующее своим интерпретациям, то, чьи преимущественные права не ставятся под сомнение» [23, с. 541]. Если «открытый текст», признаем справедливость мнения У. Эко, «предполагает закрытую модель идеального читателя как компоненту текстовой стратегии» [28, с. 9], то положение о безграничности интерпретации, получившее развитие в эпоху постструктурализма,

деконструктивизма и постмодернизма, вызывает сомнения, поскольку текст в этом случае оказывается открыт любым смыслам и, следовательно, не имеет собственного смысла (см. смерть субъекта/автора/читателя/индивидуального текста). Таким образом, современная наука признаёт уникальность каждого читателя, «реализующего своё действительное, активное начало в каждой новой интерпретации» [20, с. 168]. При этом, текст подразумевает множественное, но не произвольное толкование, и любое интерпретационное решение задаётся «структурными параметрами» произведения [16, с. 48].

Как было замечено во введении, текстовое макрообразование, подобно любой другой сложной системе, может рассматриваться через понятие «сложность». М.С. Каган постулирует «специфический характер сложности в разных системах» [7, с. 76–77] и различает четыре типа систем: простые, сложные, сверхсложные и супер-сверхсложные. Основанием для их разграничения является степень индивидуации. «Мера индивидуального своеобразия» [7, с. 76–77] у простых систем минимальна, тогда как у супер-сверхсложных, в первую очередь, это личность человека, степень индивидуации максимальна. Оправданно установить корреляции между данными типами систем и типами лабиринтов, по Эко, поскольку обе классификации отражают историческое усложнение систем, существовавших на протяжении истории человечества и, в том числе текстов, которые усложнялись в процессе развития литературной коммуникации.

Понятие повествовательного лабиринта (далее ПЛ) используется О.П. Воробьёвой, которая разграничивает три типа ПЛ — простой, сложный и сверхсложный. Принцип ПЛ образует «основу стратегий и тактик распутывания повествования» [2, с. 186].

Понятия «повествовательный лабиринт и лабиринт распутывания повествования *отражают* органическую взаимосвязь и взаимообусловленность процессов тектопорождения и текстовосприятия *и представляют собой* две ипостаси единой сущности — двунаправленного процесса *литературной коммуникации между автором и читателем*» [17, с. 71] (курсив автора). Повествовательный лабиринт — это программа интерпретации, заложенная в текст писателем через вербализованные «смысловые вехи», задающие интерпретационные границы. Лабиринт распутывания — это, напротив, деятельность интерпретатора, направленная на декодирование интенции, заложенной в лабиринтообразную структуру текста.

Простой ПЛ, по О.П. Воробьёвой, «вполне однозначно детерминирует последовательность распутывания повествования» [2, с. 186–187]. Как и рассмотренный выше уникальнейший лабиринт [23], этот тип ПЛ подразумевает однозначную интерпретацию и один выход из лабиринта, который формирует при распутывании единую смысловую нить. Сложный ПЛ, как и замковый лабиринт у Эко, подразумевает возможность альтернативных интерпретационных решений, переосмысления информации, полученной при распутывании простого ПЛ, а также переход на более глубокие уровни интерпретации. Сверхсложный ПЛ характеризуется «отсутствием абсолютных отправной и конечной точек» [2, с. 186–187]. Это означает, что распутывание ПЛ «зависит от точки отсчета, избираемой читателем/интерпретатором в качестве отправной» [2, с. 186–187]. Этот лабиринт потенциально бесконечен и непознаваем, а его видение блуждающим читателем, как на уровне отдельных микроконтекстов, так и на уровне всего макрообразования, постоянно меняется: открываются новые интерпретационные выходы с новым пересечением смысловых «узлов», каждый из которых связывается со всеми остальными в ризоморфной структуре сверхсложной текстовой системы [23]. Типы ПЛ и интерпретационные выходы, которых

достигает читатель в процессе декодирования, не только противоречат и/или отрицают друг друга, но и *дополняют, составляя тем самым многомерную, иерархическую структуру текста, которая раскрывается по ходу развёртывания повествования*, при повторном прочтении, при приобретении читателем новых знаний (как фундаментальных, так и специализированных) и т. д.

В данной статье будут рассмотрены повествовательные лабиринты в области лексико-семантической организации текста. Усложнение типа лабиринта связывается с увеличением смыслового потенциала слова и влечет за собой увеличение степени его эстетической значимости. Идеи функционально-семантических приращений ранее развивались в работах О.В. Загорской [6], В.А. Кухаренко [12], Е.Д. Шмидт [17], Л.В. Евстигнеевой [5], И.А. Щировой [18] и др. Эти положения рассматриваются в контексте концепции повествовательных лабиринтов и формулируются следующим образом.

Простой тип лабиринта формируется ЯЕ в основных узуальных значениях. коннотативные и ассоциативные значения в ЯЕ отсутствуют.

Сложный тип лабиринта создается ЯЕ в метафорических значениях, обусловленных появлением дополнительных коннотаций и ассоциаций.

Сверхсложный тип лабиринта образуется ЯЕ, имеющими значение символа и характеризующимися развитой сетью ассоциативных значений.

Повествовательные лабиринты в текстах «потока сознания». В романе «The Waves» представлены художественно-трансформированные ментальные процессы шести персонажей. Повествование охватывает их жизнь с детских лет и до взрослого возраста. По ходу развёртывания повествования в нем доминируют события в «сфере сознания». Интериоризированный характер текста обуславливает его ослабленную фабульность и несобытийность. В романе моделируются языковые личности и языковые сознания персонажей-квасисубъектов, а также процессы самообъективации, самоидентификации, самопознания и др., на фоне иллюзорного авторского отсутствия.

Одна из персонажей — Рода, находится в конфликте с реальностью и пытается понять собственное «Я». Чувства и мысли Роды в процессе самообъективации «изображаются как способные выразить её отношение к себе как к объекту <...> Выразить себя самого <...> значит сделать себя объектом для другого и для себя самого» [22, с. 40]. В процессе развёртывания повествования Рода приходит к осознанию собственной идентичности. Идентичность — это «чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других» [21, с. 30]. Персонаж стремится к одиночеству, признает невозможной самоидентификацию в обществе, т.е. отрицает возможность «устойчивого отождествления себя с к.-л. социальной группой или общностью [31, с. 168], уходит в мир фантазий. В тексте объективируется ценностная картина мира персонажа, поскольку, как замечает автор, ценность для неё сохраняет только воображаемая Вселенная.

Процесс самообъективации персонажа представлен в плане художественно-трансформированной внутренней речи и охватывает годы всей её жизни, образуя интериоризированное повествование. В текстах «потока сознания» особую роль играет процесс автокоммуникации [14]. В ходе внутреннего диалога с собой персонаж меняется, проходит психологический путь к познанию собственного Эго, пониманию уникальности собственной личности, субъективно воспринимающей реальность.

Ключевой ассоциативной характеристикой в психологическом портрете Роды в романе становится зеркало. Формирующая деталь ЛЕ «looking-glass» повторяется в описании многократно.

Автор впервые вводит данную ЛЕ в эпизоде, где Рода смотрит в зеркало из-за плеча Сюзан — еще одного центрального персонажа:

(1) «‘That is my face,’ said Rhoda, ‘in the looking-glass behind Susan’s shoulder—that face is my face» [40, с. 29].

В процитированном микроконтексте ЛЕ «a looking-glass» реализуется в своём узуальном значении, т.е. «a polished or smooth surface (as of glass) that forms images by reflection» [39]. Персонаж обращается к самой себе и описывает свои действия, тем самым выступая для себя самой объектом исследования и познания.

Функционально-семантическая трансформация ЛЕ «a looking-glass» происходит в ходе развития повествования под влиянием ближайшего контекста.

(2) «But I will duck behind her to hide it, for I am not here. I have no face. Other people have faces; Susan and Jinny have faces; they are here. Their world is the real world. <...> whereas I shift and change and am seen through in a second. <...> They know what to say if spoken to. They laugh really; they get angry really; while I have to look first and do what other people do when they have done it» [40, с. 29].

В приведённом отрывке образ зеркала используется автором для описания взаимодействия рассматриваемого персонажа с людьми: Рода копирует их манеру поведения как зеркало. ЛЕ «a looking-glass» является синонимом ЛЕ «a mirror». Значение глагола «to mirror» — «to copy another person's body language, speech patterns, expressions, etc.» [38] реализуется в микроконтексте (2). Накопленная в ходе прочтения информация стимулирует читателя переосмыслить образ зеркала, совершив «ретроспективную прогулку». В воспринимающем сознании читателя ЛЕ начинает ассоциироваться не только с материальным объектом действительности, но и с самим персонажем. Одновременная реализация узуального и метафорического значений и появление дополнительных ассоциаций создают «смысловую глубину образа» [17, с. 132] и формируют сложный ПЛ за счёт увеличения степени индивидуации элемента, т. е. степени его стилистического отхождения от языковой нормы. Описание положения Роды в пространстве усиливает создаваемый деталью эффект: в зеркале отражается только Сюзан, за которой прячется Рода. Деталь имплицитно указывает на способность персонажа, общаясь с людьми, скрываться «под маской» других. Описывая себя, персонаж употребляет модальный глагол «will» в значении привычных действий, т.е. ожидаемого поведения [10, с. 162]. Рода, таким образом, предвидит собственные действия: она неизменно копирует поведение других и не может этого изменить, о чем убедительно свидетельствует предложение «I have to look first and do what other people do when they have done it». Автор использует в нем модальное выражение «have to», обозначающее необходимость, вызванную обстоятельствами, неподвластными говорящему [10, с. 158]. Языковой маркер подчёркивает вынужденную необходимость персонажа повторять манеру поведения других и имплицитно указывают на невозможность раскрытия её индивидуальности в обществе. Поскольку модальные глаголы выражают отношение субъекта к действию, введение «will» и «have to» позволяет автору передать оценочную реакцию Роды на свои собственные действия. Иными словами, персонаж изображается как объект собственного исследования в процессе самопознания.

Ряд параллельных конструкций в тексте целеориентирован на противопоставление персонажем себя другим: «I have no face» и «Other people have faces», «I am not here» и «they are here». Утверждения персонажа, что «у неё нет лица» и что «она не здесь» (пер. автора), указывают на существование Роды в воображаемом мире. Контраст между Родой и «другими» усиливается за счёт введения противительного союза «whereas»: «Their world is the real world <...> whereas I shift and change and am seen through

in a second». Заметим, что рассмотренное значение ЛЕ «a looking-glass» реализуется не только во внутренних монологах Роды, но и в «потоках сознаний» других персонажей. Со всех сторон персонажа «окружают различные направленные нее содержания сознаний (включая сюда и ее собственное)» [1, с. 114]. В. Вулф вводит в текст несколько сцен, участники которых видят Роду в зеркале.

Например:

(3) «Let Rhoda speak, whose face I see reflected mistily in the looking-glass opposite» [40, с. 98].

Или:

(4) «...one day I see you in some looking-glass perhaps looking after another» [40, с. 129].

По мере развёртывания повествования продолжается рост смысловой нагрузки на ЛЕ «a looking-glass»:

(5) «Therefore I hate looking-glasses which show my real face. Alone, I often fall down into nothingness. I must push my foot stealthily lest I should fall off the edge of the world into nothingness. I have to bang my hand against some hard door to call myself back to the body» [40, с. 30].

В микроконтексте (5) ЛЕ «a looking-glass» реализуется в символическом значении и характеризуется максимальной степенью индивидуации, которую оправданно связать со сверхсложным ПЛ. Зеркало, «показывающее настоящее лицо» персонажа (пер. автора), символизирует реальность и отчуждённость героини от неё. Глагол отрицательной эмоционально-оценочной направленности «to hate», обозначающий «to feel extreme enmity toward <...> to have a strong aversion to» [39], передаёт отношение Роды к изображаемому объекту и миру, который он символизирует, а также к себе самой в этом мире. Писатель, посредством модального глагола «must», выражающего необходимость, обязательство (в отличие от «have to», глагол «must» выражает личную убеждённость в необходимости [10, с. 152, с. 158]), подчёркивает, что, несмотря на негативное отношение к действительности, героиня осознаёт необходимость взаимодействия с ней. Рода копирует манеру поведения других, чтобы не «свалиться за край света — в ничто» [33, с. 270] (пер. Е. Суриц), т.е. в мир собственных фантазий. Уже в данном микроконтексте, который композиционно расположен в начале романа, автор имплицитно даёт читателю указание на дальнейшую судьбу героини, а именно, её самоубийство.

Проанализированная ЛЕ «a looking-glass» демонстрирует неспособность Роды, как личности, к социальному взаимодействию. Её индивидуальность раскрывается только в одиночестве, чем вызвано стремление героини к социальной изоляции. В ходе вынужденной коммуникации с другими людьми персонаж лишь копирует их поведение, скрываясь «за маской» других. Рода самообъективируется в мире собственных фантазий, но не может найти собственное «Я» в реальности, к осознанию чего и приходит по мере развёртывания событийной линии. В конце романа Бернард — один из центральных персонажей, сообщает читателю о смерти Роды:

(6) «...Rhoda, always so furtive, always with fear in her eyes, always seeking some pillar in the desert, to find which she had gone; she had killed herself» [40, с. 202].

Проведенный анализ позволяет представить ЛЕ «a looking-glass» как важную деталь психологического портрета персонажа-квзисубъекта. В процессе развёртывания текста происходит функциональная трансформация образующих его ЯЕ, которые интегрируются текстовым целым и, согласно единой авторской интенции, актуализируют глубинный смысл. В результате семантических приращений

увеличивается эстетическая значимость текста и повышается степень его индивидуации. Пополнение смыслового потенциала ЯЕ целесообразно соотносить с переходом читателя в плоскости распутывания более сложных повествовательных лабиринтов.

Заключение. В статье рассмотрены определение, генезис и языковая репрезентация понятия «повествовательный лабиринт», который трактуется как программа интерпретации, заложенная автором в текст через определённые языковые репрезентанты, задающие интерпретационные границы в разных областях текстовой организации. Текст характеризуется наличием множественных интерпретационных выходов разной степени смысловой глубины и сложности. Сложность признаётся значимой характеристикой художественного текста и является концептуальной основой для рассмотрения ПЛ в настоящей работе. Данное понятие является актуальным для современного исследователя в силу господствующих в науке синергетических тенденций. Текст в данной статье был рассмотрен как сложная открытая система, антропоцентрическое, синергетическое макрообразование, в котором взаимодействуют простой, сложный и сверхсложный ПЛ, образующие его многомерную структуру. Усложнение типа лабиринта коррелирует с приращением индивидуально-авторских смыслов и повышением степени индивидуации ЯЕ, что влечет за собой увеличение смысловой глубины текста и возрастание его эстетического потенциала. Направляя ход распутывания повествования, языковые репрезентанты разных типов ПЛ приближают читателя к пониманию глубинного смысла текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы. Эссе и письма / Э. Ауэрбах. — М.: Культурная революция, 2021. — 224 с.
2. Воробьёва О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста. Дисс. ... доктора фил. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / О.П. Воробьёва. — М.: МГЛУ, 1993. — 381 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь; Психология искусства; Вопросы детской психологии / Л.С. Выготский. — М.: Эксмо, 2024. — 848 с.
4. Делёз Ж. Капитализм и шизофрения. Книга II. Тысяча плато / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — Луганск: Большой Донбасс, 2021. — 640 с.
5. Евстигнеева Л.В. «Программа интерпретации» в контексте теории лабиринтов (на материале рассказа Дж. Джойса «Eveline») / Л.В. Евстигнеева // *Studia linguistica*. — 2018. — Вып. 27. — С. 138–143.
6. Загоровская О.В. Эстетическая функция языка и эстетическая значимость слова в художественном тексте. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук / О.В. Загоровская. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола, 1977. — 20 с.
7. Каган М.С. Метаморфозы бытия и небытия / М.С. Каган. — М.: Юрайт, 2025. — 424 с.
8. Кандель Э. Век самопознания. Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века и до наших дней / Э. Кандель. — М.: CORPUS, 2016. — 514 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
10. Каушанская В.Л. Грамматика английского языка / В.Л. Каушанская. — М.: АЙРИС-пресс, 2024. — 384 с.
11. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е.Н. Князева. // *Вестник ТПУ*. — 2011. — № 10 (112). — С. 193–201.
12. Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.
13. Красных В.В. Основы психолингвистики: лекционный курс / В.В. Красных. — Изд. 2-е, дополненное. — М.: Гнозис, 2012. — 333 с.
14. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2024. — 448 с.
15. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е.В. Падучева. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 480 с.
16. Понять другого: проблемы интерпретации текста в современной науке / И.А. Щирова, А.Г. Гурочкина, Е.А. Гончарова [и др.]. — СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2023. — 196 с.

17. Шмидт Е.Д. Эволюция художественной детали в тексте словесного портрета. Дисс. ... канд. фил. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.Д. Шмидт. — СПб.: РГПУ им. Герцена, 2006. — 175 с.
18. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ / И.А. Щирова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 120 с.
19. Щирова И.А. Когнитивная активность читателя как условие успешной интерпретации / И.А. Щирова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — №1 (134). — С. 148–152.
20. Щирова И.А. Текст и контекст в меняющемся мире / И.А. Щирова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2014. — Т. 7, № 1. — С. 163–171.
21. Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного / И.А. Щирова. — СПб.: Политехника-сервис, 2013. — 216 с.
22. Щирова И.А. Языковое моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. Дисс. ... доктора фил. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / И.А. Щирова. — СПб.: РГПУ им. Герцена, 2001. — 394 с.
23. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / У. Эко. — М.: Академический проект, 2016. — 559 с.
24. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. — СПб.: Симпозиум, 2005. — 502 с.
25. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. — М.: Академический проект, 2023. — 651 с.
26. Barrenechea A. Borges, the labyrinth maker / A. Barrenechea. — NY.: New York Univ. Pr., 1965. — 194 p.
27. Borges J.L. Conversations / J.L. Borges. — Jackson: University Press of Mississippi, 1998. — 255 p.
28. Eco U. The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts / U. Eco. — Bloomington: Indiana University Press, 1979. — 274 p.
29. Eco U. Interpretation and overinterpretation / U. Eco. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — 162 p.
30. Matthews W.H. Mazes and labyrinths a general account of their history and development / W.H. Matthews. — London: Longmans, Green and Co., 1922. — 357 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

31. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 672 с.
32. Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок. Алеф: Полное собрание рассказов / Х.Л. Борхес. — М.: Иностранка, 2024. — 640 с.
33. Вулф В. Орландо; Волны; Флаш / В. Вулф. — СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 576 с.
34. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. — Минск: Харвест, 1998. — 800 с.
35. Райкфорт Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт. — СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. — 288 с.
36. Руднев В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. — М.: Аграф, 1999. — 384 с.
37. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. Л-М / Э.И. Коротаева, Л.В. Омелянович-Павленко. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. — 737 с.
38. Cambridge Dictionary [Online]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (accessed 8 June 2025)
39. Merriam-Webster Dictionary [Online]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (accessed 8 June 2025).
40. Woolf V. The Waves / V. Woolf. — London: Vintage Classics, 2016. — 224 p.

REFERENCES

1. Auerbakh E. (2021). Filologiya mirovoj literatury. Esse i pis'ma [Philology of world literature. Essays and letters]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russian)
2. Vorob'eva O.P. (1993). Lingvisticheskie aspekty adresovannosti khudozhestvennogo teksta [Linguistic aspects of the category of addressing in literary texts] (Doctoral dissertation). Moscow State Linguistic University, Moscow. (In Russian)
3. Vygotskij L.S. (2024). Myshlenie i rech'; Psikhologiya iskusstva; Voprosy detskoj psikhologii [Thinking and Speech; The Psychology of Art; The Issues of Child Psychology]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
4. Delez Zh. (2021). Kapitalizm i shizofreniya. Kniga II. Tsysyacha plato [Capitalism and Schizophrenia]. — Luhansk: Bol'shoj Donbass. (In Russian)
5. Evstigneeva L.V. (2018). «Programma interpretatsii» v kontekste teorii labirintov (na materiale rasskaza Dzh. Dzhosha «Eveline») [The program of interpretation in the framework of the theory of labyrinths (exemplified by the short story "Eveline" by J. Joyce)]. Studia linguistica, 27, 138–143. (In Russian)

6. Zagorovskaya O.V. (1977). Esteticheskaya funktsiya yazyka i esteticheskaya znachimost' slova v khudozhestvennom tekste. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk [The aesthetic function of language and the aesthetic significance of a word in a literary text] (Doctoral dissertation). Voronezh State University, Voronezh. (In Russian)
7. Kagan M.S. (2025). Metamorfozy bytiya i nebytiya [Metamorphoses of being and nonbeing]. Moscow: Yurajt. (In Russian)
8. Kandel E. (2016). Vek samopoznaniya. Poiski bessoznatel'nogo v iskusstve i nauke s nachala XX veka i do nashikh dnei [The Age of Insight: The Quest to Understand the Unconscious in Art, Mind, and Brain, from Vienna 1900 to the Present]. Moscow: CORPUS. (In Russian)
9. Karasik V.I. (2002). Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian)
10. Kaushanskaya V.L. (2024). Grammatika anglijskogo yazyka [A Grammar of the English Language]. Moscow: AJRIS-press. (In Russian)
11. Knyazeva E.N. (2011). Transdistsiplinarnye strategii issledovaniy [Transdisciplinary research strategies]. TSPU Bulletin, 10 (112), 193–201. (In Russian)
12. Kukhareno V.A. (1988). Interpretatsiya teksta [Interpretation of the text]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)
13. Krasnykh V.V. (2012) Osnovy psikholingvistiki: leksionnyj kurs [The basics of psycholinguistics: a lecture course]. Moscow: Gnozis. (In Russian)
14. Lotman Yu.M. (2024). Vnutri myslyashchikh mirov [Universe of the Mind]. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus. (In Russian)
15. Paducheva E.V. (2011). Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v rusском yazyke; Semantika narrative [Semantic studies: semantics of time and aspect in the Russian language; semantics of narrative]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)
16. Ponyat' drugogo: problemy interpretatsii teksta v sovremennoj nauke [To Understand the Other: Problems of Text Interpretation in Modern Science] (2023). Saint Petersburg: The Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen, Saint Petersburg. (In Russian)
17. Shmidt E.D. (2006) Evolyutsiya khudozhestvennoj detali v tekste slovesnogo portreta [The evolution of artistic details in the text of a verbal portrait] (PhD dissertation). The Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen, Saint Petersburg. (In Russian)
18. Shchirova I.A. (2003). Psikhologicheskij tekst: detal' i obraz [Psychological text: detail and image]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)
19. Shchirova I.A. (2019). Kognitivnaya aktivnost' chitatelya kak uslovie uspeshnoj interpretatsii [Cognitive activity of the reader as a condition for successful interpretation] Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1 (134), 148–152. (In Russian)
20. Shchirova I.A. (2014). Tekst i kontekst v menyayushchemsya mire [Text and context in the changing world]. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, 1, 163–171. (In Russian)
21. Shchirova I.A. (2013) Tekst skvoz' prizmu slozhnogo [Text through the prism of complexity]. Saint Petersburg: Politekhniko-servis. (In Russian)
22. Shchirova I.A. (2001). Yazykovoje modelirovanie kognitivnykh protsessov v angloyazychnoj psikhologicheskoy proze XX veka [Linguistic modeling of cognitive processes in twentieth-century English-language psychological prose] (Doctoral dissertation). The Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen, Saint Petersburg. (In Russian)
23. Eko U. (2016). Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii [From the Tree to the Labyrinth: Historical Studies on the Sign and Interpretation]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian)
24. Eko U. (2005). Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts]. Saint Petersburg: Symposium. (In Russian)
25. Yung K.G. (2023). Psikhologicheskie tipy [Psychological types] Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russian)
26. Barrenechea A. (1965). Borges, the labyrinth maker. NY.: New York University Press. (In English)
27. Borges J.L. (1998). Conversations. Jackson: University Press of Mississippi. (In English)
28. Eco U. (1979). The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. Bloomington: Indiana University Press. (In English)
29. Eco U. (1992). Interpretation and overinterpretation. Cambridge: Cambridge University Press. (In English)
30. Matthews W.H. (1922). Mazes and labyrinths a general account of their history and development. London: Longmans, Green and Co. (In English)

Поступила в редакцию 24.11.2025 г.

«NARRATIVE LABYRINTHS» IN STREAM-OF-CONSCIOUSNESS TEXTS: DEFINITION,
CHARACTERISTICS, AND LINGUISTIC REPRESENTATION

D.O. Chichikina

The article explores the essence, genesis, and linguistic representation of the concept of the «narrative labyrinth» in stream-of-consciousness texts. In the introduction, the author views the text as a synergistic, anthropocentric complex system and states a hypothesis that the textual space is constructed by the interplay of narrative labyrinths of varying degrees of complexity. The complexity of narrative labyrinths correlates with the realization of individual-authorial meanings, which heighten the text's degree of individualization, aesthetic value, and semantic depth. The theoretical basis of the study is formed by the concept of narrative labyrinths, as suggested by U. Eco, who distinguishes between unicursal, Mannerist, and rhizomatic labyrinths, and works on labyrinths by O.P. Vorobyova, who differentiates simple, complex, and supercomplex labyrinths. Functional-semantic increments are investigated through the propositions put forth in works of O.V. Zagorovskaya, V.A. Kukhareno, I.A. Schirova, and E.D. Shmidt. The idea of the complication of narrative labyrinths is exemplified by an analysis of Virginia Woolf's novel «The Waves», in which the writer creates an illusion of characters' cognitive independence. The linguistic representation of narrative labyrinths of varying degrees of complexity is linked to changes in the meaning of artistic details used to create the image of the quasi-subject. Thus, the investigation of artistic details enables readers to attain more profound interpretive insights.

Key words: labyrinth, narrative labyrinth, stream of consciousness, complexity, functional-semantic increments, psychological prose, author's intention, anthropocentrism, artistic detail.

Чичикина Дарья Олеговна.

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.

Магистрант.

ORCID 0009-0003-7113-7653.

E-mail: dariaachichikina@yandex.ru.

Chichikina Daria Olegovna.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg

Graduate student.

ORCID 0009-0003-7113-7653.

E-mail: dariaachichikina@yandex.ru.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.923

DOI: 10.5281/zenodo.18825680

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СВОЕЙ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ЖИТЕЛЕЙ ДНР

© 2026 С.А. Вильдгрубе

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0009-0006-2901-6120

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются особенности временной перспективы, переживания смыслового кризиса, уровня надежды и диспозиционного оптимизма у жителей ДНР в зависимости от выраженности травматического воздействия. Проведённое исследование позволило получить целостное представление о том, каким образом в условиях длительной социальной нестабильности трансформируется жизненная перспектива личности и какие психологические механизмы лежат в основе этих изменений. В центре внимания находилась не отдельная характеристика личности, а интегративное образование, отражающее способность человека выстраивать образ будущего, удерживать жизненные цели и воспринимать собственный жизненный путь как осмысленный и связный процесс. Результаты теоретического анализа и эмпирического исследования подтвердили, что жизненная перспектива не формируется изолированно. Она складывается на пересечении пережитого опыта, временной организации жизненного пути и личностных ресурсов, поддерживающих ориентацию на будущее. В условиях переживания кризисных и травматических событий именно это образование оказывается наиболее уязвимым, поскольку травматизация затрагивает не только эмоциональное состояние, но и глубинные механизмы смысловой и временной регуляции.

Ключевые слова: жизненная перспектива, жизненный путь, экстремальные условия, травматическое воздействие, личностные ресурсы.

Для цитирования: Вильдгрубе С.А. Представление о своей жизненной перспективе жителей ДНР / С.А. Вильдгрубе // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 200–213. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825680>.

Введение. Проблема жизненных перспектив личности является одной из ключевых в современной психологии, поскольку она отражает глубинные механизмы осознания человеком своего будущего, целей и смыслов жизни. Актуальность данной темы обусловлена не только внутренними факторами — неуверенностью в собственных возможностях, неясностью целей, недостатком саморегуляции, — но и внешними обстоятельствами, которые оказывают непосредственное влияние на жизненный путь личности. В условиях боевых действий, социальной нестабильности и неопределённости проблема формирования жизненных перспектив становится особенно значимой, поскольку человек вынужден пересматривать свои ценности, приоритеты и стратегию жизни в целом [7, с 3].

Среди множества качеств, определяющих жизненную и временную перспективу личности, выделяются такие системообразующие характеристики, как чёткость целей и ценностных ориентаций, трудолюбие, творческое отношение к деятельности, готовность к риску, независимость, лидерские качества, стремление к профессиональному и личностному росту, а также потребность в высоком качестве результатов собственного труда. Развитие этих качеств способствует осознанию жизненного пути и способности к его конструктивному построению даже в сложных жизненных обстоятельствах.

Жизненный путь человека представляет собой совокупность событий, среди которых встречаются кризисные и травматические моменты, оказывающие значительное влияние на дальнейшее развитие личности. По мнению С.Л. Рубинштейна, подобные «узловые моменты жизненного пути» формируют сценарий жизни человека, во многом определяя его психическое и физическое состояние [10, с. 13]. В современных условиях жители Донецкой Народной Республики переживают именно такие периоды, когда война и внешние обстоятельства становятся сильнейшими детерминантами внутреннего мира, мировоззрения и жизненного выбора.

Исследование жизненных перспектив жителей ДНР позволяет понять, каким образом экстремальные условия влияют на формирование целей, мотивации и отношения к будущему, а также какие внутренние ресурсы и механизмы самоорганизации помогают личности сохранять целостность и способность к планированию. Важным практическим аспектом становится поиск таких форм психологической помощи, которые были бы одновременно бережными, экологичными и достаточно глубокими.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей жизненной перспективы жителей Донецкой Народной Республики и определении связи этих особенностей с выраженностью травматического воздействия и личностными ресурсами.

Объект исследования: жизненная перспектива личности.

Предмет исследования: особенности временной перспективы, переживания смысложизненного кризиса, уровня надежды и диспозиционного оптимизма у жителей ДНР в зависимости от выраженности травматического воздействия.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между ухудшением способности видеть жизненную перспективу и прохождением кризисных ситуаций, при этом большая выраженность травматического воздействия связана с менее адаптивными профилями временной перспективы, более выраженным смысложизненным кризисом и более низкими показателями надежды и оптимизма.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: концепции жизненного пути и самоопределения личности С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой-Славской, идеи временной перспективы К. Левина, Ж. Нюттена, Ф. Зимбардо, а также труды М.Р. Гинзбурга, В.И. Ковалёва и К.К. Платонова, в которых раскрывается взаимосвязь мотивационной, ценностной и временной структур личности.

Для реализации целей исследования был использован комплекс психодиагностических методик, подобранных в соответствии с представлением о жизненной перспективе как интегративном психологическом образовании. Подбор диагностического инструментария осуществлялся с учётом необходимости охвата различных аспектов отношения личности ко времени и будущему, а также с ориентацией на валидность и надёжность используемых методик. В основе диагностической модели лежит положение о том, что жизненная перспектива формируется на пересечении трёх ключевых компонентов: особенностей временной ориентации личности, переживания осмысленности жизненного пути и наличия ресурсов позитивного ожидания будущего.

Дополнительно учитывается выраженность травматического воздействия как фактор, потенциально влияющий на данные характеристики.

В данной работе были использованы следующие *методы*: теоретические — анализ, сравнение, систематизация психологических сведений по теме исследования. Шкала оценки влияния травматического события IES-R (Impact of Event Scale — Revised) для исследования посттравматических и кризисных состояний и оценки субъективной выраженности переживания травматического события. Особенности временной организации жизненного опыта исследуются с помощью опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory, ZTPI). Для оценки состояния смысловой сферы используется опросник смысловжизненного кризиса К.В. Карпинского, разработанный в рамках экзистенциально-психологического подхода к изучению нарушений жизненной целостности. Оценка личностных ресурсов позитивного ожидания будущего осуществляется с помощью двух взаимодополняющих методик: шкалы надежды С. Снайдера (Adult Hope Scale) и теста диспозиционного оптимизма Ч. Шейера и М. Карвера (Life Orientation Test, LOT). Статистическая обработка данных включает методы описательной статистики, корреляционный и регрессионный анализ.

Эмпирическое исследование жизненной перспективы личности проводилось в условиях длительной социальной нестабильности, характеризующейся хроническим стрессовым воздействием, неопределённостью жизненных ориентиров и необходимостью постоянной адаптации к изменяющимся условиям среды. Выбор исследуемой группы был обусловлен необходимостью изучения жизненных перспектив у лиц, находящихся в ситуации продолжительного социального напряжения, но при этом сохраняющих активную социальную и профессиональную позицию.

В исследовании приняли участие 113 человек, из них 62 женщины и 51 мужчина, в возрасте от 22 до 47 лет. Все респонденты являются жителями Донецкой Народной Республики и на момент проведения исследования проживали в условиях сохраняющейся социальной и экономической нестабильности. Указанный возрастной диапазон охватывает период ранней и средней взрослости, который в психологической литературе рассматривается как этап активного профессионального и личностного самоопределения, формирования устойчивых жизненных целей и долгосрочного планирования.

Обращение именно к данному возрастному периоду методологически обосновано положениями Б.Г. Ананьева, рассматривавшего взрослость как этап интеграции личностных, профессиональных и смысловых структур. В этом возрасте жизненная перспектива приобретает особую значимость, поскольку человек одновременно опирается на уже накопленный жизненный опыт и активно проектирует своё будущее. В условиях социальной нестабильности именно на данном этапе наиболее отчётливо проявляются нарушения или, напротив, сохранность способности к долгосрочному целеполаганию и планированию.

Формирование выборки носило целенаправленный характер. Все участники исследования включены в различные виды профессиональной деятельности, что позволяет рассматривать их как социально активных субъектов жизнедеятельности. Это соответствует позиции С.Л. Рубинштейна о необходимости анализа личности в контексте реальных условий её жизни, поскольку жизненная перспектива формируется и проявляется в системе конкретных жизненных отношений и форм активности.

Однородность выборки по социальному контексту и жизненным условиям при наличии индивидуальных различий в личностных характеристиках создаёт благоприятные условия для анализа того, каким образом в сходной внешней ситуации

могут по-разному формироваться временная перспектива, переживание жизненного смысла и ожидания будущего.

Основная часть. На первом этапе эмпирического анализа была проведена обработка первичных диагностических данных с целью получения общей статистической картины распределения исследуемых показателей в выборке. Данный этап направлен не на интерпретацию взаимосвязей между переменными, а на описание количественных характеристик полученных результатов, что позволяет сформировать представление о вариативности показателей и обосновать последующий корреляционный и регрессионный анализ. В соответствии с логикой исследования первоначально была проанализирована выраженность травматического воздействия у респондентов с помощью шкалы оценки влияния травматического события IES-R.

Для трёхуровневого описания распределения показателей по шкале IES-R выборка была разделена на три интервала, отражающие низкий, средний и высокий уровень выраженности травматического воздействия. В качестве ориентиров использовались реальные значения баллов, что позволило сохранить смысловую интерпретируемость показателей.

К низкому уровню были отнесены значения до 35 баллов включительно. В эту группу вошло 19 человек (16,8% выборки). Данные показатели отражают относительно невысокую субъективную выраженность травматического переживания. Это не означает отсутствие травматического опыта как такового, однако свидетельствует о том, что интенсивность интрузий, избегания и гипервозбудимости выражена умеренно или слабо, что может быть связано либо с меньшей степенью воздействия событий, либо с более сохраненными механизмами психологической регуляции.

Средний уровень (от 36 до 65 баллов) оказался наиболее представленным и включил 70 человек (61,9% выборки). Это основной массив респондентов, демонстрирующих выраженное, но не предельное влияние травматических событий. Подобные значения характерны для состояний, при которых травматический опыт уже оказывает заметное влияние на эмоциональное состояние и повседневное функционирование, но при этом сохраняется способность к адаптации и поддержанию жизненной активности.

К высокому уровню (66 баллов и выше) отнесены 24 человека (21,2% выборки). В этой группе фиксируются наиболее выраженные показатели субъективного воздействия травматического опыта, что может проявляться в частых навязчивых воспоминаниях, избегании напоминаний о событиях и устойчивом внутреннем напряжении. Наличие такой доли респондентов в выборке указывает на то, что для значимой части участников травматический опыт остаётся актуальным и психологически нагруженным.

Подобное распределение свидетельствует о высокой вариативности показателей в выборке. При доминировании среднего уровня присутствуют как респонденты с относительно благополучным переживанием травматического опыта, так и лица с выраженными признаками посттравматического напряжения. Это создаёт благоприятные условия для дальнейшего корреляционного и регрессионного анализа, поскольку обеспечивает достаточный разброс значений по ключевой переменной исследования.

Следующим этапом описательного анализа были рассмотрены показатели временной перспективы личности, полученные с помощью опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI). Данная методика позволяет оценить, каким образом в сознании человека распределяется значимость прошлого, настоящего и будущего,

а также выявить преобладающий тип временной ориентации, оказывающий влияние на мотивацию, поведение и способность к планированию жизненного пути.

Среднее значение по шкале «Негативное прошлое» составило 3,194 балла, что находится в зоне умеренной выраженности. Данный показатель свидетельствует о том, что восприятие прошлого у респондентов нельзя охарактеризовать как резко негативное, однако элементы болезненных воспоминаний и неприятных переживаний всё же присутствуют в структуре временной перспективы. Прошлое не является полностью нейтральным или исключительно позитивным фоном жизненного опыта, а содержит эмоционально нагруженные элементы, которые могут оказывать влияние на текущее состояние и ожидания будущего. Учитывая социальный контекст, в котором находятся участники исследования, подобный уровень негативной фиксации на прошлом выглядит закономерным и отражает наличие травматически окрашенных воспоминаний, не переходящих при этом в тотальную пессимистическую реконструкцию жизненного опыта.

Среднее значение по шкале «Позитивное прошлое» оказалось достаточно высоким и составило 3,925 балла. Это указывает на сохранность у большинства респондентов способности воспринимать свой жизненный путь как значимый и ценный, несмотря на наличие кризисных событий. Прошлое не только содержит болезненные эпизоды, но и осмысливается как опыт, способствующий развитию и формированию личности. Подобное сочетание умеренно выраженного негативного прошлого и достаточно высокого позитивного прошлого свидетельствует о том, что у респондентов сохраняется относительно целостное и не разрушенное восприятие собственной биографии. Прошлый опыт не обесценивается полностью и не рассматривается исключительно через призму травмы.

Среднее значение по шкале «Фаталистическое настоящее» составило 2,826 балла, что ближе к нижней границе среднего диапазона. Это говорит о том, что для большинства участников исследования характерно отсутствие выраженной установки на беспомощность и предопределённость судьбы. Настоящее не воспринимается как полностью неподконтрольное воле человека. Данный результат имеет важное значение в контексте исследования, поскольку демонстрирует сохранность у респондентов ощущения субъективного контроля над собственной жизнью даже в условиях внешней нестабильности.

Показатель по шкале «Гедонистическое настоящее» равен 3,333 балла, что отражает умеренную ориентацию на получение удовольствия в настоящем моменте. Это не говорит о выраженной импульсивности или стремлении к рискованному поведению, а скорее свидетельствует о попытке сохранить эмоциональный баланс за счёт ориентации на текущие положительные переживания. В условиях неопределённости подобная стратегия может выполнять компенсаторную функцию, позволяя снижать уровень внутреннего напряжения.

Наиболее значимым с точки зрения жизненной перспективы является показатель по шкале «Будущее», который составил 3,888 балла. Данный результат указывает на достаточно выраженную ориентацию респондентов на будущее, наличие целей и планов, а также сохранность способности к долгосрочному планированию. Несмотря на травматический социальный контекст, участники исследования демонстрируют ориентацию на достижение будущих результатов и готовность выстраивать собственную жизненную стратегию.

В целом профиль временной перспективы в исследуемой выборке характеризуется сочетанием умеренной эмоциональной нагруженности прошлого, сохранного

позитивного отношения к жизненному опыту, низкой выраженности фаталистических установок, умеренной ориентации на настоящее и достаточно выраженной ориентации на будущее. Такой профиль свидетельствует о том, что у большинства респондентов сохраняется целостная временная структура жизненного опыта и способность воспринимать своё будущее как значимое и поддающееся планированию, несмотря на условия длительной социальной нестабильности.

Далее рассмотрим показатели переживания смысложизненного кризиса, полученные с помощью опросника К. В. Карпинского. Данная методика направлена на выявление степени нарушения субъективной целостности жизненного пути, утраты осмысленности целей и ощущения разрыва между прошлым, настоящим и будущим.

Более половины выборки демонстрирует низкие показатели смысложизненного кризиса. Это говорит о том, что несмотря на условия социальной нестабильности и переживание травматических событий, у значительной части респондентов сохраняется субъективная целостность жизненного пути, ощущение связности прошлого, настоящего и будущего, а также наличие осмысленных жизненных ориентиров.

Почти треть выборки находится в зоне среднего уровня. Для этих людей характерно ощущение определённой фрагментации жизненного опыта, снижение ясности целей, колебания в восприятии будущего. Это не разрушение жизненной перспективы, но уже зона психологического напряжения, где травматический опыт начинает заметно влиять на систему смыслов.

Высокий уровень выявлен у 18 человек. Здесь речь идёт уже о выраженном смысложизненном кризисе, при котором нарушается субъективная связность жизненного пути, снижается значимость будущего и усиливается ощущение внутренней дезорганизации.

Среднее значение по шкале смысложизненного кризиса в исследуемой выборке составило 134,558 балла, что соответствует зоне умеренно выраженных кризисных переживаний, но не указывает на тотальную утрату осмысленности жизненного пути. Данный показатель отражает состояние, при котором у значительной части респондентов наблюдаются определённые затруднения в смысловой регуляции жизни, однако эти затруднения не носят разрушительного характера и не приводят к полной дезорганизации жизненной перспективы.

Полученный результат важно рассматривать в контексте распределения по уровням. Более половины выборки демонстрирует низкие значения кризиса, что говорит о сохранности субъективной целостности жизненного пути. Тем не менее средний показатель смещён в сторону умеренного повышения, что свидетельствует о том, что даже у тех респондентов, кто формально попадает в «низкий» диапазон, присутствуют элементы смыслового напряжения. Это указывает на то, что кризисные переживания носят не эпизодический, а фоновый характер и отражают влияние длительной социальной нестабильности на систему жизненных ориентиров.

Показатель на уровне 134 баллов говорит о том, что у части респондентов уже возникают сложности с восприятием собственной жизни как целостного и последовательного процесса. Жизненный путь начинает восприниматься менее структурированным, снижается чёткость границ между значимым и второстепенным, могут возникать сомнения в ценности ранее принятых жизненных решений и ориентиров. Это не выраженная апатия и не тотальное ощущение бессмысленности, но состояние внутренней неопределённости, при котором человек испытывает затруднения в упорядочивании жизненных целей и ценностей.

Важно отметить, что подобный уровень смысложизненного кризиса хорошо согласуется с результатами по шкалам временной перспективы. У респондентов сохраняется ориентация на будущее и позитивное восприятие прошлого, однако на этом фоне присутствует умеренное ощущение фрагментарности жизненного пути. Иными словами, человек продолжает строить планы и видеть будущее, но при этом испытывает внутренние сомнения в устойчивости этих планов и в их смысловой наполненности.

Средний балл указывает также на наличие рассогласования между тем, что человек считает важным на уровне осознанных ценностей, и тем, что фактически реализуется в его повседневной жизни. Это может проявляться в ощущении непродуктивности усилий, снижении удовлетворённости результатами собственной деятельности и внутреннем переживании нереализованности, несмотря на сохранение социальной активности.

Таким образом, полученные данные позволяют говорить не о глубоком экзистенциальном кризисе, а о состоянии смыслового напряжения, характерного для жизни в условиях хронической нестабильности. Это состояние проявляется в частичной дезорганизации жизненных ориентиров, снижении уверенности в значимости происходящего и усложнении процесса выстраивания внутренне согласованной жизненной стратегии. Именно такой уровень кризисности создаёт предпосылки для выявления его взаимосвязей с временной перспективой, надеждой, оптимизмом и выраженностью травматического воздействия на последующих этапах анализа.

Далее в рамках описательного анализа были рассмотрены показатели личностного ресурса позитивного ожидания будущего, полученные с помощью шкалы надежды С. Снайдера. Данная методика позволяет оценить степень сохранности у личности способности к целеполаганию, поиску путей достижения целей и внутренней мотивационной энергии, направленной на их реализацию.

Распределение показателей по шкале надежды Снайдера показало, что 25 человек (22,1%) имеют низкий уровень надежды, 72 человека (63,7%) — средний уровень и 16 человек (14,2%) — высокий уровень. Таким образом, подавляющее большинство респондентов находится в зоне средних значений, что уже само по себе указывает на сохранность у основной части выборки способности к целеполаганию и ощущению внутренних ресурсов для движения к будущему.

Средний балл по выборке составил 33,690 балла, что уверенно относится к среднему уровню выраженности надежды. Данный показатель свидетельствует о том, что в целом у респондентов присутствует способность видеть пути достижения целей и сохраняется определённая мотивационная энергия для их реализации, однако эта способность не носит выражено устойчивого и высокоресурсного характера.

Такой уровень надежды отражает состояние, при котором человек способен формулировать цели и представлять способы их достижения, но при этом может испытывать сомнения в собственных возможностях, колебания в уверенности и периодическое снижение внутренней мотивации. Это не состояние беспомощности, но и не состояние выраженной целенаправленности и внутренней уверенности. Подобная картина характерна для людей, находящихся в условиях длительной неопределённости, когда необходимость планировать будущее сочетается с осознанием нестабильности внешней ситуации.

Важно отметить, что относительно небольшая доля респондентов с высоким уровнем надежды указывает на то, что устойчиво выраженный ресурс целеполагания и уверенности в достижении целей сохраняется лишь у части участников исследования. В то же время наличие пятой части выборки с низкими значениями демонстрирует

группу лиц, для которых ощущение путей достижения целей и внутренняя мотивация существенно ослаблены.

Таким образом, средний показатель по шкале надежды отражает умеренную сохранность личностного ресурса ориентации на будущее, при которой способность к целеполаганию присутствует, но находится под влиянием факторов, снижающих устойчивость мотивационной направленности личности. Это создаёт предпосылки для анализа взаимосвязи данного показателя с временной перспективой, выраженностью травматического воздействия и переживанием смысложизненного кризиса.

Завершающим этапом описательного анализа стали показатели диспозиционного оптимизма, полученные с помощью теста Ч. Шейера и М. Карвера. Данная методика позволяет оценить устойчивую личностную установку на ожидание благоприятного исхода жизненных событий и отражает обобщённое отношение человека к будущему.

Распределение показателей по тесту диспозиционного оптимизма показало, что 22 человека (19,5%) имеют низкий уровень оптимизма, 70 человек (61,9%) — средний уровень и 21 человек (18,6%) — высокий уровень. Таким образом, как и в случае со шкалой надежды, основная часть выборки сосредоточена в зоне средних значений, что указывает на относительную сохранность позитивного ожидания будущего при отсутствии его выраженной устойчивости.

Средний балл по выборке составил 13,611 балла, что уверенно относится к среднему уровню диспозиционного оптимизма. Данный показатель отражает состояние, при котором у респондентов присутствует склонность ожидать благоприятное развитие событий, однако эта установка не носит ярко выраженного и устойчивого характера. Люди с подобными значениями не демонстрируют ни выраженного пессимизма, ни ярко выраженного оптимистического взгляда на жизнь. Их отношение к будущему можно охарактеризовать как сдержанно-позитивное.

Такой уровень оптимизма говорит о том, что участники исследования в целом не склонны воспринимать будущее исключительно в негативном свете, однако и не обладают устойчивой внутренней уверенностью в благоприятном исходе жизненных событий. Это состояние характерно для людей, находящихся в условиях длительной неопределённости, когда сохраняется способность надеяться на положительное развитие событий, но одновременно присутствует осторожность и внутренние сомнения.

Важно отметить, что почти пятая часть выборки демонстрирует низкие показатели оптимизма, что указывает на группу лиц с выраженными пессимистичными ожиданиями и сниженной верой в благоприятное будущее. В то же время сопоставимая по численности группа с высокими показателями демонстрирует устойчивую позитивную установку, позволяющую сохранять внутреннюю опору даже в условиях нестабильности.

Таким образом, средний показатель диспозиционного оптимизма отражает умеренную сохранность позитивного отношения к будущему, при которой оптимизм присутствует как личностная характеристика, но находится под влиянием внешних стрессовых факторов. Это создаёт важные предпосылки для анализа взаимосвязи данного ресурса с временной перспективой, переживанием смысложизненного кризиса и выраженностью травматического воздействия на последующих этапах исследования.

Обобщённый анализ результатов по всем использованным методикам позволяет выстроить целостный психологический профиль исследуемой выборки и понять, каким образом в условиях длительной социальной нестабильности организована жизненная перспектива личности.

Использование корреляционного анализа обусловлено задачей проверки основной гипотезы исследования, предполагающей наличие взаимосвязи между выраженностью

травматического воздействия и особенностями жизненной перспективы личности, представленными временной ориентацией, переживанием смыслового кризиса, уровнем надежды и диспозиционного оптимизма. Корреляция позволяет определить не только наличие связи между показателями, но и её направление и силу, что даёт возможность увидеть общую картину взаимозависимостей между исследуемыми психологическими переменными.

Применение данного метода особенно важно в рамках настоящего исследования, поскольку речь идёт о комплексном психологическом образовании, формирующемся под влиянием нескольких взаимосвязанных факторов. Корреляционный анализ позволяет установить, каким образом изменения в выраженности травматического воздействия соотносятся с особенностями временной перспективы, а также как личностные ресурсы связаны с переживанием смысловой целостности жизненного пути.

Корреляционный анализ проводился с использованием программы SPSS Statistics, что обеспечило точность вычислений и корректность обработки полученных данных. На основании результатов корреляции становится возможным выявить ключевые направления взаимосвязей между переменными и подготовить основу для последующего регрессионного анализа, направленного на определение вклада отдельных показателей в структуру жизненной перспективы личности.

Все корреляционные связи статистически значимы на уровне $p < 0,01$ (двусторонняя проверка). Анализируются только связи между показателями разных методик; корреляции между шкалами внутри одной методики (например, между шкалами ZPTI) здесь не рассматриваются.

Корреляции

		IESR	Негативное прошлое	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее	Гедонистическое настоящее	Будущее	ШСК	ШН	ШДО
IESR	Корреляция	1	,665**	-,654**	,560**	-,557**	-,623**	,819**	-,919**	-,860**
	Пирсона									
	Знач. (двухсторонняя)		,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113
Негативное Прошлое	Корреляция	,665**	1	-,460**	,432**	-,349**	-,377**	,522**	-,624**	-,540**
	Пирсона									
	Знач. (двухсторонняя)	,000		,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113
Позитивное Прошлое	Корреляция	-,654**	-,460**	1	-,318**	,382**	,452**	-,503**	,543**	,612**
	Пирсона									
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000		,001	,000	,000	,000	,000	,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113
Фаталистиче- скоеНастоя- щее	Корреляция	,560**	,432**	-,318**	1	-,296**	-,295**	,527**	-,454**	-,480**
	Пирсона									
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,001		,001	,002	,000	,000	,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113

Гедонистическое Настоящее	Корреляция Пирсона	-,557**	-,349**	,382**	-,296**	1	,357**	-,524**	,516**	,481**
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,000	,001		,000	,000	,000	,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113
Будущее	Корреляция Пирсона	-,623**	-,377**	,452**	-,295**	,357**	1	-,531**	,609**	,603**
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,000	,002	,000		,000	,000	,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113
ШСК	Корреляция Пирсона	,819**	,522**	-,503**	,527**	-,524**	-,531**	1	-,775**	-,773**
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,000	,000	,000	,000		,000	,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113
ШН	Корреляция Пирсона	-,919**	-,624**	,543**	-,454**	,516**	,609**	-,775**	1	,798**
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000		,000
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113
ШДО	Корреляция Пирсона	-,860**	-,540**	,612**	-,480**	,481**	,603**	-,773**	,798**	1
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	
	N	113	113	113	113	113	113	113	113	113

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Совокупная картина выявленных взаимосвязей демонстрирует не набор разрозненных корреляций, а целостную структуру, в которой показатели травматического воздействия, временной перспективы, смысловой регуляции и личностных ресурсов образуют единую систему. Полученные результаты позволяют рассматривать жизненную перспективу не как абстрактное представление о будущем, а как сложное психологическое образование, в котором прошлое, настоящее и будущее связаны между собой через переживание смысла и наличие внутренних регуляторов поведения.

Анализ взаимосвязей показывает, что выраженность травматического воздействия сопряжена с существенными изменениями в субъективной организации времени. При усилении травматизации прошлое начинает восприниматься преимущественно в негативных тонах, утрачивая ресурсный характер и превращаясь в источник подтверждения неблагополучия. Одновременно снижается способность воспринимать собственную биографию как ценную и поддерживающую. Настоящее в большей степени окрашивается фаталистическими установками и ощущением зависимости от внешних обстоятельств, что указывает на снижение чувства авторства и контроля над собственной жизнью. Будущее, в свою очередь, теряет выраженность как пространство целей и планов, сокращается горизонт жизненного проектирования.

Параллельно с этим усиливается выраженность смысловозжизненного кризиса. Жизненный путь начинает переживаться как фрагментарный, лишённый внутренней связности и направленности. Нарушается субъективная целостность времени: прошлое не поддерживает, настоящее не воспринимается как управляемое, а будущее перестаёт выступать ориентиром. Это указывает на то, что травматическое воздействие связано не только с эмоциональным напряжением, но и с глубинными изменениями в смысловой организации жизненного пути.

Особенно показательно, что с ростом травматизации существенно снижаются показатели надежды и диспозиционного оптимизма. Это свидетельствует о том, что травматический опыт затрагивает не только эмоциональное состояние, но и базовые личностные ресурсы, обеспечивающие способность человека ставить цели, видеть пути их достижения и ожидать благоприятного исхода событий. Уменьшение надежды отражает снижение мотивационной энергии и ослабление веры в собственную способность влиять на жизненную ситуацию. Снижение оптимизма указывает на изменение общего фона ожиданий будущего, которое начинает восприниматься скорее как неопределённое и неблагоприятное, чем как пространство возможностей.

Взаимосвязи между показателями временной перспективы и личностными ресурсами показывают, что ресурсное восприятие прошлого, способность получать удовольствие от настоящего и ориентация на будущее сопряжены с большей выраженностью надежды и оптимизма и с меньшей выраженностью смысложизненного кризиса. Напротив, фиксация на негативном прошлом и фаталистическое восприятие настоящего связаны с более выраженными кризисными переживаниями и снижением ресурсов позитивного ожидания. Это позволяет говорить о том, что временная перспектива выполняет функцию посредника между травматическим опытом и состоянием смысловой и мотивационной сферы личности.

Таким образом, выявленная структура взаимосвязей полностью соответствует выдвинутой гипотезе исследования. Полученные данные подтверждают, что ухудшение способности видеть жизненную перспективу связано с прохождением кризисных и травматических ситуаций. Более выраженное травматическое воздействие сопряжено с менее адаптивными профилями временной перспективы, более выраженным смысложизненным кризисом и снижением показателей надежды и оптимизма. Корреляционная картина показывает, что все изучаемые показатели образуют интегративный психологический континуум, отражающий степень сохранности или нарушения жизненной перспективы личности в условиях социальной нестабильности.

В этой связи на данном этапе исследования применяется регрессионный анализ, который позволяет рассматривать изучаемые характеристики не изолированно, а в системе их взаимного влияния. Данный метод даёт возможность определить, какие компоненты временной перспективы и какие личностные ресурсы выступают значимыми предикторами выраженности нарушений жизненной перспективы при контроле уровня травматического воздействия. Иными словами, регрессионный анализ позволяет перейти от констатации связей к выявлению направлений прогностического влияния.

Применение регрессионного анализа методологически оправдано представлением о жизненной перспективе как интегративном психологическом образовании, формирующемся под воздействием нескольких взаимосвязанных факторов. В рамках данной модели травматический опыт рассматривается как внешний дестабилизирующий фактор, временная перспектива — как когнитивно-временная организация жизненного пути, а надежда и оптимизм — как внутренние регулятивные ресурсы, поддерживающие способность личности к целеполаганию и проектированию будущего.

Регрессионный анализ проводился с использованием программы SPSS Statistics. В качестве зависимых переменных рассматривались показатели, отражающие степень нарушения жизненной перспективы, а в качестве предикторов — показатели временной перспективы, надежды, оптимизма и выраженность травматического воздействия. Это позволило определить, какие именно параметры оказывают

наибольшее влияние на снижение способности личности видеть и выстраивать своё будущее в условиях социальной нестабильности.

При построении регрессионной модели особое внимание было уделено выбору зависимой и независимых переменных в соответствии с логикой исследования и выдвинутой гипотезой. В качестве зависимой переменной был выбран показатель смысложизненного кризиса, поскольку именно он отражает степень нарушенности целостной жизненной перспективы, связанность прошлого, настоящего и будущего, а также уровень общей осмысленности жизненного пути. Данный показатель позволяет количественно зафиксировать степень дезорганизации жизненной перспективы как интегративного психологического образования. В качестве предикторов были включены выраженность травматического воздействия по шкале IES-R, показатели временной перспективы по опроснику Зимбардо (негативное и позитивное прошлое, фаталистическое и гедонистическое настоящее, ориентация на будущее), а также личностные ресурсы позитивного ожидания будущего — надежда и диспозиционный оптимизм. Такой выбор переменных обеспечивает соответствие регрессионной модели гипотезе исследования и позволяет определить вклад каждого из факторов в выраженность нарушений жизненной перспективы личности.

Сводка модели показывает высокий коэффициент множественной корреляции ($R = 0,842$) и значительное значение коэффициента детерминации ($R^2 = 0,710$). Это означает, что совокупность включённых в модель переменных объясняет 71% вариативности показателя смысложизненного кризиса. Для психологических исследований подобный уровень объясняющей способности модели является высоким и свидетельствует о том, что выбранные показатели действительно отражают ключевые факторы, влияющие на состояние жизненной перспективы личности в условиях социальной нестабильности.

Результаты корреляционного анализа подтверждают статистическую значимость построенной модели ($p < 0,001$), что позволяет рассматривать её как методологически состоятельную и неслучайную. Иными словами, совокупность временных характеристик, травматического воздействия и личностных ресурсов образует систему факторов, имеющих прогностическое значение для выраженности смысложизненного кризиса.

Однако наибольший интерес представляют результаты анализа коэффициентов регрессии, позволяющие определить вклад каждой переменной при одновременном учёте остальных. Статистически значимыми предикторами смысложизненного кризиса оказались только два показателя: выраженность травматического воздействия и уровень диспозиционного оптимизма.

Положительный вклад показателя IES-R свидетельствует о том, что усиление травматического воздействия напрямую связано с ростом выраженности смысложизненного кризиса. Это подтверждает положение о том, что травматический опыт оказывает не только эмоциональное влияние, но и затрагивает глубинные механизмы смысловой регуляции жизненного пути. Чем сильнее человек переживает последствия кризисных событий, тем в большей степени нарушается его способность воспринимать жизнь как осмысленный и связный процесс.

В то же время отрицательный вклад диспозиционного оптимизма указывает на его защитную, компенсаторную роль. При более высоком уровне оптимизма выраженность смысложизненного кризиса снижается, даже при учёте уровня травматического воздействия. Это означает, что устойчивое ожидание благоприятного исхода событий выполняет функцию внутреннего ресурса, способного поддерживать целостность жизненной перспективы в условиях неблагоприятной социальной ситуации.

Особенно показательным является то, что показатели временной перспективы и надежды не продемонстрировали самостоятельного статистически значимого вклада в модель при одновременном учёте других переменных. Это не означает отсутствия их влияния, а указывает на опосредованный характер их связи с нарушениями жизненной перспективы. Временная перспектива и надежда, по-видимому, связаны с состоянием смысловой сферы через влияние травматического опыта и уровень оптимизма, выступая фоновыми, структурирующими компонентами, но не прямыми предикторами кризисного состояния.

Таким образом, регрессионный анализ позволил уточнить структуру выявленных ранее взаимосвязей. Если корреляционный анализ показал высокую связанность всех показателей между собой, то регрессионная модель выявила ключевые факторы, непосредственно влияющие на выраженность смысложизненного кризиса. Полученные результаты демонстрируют, что ведущую роль в нарушении жизненной перспективы играет переживание травматического воздействия, тогда как диспозиционный оптимизм выступает в качестве значимого личностного ресурса, способного снижать степень кризисных переживаний.

Заключение. Таким образом, гипотеза исследования получила эмпирическое подтверждение. Ухудшение способности видеть жизненную перспективу связано с прохождением кризисных ситуаций. Более выраженное травматическое воздействие сопряжено с менее адаптивными профилями временной перспективы, более выраженным смысложизненным кризисом и снижением личностных ресурсов позитивного ожидания будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Соотношение индивидуальности и личности в свете субъектного подхода / К.А. Абульханова-Славская // Мир психологии. Научно-методический журнал. — 2011. — № 1. — С. 22–31.
2. Аганбегян А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России / А.Г. Аганбегян // Народонаселение. — 2017. — Том. 20. — № 3. — С. 4–23.
3. Белехова Г.В. Опыт применения категории «жизненный цикл» в исследовании экономического поведения населения / Г.В. Белехова // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2022. — №1 (44). — DOI: 10.18799/26584956/2022/1/1153.
4. Голощапова Е.С. Изучение влияния осмысленности жизни на построение жизненной перспективы студенческой молодежи / Е.С. Голощапова // Вестник ТГУ. — 2012. — № 9. — С. 138–144.
5. Дуркина О.С. Временная перспектива в картине жизненного пути молодых людей с разным уровнем благополучия в период ранней зрелости / О.С. Дуркина // Актуальные проблемы педагогики и психологии. — 2023. — Т. 4, № 7. — С. 27–36.
6. Махнач А.В. Жизнеспособность студенческой молодежи России в условиях неопределенности / А.В. Махнач, А.И. Лактионова, Ю.В. Постылякова // Образование и наука. — 2022. — № 5. — С. 90–121.
7. Муханова И.Ф. Жизненные перспективы личности: теоретико-методологический аспект / И.Ф. Муханова // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2023. — Т. 28, № 3(94). — С. 269–278.
8. Нехода Е.В. Качество жизни: проблемы измерения / Е.В. Нехода, И.В. Рощина, В.Д. Пак // Вестник Том. гос. ун-та. Экономика. — 2018. — №43. — DOI: 10.17223/19988648/43/7.
9. Расторгуев С.В. Взаимозависимость угроз национальной безопасности и качества жизни в России / С.В. Расторгуев // Власть. — 2020. — Том 28. — № 3. — С. 53–62. — DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7296.
10. Рядинская Е.Н. Проявление симптомов посттравматического стрессового расстройства у мужчин и женщин, проживающих в условиях конфликта на востоке Украины / Е.Н. Рядинская // Клиническая и специальная психология. — 2018. — Том 7. № 3. — С. 146–166. DOI: 10.17759/psychjn.2018070309.

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. (2011). Sootnoshenie individual'nosti i lichnosti v svete sub'ektnogo podkhoda [The relationship between individuality and personality in the light of the subject approach]. *Mir psikhologii. Nauchno-metodicheskii zhurnal*, 1, 22–31. (in Russian)

2. Aganbegyan A.G. (2017). Demograficheskaya drama na puti perspektivnogo razvitiya Rossii [Demographic drama on the path of Russia's prospective development]. *Narodonaselenie*, 20(3), 4–23. (in Russian)
3. Belekhova G.V. (2022). Opyt primeneniya kategorii «zhiznennyi tsikl» v issledovanii ekonomicheskogo povedeniya naseleniya [Experience in applying the category “life cycle” in the study of economic behavior of the population]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*, 1(44). (in Russian)
4. Goloshchapova E.S. (2012). Izuchenie vliyaniya osmyslennosti zhizni na postroenie zhiznennoi perspektivy studencheskoi molodezhi [Studying the influence of meaningfulness of life on building life perspective of student youth]. *Vestnik TGU*, 9, 138–144. (in Russian)
5. Durkina O.S. (2023). Vremennaya perspektiva v kartine zhiznennogo puti molodykh lyudei s raznym urovnem blagopoluchiya v period rannei vzroslosti [Temporal perspective in the picture of the life path of young people with different levels of well-being during early adulthood]. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii*, 4(7), 27–36. (in Russian)
6. Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V. (2022). Zhiznesposobnost' studencheskoi molodezhi Rossii v usloviyakh neopredelennosti [Viability of Russian student youth in conditions of uncertainty]. *Obrazovanie i nauka*, 5, 90–121. (in Russian)
7. Mukhanova I.F. (2023). Zhiznennye perspektivy lichnosti: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Life perspectives of the individual: theoretical and methodological aspect]. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh*, 28(3/94), 269–278. (in Russian)
8. Nekhoda E.V., Roshchina I.V., Pak V.D. (2018). Kachestvo zhizni: problemy izmereniya [Quality of life: measurement issues]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 43. (in Russian)
9. Rastorguev S.V. (2020). Vzaimozavisimost' ugroz natsional'noi bezopasnosti i kachestva zhizni v Rossii [Interdependence of national security threats and quality of life in Russia]. *Vlast'*, 28(3), 53–62. (in Russian)
10. Ryadinskaya E.N. (2018). Proyavlenie simptomov posttravmaticheskogo stressovogo rasstroistva u muzhchin i zhenshchin, prozhivayushchikh v usloviyakh konflikta na vostoке Ukrainy [Manifestation of PTSD symptoms in men and women living in conflict conditions in eastern Ukraine]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 7(3), 146–166. (in Russian)

Поступила в редакцию 16.01.2026 г.

DPR RESIDENTS' IDEA OF THEIR LIFE PROSPECTS

S.A. Wildgrube

The article addresses the characteristics of time perspective, the experience of a meaningful life crisis, and the level of hope and dispositional optimism among residents of the DPR, depending on the severity of traumatic exposure. The study provided a holistic understanding of the way the individual's life perspective is transformed in conditions of prolonged social instability and the psychological mechanisms underlying these changes. The research does not make a focus on a personality's single characteristic feature. It reveals an integrated structure reflecting a person's ability to construct a vision of the future, to maintain life goals, and to perceive his or her own life path as a meaningful and coherent process. The results of the theoretical analysis and the empirical study confirmed that life perspective is not formed in isolation. It develops at the intersection of lived experience, the temporal organization of the life path, and personal resources that support a focus on the future. During crisis and traumatic events, this structure is particularly vulnerable, as trauma affects not only the emotional state but also the underlying mechanisms of sense and temporal regulation.

Key words: life perspective, life path, extreme conditions, traumatic impact, personal resources.

Вильдгрубе Светлана Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет, Российская
Федерация, г. Донецк.
Заведующий кафедрой клинической психологии.
ORCID 0009-0006-2901-6120.
E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Vildgrube Svetlana Alexandrovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk State University,
Russian Federation, Donetsk.
Head of Clinical Psychology Department.
ORCID 0009-0006-2901-6120.
E-mail: S.Vildgrube@mail.ru.

Научная статья

УДК 159.943:316.487-057.87

DOI: 10.5281/zenodo.18825706

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

© 2026 *Е.Ю. Красова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

ORCID 0009-0006-3370-1198.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена проблеме межличностных конфликтов в образовательной среде вузов в современных условиях социальной нестабильности и распространения тревожности, когда возрастает значение психологической безопасности личности. С помощью методов вторичного анализа данных, наблюдения, анкетного опроса, проективной техники и контент-анализа решаются задачи определения ценностей и эмоциональных основ общения студентов, удовлетворенности коммуникацией, причин межличностных противоречий, влияния виртуальной среды на межличностные отношения, распространенных способов регулирования конфликтных ситуаций, а также неосознаваемых переживаний. Опрос проводился на основе репрезентативной выборки по признакам пола, вуза и курса в г. Воронеже (N=322). В заключении сделаны выводы об удовлетворенности студентов общением, хотя конфликтное взаимодействие имеет место. Выделены особенности такого общения. Характер большинства конфликтов носит конструктивный характер. Зачинщиком столкновений с деструктивной направленностью чаще всего является конфликтная личность. Необходимы усилия по повышению культуры общения учащихся с целью формирования компетенций регулирования возникающих противоречий.

Ключевые слова: коммуникативный опыт, ценности общения, виртуальная коммуникация, межличностный конфликт, восприятие конфликта, конфликтная личность, эмоциональный интеллект, стратегии поведения в конфликте.

Для цитирования: Красова Е.Ю. Межличностные конфликты в студенческой среде: социально-психологический ракурс / Е.Ю. Красова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 214–225. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825706>.

Введение. Современная российская высшая школа переживает сложный период трансформации, что не может не сказываться на межличностной коммуникации. Цифровизация как образовательного пространства в целом, так и неформального общения студентов порождают чрезмерную эмоциональность и конфликтность. Эти проблемы стали фокусом интереса исследователей разных областей знания — психологов и социальных психологов, социологов и педагогов. Осуществлен всесторонний теоретический анализ:

- специфики общения студентов в образовательном процессе, основных форм коммуникации (Л.А. Саенко, С.В. Теницкий 2020; О.Н. Малахова, В.И. Иманаев 2021);
- причин возникновения межличностных конфликтов (А.А. Хайруллина и др. 2017; В.Е. Валуйкова 2023);
- значения эмоционального интеллекта личности как фактора конфликтности (Е.В. Абраменко, Е.Г. Ефимов 2019; М.А. Вышквыркина 2019; А.Б. Павлова 2024);
- социально-психологических характеристик конфликтной личности (Н.Г. Лымарь 2008; В.И. Рерке 2017);

– условий и факторов создания бесконфликтной образовательной среды, развития качеств личности важных для конструктивного взаимодействия, социально-психологические особенности бесконфликтной личности (О.Г. Смолянинова, В.В. Коршунова 2019; Е.Ю. Чернякевич 2020; Е.Г. Сиврикова 2020).

В то же время за рамками прикладных исследований остались вопросы конфликтов в вузах конкретного региона, особенностей восприятия студентами сложных ситуаций общения, влияния виртуальной среды на студенческую коммуникацию.

Материалы и методы исследования. Автор в 2024–2025 гг. проводила исследование на основе регионального фактологического материала. С целью изучения представлений студентов-бакалавров г. Воронежа о конфликтах во время учебы использовался следующий исследовательский инструментарий: анализировались вторичные данные психологов и социальных психологов, был проведен массовый опрос. Отбор вузов для опроса определялся профилем подготовки специалистов (гуманитарный, естественнонаучный и технический). Респондентами стали студенты классического (ВГУ), технического (ВГТУ) и аграрного (ВГАУ) университетов (N=322). Обеспечено соотношение по вузам и курсам (1–2 — младший курс, 3–4 — старший курс). Математическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS (версия 22.0).

Для того чтобы обойти психологические препятствия, возникающие при изучении сензитивных проблем конфликтных отношений, в качестве исследовательского приема применялась проективная техника «На завершение задания». С ее помощью выявлялись скрытые и завуалированные переживания студентов. В ходе исследования также осуществлялось наблюдение, использовался контент-анализ.

Для качественной интерпретации данных в статье приводятся иллюстрации — оригинальные суждения участников исследования с указанием социально-демографических признаков — пола (ж., м.), вуза и курса (м. к., с. к.).

Основная часть. Для получения эмпирической информации о межличностных конфликтах в студенческой среде вузов г. Воронежа решались следующие задачи.

1. Определения характера, главных факторов, ценностей и эмоциональных основ общения студентов, удовлетворенности коммуникацией.
2. Изучения причин межличностных раздоров.
3. Выявления влияния виртуальной среды на межличностные отношения студенческой молодежи.
4. Понимания неосознаваемых переживаний в связи с личностными разногласиями.
5. Изучения распространенных способов регулирования конфликтных ситуаций во время учебы.

Межличностные контакты студенческой молодежи в высшем образовательном учреждении отличаются специфическими чертами, так как в их основе в первую очередь лежит главный вид деятельности — познавательный. Кроме того, это тесное переплетение деловой и неформальной сфер, а также оффлайн и онлайн общение с моментальным переключением.

Российскими исследователями были выделены особенности коммуникативного опыта студентов, с учетом значимости психологической составляющей [5, с. 68; 10, с. 334].

- 1) «Мораль равенства» в общении со сверстниками и порой позиция «детской морали» — с преподавателями.
- 2) Развитие умений подчиняться коллективу, отстаивать свои права и соревноваться.

3) Эмоциональный контакт для удовлетворения психологических потребностей — повышения самооценки и самоуважения, получения поддержки, ожидания сочувствия и сопереживания, а также поиск единства взглядов.

Студенчество является периодом высокого психологического напряжения и наличия стрессовых маркеров [1, с. 90]. Это связано не только с неопределенным социальным статусом студентов, но и со сложившейся в обществе социально-экономической и политической нестабильностью. Ученые считают, что в современных условиях расширяется «палитра страхов» [7, с. 132–133], поэтому усиление конфликтности вполне предсказуемо. Наши наблюдения за студентами во время учебы фиксируют возрастающие потребности в информации о проблемах регулирования психики и обеспечения психологической безопасности.

Используя понятие «межличностный конфликт», мы будем опираться на подход Н.В. Гришиной, согласно которому это переживаемая ситуация противостояния участников, требующая своего разрешения [2, с. 88, с. 173]. Она вызывает активность сторон, направленную на преодоление возникшего противоречия, а главным признаком, на основе которого человек определяет ситуацию как конфликтную, является воспринимаемая несовместимость собственных целей и целей другой стороны. Кроме того, противоречия касаются и противоположно направленных интересов, позиций и мнений оппонентов [13, с. 127].

Констатируя факт неизбежности конфликтных коллизий в сфере образования, насыщенном личным и профессиональным взаимодействием различных социальных групп, исследователи в Красноярском крае дали студентам ассоциативное проективное задание написать десять слов, которые первыми возникают в сознании на произнесенное слово «конфликт» [12, с. 12–15]. Обнаружено, что в большей степени в этих концептах отражаются конструктивные стороны. Понятия «спор» и «разногласия» указывают на личностное восприятие, различия точек зрения, способы примирения, ведущие как к преодолению конфликта, так и к личностному росту.

Сейчас настал момент, когда следует обратиться к анализу результатов исследования в воронежских вузах. Опрошенные студенты выделили главное в коммуникации с другими людьми. См, таблицу 1, где социальные ценности общения были проранжированы.

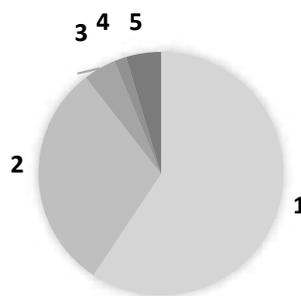
Таблица 1. Оценки студентов г. Воронежа ценностей общения, %

Ценности общения	%
Самое важное — взаимная поддержка	31,9
Главная ценность — это интерес к другому человеку	17,7
В центре — симпатия, дружелюбные отношения	14,7
Важным считаю совместный отдых и развлечения	12,2
Важны совместно реализуемые цели	10,3
Главное — быть независимым от других мнений	8,5
Главная ценность — стремление избежать одиночества	2,3
Самое главное — материальная помощь в случае необходимости	1,4
Другое: «эмпатия, принимать чужое мнение и выбор, не пытаться менять человека», «умение слушать и слышать собеседника», «быть честным друг с другом», «преданность», «искренность», «взаимов уважение», «новая информация» и т. д.	1,0

Как видно, более 60% респондентов убеждены, что главное в коммуникации поддержка, взаимный интерес и доброе отношение. Десятая часть акцентирует совместно реализуемые цели, еще упоминается независимость взглядов. Незначительное количество боится одиночества и надеется на материальную выгоду.

Нормы взаимодействия студентов, по их словам, складываются на основе опыта реального и виртуального общения со сверстниками (45%), в результате усвоения правил, принятых в семье (32%). Формируются они также в процессе массовой коммуникации, под влиянием блогеров, кинофильмов, рекламы и т.п. (13%). Лишь у каждого десятого участника опроса — при получении знаний по психологии общения. Это и неудивительно: по опыту классического университета, из учебных планов студентов-гуманитариев исчез курс «Социальная психология», а у студентов технических специальностей факультативные курсы по психологии общения, которые воспринимались ими с большим энтузиазмом. В этой связи в научной литературе фиксируется рост затруднений учащихся в ситуациях, требующих совместной деятельности и сотрудничества [8]. Самооценки практических навыков урегулирования конфликтов студентов педагогического университета смещаются в зону неудовлетворенности [11, с. 75].

Надо заметить, что на прямой вопрос к воронежским студентам об удовлетворенности общением абсолютное большинство дало положительный ответ. См. рисунок 1.

Рисунок 1. Оценка степени удовлетворенности межличностной коммуникацией, %. 1 — вполне удовлетворен(на) 59,3%; 2 — больше удовлетворен(на), чем нет 30,2%; 3 — больше не удовлетворен(на), чем доволен(на) 4,3%; 4 — совсем не удовлетворен(на) 1,6%; 5 — не могу сказать 4,6%.

Ясно, что удовлетворенность контактами высока, в особенности это касается студентов младших курсов. Всего 6% опрошенных считают, что не получают удовлетворения от межличностных связей. Однако любопытно, что о причинах такого состояния дел заговорили уже 62% респондентов. См., таблицу 2.

Таблица 2. Причины неудовлетворенности студентов общением во время учебы, %.

Причина неудовлетворенности общением	%
Есть непонимание между студентами из-за разных взглядов на жизнь	31,0
Каждый сам по себе — занят своими делами, нет времени на тесные контакты	28,7
Распространены такие качества личности, которые мешают общению (подавление других, обман, манипуляция)	23,0
Порой складываются отношения, в основе которых зависть	10,6
Бывает, что делятся с другими персональной информацией	5,0
Другое: «общение часто предполагает поход на студенческие мероприятия и знакомства, а если не пришел, то в коллектив не влился», «встречается неприятное отношение со стороны старшекурсников», «отсутствие условий для общения в студенческой среде», «нет достаточной «движухи» в универе».	1,7

Выделена триада главных причин недовольства общением — «непонимание — отсутствие времени — конфликтные качества личности». Каждый десятый упоминал завистливость, а 5% распространение сплетен. Причина неудовлетворенности из-за разных взглядов на жизнь в большей мере характерна для девушек-студенток, а занятость и отсутствие времени на общение — для учащихся мужского пола.

Чаще всего в процессе учебы, на взгляд участников опроса, возникают конфликты между самими студентами (49%), между студентами и преподавателями (16%). Значительно реже - между группами, конкретным студентом и однокурсниками, с администрацией (в совокупности 15%). Пятая часть респондентов оказалась в затруднении ответить на вопрос об участниках конфликтов в их ближайшем окружении.

Если в контактах студентов возникали напряженные ситуации, ссоры, то каковы были их причины? См. таблицу 3.

Таблица 3. Причины конфликтов в оценках воронежских студентов, %.

Причина конфликта	%
Поведение конфликтной личности	25,2
Проблемы, связанные с учебным процессом	20,2
Сложившиеся неприязненные отношения	19,7
Разногласия в нормах и правилах общения	15,7
Острые дискуссии по поводу социально-политических событий	9,3
Соперничество в процессе выполнения учебных заданий	8,2
Разное материальное положение студентов	1,7

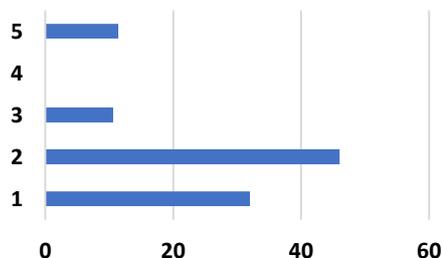
В первую очередь поводом развязывания конфронтации становилось поведение конфликтной личности. Порождали столкновения возникающие проблемы в учебной деятельности (это в большей мере характерно для студентов классического университета), неприязнь друг к другу, разногласия в нормах и правилах общения. Не так часто разворачивались острые дискуссии о российских и международных событиях, появлялось соперничество в учебе. Практически не имеет значения разное материальное положение участников конфликтов.

Вернемся к проблеме конфликтной личности. В экспериментах выявлено, что лица с «тяжелым конфликтным характером» отличаются следующими показателями [4, с. 11]:

- низкой социальной эргичностью (трудность в общении, замкнутость);
- низкой социальной пластичностью (сложности в осуществлении взаимодействий);
- высокими значениями предметной и социальной чувствительности (беспокойство, неуверенность, тревожность, чувствительность к неудачам, ощущение собственной неполноценности, ранимость).

Конфликтогенными чертами характера и поведенческими установками являются также вспыльчивость, обидчивость, бескомпромиссность, нетерпимость к мнению других, подозрительность и мстительность [9, с. 56].

Как было упомянуто выше, межличностная коммуникация студентов — это переплетение реальности и виртуальности. Большое значение для них имеет онлайн связь. Рисунок 2 демонстрирует факт ее влияния на межличностные отношения.

Рисунок 2. Представления воронежских студентов о влиянии общения в социальных сетях на межличностные отношения, %. 1 — вполне позитивное 32%; 2 — скорее позитивное, чем негативное 46%; 3 — скорее негативное, чем позитивное 10,6%; 4 — негативное 0%; 5 — затрудняюсь ответить 11,4%.

Виртуальная коммуникация оценивается абсолютным большинством положительно. Крайне негативных оценок вообще не оказалось, а каждый десятый настроен, скорее, скептически. Однако следовало выяснить, по каким причинам все же порой возникают ситуации непонимания в беседах студенческих групп и курсов. См. таблицу 4.

Таблица 4. Причины возникновения ситуаций непонимания в беседах, %.

Причина непонимания в социальных сетях	%
Неправильно понято то, что кто-то написал	43,7
Не поняли, шутит человек или пишет серьезно, возникла обида	25,0
Некоторые студенты специально провоцируют конфликтные ситуации («троллят»)	21,5
Без согласия студента разместили какую-то информацию	4,0
Не захотели принять в онлайн-группу	2,3
Не бывает таких ситуаций	3,1
Другое: «скорее разные мнения по поводу чего-либо», «несвоевременное размещение информации, игнорирование», «неадекватный собеседник», «отсутствии ответственности».	0,4

Кроме обычных коммуникативных барьеров, возникающих при непонимании написанного или шутки, выделяется фактор провокации, который упомянуло более пятой части участников исследования. Это преследование или травля с использованием оскорблений, клеветы и сплетен с целью оказания давления на жертву. Небольшая часть опрошенных вообще не зафиксировала или не захотела отметить факт непонимания.

Регулирование таких конфликтных ситуаций происходит, по мнению студентов, следующим образом:

- возникшая проблема обсуждается и достигается взаимное согласие 51,4%;
- ситуация игнорируется 16,9%;
- вмешивается кто-то третий 13,1%;
- одна сторона уступает другой 12,0%;
- прекращается дальнейшее общение 6,6%.

Очевидно, что выбор стратегий поведения в сетевом общении воронежских студентов в основном отличается конструктивностью: более половины называет сотрудничество, 17% избегание, а более десятой части — приспособление.

Нужно добавить, что в ходе прикладных исследований стратегий поведения в конфликтах студентов из разных регионов было выявлено, что «средние» стратегии располагаются по убывающей: компромисс, избегание, приспособление [6, с. 150]. Большинство проявляет конфликтоустойчивость, предпочитая уйти от конфликта, найти решение, которое бы не привело к деструкции. Бесконфликтная личность стремится к партнерству, готова пренебрегать своими интересами [15, с. 101].

В трудах психологов указывается, что в большинстве ситуаций межличностных столкновений выделяются две стороны: содержание конфликта как предмета спора, и психологическая сторона, связанная с личностными особенностями его участников, с их взаимоотношениями, эмоциональными реакциями на причины конфликта, на его ход и друг на друга [14].

Эмоциональное состояние участников противостояния имеет основополагающее значение. В оценках воронежских студентов эмоциональный фон восприятия межличностных конфликтов является в основном отрицательным, то есть вполне соответствующим ситуациям. После таких столкновений они испытывают отвращение (19%), злость и даже ярость (17%), равнодушие и разочарование (17%), тревогу (13%), угнетенность, опустошенность и упадок сил (13%). Часть студентов удивляется и

проявляет заинтересованность (14%), чувство вины и грусть (4%). У некоторых даже возникает душевный подъем (2%). Тревога и угнетенность в большей мере характерны для девушек. В графе «Другое» одна из студенток написала: «возникает отвращение к человеку, с которым был конфликт», другая поведала: «у однокурсников появляется презрение к студентам, которые мало участвуют в беседах».

Известно, что выбор стратегий поведения зависит от уровня развития эмоционального интеллекта личности. Обнаружено, что высокий уровень эмоционального интеллекта связан с доминирующей стратегией компромисса и сотрудничества в конфликтной ситуации, а студенты с низким уровнем эмоционального интеллекта не заинтересованы в сотрудничестве [3]. Студентка младшего курса воронежского агроуниверситета, судя по всему, имела в виду последнее: «некоторые студенты не умеют договариваться, слушать друг друга и уступать».

Для того, чтобы проконтролировать правдивость ответов в нашем исследовании, а также выявить бессознательные реакции на конфликтные ситуации, респондентам было предложено выполнить проективное задание — закончить предложение: «Меня задевает и это очень неприятно, когда во время учебы случаются такие конфликты, как...». Было получено 238 суждений, которые были подвергнуты количественному и качественному анализу. Приводятся наиболее интересные высказывания испытуемых.

Таблица 5 содержит описание словесных реакций воронежских студентов на происходящие во время учебы конфликты между самими студентами и студентами — преподавателями.

Таблица 5. Эмоциональные реакции воронежских студентов на межличностные конфликты, %

Эмоциональная реакция	%
Конфликты студент-студент «студенты не делятся лабами» (ВГТУ, м., с. к.); «не дают списать» (ВГТУ, м., м. к.); «ссоры, которые могут перерасти в драку» (ВГТУ, м., м. к.); «личные разборки студентов, которые затрагивают всю группу» (ВГАУ, ж., м. к.); «тыканье одногруппников за то, что я коммерция» (ВГАУ, ж., м. к.) «затрагивание политических взглядов» (ВГУ, ж., с. к.); «непонимание между студентами из-за разных взглядов на жизнь» (ВГУ, ж., м. к.); «студенты ругаются матом в коридоре» (ВГУ, ж., с. к.).	33
Конфликты студент-преподаватель «студенты обижают преподавателя» (ВГТУ, ж., с. к.); «преподаватель «валит» на экзамене» (ВГТУ, м., с. к.); «преподаватель выбирает себе «любимчика» (ВГТУ, м., с. к.), «негативное отношение преподавателя к студентам, оскорбление и унижение достоинства учеников со стороны преподавателя» (ВГАУ, м., м. к.; ВГТУ, м., ж. м. к.), «преподаватели не хотят идти на разговор, слишком критично относятся к обучающимся» (ВГАУ, ж., м. к.); «неадекватные преподаватели» (ВГАУ, ж., м. к.); «равнодушные преподавателя» (ВГАУ, ж., м. к.); «неправильное отношение преподавателя к студентам» (ВГТУ, м., м. к.).	14
Другое	53

Как видно, более чем в два раза чаще упоминаются конфликты между студентами, нежели между студентами и преподавателями. В то же время отрицательный эмоциональный накал суждений характерен в большей мере для разногласий с преподавателями.

Графа «Другое» включает перцептивные образы, которые описываются словесными символами, зачастую без упоминания участников противостояния. Так, небольшую часть студентов конфликтное взаимодействие оставляет равнодушными. Например, «меня не задевают конфликты, мне все равно» (ВГУ, ж., с. к.); «сам в конфликтах не участвую, а когда при мне случаются, сохраняю нейтральную позицию»

(ВГТУ, м., с. к.), «кроме отчисления ничего не задевает» (ВГТУ, ж., м., м. к.); «да я вообще бесконфликтная, а за другими не слежу» (ВГУ, ж., с. к.).

Конкретизируем и проранжируем высказывания в зависимости от их семантики и частоты.

1. *Вторжение в личную жизнь.* «Нарушение личных границ теми, с кем отношения не вышли на уровень допустимости такого поведения» (ВГАУ, ж., м. к.); «обсуждение личной жизни, когда не спрашивают (коммуникативная роль советника)» (ВГУ, ж., с. к.); «когда преподаватель публично обращает внимание на личные проблемы студента в плохом плане» (ВГУ, ж., с. к.);

2. *Недопонимание.* «Недопонимание шуток и обида на эти шутки» (ВГАУ, ж., м. к.); «окружающие не слушают чужое мнение» (ВГУ, м., с. к.); «недосказанность и разные взгляды» (ВГУ, ж., м. к.); «когда студенты не слушают требований преподавателя, а в конце семестра из-за этого возникает недопонимание» (ВГУ, ж., с. к.).

3. *Соперничество по учебе.* «Разбирательство по поводу не скинутой выполненной домашней работы в общую группу, хотя никто не обещал делиться тем, что сделал сам» (ВГУ, ж., м. к.); «соперничество с агрессивными нотками в процессе выполнения учебных заданий» (ВГУ, ж., с. к.); «разногласия по поводу успеваемости» (ВГУ, ж., м. к.), «соперничество за роль главного во время командной работы над проектом» (ВГУ, ж., с. к.).

4. *Буллинг, троллинг.* «Троллинг друг друга» (ВГАУ, ж., м. к.), «угнетение одного многими другими» (ВГАУ, ж., м. к.); «буллинг одного конкретного студента» (ВГУ, ж., с. к.); «унижение одного многими другими» (ВГАУ, ж., м. к.).

5. *Конфликтные особенности поведения личности.* «Конфликты от жадности, когда люди мелочны» (ВГУ, ж., с. к.); «неприязнь к моему внешнему виду и стилю общения» (ВГАУ, ж., м. к.); «эгоизм» (ВГУ, ж., м. к.); «из-за внешнего вида и инаковости в целом начинают презрительно относиться и избегать» (ВГУ, ж., с. к.); «предательство или обман» (ВГУ, м., м. к.); «ссоры на почве личностных отношений» (ВГУ, ж., м. к.), «предвзятое отношение преподавателя и студентов» (ВГУ, ж., с. к.).

6. *Оскорбления.* «Оскорбления за внешний вид или нацию» (ВГАУ, ж., м. к.); «конфликты, связанные с неприязнью в связи с особенностями поведения» (ВГАУ, ж. м. к.); «оскорбление личности без повода» (ВГАУ, ж., м. к.); «поливание грязью друг друга» (ВГАУ, ж., м. к.).

7. *Проявление неуважения.* «Неуважительное отношение студентов и преподавателей друг к другу» (ВГУ, ж., с. к.); «неуважительное отношение преподавателя» (ВГАУ, ж., м. к.); «межфакультетское неуважение» (ВГТУ, м., с. к.).

8. *Столкновения по пустякам.* «Ссоры на пустом месте» (ВГУ, м., с. к.); «ссоры из-за того, что кто-то что-то не так понял или услышал» (ВГАУ, ж. м. к.); «конфликт просто для спора» (ВГАУ, ж. м. к.).

9. *Сплетни.* «Обсуждение меня как личности» (ВГУ, ж., с. к.); «разногласия на почве сплетничанья» (ВГТУ, ж., м. к.; м., м. к.); «обсуждение за спиной того, кто хорошо учится, старается и не курит» (ВГАУ, ж., м. к.); «обсуждение «кабачков» за спиной» (ВГАУ, м., м. к.).

10. *Самоутверждение.* «Один студент считает свое мнение единственно верным, идя наперекор другим» (ВГУ, ж., с. к.); «возвышение себя» (ВГУ, м., м. к.); «представление себя не тем, кем являешься на самом деле» (ВГУ, м., с. к.).

11. *Неэффективная организация учебного процесса.* «Ссоры из-за изменения расписания» (ВГУ, ж., м. к.) «староста, который не скидывает вовремя нужную информацию» (ВГТУ, ж., с. к.), «конфликты между студентами и старостами» (ВГАУ,

ж., м. к.); «споры по поводу назначения времени при переносе занятий» (ВГУ, ж., с. к.); «неумение разделить правильно обязанности, из-за этого возникает куча бессмысленных споров» (ВГУ, ж., с. к.).

В описании конфликтов, затронувших чувства студентов, чаще используются такие слова, как *ссора, разногласия, спор, стычка, выяснение отношений, пререкание, словесные перепалки*. Эти высказывания не носят агрессивного характера, скорее они сенситивного толка, что отражается:

– в усилительных конструкциях, например «конфликты появляются из-за слишком жестких шуток» ВГАУ, ж., м. к.

– в акценте на незначительность действия, например, «задевает обман, доминирование одного над другим, что встречалось только в легкой форме или лишь в попытке» ВГТУ, м., с. к.; «задевает шум от разговоров и гоготание» ВГТУ, ж., м. к.

В тех же случаях, когда применяются конфликтогены или такие слова, как *угнетение, неравенство, оскорбление, унижение, обвинение, несправедливость, зависть и клевета*, можно говорить о деструктивности. Преследуется цель — раздражить, обвинить и обидеть, навязать свою позицию. В результате возникает сильный эмоциональный отклик. По-видимому, из-за этого студент из технического университета младшего курса резюмировал: «хотелось бы учиться одному».

Респондентам было предложено перечислить качества, которые помогают справляться с трудными ситуациями в общении, выбрав одно — самое главное. См. таблицу 6.

Таблица 6. Мнение воронежских студентов о главном качестве личности для ситуаций конфликта, %

Качества личности	%
Меня сложно вывести из себя, я уравновешенный человек	35,7
Могу отстоять своё мнение и дать отпор	32,3
Умею договариваться	18,0
Не обращаю внимание	12,4
Другое: «у меня нет трудных ситуаций, я живу без негативчика», «мне часто сложно договориться из-за излишнего волнения», «помогает справляться такое качество как неуступчивость» и т.д.	1,6

Только 12% студентов игнорируют сложную коммуникативную ситуацию. Остальные отмечают собственную уравновешенность, способность дать отпор и договариваться.

Заключение. Анализ и интерпретация данных проведенного исследования представлений студентов-бакалавров г. Воронежа о конфликтах во время учебы позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, главными ценностями общения для студенческой молодежи являются взаимопомощь, общие интересы и благожелательность. Мотивы совместной деятельности преобладают. Студенты не проводят никаких границ между оффлайн и онлайн коммуникацией, для них это единый процесс. В целом они удовлетворены общением.

Во-вторых, отношение студентов к конфликтам неоднозначно и весьма противоречиво. В ряде случаев имеется определенная боязнь признать, что они имеют место, что связано, скорее всего, с распространенным социальным стереотипом осуждения конфликтности. Кроме того, воспринимаемая несовместимость целей между сторонами встречается реже, нежели противоположно направленных интересов и мнений. Демонстрируется и своеобразное искаженное восприятие с характерными чертами схематизации и упрощения реальности, поляризации оценок.

В-третьих, в большинстве случаев конфликтное взаимодействие в образовательном процессе носит вполне конструктивный характер. Его цель, как правило, состоит в улучшении ситуации и решении проблемы. Сами студенты проявляют качества уравновешенности и стрессоустойчивости. Учеба проходит в основном в благоприятной атмосфере. В то же время случаются и столкновения с деструктивной направленностью, в центре которых стоит конфликтная личность, осуществляющая провокации — манипуляции с предсказуемыми ответными негативными реакциями. Упоминается и буллинг, причиняющий вред, и троллинг, направленный на развязывание конфликта. Сильный эмоциональный запал в особенности проявляется в реакциях на столкновения с преподавателями, хотя по оценкам самих студентов они встречаются более чем в два раза реже, чем конфликты между студентами.

В-четвертых, вряд ли можно говорить о возможности создания бесконфликтной образовательной среды. Конструктивные функции конфликта в студенческих коллективах способствуют их стабильности, повышают эффективность учебной деятельности, так как выявляют и сглаживают противоречия. Однако требуется больше усилий менеджеров от образования и самих преподавателей для повышения культуры общения учащихся, для формирования компетенций регулирования возникающих противоречий. Недаром в ходе исследования не раз озвучивалась студенческая позиция эмпатии и толерантности, критика отсутствия умений у некоторых студентов слышать и слушать собеседника. Целесообразно возвращение в учебные планы и гуманитарных, и технических, и естественнонаучных специальностей курсов «Социальная психология», «Психология общения», «Деловое общение».

Необходимы дальнейшие исследования проблемы, связанные с изменениями социальных ролей во взаимодействии студенческой молодежи в русле тенденций цифровизации и развития социальных медиа, которые динамично формируют новое образовательное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменко Е.В. Исследование стрессоустойчивости и конфликтности в контексте психологической безопасности студента / Е.В. Абраменко, Е.Г. Ефимов // Казанский педагогический журнал. — 2019. — №3. — С. 89–92.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. — СПб.: Питер, 2003. — 464 с.
3. Вышквыркина М.А. Стратегии поведения в конфликте студентов с разным уровнем эмоционального интеллекта / М.А. Вышквыркина // Мир науки. Педагогика и психология. — 2019. — №6. — Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN619.pdf>. (дата обращения: 5.07.2025).
4. Лымарь Н.Г. Психологические средства разрешения межличностного конфликта: автореф. дисс...канд. психол. наук. Специальность — 19 00 01 — общая психология, психология личности, история психологии / Н.Г. Лымарь. — Новосибирск, 2008. — 20 с.
5. Малахова О.Н. Особенности коммуникативного опыта в современной студенческой среде: психолого-педагогический аспект / О.Н. Малахова, В.И. Иманаев // Вестник АмГУ. — Вып. 68 94. — 2021. — С. 66-69.
6. Павлова А.Б. Исследование стратегий поведения в конфликте в студенческой среде / А.Б. Павлова // Проблемы современного образования. — 2024. — № 3. — С. 146–153. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-3-146-153.
7. Певная М.В. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) / М.В. Певная [и др.] // Научный результат. Социология и управление. — 2022. — Т. 8. — № 3. — С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9.
8. Ракитина М.Г. Специфика развития межличностного взаимодействия студентов в процессе обучения в вузе / Актуальные исследования. — 2023. — №49. — Режим доступа: <https://apni.ru/article/7748-spetsifika-razvitiya-mezhlichnostnogo-vzaimod?ysclid=mcwb1gwepe243988885>. (дата обращения: 15.05.2025).
9. Рерке В.И. Конфликтность и ее проявление у обучающихся высших учебных заведений / В.И. Рерке // Вестник Омского университета. Серия Психология. — 2017. — № 3. — С. 52–58.

10. Саенко Л.А. Особенности формирования коммуникативного опыта у студенческой молодежи / Л.А. Саенко, С.В. Теницкий // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 2 (81). — С. 333–334.
11. Сиврикова Е.Г. Оценка студентами педагогического университета собственной подготовки к разрешению конфликтов / Сиврикова Е.Г. [и др.] // Science for Education Today. — 2020. — Том 10. — № 5. — С. 67–83.
12. Смолянинова О.Г. Отношение участников образовательного пространства Красноярского края к медиативным практикам / О.Г. Смолянинова, В.В. Коршунова // Science for Education Today. — 2019. — Т. 9. — № 3. — С. 7-27.
13. Социальная психология / под ред. М.Ю. Кондратьева. — М.: ПЕР СЭ, 2005. — 176 с.
14. Хайруллина А.А. Причины и особенности межличностных конфликтов в студенческой среде / А.А. Хайруллина, Т.Б. Огдаров, Л.И. Савва // Гуманитарные научные исследования. — 2017. — №1. — Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2017/01/18932>. (дата обращения 23.03.2025).
15. Чернякевич Е.Ю. Психологические особенности бесконфликтной личности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. — 2020. — Т. 32. — С. 95–105.

REFERENCES

1. **Abramenko E.V., Efimov E.G. (2019).** Issledovaniye stressoustoychivosti i konfliktnosti v kontekste psikhologicheskoy bezopasnosti studenta [Research of stress resistance and conflict in the context of psychological safety of students]. *Kazan pedagogical journal*, no. 3, pp. 89–92. (in Russian).
2. Grishina N.V. (2003). *Psikhologiya konflikta* [Psychology of conflict]. SPb.: Piter. 464 p. (in Russian).
3. Vyshkvyrkina M.A. (2019). Strategii povedeniya v konflikte studentov s raznym уровнем emotional'nogo intellekta. [Strategies of behavior in the conflict of students with different levels of emotional intelligence]. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online], no. 6(7). <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN619.pdf> (in Russian).
4. Lyamar N.G. (2008). *Psikhologicheskiye sredstva razresheniya mezhlichnostnogo konflikta*. [Psychological means of resolving interpersonal conflict]. Author's abstract. candidate of psychological sciences. Novosibirsk. 20 p. (in Russian).
5. Malakhova O.N., Imanaev V.I. (2021). Osobennosti kommunikativnogo opyta v sovremennoy studencheskoy srede: psikhologo-pedagogicheskiy aspekt. [The Features of Communication Experience in the Modern Student Environment: Psychological and Pedagogical Aspects]. *Bulletin of Amur State University*, issue 68 94, pp. 66–69. (in Russian).
6. Pavlova A.B. (2024). Issledovaniye strategiy povedeniya v konflikte v studencheskoy srede. [Research into behavior strategies in conflict in student environment]. *Problems of modern education*, no. 3, pp. 146–153. DOI: 10.31862/2218-8711-2024-3-146-153. (in Russian).
7. Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova E.V., Khudyakova M.V., Shapovalova I.S. (2022). Strakhi rossiyskogo studenchestva v situatsii sotsial'noy neopredelennosti (vesna 2022 goda). [Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022)]. *Research Result. Sociology and management*, no 8 (3), 116–136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9. (in Russian).
8. Rakitina M.G. (2023). Spetsifika razvitiya mezhlichnostnogo vzaimodeystviya studentov v protsesse obucheniya v vuze. [Specifics of development of interpersonal interaction of students in the process of studying at the university]. *Current research*, no. 49. <https://apni.ru/article/7748-spetsifika-razvitiya-mezhlichnostnogo-vzaimod?ysclid=mcwblgwepe243988885>. (in Russian).
9. Rerke V.I. (2017). Conflict and its manifestation in students of higher educational institutions *Herald of Omsk University. Series «Psychology»*, no. 3, pp. 52–58. (in Russian).
10. Saenko L.A. Tenitsky S.V. (2020). Osobennosti formirovaniya kommunikativnogo opyta u studencheskoy molodezhi. [Features of formation of communicative experience in young students]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no 2 (81), pp. 333–334. (in Russian).
11. Sivrikova E.G. (2020). Otsenka studentami pedagogicheskogo universiteta sobstvennoy podgotovki k razresheniyu konfliktov. [Assessment of students of the pedagogical university of their own preparation for conflict resolution]. *Science for Education Today*, vol. 10, no 5, pp.67–83. (in Russian).
12. Smolyaninova O.G., Korshunova V.V. (2019). Otnosheniye uchastnikov obrazovatel'nogo prostranstva Krasnoyarskogo kraya k mediativnym praktikam. [The attitude of participants in the educational space of Krasnoyarsk Krai to mediation practices]. *Science for Education Today*, vol. 9, no. 3, pp.7-27. DOI: 10.15293/2658-6762.1903.01. (in Russian).
13. Kondratiev M.Yu. (ed.) (2005). *Social psychology*. M.: PER SE. 176 p. (in Russian).
14. Khairullina A.A., Ogdarov T.B., Savva L.I. (2017). Prichiny i osobennosti mezhlichnostnykh konfliktov v studencheskoy srede. [The causes and characteristics of interpersonal conflicts in the student environment]. *Humanitarian scientific research*, no. 1. <https://human.snauka.ru/2017/01/18932>. (in Russian).

15. Cherniakov E.Y. (2020). Psikhologicheskiye osobennosti beskonfliktnoy lichnosti. [Psychological peculiarities of a non-conflict personality]. The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology, vol. 32, pp. 95–105. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2020.32.95>. (in Russian).

Поступила в редакцию 18.01.2026 г.

**INTERPERSONAL CONFLICTS IN STUDENT ENVIRONMENT:
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PERSPECTIVE**

E.Yu. Krasova

The article deals with the problem of interpersonal conflicts in the educational environment of universities in modern conditions of social instability and the spread of anxiety, with the importance of the individual's psychological safety growing. The results of the socio-psychological research of the representations of Voronezh students of the conflicts during studies have been summarized. A number of methods have been applied among them are secondary data analysis, observation, questionnaire survey, the projective technique and content analysis. The survey involved 322 respondents. The objective set is to determine the values and emotional foundations of students' communication, satisfaction with communication, causes of interpersonal conflicts, the influence of the virtual environment on interpersonal relationships, common methods of conflict resolution and unconscious experiences. The author concludes that students are satisfied with communication, although conflict interaction does take place. The features of communication are highlighted. The nature of most conflicts is constructive. The instigator of collisions with a destructive focus is most often a conflict personality. Efforts are needed to improve the culture of communication among students in order to develop competencies for regulating emerging contradictions.

Key words: communication experience, values of communication, virtual communication, interpersonal conflict, conflict perception, conflict personality, emotional intelligence, strategies of behaviour in conflict.

Красова Елена Юрьевна.

Кандидат исторических наук, доцент.
Воронежский государственный университет,
Российская Федерация, г. Воронеж.
Доцент кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна.
ORCID 0009-0006-3370-1198.
E-mail: kelan20042004@mail.ru.

Krasova Elena Yurevna.

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor. Voronezh State University,
Russian Federation, Voronezh.
Associate Professor at Department of Public
relations, Advertising and Design.
ORCID 0009-0006-3370-1198.
E-mail: kelan20042004@mail.ru.

Научная статья

УДК 159.9.

DOI: 10.5281/zenodo.18825748

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ЖЕНЩИН

© 2026 О.Ю. Кушко¹, Т.Н. Разуваева²

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

ORCID¹ 0009-0004-7958-1115

ORCID² 0000-0003-0548-0675

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлены результаты исследования проблемы когнитивных особенностей эмоциональной зависимости у женщин. Исследование проводилось в Педагогическом институте НИУ «БелГУ», выборку исследования составили 480 студентов женского пола. Выборка сформирована случайным способом и представлена обучающимися по различным педагогическим направлениям, что обусловлено повышенной актуальностью изучения эмоциональной зависимости в профессиональных группах с высоким уровнем эмоционального сопереживания и межличностной вовлечённости. В процессе исследования с помощью методики (Тест-опросник на межличностную зависимость (Р. Гиршфильд в адаптации О.П. Макушиной), опросник когнитивных ошибок (А. Фриман, Р. Девулф в адаптации А.Е. Боброва, Е.В. Файзрахманова), шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман в адаптации О.А. Кравцовой, М.А. Падуна и А.В. Котельниковой), методика диагностики иррациональных установок (А. Эллис) и методов математической статистики было установлено, что женщины, склонные к эмоциональной зависимости, характеризуются большей выраженностью когнитивных ошибок, базисных убеждений, иррациональных установок, чем женщины, не склонные к ней. Эмоциональная зависимость статистически связана с когнитивными детерминантами таким образом, что при ней усиливаются систематические ошибки мышления, мир переживается одновременно как более случайный и требующий смыслового объяснения, а внутренняя самооценка снижается.

Ключевые слова: эмоциональная зависимость, межличностная зависимость, аддикции, женщины, когнитивные детерминанты, когнитивные ошибки, базисные убеждения, иррациональные установки.

Для цитирования: Кушко О.Ю. Когнитивные особенности эмоциональной зависимости у женщин / О.Ю. Кушко, Т.Н. Разуваева / Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 226–234. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825748>.

Введение. Эмоциональная зависимость проявляется в форме глубокой сосредоточенности на другом человеке и его интересах с включением эмоционального компонента, что выражено в форме патологической привязанности к другому человеку. Это патологическая форма, когда человек теряет способность к автономности, эмоционально «растворяется» в другом, испытывает тревогу при мысли о разрыве отношений и часто повторяет неадаптивные паттерны поведения. Эмоциональная зависимость часто ведёт к дисбалансу в жизни: нарушению границ, снижению самооценки, конфликтам и даже к социальной изоляции. Актуальность данной работы связана с дефицитом исследований переменных, обуславливающих феномен эмоциональной зависимости. В научной литературе представлены результаты исследований личностных, социальных особенностей лиц с эмоциональной

зависимостью [6; 7], но когнитивные процессы, сопровождающие эмоциональную зависимость, остаются на периферии научного интереса.

Изучение проблематики на выборке студентов Педагогического института обусловлено повышенной актуальностью изучения эмоциональной зависимости в этой группе: будущие педагоги и психологи находятся в профессии, требующей высокой эмоциональной вовлечённости, что может усиливать уязвимость к межличностным зависимостям, особенно при наличии соответствующих когнитивных и эмоциональных предпосылок. Кроме того, студенты часто переживают транзитные жизненные ситуации, связанные с переосмыслением идентичности и поиском социальной поддержки, что также может способствовать проявлению эмоциональной зависимости.

Материалы и методы исследования. Целью нашего исследования стало изучение когнитивных особенностей эмоциональной зависимости у женщин. Мы предполагаем, что для женщин, склонных к эмоциональной зависимости, в большей степени, чем для женщин с низкой склонностью к ней, характерны следующие когнитивные особенности: когнитивные ошибки, базисные убеждения, иррациональные установки.

В исследовании приняли участие 480 студентов женского пола Педагогического института Национального исследовательского университета «Белгородский государственный университет» (НИУ «БелГУ»). Выборка была сформирована методом случайной выборки из числа обучающихся очной формы по различным педагогическим специальностям и психологии. Возраст участниц составлял от 18 до 25 лет (средний возраст — $20,3 \pm 1,4$ года).

Исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе с помощью теста-опросника на межличностную зависимость (Р. Гиршфильд), опросника когнитивных ошибок (А. Фриман, Р. Девулф), шкалы базисных убеждений (Р. Янов-Бульман), методики диагностики иррациональных установок (А. Эллис), была изучена склонность женщин к эмоциональной зависимости и названные когнитивные особенности.

На втором этапе была осуществлена статистическая обработка полученных данных с помощью критерия поиска различий Крускала-Уоллиса и критерия корреляции Спирмена. Для обработки результатов исследования использовались программы SPSS Statistics 21.0 и MS Excel.

Основная часть. Теоретическое обоснование проблемы исследования связано с трудами Р. Гиршфильда и О.П. Макушиной [5, с. 15], рассматривающих феномен межличностной зависимости, возникающий в виде «психологического слияния» с другим человеком, следствием чего является ослабление индивидуальности и снижение личностной автономии. Термин «эмоциональная зависимость» отражает центральную роль аффективных процессов, механизмов привязанности и нарушений в эмоциональной регуляции в межличностной зависимости. О.П. Макушина [5, с. 25] свидетельствует о том, что женщины чаще становятся объектом или субъектом зависимости из-за социокультурных установок на эмоциональную открытость и ориентацию на отношения. Е.А. Володарская [3, с. 197] пришла к выводу о том, что женщины, состоящие в зависимых отношениях, зачастую направлены на других людей, они стараются выполнить желания других и удовлетворить их потребности в ущерб своим собственным.

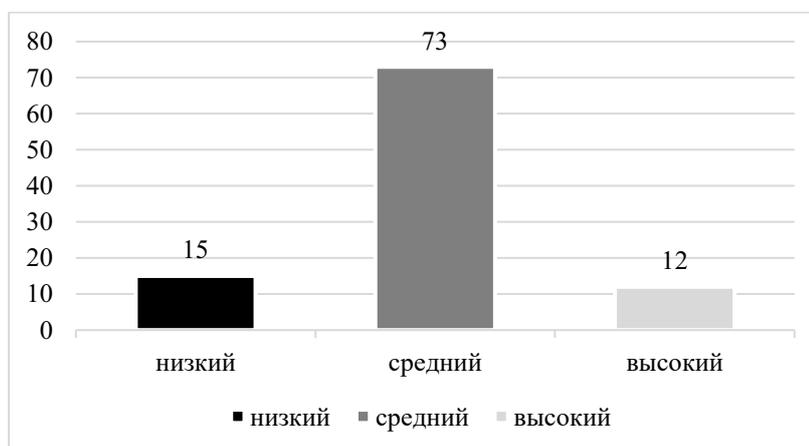
М.А. Гостенкова [4, с. 45] также указывает на то, что женщины более склонны «растворяться в отношениях», «сливаться» со своим партнером.

А. Бек [1; 2] предложил подход к изучению и коррекции эмоциональных нарушений, согласно которому решение и понимание психологических проблем требует анализа сознательных когнитивных процессов пациента. Как он подчёркивал: «Ключ к пониманию и решению психологических проблем находится в сознании пациента» [1,

с. 15]. Также автор описал дисфункциональную триаду: искажённые представления о себе, мире и будущем, которая, по нашему мнению, может характеризовать и женщин с эмоциональной зависимостью, так как её составляющие напрямую поддерживают паттерны привязанности и уязвимость к зависимости. То есть, дисфункциональная триада не только пересекается с проявлениями эмоциональной зависимости, но и объясняет её устойчивость на когнитивном уровне. Её компоненты функционируют как поддерживающий механизм, воспроизводя зависимые паттерны в межличностных отношениях.

Теоретическим основанием рассмотрения когнитивных особенностей эмоциональной зависимости является когнитивно-поведенческий подход в психологии. Когнитивные ошибки А. Фримана, Р. Девулфа [8, с. 37] — систематические искажения мышления, которые определяют восприятие реальности. У женщин с эмоциональной зависимостью эти искажения могут проявляться в интерпретации нейтрального поведения партнёра как признака отвержения, в негативной оценке себя при отсутствии подтверждения любви. Базисные убеждения Р. Янов-Бульмана [10, с. 49] — глубинные, укоренившиеся представления о себе, мире и будущем, которые формируют реакцию на жизненные события. К таким убеждениям относятся установки типа: «Я неполноценен без любви другого», «Меня нельзя любить таким, какой я есть», «Без близких отношений я обречён на страдание», что порождает тревожную привязанность к партнеру. Иррациональные установки А. Эллиса [9, с. 55] — категоричные требования, которые генерируют негативные эмоции. Примерами таких установок у женщин с эмоциональной зависимостью могут быть: «Я должна быть любима всеми, кого люблю», «Если меня не любят, я — неудачница», «Я не могу пережить одиночество», что генерирует негативные эмоции и обуславливает компенсаторное поведение, направленное на сохранение отношений любой ценой.

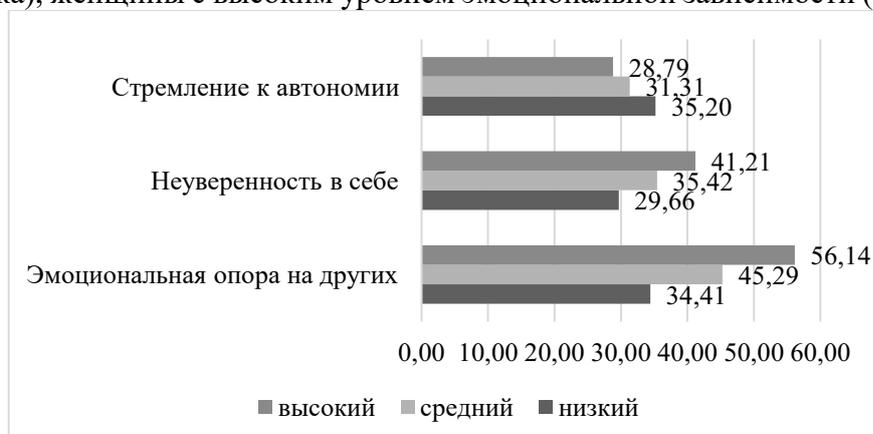
Перейдем к результатам диагностического исследования.

Рисунок 1 Распределение уровня межличностной зависимости у женщин (%).

Согласно результатам диагностики эмоциональной зависимости, было установлено, что для преобладающего числа женщин характерен средний уровень склонности к межличностной (эмоциональной) зависимости — 73%, низкий уровень склонности к эмоциональной зависимости обнаружен у 12% выборки, высокий уровень обнаружен у 15%. Значимая часть выборки характеризуется склонностью к межличностной зависимости, женщины демонстрируют эмоциональную привязанность к партнеру в отношениях, при этом, в качестве партнёра может выступать не только объект романтической привязанности, но и дружеских или семейных отношений.

Далее проведем анализ компонентов эмоциональной зависимости в группах женщин по уровню зависимости: женщины с низким уровнем эмоциональной зависимости (74 человека), женщины со средним уровнем эмоциональной зависимости (348 человека), женщины с высоким уровнем эмоциональной зависимости (58 человека).

Рисунок 2 Выраженность отдельных показателей межличностной (эмоциональной) зависимости у женщин с разным уровнем эмоциональной зависимости (в средних)

Исходя из рисунка можно выделить следующую закономерность: чем ниже уровень зависимости, тем выше стремление к автономии у женщин, ниже неуверенность в себе и эмоциональная опора на других. То есть, зависимость возникает как повышение необходимости в эмоциональной опоре на других и повышение неуверенности в себе при отсутствии стремления человека к личностной автономии.

Перейдем к анализу результатов диагностики когнитивных ошибок, базисных убеждений, иррациональных установок, дающих нам представление о когнитивных особенностях женщин с разным уровнем эмоциональной зависимости.

В таблице 1 представлены переменные, по которым установлено наличие статистических различий с помощью критерия Крускала-Уоллиса.

Таблица 1. Анализ когнитивных ошибок, базисных убеждений, иррациональных установок у женщин с разной склонностью к эмоциональной зависимости (ср.б)

Когнитивные особенности	Уровень эмоциональной зависимости			Нэмп
	низкий	средний	высокий	
Когнитивные ошибки				
Персонализация	7,49	8,89	10,66	87,148**
Упрямство	9,78	11,82	13,64	157,478**
Морализация	10,27	12,24	14,14	145,947**
Катастрофизация	8,28	10,73	12,57	148,919**
Выученная беспомощность	13,55	16,06	19,88	123,801**
Максимализм	8,35	10,25	12,48	142,538**
Преувеличение опасности	14,03	16,02	17,74	101,089**
Гипернормативность	10,86	12,58	13,93	126,658**
Базисные убеждения				
Контролируемость мира	3,73	3,84	3,90	82,953*
Ценность «Я»	4,61	4,10	3,56	99,095**
Иррациональные установки				
Низкая фрустрационная толерантность	37,36	33,89	30,81	103,925**
Самооценка	39,38	33,91	30,95	122,842**

Примечание: * — обнаружены значимые различия ($p \leq 0,05$), ** — различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$).

Как следует из таблицы 1, большее число статистически подтвержденных различий получено по показателям когнитивных ошибок. Анализ средних и результаты статистического анализа позволяют установить закономерность — чем выше выраженность когнитивных ошибок, тем выше уровень эмоциональной зависимости у женщин. Женщины, склонные к эмоциональной зависимости, демонстрируют ряд характерных когнитивных ошибок, отсутствующих у женщин без подобной склонности.

Перейдем к частному анализу отдельных когнитивных ошибок. Персонализация ($p \leq 0,01$) проявляется в ожидании негативно настроенного отношения к себе от партнера, при этом женщины приписывают негативные события исключительно своей ответственности. Упрямство ($p \leq 0,01$) выражается в стремлении упорно отстаивать свои взгляды, даже в ущерб личным отношениям, что связано со страхом ошибок и эгоцентрической иерархизацией, когда собственные позиции воспринимаются как единственно правильные, а чужие — как угроза. Морализация ($p \leq 0,01$) заключается в стремлении обеспечить безопасность через моральный контроль окружающих: женщины регулируют поведение партнера или окружения через жесткие нравственные нормы. Катастрофизация ($p \leq 0,01$) проявляется как склонность преувеличивать значимость проблем и бурно на них реагировать — например, незначительный конфликт воспринимается как катастрофа, угрожающая отношениям. Выученная беспомощность ($p \leq 0,01$) характеризуется принижением собственных возможностей: женщины считают себя бессильными изменить ситуацию, что усиливает пассивность и зависимость. Максимализм ($p \leq 0,01$) выражается в крайних оценках — события воспринимаются как «полностью хорошие» или «полностью плохие», без градаций. Повышенное преувеличение опасности ($p \leq 0,01$) связано с предвосхищением негативных сценариев будущего и тревогой — например, ожидание, что партнер обязательно предаст, без явных оснований. Гипернормативность ($p \leq 0,01$) проявляется в строгом следовании социальным нормам ради безопасности: женщины жестко подстраиваются под ожидания окружения, ограничивая свою автономию.

Так, женщины во взаимоотношениях сталкиваются с социальным давлением и долженствованиями в попытках быть успешными в личной, профессиональной и бытовой сфере, что порождает страх несоответствия ожиданиям и может провоцировать возникновение или закрепление когнитивных ошибок для иллюзии контроля ситуации.

Перейдем к анализу базисных убеждений. Чем выше убеждение «Контролируемость мира» ($p \leq 0,05$), тем выше эмоциональная зависимость у женщин. Убеждение в контролируемости мира указывает на уверенность женщин в том, что они способны предсказывать ход событий или управлять ими. Высокая уверенность в контролируемости мира приводит к попыткам управлять своим партнёром и избеганию конфликтов, что усиливает привязанность. Чем выше убеждение «Ценность “Я”» ($p \leq 0,01$), тем ниже эмоциональная зависимость у женщин. Это указывает на сниженную самооценку эмоционально-зависимых женщин, что приводит к попыткам подтверждения своей значимости у партнера и поиску поддержки.

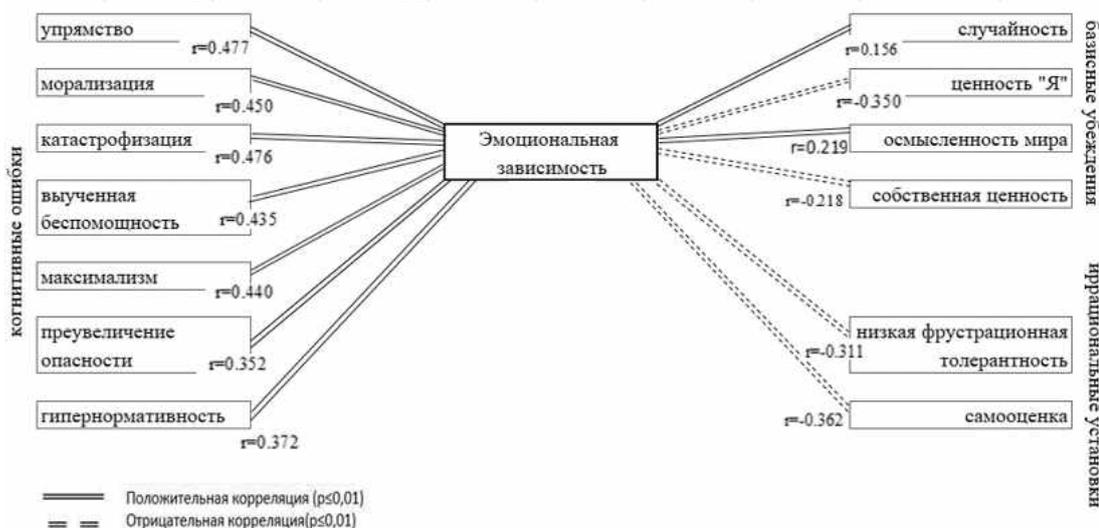
В процессе социализации женщины часто сталкиваются с ролью «заботливого партнёра», что закладывает убеждение, что их ценность связана с удовлетворением чужих потребностей, а не собственных. Эта модель поведения активно поощряется семьёй, образовательной средой, медиа и культурными нарративами, где «идеальная женщина» часто изображается как та, кто поддерживает, утешает, заботится и ставит близких выше себя. Эти убеждения впоследствии могут способствовать формированию эмоциональной зависимости, так как такое искажённое представление о себе и своих отношениях с другими создаёт благоприятную почву для развития эмоциональной

зависимости: женщина начинает ощущать свою идентичность преимущественно через призму отношений, особенно романтических.

Анализ средних и результаты статистического анализа иррациональных установок у женщин позволяют установить закономерность — чем выше иррациональные установки, тем ниже эмоциональная зависимость. То есть, у эмоционально-зависимых женщин обнаруживается низкая фрустрационная толерантность ($p \leq 0,01$) и сниженная самооценка ($p \leq 0,01$). Это проявляется в низкой способности противостоять стрессовым воздействиям и снижении самооценки в целом, что выражается в чувстве неполноценности у женщин.

Иррациональные установки создают у женщин непреодолимые стандарты, связанные с усвоенными требованиями со стороны социума и гендерными ожиданиями. У эмоционально-зависимых женщин страх несоответствия этим установкам проявляется в поиске внешнего подтверждения своей ценности, что усиливает зависимость от партнёра или окружения. То есть, страх несоответствия этим требованиям подкрепляет эмоциональную зависимость. Это может указывать на то, что женщины с выраженными иррациональными установками компенсируют свою уязвимость через контроль, перфекционизм или эмоциональную отстранённость. Так же они могут избегать глубоких привязанностей, чтобы не рисковать «провалом» в соответствии со своими завышенными стандартами.

Перейдем к результатам корреляционного анализа данных.

Рисунок 3. Корреляционная плеяда полученных связей между эмоциональной зависимостью, когнитивными ошибками, базисными убеждениями и иррациональными установками

Результаты, представленные на рисунке 3, свидетельствуют о наличии значимых связей на разных уровнях значимости между изучаемыми переменными. Отрицательная корреляция эмоциональной зависимости с иррациональными установками: низкая фрустрационная толерантность и самооценка ($p \leq 0,01$) указывает на парадоксальную закономерность: чем выше зависимость, тем ниже выраженность категоричных требований и катастрофических прогнозов. Женщины с зависимостью демонстрируют низкую способность переносить стрессовые ситуации, при этом снижение самооценки субъективно «смягчает» иррациональные установки, так как зависимая женщина перестаёт верить в возможность изменения отношений.

Положительные корреляции с когнитивными ошибками ($p \leq 0,01$) подчеркивают, что зависимость сопровождается систематическими искажениями мышления: упрямство, морализация, катастрофизация, выученная беспомощность, максимализм,

преувеличение опасности, гипернормативность, что подчеркивает систематический характер искажений мышления - не случайных «ошибок рассуждения», а устойчивых правил обработки информации, которые поддерживают зависимую регуляцию. Мышление женщин становится более ригидным, оценочным и угрожающим, что превращает отношения в источник постоянной угрозы и одновременно в единственный способ снять эту угрозу. То есть, чем выше зависимость, тем более выражена когнитивная схема «угроза–долженствование–беспомощность», которая усиливает тревогу и закрепляет зависимые стратегии регуляции поведения.

С базисными убеждениями обнаружены как положительные, так и отрицательные связи на высоком уровне значимости ($p \leq 0,01$). Положительные связи со случайностью и осмысленностью мира свидетельствуют о своеобразном мировоззрении, в котором, с одной стороны, мир переживается как непредсказуемый и слабо контролируемый, а с другой - сохраняется потребность объяснять происходящее через смысл. В связи с эмоциональной зависимостью это снижает ситуационную тревожность, но может усиливать рационализацию и перенос локуса контроля вовне. Отрицательные связи с ценностью «Я» и собственной ценностью указывают на снижение базовой самооценки и устойчивости самооценки: при росте выраженности зависимости человеку труднее опираться на внутреннее чувство собственной значимости, и он чаще нуждается во внешнем подтверждении со стороны значимого человека., что наделяет отношения регуляторной функцией, повышая уязвимость к страху отвержения, сверхконтролю и самопожертвованию.

Заключение. Для преобладающего числа женщин характерен средний уровень склонности к эмоциональной зависимости. Женщины, склонные к эмоциональной зависимости ориентированы на эмоциональную поддержку со стороны окружающих, не уверены в себе и не стремятся к автономии. Это часто приводит к неустойчивости эмоциональных реакций, потере личных границ и дисбалансу в отношениях. Статистический анализ позволил установить качественную специфику женщин с разными уровнями склонности к эмоциональной зависимости, заключающуюся в закономерности - чем выше уровень эмоциональной зависимости у женщин, тем выше выраженность когнитивных ошибок и ниже иррациональные установки. При этом, чем выше эмоциональная зависимость, тем выше базисное убеждение «Контролируемость мира» и ниже базисное убеждение «Ценность “Я”». Таким образом, формируется когнитивно-аффективная основа, на которой строится паттерн эмоциональной зависимости, делающий женщину уязвимой к манипуляциям, выгоранию и хроническому внутреннему конфликту между «тем, кем я должна быть» и «тем, кем я хочу быть».

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии связи между эмоциональной зависимостью и изучаемыми когнитивными детерминантами: когнитивными ошибками, базисными убеждениями и иррациональными установками. Эмоциональная зависимость статистически связана с когнитивными детерминантами таким образом, что при ней усиливаются систематические ошибки мышления, мир переживается одновременно как более случайный и требующий смыслового объяснения, а внутренняя самооценка снижается. В результате отношения начинают выполнять функцию внешней регуляции безопасности и ценности «Я», которые краткосрочно снижают тревогу, но долгосрочно поддерживают зависимость.

Полученные результаты позволяют провести дополнительный анализ и построить модель когнитивной детерминации эмоциональной зависимости у женщин для разработки программы коррекции. На основе этих данных возможно выделить ключевые когнитивные маркеры — искажённые установки о себе, других и отношениях, — которые могут быть

положены в основу структурированной модели когнитивной детерминации эмоциональной зависимости, что станет базой для разработки психотерапевтической программы, ориентированной на модификацию дисфункциональных схем, развитие эмоциональной автономии и укрепление внутренних ресурсов личности с использованием методов когнитивно-поведенческой терапии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек А. Когнитивная психотерапия расстройств личности / А. Бек, А. Фримен. — М.: Изд-во «Питер», 2019. — 258 с.
2. Бек А. Одной любви недостаточно: как пары могут преодолевать недопонимание, урегулировать конфликты и решать проблемы в отношениях с помощью когнитивной терапии / А. Бек. — М.: Изд-во «Диалектика», 2021. — 464 с.
3. Володарская Е.А. Взаимосвязь индивидуально-личностных особенностей женщин и их склонности к созависимым отношениям / Е.А. Володарская // Человеческий капитал. — 2022. — №4(160). — С. 194–203.
4. Гостенкова М.А. Связь личностных особенностей субъекта межличностных отношений с зависимостью от партнера / М.А. Гостенкова // Сборник научных трудов «Общение в эпоху конвергенции технологий». — 2022. — С. 138–144.
5. Макушина О.П. Опросник межличностной зависимости (Interpersonal Dependency Inventory). Р. Гиршфильд. Адаптация О.П. Макушиной / О.П. Макушина // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. — М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. — С. 530.
6. Пузырёва Л.А. Личностные особенности как фактор формирования эмоциональной зависимости женщин / Л.А. Пузырёва // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. — № 3. — Т. II. — С. 246–250.
7. Полянская Т.В. Психологическая граница личности, склонной к эмоциональной зависимости / Т.В. Полянская // Кронос. — 2022. — С. 148–151.
8. Фриман А. 10 глупейших ошибок, которые совершают люди / А. Фриман, Р. Девульф. — СПб.: Питер, 2012. — 240 с.
9. Эллис А. Как сохранить эмоциональное здоровье в любых обстоятельствах / А. Эллис.: ООО «Прогресс книга», 2020. — 270 с.
10. Janoff-Bulman R. Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: coping processes and outcomes / R. Janoff-Bulman // Coping: The psychology of what works. N.Y. Oxford University Press. 2000. — 300 p.

REFERENCES

1. Beck A.T., & Freeman A. (2019). Kognitivnaia psikhoterapiia rasstroistv lichnosti [Cognitive therapy of personality disorders]. Piter Publishing House. (In Russian)
2. Beck A.T. (2021). Odnoi liubvi nedostatochno: Kak pary mogut preodolevat' nedoponimanie, uregulirovat' konflikty i reshat' problemy v otnosheniakh s pomoshch'iu kognitivnoi terapii [Love is not enough: How couples can overcome misunderstandings, resolve conflicts, and solve relationship problems with cognitive therapy]. Dialektika Publishing House. (In Russian)
3. Volodarskaya E.A. (2022). Vzaimosviaz' individual'no-lichnostnykh osobennostei zhenshchin i ikh sklonnosti k sozavisimym otnosheniim [The relationship between individual personality traits of women and their tendency toward codependent relationships]. Chelovecheskiy Kapital [Human Capital], (4), 194–203. (In Russian)
4. Gostenkova M.A. (2022). Sviaz' lichnostnykh osobennostei sub"ekta mezhlichnostnykh otnoshenii s zavisimost'iu ot partnere [The relationship between personality traits of individuals in interpersonal relationships and partner dependence]. In Sbornik nauchnykh trudov "Obshchenie v epokhu konvergentsii tekhnologii" [Proceedings of the scientific papers "Communication in the era of technology convergence"] (pp. 138–144). Publishing House of the North-West State University. (In Russian)
5. Makushina O.P. (2011). Oprosnik mezhlichnostnoi zavisimosti (Interpersonal Dependency Inventory). R. Girschfil'd. Adaptatsiia O.P. Makushinoi [Interpersonal Dependency Inventory]. R. Girschfield. Adaptation by O.P. Makushina]. In A.A. Bodalev (Ed.), Psikhologiya obshcheniia. Entsiklopedicheskii slovar' [Psychology of communication: Encyclopedic dictionary] (p. 530). Kogito-Center Publishing House. (In Russian)
6. Puzyreva L.A. (2013). Lichnostnye osobennosti kak faktor formirovaniia emotsional'noi zavisimosti zhenshchin [Personality traits as a factor in the development of emotional dependence in women]. Yaroslavskiy Pedagogicheskii Vestnik. Psikhologo-Pedagogicheskie Nauki [Yaroslavl Pedagogical Herald. Psychological and Pedagogical Sciences], II (3), 246–250. Yaroslavl State Pedagogical University Publishing House. (In Russian)

7. Polyanskaya T.V. (2022). Psikhologicheskaya granitsa lichnosti, sklonnoi k emotsional'noi zavisimosti [Psychological boundaries of a personality prone to emotional dependence]. Kronos, 148–151. Ural State Pedagogical University Publishing House. (In Russian)
8. Freeman A., & DeWulf R. (2012). 10 glupieishikh oshibok, kotorye sovershaiut liudi [The 10 biggest mistakes people make]. Piter Publishing House. (In Russian)
9. Ellis A. (2020). Kak sokhranit' emotsional'noe zdorov'e v liubykh obstoiatel'stvakh [How to maintain emotional health in any circumstances]. Progress Kniga Publishing House. (In Russian)
10. Janoff-Bulman R. (2000). Rebuilding shattered assumptions after traumatic life events: Coping processes and outcomes. In C.R. Snyder (Ed.), Coping: The psychology of what works (pp. 300). Oxford University Press. (In English)

Поступила в редакцию 14.11.2025 г.

COGNITIVE FEATURES OF WOMEN'S EMOTIONAL DEPENDENCE

O.Yu. Kushko, T.N. Razuvaeva

The article presents the results of a study of the problem of cognitive features of women's emotional dependence. The study was conducted at the Pedagogical Institute of the National Research University "BelSU", with 480 female students being the sample of the study. The sample was formed randomly and is represented by students majoring various pedagogical areas, which is due to the increased relevance of studying emotional dependence in professional groups with a high level of emotional empathy and interpersonal involvement. In the course of the study a number of relevant methods have been used among them are: Interpersonal Dependence Test Questionnaire (by R. Girshfield as adapted by O.P. Makushina), Cognitive Errors Questionnaire (A. Freeman, R. Dewolf adapted by A.E. Bobrov, E.V. Fayzrakhmanov), Basic Beliefs Scale (R. Yanov-Bulman adapted by O.A. Kravtsova, M.A. Padun and A.V. Kotelnikova), Irrational Attitudes Diagnostics Method (A. Ellis) and mathematical statistics methods. It has been found out that women prone to emotional dependence are characterized by a greater severity of cognitive errors, basic beliefs, irrational attitudes than women who are not prone to it. Emotional dependence is statistically associated with cognitive determinants in such a way that it increases systematic errors in thinking, the world is experienced as both more random and requiring a meaningful explanation, and intrinsic self-esteem is reduced.

Keywords: emotional dependence, interpersonal dependence, addictions, women, cognitive determinants, cognitive errors, basic beliefs, irrational attitudes.

Кушко Оксана Юрьевна.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»),
Российская Федерация, г. Белгород.
Аспирант.
ORCID 0009-0004-7958-1115.
E-mail: kushko@bsuedu.ru.

Kushko Oksana Yuryevna.

Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»),
Russian Federation, Belgorod.
Postgraduate student.
ORCID 0009-0004-7958-1115.
E-mail: kushko@bsuedu.ru.

Разуваева Татьяна Николаевна.

Доктор психологических наук, профессор.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»),
Российская Федерация, г. Белгород.
Профессор кафедры общей и клинической психологии.
ORCID 0000-0003-0548-0675.
E-mail: razuvaeva@bsuedu.ru.

Razuvaeva Tatyana Nikolaevna.

Doctor of Psychology, Professor.
Belgorod State National Research University (NRU «BelSU»),
Russian Federation, Belgorod.
Professor at Department of General and Clinical Psychology.
ORCID 0000-0003-0548-0675.
E-mail: razuvaeva@bsuedu.ru.

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.18825786

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ УЧАСТНИКОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ СЕВГУ И КГУ)**

© 2026 *И.В. Султанова¹, К.Г. Якубовская², А.И. Гиренко³*

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет»

ORCID¹ 0000-0002-8306-4290

ORCID² 0009-0001-9699-6169

ORCID³ 0009-0005-3132-888X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлены результаты эмпирического исследования психологического благополучия студентов Севастопольского государственного университета и Курского государственного университета. Результаты показали, что студенты СевГУ демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия. Это связано с такими аспектами, как автономия, личностный рост, самопринятие и восприятие ситуации как более контролируемой. Студенты КГУ проявляют успешность в построении доверительных отношений с окружающими. При этом значимых различий в уровне удовлетворенности жизнью между группами не выявлено. Незначимыми оказались такие показатели, как степень угрозы, утраты, вызова и автономности ситуаций, что указывает на их общность для обеих групп.

Ключевые слова: Психологическое благополучие, участники образовательного процесса, студенты-психологи, специальная военная операция

Для цитирования: Султанова И.В. Психологическое благополучие участников образовательного процесса в условиях социальной напряженности (на примере студентов СевГУ и КГУ) / И.В. Султанова, К.Г. Якубовская, А.И. Гиренко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 235–245. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825786>.

Введение. Современный мир характеризуется высокой динамикой социальных, экономических и политических изменений, что приводит к росту социальной напряженности и нестабильности в различных сферах общественной жизни. Одной из наиболее уязвимых категорий становится система образования, где вопросы психологического благополучия участников образовательного процесса приобретает особую актуальность. Образовательные учреждения в зонах повышенной военной угрозы сталкиваются с вызовами, выходящих за рамки традиционных академических и организационных проблем. Для участников образовательного процесса проживание в условиях потенциальной опасности сопряжено не только с физическим риском, но и с постоянным психологическим напряжением, изменением привычного ритма жизни, социальной динамики и бытовых практик. Образование представляет собой важнейший институт социализации, оказывающий существенное влияние на формирование личности, её ценностных ориентаций, эмоциональную устойчивость и психологического здоровья. Участники образовательного процесса — обучающиеся, преподаватели и администрация образовательных учреждений, и другие заинтересованные стороны в условиях социальной напряженности сталкиваются с увеличением уровня стресса,

тревожности, эмоционального истощения и неопределенности, что негативно отражается на общем уровне психологического благополучия.

Периоды социальной напряженности, сопровождающиеся экономическими кризисами, политическими преобразованиями, вооруженными конфликтами или иными внешними вызовами, существенно влияют на психологическое состояние студентов, ухудшая их способность к обучению, снижая мотивацию и адаптивные ресурсы. В Севастополе и Курской области официально действует высокий уровень террористической опасности. Это отражает контекст угроз, с которыми сталкиваются жители городов, включая студентов - от воздушных тревог до возможных атак на инфраструктуру. Жизнь участников образовательного процесса в текущих условиях сочетает в себе обычные элементы академической деятельности с постоянным присутствием факторов военной угрозы и отсутствием безопасности, что формирует специфическим условия жизни и учебы, а также негативный психологический фон, сопровождающийся стрессом и тревожностью.

Изучение особенностей психологического благополучия в образовательной среде обусловлена необходимостью своевременного выявления факторов риска, защит и ресурсов, влияющих на психологическое здоровье всех участников процесса.

Анализ научной литературы по проблеме исследования показал, что в психологии существует достаточное количество исследований, посвященных проблеме психологического благополучия. В рамках отечественной психологии можно выделить работы следующих исследователей: С.А. Водяха, Л.В. Карапетян, Л.В. Куликов, Д.А. Леонтьев, П.П. Фесенко, Р.М. Шамионов, О.С. Ширяева. В зарубежной психологии психологическое благополучие рассматривали М. Аргайл, Н. Бредберн, Э. Динер, М. Селигман, Р.М. Райан, К. Рифф, Д. Энгель и др.

Уместным будет использовать несколько определений касаясь психологического благополучия, принадлежащих различным ученым, представителям различных школ отечественной и зарубежной психологии.

Согласно утверждению Л.В. Куликова [4], психологическое благополучие представляет собой значимый компонент общего благополучия личности. Оно охватывает когнитивный аспект, проявляющийся в формировании целостного и непротиворечивого восприятия мира и осознания текущей жизненной ситуации. Эмоциональный аспект выражается в переживании человеком полного спектра эмоций, связанных с его успешностью в различных сферах жизни. Психологическое благополучие достигает большей устойчивости в условиях гармонии процессов развития и самореализации личности.

В исследованиях П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленковой [9] психологическое благополучие рассматривается как комплексное переживание, которое проявляется в субъективном чувстве счастья и удовлетворённости собой и своей жизнью. Это понятие тесно связано с базовыми человеческими ценностями и потребностями и воспринимается как индивидуальное, субъективное явление, основанное на самооценке личности.

В основе понятия психологического благополучия П.П. Фесенко лежит модель К. Рифф [13]. Ученый определяет психологическое благополучие, как интегральный показатель, который отражает направленность человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении удовлетворенности собой и собственной жизнью.

Анализ понятия «благополучие» в отечественной научной литературе проведенный Л.В. Карапетян [3] позволил выявить серьезное затруднение не только с формулировкой единого термина (так ряд авторов предлагают понятия «эмоциональное благополучие», «психоэмоциональное благополучие» и «эмоционально-психологическое благополучие»), но и взаимоотношением двух наиболее применяемых понятий психологического и субъективного благополучия. Упомянутые выше авторы Л.В. Куликов и Р.М. Шамионов рассматривают психологическое благополучие как часть субъективного. Иного мнения А.Е. Созонтов и А.А. Лебедева относящие субъективное благополучие как часть психологического.

В западной научной среде можно выделить три основные теории, которые по-разному подходят к вопросу определения психологического благополучия.

1. Благополучие как соотношение удовольствия и боли. Каждая ситуация в жизни человека рассматривается через выраженность позитивных и негативных эмоциональных реакций, и ощущений, которые она вызывает. Соответственно психологическое благополучие определяется как преобладание позитивных переживаний и отсутствие боли [11].

2. Благополучие как удовлетворенные желания. В данной теории ключевым фактором является реализация возникающих у человека желаний и потребностей, и чем больше процент реализации, тем выше степень благополучия. Однако в данной теории не учитывается содержание желаний и потребностей, а также последствия их воплощения [8].

3. Благополучие как объективный список. Согласно этой теории, успех человека определяется рядом объективных факторов, которые не всегда полностью находятся под его контролем. К таким факторам можно отнести наличие дружественных связей, осознанность, стремление к достижениям. Но единого мнения о компонентах списка у авторов, придерживающихся данной теории, нет [12].

Н. Бредберн в 1969 году выпустил работу под названием «Структура психологического благополучия», которая стала теоретической основой понимания феномена психологического благополучия. Под психологическим благополучием, ученый рассматривал соотношение двух комплексов эмоций (позитивными, негативными), которые человек накапливает в течение всей своей жизни. Баланс или преобладание позитивных эмоций соответственно позволяют говорить о выраженности психологического благополучия, так как преобладание негативного комплекса свидетельствует о его снижении [1].

Существенный вклад в эту теорию сделал профессор Э. Динер, введя в понятие психологического благополучия ощущение удовлетворения. Таким образом, благополучие обретает более личный и субъективный характер, что позволяет более точно характеризовать положение дел для каждого конкретного человека. На основе концепции Н. Бредберна, исследовательница К. Рифф [13] разработала собственную модель психологического благополучия, которая состоит из шести компонентов: самопринятие; позитивные отношения с окружающими; автономия; степень влияния на окружающую среду; наличие цели в жизни; возможность личностного роста.

Таким образом, к определению понятия благополучия в зарубежной и отечественной научной среде применялись различные подходы.

1. Системный подход позволил сформулировать биопсихосоциальную модель благополучия Д. Энгеля.

2. Субъектно-деятельностный подход отражен в концепции П.П. Фесенко и Т.Д. Шевеленковой, развивших модель благополучия К. Рифф.

3. Культурно-исторический подход прослеживается в эвдемонистических концепциях, где важным фактором благополучия считается наличие смысла жизни и системы ценностей, которые формируют актуальные для данной культуры и социума потребности.

В нашем исследовании под «психологическим благополучием», вслед за Э. Динер, Л.В. Карапетян, Л.В. Куликовым, К. Рифф, П.П. Фесенко, Р.М. Шаминовым мы будем понимать субъективное удовлетворение от реализации основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими).

Социальная напряженность оказывает значительное влияние на психологическое благополучие личности, создавая условия, при которых усиливаются внутренние и внешние стрессоры, что связано с тем, что в условиях экономической неопределенности, политических конфликтов, информационного давления или угрозы безопасности у человека может снижаться уровень субъективного ощущения контроля над жизнью, возрастает тревожность, эмоциональное напряжение, ухудшается качество межличностных отношений. Такая среда способствует росту неуверенности, ощущению социальной изоляции и снижению самооценки. В результате чего нарушается баланс между потребностями личности и возможностями их удовлетворения, что может привести к снижению уровня самопринятия, личностной автономии, мотивации к развитию и постановке жизненных целей. Особенно уязвимыми в этом контексте становятся студенты.

Таким образом, все вышесказанное определило цель нашего исследования — изучение особенностей уровня структурных компонентов психологического благополучия студентов СевГУ и КГУ в условиях социальной напряженности.

Задачи исследования: проанализировать литературу по проблеме исследования, провести эмпирическое исследование с использованием методик «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко), Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера» (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина), «Шкала оценки трудности и неопределенности ситуации» (Н.Е. Водопьяновой).

Мы предположили, что существуют статистически значимые различия в психологическом благополучии студентов СевГУ и КГУ, которые проявляются в таких аспектах, как позитивные отношения с другими, автономия, личностное развитие, самопринятие, а также в восприятии внешней ситуации. Результаты исследования позволят стать основой для разработки программ психологической поддержки и профилактики дезадаптивных форм поведения у студентов с учетом выявленных различий в их уровне структурных компонентов психологического благополучия.

Материалы и методы исследования. В исследовании применялись методы теоретического анализа, синтеза, обобщения научной литературы по проблеме исследования; эмпирические методы: «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко), Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера» (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина), «Шкала оценки трудности и неопределенности ситуации» (Н.Е. Водопьяновой); методы обработки, анализа и интерпретации результатов, в том числе математико-статистическая обработка (U-критерий Манна-Уитни).

Выборку респондентов составили: студенты 3-го курса очной формы обучения по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в количестве 32 человек (возраст от 20 до 23 лет), студенты 3-го курса очной формы обучения по направлению

подготовки 37.03.01 Психология ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» в количестве 30 человек (возраст от 20 до 24 лет.)

Исследование проводилось в онлайн-формате на платформе Yandex Forms в апреле 2025 года. Участие было добровольным и анонимным.

Респонденты были разделены на 2 группы:

- группа 1 — студенты СевГУ в количестве 32 человек;
- группа 2 — студенты КГУ в количестве 30 человек.

Всего в эмпирическом исследовании приняли участие 62 студента.

Результаты и обсуждение. Исследование психологического благополучия студентов СевГУ и КГУ при помощи шкалы К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты исследования психологического благополучия у студентов СевГУ и КГУ по методике К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко

Шкала	Студенты СевГУ			Студенты КГУ		
	Процентная доля респондентов					
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Позитивные отношения с другими	15,4%	40,6%	44%	13,4%	50%	36,6%
Автономия	40,6%	46,8%	12,6%	20%	46,6%	33,4%
Управление средой	15,6%	53,2%	31,2%	13,4%	40%	46,6%
Личностный рост	31,3%	53,1%	15,6%	23,3%	33,3%	43,4%
Цели в жизни	18,8%	56,2%	28,2%	20%	46,6%	33,4%
Самопринятие	18,8%	59,4%	21,8%	13,4%	56,6%	30%
Интегральный показатель психологического благополучия	46,8%	37,6%	15,6%	23,3%	26,6%	50%

Исходя из полученных результатов студенты 1 группы демонстрируют высокие показатели по таким аспектам психологического благополучия, как автономия, управление средой, личностный рост, наличие целей в жизни и самопринятие. Однако у студентов данной группы наблюдаются трудности в выстраивании позитивных отношений с другими людьми, что может ограничивать их поддержку со стороны окружения. Студенты 2 группы, напротив успешно выстраивают позитивные отношения с окружающими. Они также демонстрируют автономию, способность управлять своей деятельностью, имеют цели в жизни, и принимают себя, но для данной группы студентов характерно отсутствие стремления к личностному росту, что в сочетании с низким уровнем психологического благополучия, может свидетельствовать о недостаточной мотивации к саморазвитию и преодолению жизненных трудностей.

При анализе данных, полученных при помощи методики Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина были получены следующие результаты (таблица 2).

Таблица 2. Результаты исследования удовлетворенностью жизнью у студентов СевГУ и КГУ

Уровень	Процентная доля респондентов	
	Студенты СевГУ	Студенты КГУ
Высокий уровень	31,25%	26,6%
Средний уровень	47%	46,8%
Низкий уровень	21,75%	26,6%

Полученные результаты, представленные на диаграммах (таблица 2), позволяют сделать вывод о том, что для студентов 1 группы наиболее характерен средний уровень

(47%), в то время как высокий уровень (31,25%) и низкий уровень (21,75%) выражен в меньшей степени. У студентов 2 группы преобладает средний уровень (46,8%), но высокий и низкий уровни представлены в равной степени (26,6%). Высокие значения свидетельствуют о полной удовлетворенности студентов своей жизнью, которая воспринимается как близкая к идеалу, а условия их жизни оцениваются как отличные. Средние значения указывают на то, что студенты в целом довольны своей жизнью, но не считают её совершенной, так как не все поставленные цели достигнуты. Низкие значения говорят о том, что студенты недовольны своей жизнью, так как она не соответствует их идеалу, если бы они могли прожить свою еще раз, то обязательно бы её изменили. Таким образом, исходя из результатов исследования, мы видим, что у студентов обеих групп преобладает средний уровень удовлетворенности жизнью.

Оценка трудности и неопределенности среди студентов СевГУ и КГУ по методике Н.Е. Водопьяновой показала следующие результаты (таблица 3).

Таблица 3. Результаты исследования оценки трудности и неопределенности ситуации у студентов СевГУ и КГУ методике Н.Е. Водопьяновой

Субшкалы	Студенты СевГУ			Студенты КГУ		
	Процентная доля респондентов					
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Уг	28,1%	65,65%	6,25%	33,4%	50%	16,6%
УП	31,25%	37,5%	31,25%	33,4%	36,6%	30%
ВН	47%	43,75%	9,25%	20%	56,6%	23,4%
КН	78,1%	15,65%	6,25%	46,6%	20%	33,4%
ПУ	56,25%	37,5%	6,25%	20%	40%	40%
АИ	62,5%	31,25%	6,25%	73,4%	26,6%	0%
Пв	65,65%	25%	9,25%	43,4%	33,3%	23,3%
Ос	62,5%	25%	12,5%	13,4%	40%	46,6%
СО ТНС	28 %	72%	0%	6,7%	86,6%	6,7%

Условные обозначения: Уг — степень угрозы; УП — степень утраты/потери; ВН — степень вызова; КН — степень неконтролируемости ситуации; ПУ — сложность понимания и управления ситуацией; АИ — автономность ситуации; Пв — повторяемость; Ос — Осведомленность; СО ТНС — средняя оценка трудности и неопределенности ситуации.

В ходе исследования оценки трудности и неопределённости ситуации было выявлено, что для большинства студентов из обеих групп оценивают ситуации как умеренно сложные. Это свидетельствует об их способности адаптироваться к условиям неопределённости и справляться со стрессом. Однако у части студентов был выявлен высокий уровень восприятия угрозы, потери и несправедливости. Это говорит о том, что у них присутствует субъективное ощущение нестабильности и дефицита контроля над ситуацией. Кроме того, студенты из 1 группы склонны считать, что проблема сложна для понимания и решения. В свою очередь, студенты из 2 группы показали зависимость от мнения других людей и испытывают недостаток уверенности в своей способности влиять на события. Восприятие автономности событий и их повторяемость может варьироваться, но многие студенты считают, что определенные ситуации могут происходить независимо от их личного участия. Оценка уровня осведомленности показывает, что большинство студентов из 2 группы испытывают недостаток знаний и опыта для выявления сложностей. Студенты 1 группы более часто уверены в своих возможностях.

Таким образом, можно говорить о том, что студенты с высоким уровнем оценки неопределенности склонны воспринимать жизненные ситуации, как более стрессовые.

Полученные результаты исследования различий психологического благополучия у студентов при помощи критерия Манна–Уитни по методике К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко представлены в таблице 4.

Таблица 4. Результаты статистического анализа различий психологического благополучия студентов СевГУ и КГУ по методике К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко

Диагностический показатель	Значение критерия	Зона значимости / незначимость	Результат
Позитивные отношения с другими	$U_{Эмп} = 362$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Автономия	$U_{Эмп} = 267$	$p \leq 0,01$	Выявлены статистически значимые различия между группами
Управление средой	$U_{Эмп} = 420$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Личностный рост	$U_{Эмп} = 310$	$p \leq 0,05$	Выявлены статистически значимые различия между группами
Цели в жизни	$U_{Эмп} = 455$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Самопринятие	$U_{Эмп} = 314$	$p \leq 0,05$	Выявлены статистически значимые различия между группами
Интегральный показатель психологического благополучия	$U_{Эмп} = 314$	$p \leq 0,05$	Выявлены статистически значимые различия между группами

Критические значения:

$p \leq 0,05$: $U \leq 340$;

$p \leq 0,01$: $U \leq 298$.

Проведенный статистический анализ показал, что в зоне значимости находятся следующие показатели.

Автономия ($U_{Эмп} = 267$, $p \leq 0,01$), что указывает на более высокий уровень самостоятельности, свободы в принятии решений и ориентации на личные убеждения у одной из групп студентов. Личностный рост ($U_{Эмп} = 310$, $p \leq 0,05$), различия указывают на то, что студенты одной из группы в большей степени ориентированы на личностный рост, открытость новым возможностям и реализацию своего потенциала. Тогда, как студенты другой группы могут отличаться меньшим стремлением к саморазвитию. Самопринятие ($U_{Эмп} = 314$, $p \leq 0,05$), полученные результаты свидетельствуют о том, что одна из групп студентов в большей мере принимает свои сильные и слабые стороны, демонстрируя более положительное отношение к себе по сравнению с другой группой студентов. Результаты анализа интегрального показателя психологического благополучия ($U_{Эмп} = 314$, $p \leq 0,05$) показывают, что исследуемые группы имеют статистически значимые различия в общем уровне психологического благополучия.

В зоне незначимости оказались такие компоненты психологического благополучия, как позитивные отношения с другими ($U_{Эмп} = 362$, $p > 0,05$), управление средой ($U_{Эмп} = 420$, $p > 0,05$), цели в жизни ($U_{Эмп} = 455$, $p > 0,05$). Студенты обеих групп продемонстрировали похожие результаты, что свидетельствует об отсутствии существенных различий в данных компонентах психологического благополучия.

Полученные результаты исследования различий удовлетворённостью жизнью у студентов при помощи критерия Манна–Уитни по методике Э. Динера представлены в таблице 5.

Таблица 5. Результаты статистического анализа различий удовлетворенности жизнью у студентов СевГУ и КГУ по методике Э. Динера (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина)

Диагностический показатель	Значение критерия	Зона значимости / незначимость	Результат
Удовлетворенность жизнью	$U_{Эмп} = 440.5$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены

Критические значения:

$p \leq 0,05$: $U \leq 340$;

$p \leq 0,01$: $U \leq 298$.

Таким образом, проведенный статистический анализ с использованием критерия Манна–Уитни ($U_{Эмп} = 440.5$, $p > 0,05$) показал, что значимых различий в уровне удовлетворённости жизнью между студентами 1 и 2 группы не выявлено. Это позволяет говорить о том, что обе группы студентов демонстрируют схожие показатели удовлетворённости жизнью.

Далее был проведен статистический анализ различий в оценке трудности и неопределенности ситуаций по методике Н.Е. Водопьяновой среди студентов СевГУ и КГУ. Результаты представлены в таблице 6.

Таблица 6. Результаты статистического анализа различий у студентов СевГУ и КГУ по методике Н.Е. Водопьяновой

Диагностический показатель	Значение критерия	Зона значимости/ незначимости	Результат
Степень угрозы	$U_{Эмп} = 458.5$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Степень утраты/потери	$U_{Эмп} = 391.5$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Степень вызова или несправедливости	$U_{Эмп} = 512$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Возможность контроля	$U_{Эмп} = 314$	$p \leq 0,05$	Выявлены статистически значимые различия между группами
Сложность понимания и управления ситуацией	$U_{Эмп} = 362$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Автономность ситуации	$U_{Эмп} = 376$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены
Повторяемость ситуации	$U_{Эмп} = 287.5$	$p \leq 0,01$	Выявлены статистически значимые различия между группами
Осведомленность	$U_{Эмп} = 198$	$p \leq 0,01$	Выявлены статистически значимые различия между группами
Средняя оценка ОТС	$U_{Эмп} = 480.5$	$p > 0,05$	Статистически значимые различия между группами не выявлены

Критические значения:

$p \leq 0,05$: $U \leq 340$;

$p \leq 0,01$: $U \leq 298$.

Таким образом, полученные результаты статистического анализа оценки трудности и неопределенности ситуаций среди студентов 1 и 2 группы свидетельствуют о следующем:

Выявленные статистически значимые различия ($U_{Эмп} = 314$, $p \leq 0,05$) по показателю возможности контроля. Это свидетельствует о том, что студенты обеих групп показали различный уровень восприятия своей способности оказывать влияние на окружающую среду и управлять развитием событий. Значимые различия были обнаружены по показателю повторяемости ситуации ($U_{Эмп} = 287,5$, $p \leq 0,01$). Данные различия между студентами свидетельствуют о том, насколько они по-разному воспринимают повседневные события и оценивают их частоту и типичность в своей жизни. Кроме того, выявлены значимые различия по показателю осведомленность ($U_{Эмп} = 198$, $p \leq 0,01$), что позволяет говорить о существенных различиях среди студентов в уровне информированности о ситуации и понимании её причин, условий.

В зоне незначимости оказались такие показатели, как: степень угрозы ($U_{Эмп} = 458,5$, $p > 0,05$), степень утраты/потери ($U_{Эмп} = 391,5$, $p > 0,05$), степень вызова или несправедливости ($U_{Эмп} = 512$, $p > 0,05$), сложность понимания и управления ситуацией ($U_{Эмп} = 362$, $p > 0,05$), автономность ситуации ($U_{Эмп} = 376$, $p > 0,05$), средняя оценка ОТНС ($U_{Эмп} = 480,5$, $p > 0,05$). Для студентов обеих групп по данным показателям статистические различия не выявлены.

Проведённый статистический анализ показал, что студенты 1 и 2 группы имеют как общие черты, так и отдельные различия в исследуемым показателям. Обнаружены различия в компонентах психологического благополучия: автономия, личностный рост, самопринятие и общий уровень психологического благополучия. Однако по таким аспектам, как позитивные отношения с другими, управление средой и цели в жизни различий не выявлено. Значимых различий в удовлетворённости жизнью между группами студентов также не выявлено, что говорит о примерно одинаковом уровне удовлетворенностью своей жизни. Исследование оценки трудности и неопределенности ситуаций показал, что существенные различия проявляются в когнитивно-регулятивных аспектах, таких как возможность контроля, повторяемость ситуации и осведомлённость. В эмоционально-оценочных аспектах (степень угрозы, степень утраты/потери, степень вызова или несправедливости, сложность понимания и управления ситуацией, автономность ситуации, средняя оценка ОТНС), существенных различий между студентами обеих групп не выявлено.

Таким образом, результаты анализа подчеркивает важность учета индивидуально-психологических особенностей и условий образовательной среды для повышения уровня психологического благополучия студентов.

Заключение. Психологическое благополучие участников образовательного процесса приобретает особую значимость в условиях социальной напряженности, когда внешние факторы усиливают внутреннее напряжение, тревожность и психологическую нестабильность. Результаты данного исследования подчеркивают необходимость системного подхода к формированию психологического благополучия у участников образовательного процесса. Особое внимание должно уделяться созданию поддерживающей среды и внедрению программ профилактики, особенно в группах риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батури́н Н.А. Теоретическая модель личностного благополучия / Н.А. Батури́н, С.А. Башкатов, Н.В. Гафарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2023. — Т. 6, №4. — С. 4–13.

2. Борисов Г.И. Подходы к изучению психологического благополучия / Г.И. Борисов // Психология образования: современный вектор развития: монография. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 790 с.
3. Карапетян Л.В. Исследование благополучия в отечественной психологии / Л.В. Карапетян // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. — 2017. — №2 (40). — С. 132–137.
4. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворенностью жизнью / Л.В. Куликов // Общество и политика / Ред. В.Ю. Большаков. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. — С. 476–510.
5. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека / Н.Д. Левитов. — М. : Просвещение, 1964. — 184 с.
6. Минеев Ю.В. Факторы, влияющие на психологическое состояние в экстремальных ситуациях / Ю.В. Минеев // Научный дайджест Восточно-Сибирского Института МВД России. — 2020. — № 4 (7). — С. 162–168.
7. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения / Т.А. Немчин. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. — 256 с.
8. Садовская А.А. Теории благополучия и их отражение в современных философских концепциях / А.А. Садовская // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2019. — № 2(33). — С. 87–95.
9. Фесенко П.П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: дис. ... канд. психол. наук / П.П. Фесенко. — М., 2005. — 142 с.
10. Шевеленкова Т.Д. Психологическое благополучие личности / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика. — 2005. — № 3. — С. 120–124.
11. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn. — Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. — 320 p.
12. Hurka T., Against «Good For» / «Well-being», for «Simply Good» / T. Hurka // Philosophical Quarterly. — 2021. — №71. — P. 803–22.
13. Ryff C.D. The contours of positive human health / C.D. Ryff, B. Singer // Psychological Inquiry. — 1998. — Vol. 9. — PP. 1–28.
14. Seligman M.E.P. Authentic happiness: using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment / M.E.P. Seligman. — New York: Free Press, 2002. — PP. 241–258.

REFERENCES

1. Baturin N.A., Bashkatov S.A., Gafarova N.V. (2013). Theoretical model of personal well-being. Bulletin of the South Ural State University 6 (4), 4–13. (In Russian)
2. Borisov G.I. (2020). Approaches to the study of psychological well-being. Psychology of education: a modern vector of development: monograph. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. (In Russian)
3. Karapetyan L.V. (2017). The study of well-being in Russian psychology. Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. 2 (40), 132–137. (In Russian)
4. Kulikov L.V. (2000) Determinants of life satisfaction. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Russian)
5. Levitov N.D. (1964). About mental states of a person. Moscow: Prosveshchenie Publishing House (In Russian)
6. Mineev Yu.V. (2020). Factors influencing the psychological state in extreme situations. Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 4 (7), 162–168. (In Russian)
7. Nemchin T.A. (1983). States of neuropsychiatric tension. Leningrad: Publishing House of Leningrad University (In Russian)
8. Sadovskaya A.A. (2019). Theories of well-being and their reflection in modern philosophical concepts. Vectors of well-being: economy and society. No. 2 (33). 87–95. (In Russian)
9. Fesenko P.P. (2005). The meaningfulness of life and the psychological well-being of the individual: dissertation. Moscow. (In Russian)
10. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. (2005). Psychological well-being of the individual. Psychological Diagnostics, (3). 120–124. (In Russian)
11. Bradburn N. (1969). The Structure of Psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co. 320 p. (In English)
12. Hurka T. (2021). Against «Good For»/«Well-being», for «Simply Good» Philosophical Quarterly. 71: 803–22. (In English)
13. Reiff K.D., Singer B. (1998). Contours of positive human health. Psychological research. (9), 1–28. (In English)
14. Seligman, M.E.P. (2002). Genuine Happiness: Using new positive psychology to realize your potential and achieve long-term self-fulfillment. (pp. 241–258) .New York: Free Press. (In English)

Поступила в редакцию 13.01.2026 г.

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PARTICIPANTS IN EDUCATIONAL PROCESS IN
CONDITIONS OF OF SOCIAL TENSION (ON EXAMPLE OF SEVSU AND KSU STUDENTS)

I.V. Sultanova, K.G. Yakubovskaya, A.I. Girenko

The article deals with the results of the empirical study of psychological well-being of SevSU and KSU students. The results showed that SevSU students demonstrate a higher level of psychological well-being. This is due to such aspects as autonomy, personal growth, self-acceptance, and the perception of the situation as more controlled. KSU students are successful in building trusting relationships with others. At the same time, there were no significant differences in the level of life satisfaction between the groups. Such indicators as the degree of threat, loss, challenge and autonomy of situations turned out to be insignificant, which indicates their similarity for both groups.

Key words: psychological well-being, participants in educational process, social tension, psychology students, special military operation.

Султанова Ирина Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Севастопольский государственный университет,
Российская Федерация, г. Севастополь.
Заведующий кафедрой «Психология».
ORCID 0000-0002-8306-4290.
E-mail: IVSultanova@sevsu.ru.

Якубовская Ксения Георгиевна.

Севастопольский государственный университет,
Российская Федерация, г. Севастополь.
Преподаватель кафедры «Психология».
ORCID 0009-0001-9699-6169.
E-mail: kgyakubovskaya@sevsu.ru.

Гиренко Александра Игоревна.

Севастопольский государственный университет,
Российская Федерация, г. Севастополь.
Преподаватель кафедры «Психология».
ORCID 0009-0005-3132-888X.
E-mail: AIBarybina@sevsu.ru.

Sultanova Irina Viktorovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Sevastopol State University,
Russian Federation, Sevastopol.
Head of Psychology Department.
ORCID 0000-0002-8306-4290.
E-mail: IVSultanova@sevsu.ru.

Yakubovskaya Ksenia Georgievna.

Sevastopol State University,
Russian Federation, Sevastopol.
Lecturer of Psychology Department.
ORCID 0009-0001-9699-6169.
E-mail: kgyakubovskaya@sevsu.ru.

Girenko Alexandra Igorevna.

Sevastopol State University,
Russian Federation, Sevastopol.
Lecturer of Psychology Department.
ORCID 0009-0005-3132-888X.
E-mail: AIBarybina@sevsu.ru.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 81-2

DOI: 10.5281/zenodo.18825838

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ТЕКСТА
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: О.Г. ЧУПРЫНЫ: ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ТЕКСТ. —
М.: ФЛИНТА, 2021. — 104 С.)**

© 2026 Т.Н. Федуленкова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
ORCID 0000-0002-5039-5827

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Книга содержит интересный теоретический материал, отражающий современные научные взгляды на проблемы взаимодействия языка, культуры и текста. Актуальность данной книги заключается в животрепещущих вопросах взаимосвязи языка, культуры и текста, а именно: а) концепты языка и концепты культуры, б) идентичность в пространстве языка и культуры, в) имя собственное в языке, культуре и тексте, г) политическая корректность и эвфемизмы. Изучая интертекстуальность, автор обращает внимание читателя на существование двух подходов к этому явлению: широкого подхода – выявление тождества частей интертекста в структурном и жанровом плане и узкого подхода – выявление материального подобия частей интертекста, включение в основной текст других текстов или их фрагментов. Автор дает краткую характеристику таким новым проявлениям текста, как гипертекст, твиты, посты и пр. Инновационность издания состоит в фокусировке внимания автора на трактовке культуры как семиотического явления, на понимании естественного языка как одного из языков культуры, на выявлении основных компонентов семантики текста, на дифференциации значений и смыслов, на моделировании ключевых концептов, обеспечивающих релевантность понимания собственной и иной культуры.

Ключевые слова: язык, культура, текст, интертекст, гипертекст, твиты, культура как семиотическое явление, моделирование ключевых концептов.

Для цитирования: Федуленкова Т.Н. Взаимодействие языка, культуры и текста (рецензия на книгу: О.Г. Чупрыны: Язык. Культура. Текст. — М.: ФЛИНТА, 2021. — 104 с.) / Т.Н. Федуленкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 6. — С. 246–250. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18825838>.

Книга профессора Ольги Геннадьевны Чупрыны является весьма своевременным изданием, в котором рассматриваются наиболее актуальные вопросы взаимосвязи языка, культуры и текста, такие как (а) концепты языка и концепты культуры, (б) идентичность в пространстве языка и культуры, (в) имя собственное в языке, культуре и тексте, (г) политическая корректность и эвфемизмы.

Вопросы культуры и социального бытия человека вызывают особый интерес современных гуманитарных наук, который, как напоминает автор, отмечался почти сто лет тому назад в названии одного из факультетов ЛГУ — факультет языкознания и материальной культуры.

Важнейшими признаками культуры автор считает: а) степень ее свободы или регламентированности, б) относительную замкнутость национально-культурной территории или, напротив, ее открытость разным инокультурным влияниям. При этом подчеркивается неотделимость человека от культуры, мысль о культуре как устройстве, вырабатывающем информацию, о специализации культур в процессе их сближения.

Рассматривая проблему соотношения языка и культуры О.Г. Чупрына, выявляет два основных подхода к их изучению: (1) семиотический, когда язык и культура понимаются как способ познания и структурирования знаний о внешнем мире, и (2) лингвострановедческий, когда проблема взаимоотношения языка и культуры фокусируется в области лингвострановедения и коммуникации.

Отмечая справедливость и содержательность тезиса Е.М. Верещагина о культуре как совокупности материальных и духовных ценностей общества, О.Г. Чупрына расширяет представление о культуре, избавляя его от потенциальной противоречивости, и подчеркивает не только историческую изменчивость, но и конвенциональность понятия «ценность», которое, по утверждению автора, лишено абсолютной истинности даже в рамках одной и той же культурной традиции.

Автор детализирует такие понятия, нередко фигурирующие вместе с термином *культура*, как *субкультура*, *«двумирность» культуры*, проводит четкую дифференциацию понятий *официальная культура* и *народная культура*.

Вполне очевидно, что О.Г. Чупрына различает культуру, ориентированную на мифологическое сознание, и культуру, ориентированную на немифологическое сознание. В мире мифологического сознания существует отождествление названия и называемого; в мире немифологического сознания называемое и название соединены неким метаязыком. В мифологическом мире *познание есть суть номинация*, как утверждает О.Г. Чупрына, и в качестве пояснения или иллюстрации автор приводит табуирование имен нарицательных, например, названий болезней: произнесение названия болезни вслух может осмысляться именно как ее призывание, ввиду отождествления названия с самой болезнью в мифологическом сознании.

Выясняя содержание понятия *текст*, О.Г. Чупрына приходит к мысли, что в общесемиотическом плане текстом называют любую организованную совокупность знаков, которая разворачивается во времени и пространстве. При этом автор отмечает, что в таком качестве не всякое высказывание (устное или письменное) является текстом, но лишь то, которое содержит значения и смыслы и передает их лицу, принимающему или изучающему данное высказывание. Тексты не сводятся к записанному высказыванию в книге, газете или журнале. С семиотической точки зрения, танец, обряд, кинофильмы, телевизионные шоу, песни и т.п. – все это представляет собой текст, поскольку помимо значения, как бы лежащего на поверхности, в каждом из них присутствуют более глубокие смыслы. Свою мысль автор иллюстрирует сказкой «Маша и три медведя», рассказывающей, с одной стороны, о приключениях маленькой девочки, заблудившейся в лесу, а с другой стороны, при более пристальном прочтении обнаруживающей более глубокие смыслы: право на неприкосновенность частной жизни и частной собственности, беспечность, неосторожность, инстинкт самосохранения и т. д.

Развитие новых технологий, которое в последние годы привело к расцвету социальных сетей, оказало существенное влияние на расширение понимания текста, что подтверждается следующими характеристиками: (а) тексты, создаваемые в рамках социальных сетей, могут содержать особые символы – эмодзи (emoticon) и эмодзи (emoji); (б) текст, его форма изменчивы и следуют за изменениями в технологиях создания текста, которые более очевидны в каналах масс-медиа; (в) тексты становятся

многомодальными и интерактивными; (г) интертекстуальность приобретает более гибкие и спонтанные формы.

Понятием и термином *интертекстуальность*, впервые упомянутым Ю. Кристевой в 2000 г., в настоящее время оперируют в различных областях гуманитарного знания. Изучая это новшество, О.Г. Чупрына обращает внимание читателя на существование двух подходов к явлению интертекстуальности (а) широкого подхода, а именно — выявление тождества частей интертекста в структурном и жанровом плане и (б) узкого подхода — выявление материального подобия частей интертекста (включение в основной текст других текстов или их фрагментов).

Автор дает краткую характеристику таким новым проявлениям текста, как гипертекст, твиты, посты и пр.

Заслуживает внимание авторская трактовка *критического анализа*, целью которого является понимание взаимодействия элементов текста в создании определенного воздействия на того, кто воспринимает текст, и выявление его смысла. Критическому анализу могут быть подвергнуты любые тексты, начиная от текста художественного произведения до текстов рекламных объявлений. Пролывая новый свет на понимание термина, О.Г. Чупрына пишет, что «критический» не означает, что задачей данного анализа является выявление недостатков текста и конкретизирует значение этого термина применительно к научному изучению текста, в котором исследователь:

а) подвергает сомнению свои собственные притязания и притязания других исследователей на знание в данной области, а также подвергает сомнению те средства, с помощью которых данные притязания были созданы;

б) всегда уважает других людей, оспаривает ценность работы других людей, но не оспаривает ценности их авторов как людей;

в) не испытывает предубеждения, внимательно анализирует текст, чтобы развеять свои сомнения или убедиться в их правомочности.

Культурные концепты определяются автором как ведущие знаковые представления о внешнем мире и человеке в нем, включая его внутренний мир, или их совокупность, актуальные для определенного культурного типа или культурной традиции. Поддерживая мысль Ю.С. Степанова, автор пишет, культурные концепты — это устойчивые понятия, существующие в самой культуре или культурном типе, а отнюдь не понятия, существующие в головах отдельных групп людей. Универсальными могут быть сами понятия «свой—чужой», «зло—добро», при этом соответствующие концепты строятся на совокупности различных представлений и результатов различного опыта.

Человек живет в контексте культуры или в переплетении разных языков, которые воплощают и передают в преобразованном виде информацию о внешнем мире. Культура как совокупность языков создана человеком. Он создал её, и она стала для него объектом познания наряду с познанием мироздания. Познание культуры связано с особым метаязыком культуры или языком ее описания. Ключевыми терминами данного языка становятся такие термины, как *время, пространство, истина, долг, судьба, зло, добро* и т. д. или концепты, т.е. понятия культуры. Эти понятия зафиксированы в любом или почти любом языке и актуальны для любого или почти любого человека.

Как ментальная сущность концепт не имеет четко обозначенных границ, заданного объема содержания или предписываемых форм бытования. В силу этого концептный анализ направлен на моделирование концепта на основе всех форм речевой и иной знаковой деятельности человека путем установления смыслов, возникающих при функционировании слова в узком и широком языковом и лингвокультурном контекстах.

Автор выявляет два обстоятельства, которые являются важными для понимания культурной идентичности. Первое заключается в том, что народы и нации культурно неоднородны, второе состоит в том, что культуры не статичны, но постоянно меняются. Внутри одной культурной традиции неизбежно существуют разные культурные парадигмы, конституирующими признаками которых становятся способ взаимодействия с внешним миром, образцы поведения, включая обычаи и стереотипы, той или иной группы людей, открытость/ закрытость по отношению к другим группам, традиционность/ современность членов данной группы и т.д. Моменты активного противостояния другим/ чужим усиливают и активизируют представления о себе самих и собственной культуре, проявлением чего нередко являются музыкальные произведения. Они служат заметной составляющей культурной идентичности. Песни, созданные во время Великой Отечественной войны («Вставай, страна огромная!», «В землянке»), не только поднимали боевой дух, но усиливали национальное и культурное самосознание.

На конкретных примерах музыкальной и песенной культуры России и Великобритании О.Г. Чупрына убеждает читателя, что в периоды войн и революционных потрясений всегда рождаются песни, которые служат мощным откликом на происходящие события и по силе воздействия зачастую равны самой тонкой пропаганде, направленной, в конечном счете, на сохранение национальной и культурной идентичности и всемерное её усиление (с. 42–43). Музыкальные программы создавали ощущение эгалитаризма, общности и соучастия, столь важные для людей на войне. Для многих слушать популярную музыку было значимым культурным опытом.

В целом книга содержит интересный теоретический материал, отражающий современные научные взгляды на проблемы взаимодействия языка, культуры и текста. Инновационность издания состоит в фокусировке внимания автора (а) на трактовке культуры как семиотического явления, (б) на понимании естественного языка как одного из языков культуры, (в) на выявлении основных компонентов семантики текста, (г) на дифференциации значений и смыслов, (д) на моделировании ключевых концептов, обеспечивающих релевантность понимания собственной и иной культуры.

В книге читатель найдет несколько рядов — по количеству разделов — практических заданий, направленных на совершенствование умений представлять собственные идеи в дифференциации концептов языка и концептов культуры, в определении роли истории, стереотипов, символов, художественных, музыкальных и литературных произведений в формировании культурной идентичности. Данное учебное пособие может с успехом применяться как лингвистами, так и специалистами по культурологии.

Поступила в редакцию 16.01.2026 г.

INTERACTION OF LANGUAGE, CULTURE, AND TEXT
(review of the book: O.G. Chupryna: *Language. Culture. Text.* –
Moscow: FLINTA, 2021. — 104 p.)

T.N. Fedulenkova

The book contains interesting theoretical material reflecting modern scientific views on the problems of interaction of language, culture, and text. The relevance of this book lies in the burning issues of the relationship between language, culture, and text, namely: a) concepts of language and concepts of culture, b) identity in the space of language and culture, c) proper name in language, culture and text, d) political correctness and euphemisms. Studying intertextuality, the author draws the reader's attention to the existence of two approaches to this phenomenon: a broad approach is to reveal the identity of parts of an intertext in terms of structure and genre, while a narrow approach is to identify the material similarity of parts of an intertext and include other texts or their fragments in the main text. The author provides a brief description of such new manifestations of text as

hypertext, tweets, posts, etc. The novelty of the publication lies in the author's focus on interpreting culture as a semiotic phenomenon, understanding natural language as one of the languages of culture, identifying the main components of text semantics, differentiating between meanings and interpretations, and modeling key concepts that ensure the relevance of understanding one's own and other cultures.

Keywords: language, culture, text, intertext, hypertext, tweets, culture as a semiotic phenomenon, key concepts modeling.

Федуленкова Татьяна Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская
Федерация, г. Владимир.

Профессор кафедры иностранных языков
профессиональной коммуникации.

ORCID 0000-0002-5039-5827.

E-mail: fedulenkova@list.ru

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Vladimir State University named after A.G. and
N.G. Stoletovs,

Russian Federation, Vladimir.

Professor at Department of Foreign Languages of
Professional Communication.

ORCID 0000-0002-5039-5827.

E-mail: fedulenkova@list.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T. A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ к ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине.

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине).

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**. слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*.

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир».

8. Цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...». при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...""...».

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-). различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик. первый знак пунктуационный, второй орфографический.

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26.

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // в грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...).

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. к портрету Каверина).

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи — с. 212, с. 212–218. в библиографическом описании — С. 212–218.

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с..

г. в сочетаниях и т. д., и т. п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез,

сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 202X. — № X. — С. XX-XX. — <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ и СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списанием литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т. д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т. п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

28. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1965. — № 2. — С. 59-68.
29. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
30. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. — Волгоград : ВГСХА, 2005. — Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. — С. 10–17.
31. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. — Воронеж, 2019. — 324 с.
32. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. — Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
33. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. — Барнаул, 2005. — 18 с.
34. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 1 (43). — С. 20-31. — <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
35. Теркулов В.И. Парадигматика сложнокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. № 1. — С. 79–96. — <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

36. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копьё: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
37. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
3. Blasco Ferrer, E. (1993). *Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica?* [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).
4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. Journal of French Language Studies, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). Ornitonimiia Russkogo Severa [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. Romance Philology, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. Voprosy yazykoznanii, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись:
Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру),
  - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по левому краю, без абзаца),
  - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание *Key words*: — полужирный курсив) — выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T. A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– в конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации — места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2026. — № 1

На русском и английском языках

Технический редактор: Д. И. Борозенец